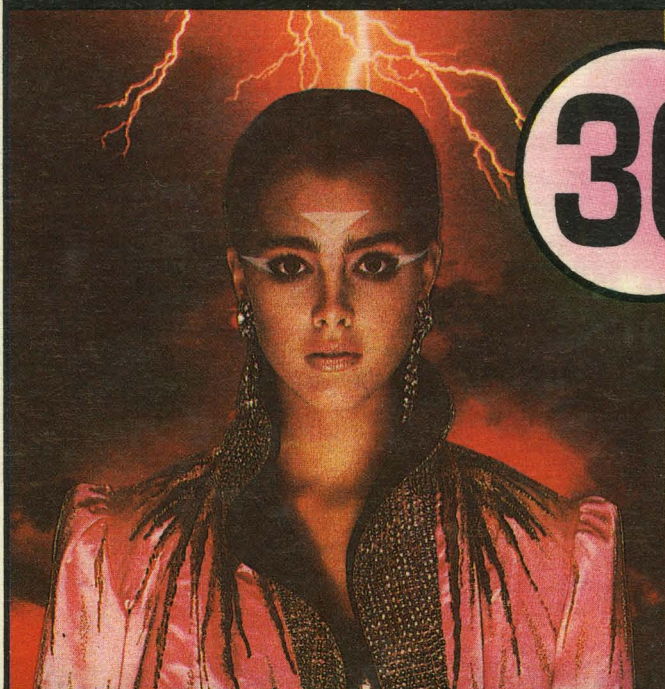

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

30

М Е Ч И М А Р С А
ИСКУСТВЕННЫЕ ЛЮДИ МАРСА

ЭДГАР БЁРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

М Е Ч И М А Р С А
ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ МАРСА

ТАЛЛИНН
«ПРИНТЭСТ»
1993

ББК 84.7 США
Б 51
УДК 820(73)-31

Перевод с английского В. Ю. Каротам

Оформление серии Хейки Лоомана

Издание подготовлено при участии
АО «ВАЛЕВ»

Берроуз Э. Р.

Б 51 Владыка Марса: Мечи Марса. Искусственные
люди Марса: Повести/Пер. с англ. В. Ю. Каротам;
Худож. Хейки Лооман.— Таллинн: «Принтэст»,
1993.— 319 с.

ISBN 5-7985-00373

В этот том серии вошли две повести, продолжающие рассказ
о приключениях Владыки Марса Джона Картера.

4703040100

Б _____

ББК 84.7 США

ISBN 5-7985-00373

© Перевод В. Ю. Каротам, 1993
© Оформление. Хейки Лооман, 1993

МЕЧИ МАРСА

ПРОЛОГ

Луна поднялась над краем каньона вблизи истока Колорадо в горах Аризоны. В ее мягком свете купались ряды ив на берегу небольшого горного ручья и смоковницы, под которыми стояла крошечная хижина, где я жил уже несколько недель.

Я стоял на пороге хижины, наслаждаясь мягкой красотой аризонской ночи. Все вокруг было мирным и безмятежным, и мне казалось невозможным, что всего несколько лет тому назад яростный и ужасный Джеронимо стоял на этом же самом месте у этой хижины или что поколением раньше этот почти пустынный район населяла не существующая более раса.

В разрушенных городах я искал секрет ее происхождения. Как бы я хотел, чтобы эти остывающие утесы лавы могли заговорить и рассказать мне все, чему они были свидетелями с тех пор, как вынырнули из моря расплавленной лавы и превратились в холодные молчаливые конусы, усеивающие всю равнину вокруг каньона.

Мои мысли вернулись к Джеронимо и его воинам-апачам. Затем я вспомнил о капитане Джоне Картере из Виргинии, чье мертвое тело уже более десяти лет лежало в забытой пещере к югу отсюда, в пещере, где он пытался найти убежище от преследовавших его индейцев.

Мои глаза, следуя за мыслями, шарили по небу, пока не остановились на красном Марсе, четко выделявшемся на черно-синем небосводе. Марс долго занимал мои мысли, даже тогда, когда я вернулся в хижину и готовился ко сну под шелест смоковницы, чье мягкое и успокаивающее шуршание смешивалось с журчанием воды Колорадо.

Мне не хотелось спать. Раздевшись, я придвинул к изголовью постели керосиновую лампу и решил наслаждаться детективным романом с убийством и похищениями.

Моя хижина состояла из двух комнат. Меньшая из них была моей спальней, а большая, передняя комната,

служила и столовой, и кухней, и гостиной. Со своей постели я не мог видеть, что в ней происходит.

Спальню от гостиной отделяла лишь тонкая перегородка. Она была сделана из грубо отесанных досок, между которыми виднелись большие щели. Дверь из одной комнаты в другую редко закрывалась, поэтому я мог слышать все, что происходит в гостиной.

Не знаю, более ли я восприимчив к внушению, чем средний человек, но следует признать, что убийства, чудеса и детективные романы кажутся мне более яркими, когда я читаю их ночью и в одиночестве. Я как раз дочитал до того места в романе, где убийца подкрался к своей жертве, когда услышал, что входная дверь в мою хижину открылась и снова закрылась; раздался отчетливый звон металла. Насколько я знал, никто, кроме меня, не останавливался в верховьях Колорадо, и уж определенно никто не имел права входить в мою хижину не постучавшись. Я сел и сунул руку под подушку, где лежал кольт.

Керосиновая лампа слабо освещала мою постель, немного более яркий свет падал на изголовье. Гостиная была во тьме, и я ничего не мог разглядеть, наклонившись с кровати и заглядывая в дверь.

— Кто там? — спросил я.

Я снял предохранитель и опустил ноги на пол, потом, не дождавшись ответа, задул лампу.

Низкий смех послышался из соседней комнаты.

— Отличная штука эта ваша стена со щелями, — сказал глубокий голос, — иначе бы я нарвался на неприятности. До того, как вы задули лампу, я успел разглядеть ваш внушительный пистолет.

Голос был мне знаком, но я никак не мог вспомнить, чей он.

— Кто вы? — спросил я.

— Зажгите лампу, и я войду, — ответил на это мой ночной гость. — Если вы боитесь, держите дверь под прицелом, но, пожалуйста, не нажимайте на курок, пока не узнаете меня.

— Черт возьми! — воскликнул я, пытаюсь зажечь лампу.

— Стекло еще горячее? — спросил глубокий голос из передней комнаты.

— Очень, — ответил я, ухитрившись наконец зажечь фитиль и надеть стекло. — Входите!

Я остался сидеть на краю постели, но держал-таки дверь под прицелом своего пистолета.

Снова послышалось звяканье металла о металл, а затем в круг света от моей лампы вступил мужчина и остановился у входа. Это был высокий человек в возрасте между тридцатью и тридцатью пятью годами, с серыми глазами и черными волосами. Он был обнажен, если не считать кожаных ремней, поддерживающих оружие неземного образца — короткий и длинный мечи, кинжал и пистолет. Но глаза мои сразу узнали его. Отбросив в сторону пистолет, я вскочил на ноги.

— Джон Картер! — воскликнул я.

— И никто иной, — ответил он со своей неизменной улыбкой.

Мы пожали друг другу руки.

— Вы не очень изменились, — сказал он.

— А вы совсем не изменились, — ответил я.

Он вздохнул и снова улыбнулся.

— Один бог знает, сколько мне лет. Я не могу вспомнить детства, не могу припомнить, чтобы я выглядел иначе, чем выгляжу сейчас. Но мой друг, — добавил он, — вы не должны стоять босиком. Забирайтесь обратно в постель, ведь аризонские ночи не очень теплые.

Он подвинул стул и сел.

— Что вы читаете? — спросил он и поднял книгу, упавшую на пол. Просмотрев рисунки, он заметил: — Похоже на рассказ о преступниках.

— Небольшой роман для чтения в постели об убийствах и похищениях, — объяснил я ему.

Он удивился.

— Разве их не хватает у вас в жизни?

— Это проявление нормального интереса к ужасному, — сказал я. — Может быть, это и глупо, но я люблю такие рассказы. Однако сейчас я утратил к ним интерес. Я хочу услышать о Дее Торис и Карторисе, и о том, что привело вас сюда. Вы уже много лет не были на Земле. Я оставил всякую надежду увидеть вас вновь.

Он покачал головой, как мне показалось, немного печально.

— Это долгая история любви и верности, ненависти и преступления, скрещенных мечей, необычных мест и необычных людей в чуждом мире. Она может довести слабого человека до безумия. Ведь это ужасно: знать,

что твоя любимая похищена, и не представлять, где она и что с ней!

Я не спрашивал, кого он имел в виду.

Это могла быть только незабываемая Дея Торис, принцесса Гелиума и супруга Джона Картера, Владыки Марса, женщина, за чью бессмертную красоту много лет тысячи мечей проливали горячую кровь на умирающей планете.

Долгое время Джон Картер сидел в молчании, глядя в пол. Я знал, что его мысли далеко, и не осмеливался прерывать его. Наконец он заговорил.

— Человеческая натура везде одинакова,— сказал он.— Он приподнял книгу, лежавшую на постели.— Нам хочется забыть трагедии жизни, но они не забываются. И если они проходят и оставляют нас, мы снова возвращаемся к ним в воспоминаниях. Как вы находите удовольствие в чтении романов о преследованиях, так и я нахожу бурную радость в мыслях о них. Но мои воспоминания об этой трагедии не сплошь печальны. Это захватывающее приключение, в нем есть благородная борьба, а в конце было... Возможно, вы хотите услышать подробности?

Я, конечно, с радостью согласился, и он рассказал мне эту историю, а я передаю ее вам так, как сумел запомнить.

ГЛАВА I

РАПАС УЛЬСИО

В девятистах милях к востоку от Большого и Малого Гелиума, примерно на тридцатом градусе восточной долготы и сто семьдесят втором градусе южной широты лежит Зоданг. Он был рассадником мятежей до тех пор, пока я не привел яростные орды зеленых тарков на этот город и, захватив его, не присоединил к территориям, контролируемым Гелиумом.

В самом Зоданге осталось много людей, не желавших подчиняться Гелиуму, а к ним примкнули недовольные джеддаком Гелиума, Тардосом Морсом. В Зоданг переселились немногие личные и политические враги дома Тардоса Марса и его зятя, Джона Картера, принца Гелиума.

Я посещал этот город так редко, как только возможно, поскольку не любил ни город, ни его жителей, но мои обязанности время от времени заставляли меня бывать там. Главной причиной тому была находившаяся в Зоданге штаб-квартира одной из наиболее мощных Гильдий Убийц Марса.

Моя родина известна своими гангстерами, убийцами и похитителями, но по сравнению с высокоэффективной организацией, которая процветает на Марсе, они представляют собой слабую угрозу. Здесь убийство — профессия, похищение — искусство. И каждый вид преступления имеет свою Гильдию, свои законы, обычаи, свой кодекс этики. И их отделения так распространены на Марсе, что кажутся неотъемлемой частью социальной и политической жизни планеты.

Годами пытался я искоренить эту пагубную систему, но это оказалось неблагодарным и безнадежным занятием. Окопавшись за древними бастionsами обычаев и традиций, эти Гильдии занимали в обществе значительное место, овеванное к тому же ореолом романтики.

К похитителям здесь относились немного по-другому,

а вот среди наиболее известных убийц были люди, которые пользовались популярностью не меньшей, чем ваши звезды ринга и бейсбола.

Более того, в войне, которую я вел против них, я был одинок, так как даже те красные люди Марса, которые разделяли мои чувства, знали, что принять мою сторону в этой борьбе — значит пойти на верное самоубийство. Хотя, я думаю, в конечном итоге и это не остановило бы их, если бы была хоть какая-то надежда на успех. То, что я так долго избегал кинжала какого-нибудь убийцы, казалось им чудом, но это объяснялось лишь моей способностью самому позаботиться о своей безопасности.

Дея Торис и Карторис, мой сын, часто советовали мне отказаться от борьбы, но я не привык никогда и ни от кого терпеть поражения, к тому же мою кровь всегда горячила возможность предстоящей схватки.

Определенные виды убийства на Марсе караются смертью, и большинство убийств, совершаемых членами Гильдии, подпадали под этот закон. Это было единственное оружие, которое я мог использовать против убийц и то не всегда успешно. Трудно было доказать их вину, так как свидетели боялись мести. Но постепенно я нашел другое средство борьбы с ними. Это была секретная организация суперубийц. Другими словами, я боролся с дьяволом его же оружием.

Когда становилось известно об очередном убийстве, моя организация вела расследование и находила убийцу. Затем она выступала в роли судьи, а часто — и исполнителя приговора. Все ее действия держались в секрете, но над сердцем каждой жертвы каждого убийцы, которого карала наша организация, острым концом кинжала был вырезан знак «Х». Вскоре все поняли, что этот знак — знак справедливого и быстрого возмездия. Стало известно, что во многих больших городах Гелиума значительно сократилось количество убийств. Тем не менее мы были так же далеки от цели, как и вначале.

Хуже всего обстояли наши дела в Зоданге, и убийцы этого города открыто похвалялись, что слишком хитры для меня. Они все же догадались о существовании организации, возглавляемой мной. Поняли они и значение нашего знака «Х» на груди их мертвых сотоварищей.

Надеюсь, я не наскучил вам изложением этих сухих фактов, но они кажутся мне необходимым вступлением

к расскажу о приключениях, выпавших на мою долю. Попытка помешать зловещим силам, вторгшимся в мою жизнь, привела меня в странный и загадочный мир.

В своей борьбе против убийц Барсума я никогда не мог найти достаточно агентов для работы в Зоданге. Те, которые находились там, работали вполсилы, поэтому у врагов были причины говорить о наших неудачах. Сказать, что такое положение раздражало меня, значит ничего не сказать, поэтому я решил лично отправиться в Зоданг не просто на разведку, но и преподнести убийцам Зоданга урок, который отучил бы их смеяться.

Я отправился инкогнито, так как знал: если появлюсь там как Джон Картер, то не узнаю ничего. Загримироваться было несложно, ведь только белая кожа и черные волосы отличают меня от людей Марса, где лишь рыже-волосые жители Лотара и совершенно лысые терны имеют такой же, как у меня, цвет кожи.

Хотя я абсолютно доверял своим сторонникам, все же вероятность проникновения шпиона даже в мою тщательно законспирированную организацию существовала. По этой причине я держал планы и приготовления в тайне даже от своей свиты.

В ангаре на крыше моего дворца стояли воздушные корабли различных конструкций, я выбрал одноместный разведочный корабль, с которого, конечно, убрал свой герб. Найдя предлог, однажды вечером я отослал охранника ангара и пронес на борт корабля все необходимое для предстоящей тайной поездки. Кроме краски для своей кожи и краски для корпуса воздушного аппарата, я принес полный комплект доспехов зодангских воинов, а также украшения и оружие.

Вечер я провел наедине с Деей Торис и в полночь, облачившись в простую одежду без гербов, приготовился к путешествию.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, мой принц! У меня предчувствие, что мы оба пожалеем об этом.

— Убийцы должны получить урок, — ответил я, — иначе жизнь на Барсуме не будет безопасной. Они бросили мне вызов, я не могу проигнорировать его.

— Ты прав, — ответила она. — Ты добился уважения и высокого положения своим мечом, и мечом же ты накажешь убийц, но я бы все же хотела, чтобы ты остался.

Я обнял ее, поцеловал и просил не беспокоиться, пообещав скоро вернуться, а потом отправился в ангар на

крыше дворца. Охранник, наверное, подумал, что это не слишком подходящее время для полета, но об истинной его цели он не подозревал. Я взял курс на запад и вскоре уже летел по ночному небу Барсума, усыпанному мириадами ярких звезд. Вскоре показались обе луны Марса.

Они всегда чем-то притягивали меня, а этой ночью я особенно заворуженно глядел на излучаемый ими волшебный свет. Турия, ближняя луна, известная на Земле как Фобос, больше по размерам; она находится на расстоянии в пять тысяч восемьсот миль от Барсума и представляет собой великолепное зрелище. Хлорус, дальний спутник, известный на Земле под названием Деймос, лишь немногим меньше Турии по диаметру, но он кажется гораздо меньшим, так как удален от планеты на четырнадцать тысяч пятьсот миль.

Много веков существовала марсианская легенда о черной расе так называемых перворожденных Барсума, якобы живущих на Турии, ближайшей луне. Но к этому времени я уже доказал всем, что черная раса живет в долине Дор, вблизи южного полюса планеты.

Турия, повисшая надо мной, представляла собой замечательное зрелище, еще более удивительное оттого, что ее движение с запада на восток было заметно невооруженным глазом. Из-за своей близости к Марсу и большой скорости обращения она за время одного оборота планеты совершает три. Но глядя на нее в сонном очаровании, я не предполагал, какую роль сыграет она в ужасных приключениях и великой трагедии, ожидавшей меня.

Удалившись на достаточное расстояние от Большого и Малого Гелиума, я выключил огни и повернул на юг, а затем, постепенно отклоняясь на восток, взял курс на Зоданг. Установив компас в нужном направлении, я смог спокойно и обстоятельно заняться другими делами. Чем тщательнее я подготовлюсь, тем скорее достигну своей цели. Первой моей задачей было перекрасить корпус корабля. Я пристегнул крепежные ремни к своим доспехам и, свесившись за борт, приступил к работе. Она продвигалась очень медленно, поскольку часто приходилось выбираться на палубу и менять длину ремней, чтобы добраться до следующей части корпуса. К утру все было закончено, хотя не могу сказать, что я с удовлетворением смотрел на свою работу. Однако старая краска нигде не просматривалась, поэтому я с облегчением швырнул за борт кисть и остатки краски, отправив вслед за ними кожаные ремни.

Только тут я заметил, что на мне краски не меньше, чем на корпусе корабля. Пришлось потратить еще уйму времени, чтобы привести себя в нормальный вид, не вызывающий подозрений. Затем я ровным слоем нанес краситель на каждый дюйм своего обнаженного тела. После окончания этой операции я мог бы везде сойти за представителя господствующей расы Марса. Надев зодангское военное снаряжение, украшения и оружие, я решил, что маскировка получилась вполне приличная.

Приближался полдень. Поев, я лег на палубу, чтобы поспать несколько часов.

Попасть в марсианский город после наступления темноты совсем не просто, особенно для тех, кто не может достаточно ясно и четко объяснить цель своего визита. Конечно, можно было бы попробовать проскользнуть без огней, но шансы быть обнаруженным одним из многочисленных патрульных кораблей были слишком велики. А так как я, естественно, ни в коем случае не мог раскрыть свое инкогнито, то, скорее всего, попал бы в тюрьму и был бы приговорен к наказанию, которое обычно ожидало шпионов: долгое заключение в тюрьме и последующая смерть на арене. Если же лететь с зажженными огнями, меня сразу же задержат, и я все равно окажусь в том же положении.

Поэтому, приблизившись к городу на рассвете второго дня, я выключил мотор и остановился в безопасном месте, где не могло быть патрульных кораблей. Я решил дожидаться полудня. В это время множество различных кораблей пролетали над стенами города, и я надеялся, что мне удастся затеряться среди них. Днем суда, если город ни с кем не воюет, проверяются не так тщательно.

Изредка патрульный корабль останавливает какое-нибудь из них, проверяет необходимые документы и разрешение на полет, после чего его отпускают.

В моем случае не могло быть и речи о таком разрешении и вообще на пребывание в Зоданге, поэтому приближение к городу было все же сопряжено с риском. Наконец городские стены лежали прямо подо мной. Я уже поздравлял себя с удачей, поскольку не было видно ни одного патрульного корабля, но оказалось, что я радовался слишком рано. Внезапно из-за высокой башни появился один из тех быстроходных маленьких крейсеров, которые обычно используются в марсианских городах для патрульной службы, и направился прямо ко мне.

Я летел медленно, чтобы не привлекать внимания, но могу уверить вас, мозг мой работал быстро. Мой односторонний разведочный корабль обладал большой скоростью, и я мог развернуться и попробовать удрать от патрульного корабля, но против этого решения существовало два существенных возражения. Во-первых, он немедленно открыл бы огонь, а шанс не быть сбитым был очень мал. Во-вторых, если бы я все же каким-то образом оторвался от погони, то не смог бы больше попасть в город на корабле, поскольку за ним охотилась вся патрульная служба.

Крейсер приближался ко мне, а я лихорадочно придумывал историю о своем долгом отсутствии в Зоданге и утраченных документах. Лучшее, на что я мог надеяться при отсутствии документов, это на свой запас денег, который, возможно, в чем-то помог бы мне.

Они уже приблизились на расстояние, позволяющее вести переговоры; я ждал, что сейчас мне прикажут остановиться. В этот момент я услышал над собой громкий треск. Взглянув туда, я увидел два столкнувшихся маленьких корабля. Переведя взгляд на патрульный корабль, я отчетливо разглядел офицера, тоже смотрящего в ту же сторону, который отдавал короткие приказы. И тут острый нос его корабля начал подниматься. Внимание было отвлечено более важным происшествием, и я спокойно проскользнул в город.

Много лет назад, когда Зоданг захватили зеленые орды тарков, он был почти полностью разрушен. Со старым городом я был хорошо знаком, а восстановленный Зоданг я посещал всего один или два раза.

Медленно пролетая над городом, я нашел наконец то, что искал — скромный общественный ангар на бедных окраинах. В любом городе есть такие районы, они хороши тем, что там не рискуешь встретить любопытствующих и расспрашивающих, если только не нарвешься на представителя закона.

Выбранный мною район Зоданга и ангар выглядели именно такими. Ангар размещался на крыше очень старого здания, которое, очевидно, избежало разрушения во время нашествия тарков. Посадочная площадка была маленькой, а сам ангар — грязным и неопрятным.

Когда мой кораблик опустился на крышу, толстый человек, вымазанный черной смазкой, появился из-за корабля, мотор которого он ремонтировал. Он спроси-

тельно посмотрел на меня, и я подумал, что у него не слишком-то дружелюбное выражение лица.

— Чего ты хочешь?

— Это общественный ангар?

— Да.

— Я хочу поставить свой корабль.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Немного. Я заплачу за месяц вперед, — ответил я. Хмурое выражение исчезло с его лица.

— В ангаре есть свободное место, — проговорил он и указал, — поставь свой аппарат туда.

Разместив корабль и закрыв его приборы, я возвратился к человеку и заплатил ему.

— Есть здесь где-нибудь поблизости хорошая гостиница, дешевая и не слишком грязная? — спросил я.

— Как раз в этом здании, — ответил он, — лучше ты нигде не найдешь.

Это вполне устраивало меня: когда пускаешься в приключения, никогда не знаешь, когда тебе понадобится корабль. А ведь от этого может зависеть жизнь и смерть. Оставив владельца ангара, я спустился по лестнице в отверстие в крыше. Лифты поднимались только до последнего этажа под крышей. Здесь я отыскал один с раскрытой дверцей. Лифтером был рассеянный юноша в скромных доспехах.

— На первый этаж? — спросил он.

— Мне нужно снять помещение, — разъяснил я ему. — Я хочу побывать в конторе этой гостиницы.

Он кивнул, и лифт двинулся вниз. Изнутри здание казалось еще более старым и ветхим, чем снаружи, а верхние этажи — практически нежилыми.

— Приехали, — сказал лифтер.

Он остановил лифт и открыл дверцу. В марсианских городах подобные гостиницы используются главным образом как спальни; там редко бывают отдельные комнаты. Вдоль стен длинных комнат расставлены низкие помосты, на которых гости оставляют свои мех и шелка, служащие им постелью. Днем и ночью гостиницы патрулируются вооруженными охранниками, нанятыми владельцами: слишком часто здесь происходят убийства. Потому-то и не пользуются особым спросом отдельные комнаты.

В тех зданиях, где живут и женщины, больше отдельных комнат и нет охраны, поскольку на Барсуме не

принято убивать женщин (лишь в крайне редких случаях наемные убийцы поднимают на них руку).

Гостиница, куда привел меня случай, предназначалась только для мужчин. Владелец, дородный человек, в прошлом известный пантан, или солдат фортуны, показал мне мое спальное место и взял с меня плату. Указав в ответ на мой вопрос направление, в котором находится столовая, он ушел.

В это дневное время в доме почти никого не было, но все личные вещи, меха и шелка открыто лежали на своих местах, никем не охраняемые, поскольку воровство практически неизвестно на этой планете.

Я принес с собой старые спальные шелка и меха и положил их на свой помост. По соседству со мной лежал человек с хитрыми глазами и злым лицом. Он с подозрением следил за мной с того момента, как я вошел. Наконец, он заговорил со мной.

— Каор,— сказал он обычное марсианское приветствие.

Я кивнул и ответил тем же.

— Будем соседями,— продолжал он.

— Вероятно, да!

— Ты, конечно, не здешний, по крайней мере, я в этой части города тебя не встречал. Я слышал, как ты спрашивал владельца о столовой. Та, которую он тебе указал, не так уж хороша. Я обычно хожу в другую. Если хочешь, идем со мной.

Ореол таинственности этого человека в сочетании с его злым лицом натолкнули меня на мысль, что он может быть связан с преступным миром, но именно такие люди мне и были нужны, поэтому я быстро согласился.

— Мое имя Рапас,— представился он.— Меня называют Рапас Ульсио,— добавил он не без гордости.

Теперь я был уверен, что верно оценил его, потому что «ульсио» значит «крыса».

— А меня зовут Вандор,— сказал я в свою очередь.

— По твоим украшениям я вижу, что ты зоданганец,— заметил он, когда мы шли к лифту.

— Да,— ответил я,— но я уже много лет не был в городе. В сущности, я не был здесь с того времени, когда город был сожжен тарками. В нем так много изменений, что *кажется*, будто попал в чужой город.

— По внешнему виду ты смахиваешь на профессионального солдата,— предположил он.

— Я пантан, служил много лет в другой стране, но недавно убил там человека и вынужден был бежать.

Я знал, что если он преступник, как я предположил, это признание в убийстве заставит его держаться со мной свободнее.

Он быстро взглянул на меня и отвел глаза. Я увидел, что мое признание произвело на него впечатление.

По пути в столовую, которая размещалась на другой улице недалеко от гостиницы, мы продолжили наш разговор.

— Ты хочешь остаться в Зоданге? — спросил он.

— Это зависит от того, найду ли я здесь жилье,— ответил я.— Денег моих хватит ненадолго, притом я оставил свою службу при таких обстоятельствах, что не успел получить документы, поэтому мне вообще будет трудно найти место.

За едой Рапас немало выпил, и чем больше он пил, тем разговорчивее становился.

— Я присматривался к тебе, Вандор,— заявил он наконец,— и если ты настоящий парень, а мне кажется, что так оно и есть, я смогу помочь тебе в поисках хозяина.

Он придвинулся ко мне и зашептал на ухо совсем тихо:

— Я наемный убийца.

Это была невероятная удача. Я надеялся установить связь с убийцами, и первый же человек, с которым я познакомился, признался мне, что он один из них.

Я неодобрительно пожал плечами.

— На этом не заработаешь много денег,— сказал я.

— Можно, если у тебя есть связи,— заверил он меня.

— Но у меня нет связей, особенно здесь, в Зоданге,— возразил я.— Я не принадлежу к зодангской Гильдии и, как я уже тебе говорил, у меня нет документов.

Он осторожно огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, не подслушивает ли кто нас.

— Гильдия и не нужна,— прошептал он,— мы не принадлежим к Гильдии.

— Тогда это верная дорога к самоубийству,— заметил я.

— Может быть, но не для человека с хорошей головой. Ты посмотри на меня: я убийца и не принадлежу к Гильдии, тем не менее, зарабатываю хорошие деньги и не должен ни с кем делиться.

Он снова выпил.

— Далеко не у всех такая голова, как у Рапаса Ульсио.

Он придвинулся еще ближе.

— Ты мне нравишься, Вандор,— сказал он,— ты хороший парень.

Голос его охрип от выпивки.

— У меня очень богатый клиент, у него всегда много работы, и он хорошо платит. Может, потом он даже наймет тебя на постоянную работу. Как тебе это нравится?

Я пожал плечами.

— Человек должен жить,— сказал я,— и он не может быть слишком разборчив, когда у него нет денег.

— Ну, тогда пойдешь со мной. Я иду туда сегодня вечером. Когда Фал Сивас будет говорить с тобой, я скажу ему, что ты как раз тот человек, который ему нужен.

— А как же ты? — спросил я.— Это же твоя работа. Вряд ли одному человеку нужны двое убийц?!

— Не тревожься обо мне,— сказал Рапас,— у меня на этот счет другие планы.

Он внезапно замолчал и бросил на меня быстрый подозрительный взгляд. Похоже, что он даже протрезвел от сказанного. Он потряс головой.

— Что я сказал? Я слишком много выпил.

— Ты сказал, что у тебя другие планы. Вероятно, у тебя лучшая работа на примете.

— И это все? — допытывался он.

— Еще ты сказал, что возьмешь меня к человеку по имени Фал Сивас, который даст мне работу.

Рапас вздохнул облегченно.

— Да, я возьму тебя к нему сегодня же вечером.

ГЛАВА II

ФАЛ СИВАС

Остаток дня Рапас проспал, а я в это время приводил в порядок свой корабль в общественном ангаре на крыше гостиницы. Это было более укромное местечко, чем спальные комнаты или улицы города, где какой-нибудь случай мог раскрыть мое инкогнито.

Копаясь в моторе, я припомнил внезапный страх

Рапаса. Он, очевидно, испугался, что сболтнул мне немного лишнее в пьяной беседе. Я лениво размышлял, что бы это могло быть. Испуг промелькнул в глазах Рапаса сразу же после фразы о том, что у него другие планы. Что за планы? Какими бы они ни были, было ясно, что они бесчестны, иначе он не испугался бы так. В дальнейшем, при более близком знакомстве с Рапасом, я убедился, что мое первое впечатление о нем было верным и что прозвище «крыса» вполне им заслужено.

Меня раздражала вынужденная бездеятельность, но наконец наступил вечер, и мы с Рапасом Ульсио вышли из гостиницы и снова отправились в столовую. На этот раз Рапас был трезв и за едой выпил только одну порцию.

— Нужно иметь ясную голову, когда говоришь со старым Фалом Сивасом,— сказал он.— Клянусь моим первым предком, я не знаю более острого ума на Барсуме.

Поев, мы вышли в ночь, и Рапас повел меня по широким улицам и узким переулкам, пока мы не подошли к большому зданию, стоявшему у западных стен Зоданга. Это была темная мрачная башня, а улица, ведущая к ней, была неосвещена. Здание стояло в районе складов. Вокруг было тихо и совершенно пустынно.

Рапас подошел к маленькой двери, которая скрывалась за контрфорсом. Он пошарил по одной ее створке, потом отступил назад и стал ждать.

— Непросто получить разрешение на вход в дом старого Фала Сиваса,— заметил он с заметным хвастовством.— Только зная условленный сигнал, ты попадешь в него.

Мы молча ждали две-три минуты. Ни звука не доносилось из-за двери, но вдруг в ней приоткрылось очень маленькое круглое отверстие, и в тусклом свете дальней луны я рассмотрел чей-то глаз. Потом послышался голос:

— А, благородный Рапас!

Слова были произнесены шепотом, затем дверь раскрылась. Проход был узким, и человек, открывший нам дверь, прижался к стене, чтобы мы смогли войти. Потом он закрыл за нами дверь и повел по темной комнате. Здесь наш проводник остановился.

— Хозяин не сказал, что ты приведешь с собой еще кого-то,— заявил он Рапасу.

— Он этого не знал,— ответил Рапас.— В сущности,

я и сам не знал об этом до сегодняшнего дня, но будь уверен, твой хозяин будет рад, когда я объясню ему, кого я привел.

— Фал Сивас решит сам,— ответил ему раб.— Тебе лучше пойти одному и поговорить с ним, оставив незнакомца со мной.

— Хорошо,— согласился мой новый знакомый,— оставайся здесь, Вандор, пока я не вернусь.

Раб открыл дверь в дальней стене приемной, пропустил вперед Рапаса и последовал за ним. Вначале я не мог понять, почему раб ушел, ведь он намеревался остаться со мной, но потом ощутил вполне определенно, что за мной наблюдают.

Не могу объяснить это чувство, которое изредка охватывает меня. Любой земной человек сказал бы мне, что такая форма телепатии невозможна с научной точки зрения, но я иногда чувствовал, что за мной тайно наблюдают, а позднее убеждался, что за мной действительно следили.

Мои глаза бесцельно блуждали по комнате и остановились на двери, за которой исчезли Рапас и раб. В ней я увидел маленькое отверстие и блеск чьих-то глаз. Как только я понял, что за мной наблюдают, я подошел к скамье у стены и сел, стараясь не выказывать ни малейшего любопытства.

Сама по себе эта слежка мало что означала, но если учесть предосторожность, с которой нас впустили во мрачное и таинственное здание, то складывалось какое-то неприятное впечатление о хозяине этого дома.

Из-за стен комнаты не доносилось ни звука, в маленькую комнату не проникали и звуки с улицы. Я сидел в полной тишине примерно минут десять, затем дверь открылась, и тот же раб поманил меня.

— Следуй за мной,— сказал он.— Хозяин хочет видеть тебя. Я отведу тебя к нему.

Я последовал за ним по полутемному коридору, а потом по извилистому пандусу на следующий этаж здания. Он ввел меня в мягко освещенную комнату, обставленную по-сибаритски, где я увидел Рапаса, стоявшего перед диваном, на котором полулежал человек. Чем-то он напоминал большого кота, следящего за добычей и в любой момент готового к прыжку.

— Фал Сивас, это Вандор,— сказал Рапас, представляя меня.

Я склонил голову и замер в ожидании.

— Рапас рассказал о тебе,— медленно произнес Фал Сивас.— Откуда ты?

— Родом я из Зоданга,— ответил я,— но я покинул этот город много лет назад.

— Где же ты был все это время? — спросил он.— Кому ты служил?

— Это касается только меня,— ответил я на его вопрос.— Главное, что я давно не был в Зоданге и не могу вернуться в страну, откуда бежал.

— У тебя есть друзья или знакомые в Зоданге?

— Конечно, кое-кто еще наверняка жив, но я с ними не встречался,— ответил я.— Мои родители и большинство друзей были убиты, когда зеленые орды захватили город.

— И с тех пор ты не был в Зоданге?

— Нет!

— Возможно, ты как раз тот человек, что мне нужен. Рапас уверен в этом, но я нет. Ни одному человеку нельзя доверять.

— Но, хозяин,— прервал его Рапас,— разве я не служил тебе верно преданно?

Мне показалось, что губы Фала Сиваса искривила легкая усмешка.

— Ты образец, Рапас,— сказал он,— честная душа!

Рапас гордо надулся. Он был слишком самовлюблен, чтобы заметить нотку сарказма в голосе Фала Сиваса.

— Я могу считать, что вы наняли меня? — спросил я.

— Ты понимаешь, что тебе придется чаще пользоваться кинжалом, а не мечом? — спросил он.— И что яд иногда предпочтительнее пистолета?

— Понимаю.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Может так случиться,— продолжал он,— что тебе придется обнажить меч в свою защиту. Ты хорошо владеешь мечом?

— Я пантан,— ответил я,— это мой хлеб. То, что я здесь, уже ответ на твой вопрос.

— Не совсем. Мне нужен воин, хорошо владеющий мечом. У Рапаса в руке короткий меч. Посмотрим, устоишь ли ты против него.

— Деремся до смертельного исхода? — спросил я. Рапас громко фыркнул.

— Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты убил меня!

— Нет, конечно, не до смерти,— засмеялся Фал Сивас,— пусть это будет всего лишь короткой разминкой. Посмотрим, кто кого поцарапает первым.

Мне это не понравилось. Обычно я не обнажаю свой меч, если не намерен убивать противника, но мне пришлось смириться и играть выпавшую мне роль до конца. Теперь мне часто придется совершать то, чего я не одобряю. Поэтому я кивнул в знак согласия и подождал, пока Рапас обнажит меч. Вот сверкнул его короткий меч.

— Я не стану делать тебе слишком больно, Вандор,— сказал он,— я буду добр к тебе.

Я поблагодарил его и обнажил свое оружие.

Рапас сделал шаг вперед с самоуверенной улыбкой на губах. В следующее мгновение его оружие вылетело из его рук. Обезоруженный, он оказался в моей власти и стал питься с отвратительной усмешкой. Фал Сивас засмеялся.

— Случайность,— сказал Рапас,— просто я не успел приготовиться.

— Мне жаль,— сказал я ему,— иди и подними свое оружие.

Он подобрал меч и на этот раз сделал яростный выпад. Если бы он ему удался, то дело не ограничилось бы простой царапиной. Он пронзил бы мне сердце. Я парировал его удар, и снова меч полетел по воздуху и зазвенел, ударившись о противоположную стену.

Фал Сивас громко захохотал. Рапас был взбешен.

— Довольно,— сказал хозяин.— Спрячьте мечи.

Я знал, что Рапас с этой минуты стал моим врагом, но меня это мало беспокоило, потому что я не доверял ему с самого начала.

— Ты готов поступить ко мне на службу? — спросил Фал Сивас.

— Я уже поступил,— ответил я.

Он улыбнулся.

— Думаю, что ты сделал правильный выбор. Рапас хочет уйти, чтобы заняться своими делами. Пока он отсутствует, ты будешь моим телохранителем. Когда он вернется, я так или иначе сумею воспользоваться твоими услугами. То, что у тебя нет знакомых в Зоданге, очень ценно для меня.

Он повернулся к Рапасу.

— Можешь идти, Рапас, и пока будешь отсутствовать, поупражняйся в искусстве владения мечом.

Фал Сивас улыбался, но Рапасу было не до смеха. Уходя, он даже не попрощался со мной.

— Боюсь, ты задел его самолюбие,— заметил Фал Сивас после того, как за наемным убийцей закрылась дверь.

— Хуже спать от этого я не стану,— ответил я,— и вообще, это не моя вина, а его.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Фал Сивас.

— Рапас неважный боец.

— До сих пор считалось, что он хорошо владеет мечом,— заверил меня Фал Сивас.

— Он убийца, а не воин, поэтому больше знаком с кинжалом и ядом.

— А как насчет тебя?

— Естественно, что я как солдат предпочитаю меч,— ответил я.

Фал Сивас пожал плечами.

— Это меня не касается,— сказал он.— Если ты предпочитаешь убивать моих врагов мечом, используй меч. Все, чего я требую, чтобы ты расправился с ними.

— У тебя много врагов? — спросил я.

— Много,— ответил он.— Я изобретатель, и многие хотели бы украсть мои идеи и изобретения. Некоторых из них я уже уничтожил, но их люди заподозрили меня и хотят отомстить. Есть среди них один, кто больше всех стремится уничтожить меня. Он тоже изобретатель и нанял в Гильдии Убийц человека для расправы со мной. Эту Гильдию возглавляет Ур Джан. Теперь он лично угрожает моей жизни, потому что мои телохранители не являются членами их Гильдии.

Мы продолжали беседу еще некоторое время, затем Фал Сивас приказал рабу показать мне мою комнату.

— Она находится под моей,— сказал он.— Если я позову тебя, ты сможешь немедленно прийти ко мне. Доброй ночи!

Раб отвел меня в помещение, состоящее из трех комнат на том же этаже. Просто обставленные, они показались мне вполне удобными.

— Вы в чем-нибудь нуждаетесь, хозяин? — спросил раб, собираясь уходить.

— Ни в чем,— ответил я.

— Завтра вам пришлют раба, который будет вам

служить,— с этими словами он ушел, и я прислушался, не запрет ли он дверь снаружи.

Дверь осталась открытой, но я бы не удивился, если бы он запер ее: настолько зловещим и таинственным казалось мне все в этом здании.

Некоторое время я осматривался. Помещение, отведенное мне, состояло из гостиной, двух маленьких спален и ванной. Единственная дверь вела из гостиной в коридор. Ни в одной из комнат не было окон. На полу и потолке я увидел вентиляционные отверстия, и легкое движение воздуха свидетельствовало, что здание постоянно проветривается.

Комнаты были освещены радиевыми шарами, которые широко распространены на Барсуме. В гостиной были стол, скамья, несколько стульев и полка с книгами. Просмотрев их, я обнаружил, что это все сплошь научные труды. Здесь были книги по медицине, химии, механике и электротехнике.

Время от времени до меня доносились какие-то звуки из коридора, но я не стал выяснять, что это, поскольку хотел заслужить доверие Фала Сиваса и его людей, прежде чем я начну добираться до того, что мне нужно. Хотя я даже не мог сказать определенно, что я хочу знать о Фале Сивасе, ведь, в конце концов, мое дело в Зоданге не было связано с ним. Я явился сюда, чтобы уничтожить Ура Джана и его Гильдию Убийц. Я был несколько разочарован тем обстоятельством, что случай свел меня с противниками Ура Джана. Я предпочел бы присоединиться к организации убийц, понимая, что изнутри я добился бы большего.

Проникнув в Гильдию, я узнал бы всех ее главарей и тогда сумел бы отдать их под суд или начертить над их сердцами крест острием своего меча — этого мне хотелось больше всего.

Занятый своими мыслями, я уже снимал ремни и раскладывал постель из меха и шелка, когда услышал звуки, которые доносились до меня сверху. Несомненно, там шла драка. Послышался глухой удар, как будто упало чье-то тело. Эти необычные звуки лишь придали некоторую таинственность, хотя наверняка здесь не происходило ничего таинственного. Я удивился и улыбнулся, поняв, что все происходящее вокруг оказало некоторое влияние даже на мои крепкие нервы, и продолжил

приготовления ко сну, когда в здании прозвучал резкий крик.

Я снова прислушался.

Казалось, звуки приближаются. Я решил, что человек бежит по пандусу с верхнего этажа в коридор, идущий мимо моих комнат. Возможно, что все происходящее в доме Фала Сиваса меня не касалось, но я не мог спокойно слышать женский крик. Я подошел к двери гостиной, распахнул ее и вдруг увидел девушку, бегущую ко мне. Волосы ее были рассыпаны по плечам, глаза широко раскрыты. Она часто оглядывалась назад. Почти добежав до двери, она заметила наконец меня. Застыв на мгновение с выражением удивления и ужаса, она пробежала мимо меня в распахнутую дверь моей комнаты.

— Закрой дверь,— прошептала она срывающимся голосом,— не отдавай меня ему! Не впускай его!

Казалось, никто ее не преследует, но я закрыл дверь, как она просила, и повернулся к ней за объяснениями.

— В чем дело? — спросил я.— От кого ты бежишь?

— От него! — ответила она, сотрясаемая дрожью.— О, он ужасен! Спрячь меня, не впускай его, пожалуйста!

— О ком это ты? Кто ужасен?

Она стояла, вся дрожа, широко раскрыв глаза, глядя мимо меня на дверь как человек, сошедший с ума от ужаса.

— Он,— прошептала она.— Кто еще может быть?

— Ты имеешь в виду...

Она подошла ближе и начала говорить, но потом за-сомневалась.

— Почему я должна верить тебе? Ты его слуга, все мы одинаковы в этом ужасном месте.

Она стояла очень близко ко мне, дрожа, как листок на ветру.

— Я не могу! — воскликнула она.— Я не позволю ему!

Затем она проворно достала мой кинжал, что я не успел даже помешать ей, и направила его себе в грудь. Но тут уже я оказался ловчее и схватил ее за руку. На вид она была хрупким созданием, но я приложил усилие, чтобы обезоружить ее, а потом подтолкнуть к скамье и заставить сесть.

— Успокойся,— сказал я,— тебе нечего бояться меня. Пока я с тобой, тебе вообще нечего бояться. Расскажи мне, что случилось? Чего ты боишься?

Она долго сидела, глядя мне в глаза, а потом взяла себя в руки.

— Да,— сказала она,— может быть, тебе можно доверять, об этом мне говорят твои глаза и голос.

Я положил руку ей на плечо как испуганному ребенку.

— Не бойся,— сказал я ей,— Расскажи мне о себе. Как тебя зовут?

— Занда,— ответила она.

— Ты здесь живешь?

— Я рабыня, пленница.

— Что заставило тебя закричать?

— Это кричала не я, а другая рабыня. Он хотел взять меня, но я вывернулась, и он выбрал другую. Придет моя очередь, он и меня возьмет. Он всех нас возьмет!

— Кто он?

Она задрожала, выговаривая: — Фал Сивас!

В ее голосе был ужас. Я сел на скамью рядом с ней и взял ее за руку.

— Успокойся,— сказал я.— Расскажи мне, что все это значит. Я здесь новичок. Я только сегодня поступил на службу к Фалу Сивасу.

— Ты ничего не знаешь о Фале Сивасе?

— Только то, что он богатый изобретатель и боится за свою жизнь.

— Да, он богат, и он изобретатель, но он великий убийца и вор. Он похищает идеи других изобретателей, а их убивает. Те, кто слишком много знает о его изобретениях, тоже умирают. Они никогда не покидают этого дома. При нем всегда наготове убийца, способный выполнить его приказ прямо здесь в доме, или же на улицах города. Он всегда дрожит за свою собственную жизнь. Сейчас его наемный убийца — Рапас Ульсио, но оба они боятся Ура Джана, главу Гильдии Убийц, потому что Ур Джан узнал, что Рапас убивает по приказу Фала Сиваса за меньшую цену, чем берут убийцы из его Гильдии.

— Но что это за удивительные изобретения, над которыми работает Фал Сивас? — спросил я.

— Я не знаю всего, но у него есть корабль. Он был бы удивительным, если бы все, что с ним связано, не было бы замешано на крови и предательстве.

— Что же это за корабль?

— Это корабль, который может совершать космические перелеты. Он говорит, что через некоторое время

мы сможем так же легко летать на другие планеты, как сейчас летаем из одного города в другой.

— Интересно,— сказал я,— но совсем не ужасно.

— Но у него есть другие ужасные вещи. Например, механический мозг.

— Механический мозг?

— Да! Конечно, я не смогу всего объяснить, так как мало что понимаю в этом. Я часто слышала, как он говорил о нем, но далеко не все понимала. Он говорил, что вся жизнь, в конечном счете, есть результат механических воздействий. Он считает, что в основе химических процессов лежат механические. О, я, вероятно, что-то неправильно объясняю, но я поняла, что он работает над механическим мозгом, который будет мыслить ясно и логично, абсолютно не поддаваясь влияниям, которым подвержено человеческое мышление.

— Это кажется мне диким,— заметил я,— хотя и в этом я не вижу ничего ужасного.

— Ужасна не его идея,— сказала она,— ужасны методы, которые он использует для усовершенствования своих изобретений. Пытаясь скопировать человеческий мозг, он постоянно изучает его. Для этой цели ему нужно много рабов. Некоторых он покупает, но большинство из них похищают для него.

Она задрожала, в голосе послышалось едва сдерживаемое рыдание.

— Я не знаю, я сама не видела этого, но говорят, что он привязывает жертвы, чтобы они не могли двинуться, а затем снимает череп, пока не обнажится мозг. Тогда при помощи лучей, проникающих сквозь ткани, он следит за работой мозга.

— Но его жертва не может долго выдержать,— сказал я,— она потеряет сознание и быстро погибнет.

Она покачала головой.

— Нет, у него есть особые наркотики, которые он выпрыскивает в вены жертвы, чтобы она осталась жива и долгое время не теряла сознания. Применяя различные стимуляторы, он следит за реакцией мозга. Можешь представить себе, что испытывает подопытный? Много рабов привозят сюда, но немногие остаются в живых. Только две двери ведут в здание, а окон в нем нет вовсе. Рабы же не выходят через эти двери, они исчезают за маленькой дверью, ведущей в комнату ужасов рядом со спальней Фала Сиваса. Сегодня вечером Фал Сивас

послал за нами, за той девушкой и за мной. Он предполагал использовать только одну, но обычно он вызывает нескольких и выбирает ту, которая кажется ему лучшим экземпляром. Причем его выбор продиктован не только научными требованиями, но и привлекательностью будущей жертвы. На этот раз он выбрал меня. Он тащил меня по комнате, но потом поскользнулся и упал, а мне удалось выбраться. Прежде чем он поднялся, я открыла дверь и убежала. Услышав крик той девушки, я поняла, что он взял ее, но я получила только отсрочку. Он возьмет и меня, спасения нет. Ни ты, ни я не выйдем из этого дома живыми.

— Почему ты так думаешь?

— Еще никто не выходил отсюда.

— А Рапас? Он появляется и исчезает, когда захочет.

— Да, но Рапас — наемный убийца у Фала Сиваса, он помогает похищать новые жертвы, поэтому он пользуется свободой. Есть еще несколько таких же старых и преданных слуг, настоящих соучастников его преступлений, чьи жизни Фал Сивас держит в своих руках, но ты можешь быть уверен, что они мало знают о его изобретениях. Тех, кто слишком глубоко проникает в его тайны, он всегда убирает, а у этого человека маниакальное стремление говорить о своих изобретениях. Он постоянно должен что-то кому-то объяснять. Я думаю, что это от большого эгоизма. Он любит хвастать, поэтому он рассказывает нам, обреченным, о своей работе. Ты сам увидишь, что Рапас не знает ничего важного. Однажды я слышала, как Фал Сивас сказал, что его привлекает в наемном убийце крайняя глупость. Он даже сказал, что, если бы он даже и объяснил Рапасу все детали своего изобретения, у него не хватило бы мозгов понять их.

Девушка наконец полностью овладела собой. Закончив рассказ, она двинулась к двери.

— Спасибо,— сказала она,— за то, что позволил мне войти. Вероятно, я больше не увижу тебя, но я хотела бы знать, кто так по-дружески отнесся ко мне.

— Меня зовут Вандор,— ответил я,— но почему ты думаешь, что больше не увидишь меня, и куда ты собираешься идти?

— Я вернусь в свою комнату и буду ждать следующего вызова, это может произойти и завтра.

— Ты можешь остаться здесь,— сказал я,— я найду возможность освободить тебя.

Она удивленно посмотрела на меня и хотела ответить, но внезапно наклонила голову и прислушалась.

— Кто-то идет. Меня ищут!

Я взял ее за руку и отвел в свою спальню.

— Иди сюда,— сказал я,— посмотрим, нельзя ли где-нибудь спрятать тебя.

— Нет, нет!

Она дрожала.

— Они убьют нас обоих, если найдут меня здесь. Ты был добр ко мне, и я не хочу, чтобы тебя убили.

— Не беспокойся обо мне,— ответил я,— я сам могу позаботиться о себе. Делай, как я говорю.

Я заставил ее лечь на небольшом помосте, которые служат на Барсуме кроватями, потом набросил на нее спальные меха и шелка. Только очень тщательный осмотр позволил бы обнаружить под ними беглянку.

Войдя в гостиную, я взял с полки книгу, сел на стул и раскрыл ее. Тут же кто-то постучал в дверь.

— Входи,— отозвался я.

Дверь открылась, и в комнату вошел Фал Сивас.

ГЛАВА III

В ЛОВУШКЕ

Опустив книгу, я посмотрел на вошедшего Фала Сиваса. Он быстро и подозрительно осмотрел комнату. Я сознательно оставил дверь в спальню открытой, чтобы не вызывать подозрений у тех, кто придет искать девушку. Двери во вторую спальню и в ванную комнату также были открыты. Фал Сивас посмотрел на книгу у меня в руках.

— Нелегкое чтение для пантана.

Я улыбнулся.

— Я недавно прочел теоретическую механику. Это более ранняя работа, как мне кажется, не такая основательная, и я просто просматривал ее.

Фал Сивас несколько мгновений внимательно смотрел на меня.

— Не слишком ли ты образован для своей профессии? — спросил он.

— Никто не может знать слишком много.— ответил я.

— Кое-кто знает слишком много,— сказал он.

Я вспомнил, что говорила девушка. Тон его изменился.

— Я зашел посмотреть, удобно ли тебе, все ли у тебя есть.

— Все хорошо,— ответил я.

— Тебя не беспокоили? Никто не заходил сюда?

— В доме все, кажется, спокойно,— ответил я.— Недавно я слышал чей-то смех, и это, конечно, не беспокоило меня.

— Кто-нибудь приходил к тебе?

— Зачем кому-то приходять?

— Незачем, конечно,— коротко сказал он.

Затем он стал расспрашивать меня, пытаясь определить глубину моих знаний.

— В сущности, я знаю очень мало,— сказал я ему.— Я солдат, а не ученый. Умение водить воздушные корабли требует, конечно, определенных знаний в области механики, но и в этих вопросах я новичок.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Хотел бы лучше узнать тебя,— сказал он наконец.— И мне хочется доверять тебе. Ты умный человек, а мне очень нужен такой помощник.

Он с отвращением вдруг покачал головой.

— Нет, я никому не могу верить!

— Ты нанял меня в качестве телохранителя. Для этой цели я вполне сгожусь тебе, пусть так и будет.

— Ты прав,— согласился он.— Время покажет, на что еще ты годен.

— Чтобы защищать тебя, я должен знать, от кого и каковы их планы.

— Многие хотят моей смерти, но есть один, которому моя смерть выгоднее всего. Это Гар Нал, изобретатель. Фал Сивас вопросительно посмотрел на меня.

— Я никогда не слышал о нем,— сказал я.— Ты должен помнить, что я много лет не был в Зоданге.

Он кинул.

— Я совершенствую корабль для путешествий в космосе. Гар Нал тоже. Он хотел бы не только уничтожить меня, но и похитить мои главные секреты. Но я все же больше опасаюсь Ура Джана, потому что именно его Гар Нал нанял с целью убить меня.

— Меня ведь никто не знает в Зоданге. Я выслежу Ура Джана и попробую что-нибудь разведать,— я хотел немедленно узнать, разрешит ли мне Фал Сивас выходить из дому.

— Ты ничего не узнаешь,— ответил он.— Они встречаются тайно. Даже если ты сумеешь добраться до них, что весьма сомнительно, тебя убьют прежде, чем ты уйдешь.

— Возможно и не убьют,— возразил я.— Во всяком случае, стоит попробовать. Известно ли тебе, где происходят эти встречи?

— Да, если хочешь попытаться, я велю Рапасу Ульсио отвести тебя к этому зданию.

— Но я вовсе не хочу, чтобы Рапас знал что-нибудь об этом.

— Почему?

— Потому что я не верю ему. Я не хочу, чтобы он был посвящен в мои планы.

— Ты абсолютно прав. Я сам укажу, где ты сможешь найти их.

— Я пойду завтра с наступлением темноты.

Он кивнул в знак согласия. С того места, где он стоял, было видно комнату, где пряталась девушка.

— У тебя достаточно мехов и шелка для постели? — спросил он.

— Достаточно,— ответил я,— но завтра я принесу свои.

— Не нужно, я снабжу тебя всем необходимым.

Он все еще глядел в спальню. Мне показалось, что он что-то заподозрил. Может быть, девушка шевельнулась, или же он заметил ее дыхание под грудой меха? Я не осмелился обернуться и посмотреть в ту сторону, чтобы не усугубить его подозрений. Я сидел, положив руку на рукоять меча. Возможно, что девушку сейчас обнаружат. Если так, то Фал Сивас на пороге смерти. Наконец он повернулся к входной двери.

— Я завтра расскажу тебе, как добраться до штаб-квартиры убийц и пришлю тебе раба. Ты хочешь мужчину или женщину?

Я предпочел бы мужчину, но подумал о возможности помочь девушке.

— Женщину,— ответил я и улыбнулся.

— Хорошенькую?

— Я хотел бы выбрать сам.

— Как хочешь,— ответил он.— Ты можешь взглянуть на них завтра утром. Спокойной ночи!

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, но я знал, что он стоит за дверью, прислушиваясь. Я взял книгу и сделал вид, что читаю, однако не понял ни строчки, весь обратившись в слух.

Наконец я услышал, что он уходит. Вскоре до меня отчетливо донесся звук хлопнувшей двери. До этой минуты я не поворачивался и даже не двигался, но тут встал и подошел к двери. Изнутри она была снабжена тяжелым засовом, и я задвинул его. Потом я вошел в спальню и отбросил меха, закрывавшие девушку. Она не двигалась.

Когда она взглянула на меня, я прижал палец к губам.

— Ты все слышала? — спросил я шепотом.

Она кивнула.

— Завтра я выберу тебя. Может быть, потом удастся освободить тебя.

— Ты очень добр,— сказала она.

Я взял ее за руку.

— Идем в другую комнату. Ты можешь спокойно проспать там ночь, а утром мы выполним вторую часть плана.

— Я думаю, что это не составит большого труда. Рано утром все, кроме Фала Сиваса, отправляются в большую столовую на этом этаже. По этому коридору проходят многие. Я смогу незаметно выскользнуть и присоединиться к ним. За завтраком у тебя будет возможность увидеть рабов, тогда-то ты и сможешь выбрать меня.

Я знал, что в той комнате, которую я ей предоставил, тоже есть меха и шелк для постели, и она сможет удобно устроиться. Я вернулся в свою спальню и закончил приготовления ко сну, прерванные ее появлением.

На следующее утро Занда разбудила меня.

— Пора идти завтракать,— сказала она.— Ты должен выйти раньше меня и оставить дверь открытой. Когда в коридоре никого не будет, я тоже выйду.

Выйдя из своих апартаментов, я увидел трех человек, шедших по коридору в направлении столовой. Я последовал за ними и вскоре оказался в большой комнате, где за столом сидели человек двадцать. Примерно столько же мест пустовало. В основном здесь были женщины-рабыни, молодые и красивые. За исключением двух че-

ловек, сидевших в разных концах стола, все были безоружны. Во главе стола сидел человек, накануне вступивший меня и Рапаса в дом. Позднее я узнал, что его зовут Гамас и что он исполняет обязанности мажордома. Другим вооруженным человеком был Фистал, руководивший рабами в доме. Он же и добывал многих из них, покупая или похищая их у горожан. Когда я вошел в комнату, Гамас увидел меня и поманил к себе.

— Ты будешь сидеть здесь, Вандор, рядом со мной,— сказал он.

Я заметил, что сейчас он ведет себя совсем не так, как прошлым вечером, когда он показался мне обычным рабом. Я сообразил, что он играет в доме две роли. В столовой он был, по-видимому, важной персоной.

— Ты хорошо спал? — спросил он.

— Хорошо,— ответил я.— Дом казался ночью тихим и мирным.

Он хмыкнул.

— Если услышишь ночью какие-нибудь необычные звуки, не входи, пока тебя не позовет хозяин или я.

Потом, как бы чувствуя, что необходимы пояснения, добавил внушительно:

— Иногда Фал Сивас проводит свои эксперименты допоздна. Ты не должен беспокоить его, что бы ты ни услышал.

В комнату вошли еще несколько рабов, за ними и Занда. Я взглянул искоса на Гамаса и заметил, что его глаза сузились, когда он увидел ее.

— Вот она,— произнес он.

Человек, сидевший в дальнем конце стола, повернулся и посмотрел на приближающуюся к нему девушку.

— Где ты была ночью, Занда? — гневно спросил он девушку.

— Я испугалась и спряталась,— ответила она.

— Где ты спряталась? — продолжал допрос Фистал.

— Спроси Гамаса,— бросила она.

Фистал посмотрел на Гамаса.

— Откуда мне знать, где она была,— заявил тот. Занда подняла свои красивые другообразные брови.

— О, прошу прощения! — воскликнула она.— Я не знала, что ты не позволишь мне говорить.

Гамас вспыхнул:

— Что ты хочешь этим сказать? К чему ты клонишь?

— О,— сказала она,— я вообще ничего не сказала, но я подумала, что...

Фистал подозрительно посмотрел на Гамаса. Все рабы тоже оглянулись на него, и по их лицам можно было догадаться, о чем они думают. Гамас позеленел от ярости, Фистала охватили подозрения, а девушка все это время стояла с ангельски невинным видом.

— Ты что хотела этим сказать? — выкрикнул Гамас.

— А что я сказала? — наивно спросила девушка.

— Ты сказала...

— Я только сказала: «Спроси Гамаса»,— разве в этом есть что-то плохое?

— Но что я могу знать? — требовал от нее разъяснений мажордом.

Занда пожала плечами.

— Теперь я вообще боюсь говорить. Я не хочу неприятностей.

— Возможно, чем меньше ты будешь болтать, тем лучше,— сказал Фистал.

Гамас хотел что-то возразить, но потом решил промолчать. Несколько мгновений он смотрел на Занду, потом занялся едой. Перед окончанием завтрака я сказал Гамасу, что Фал Сивас велел мне выбрать себе раба.

— Да, он предупредил меня,— ответил мажордом.— Поговори об этом с Фисталом. Он командует рабами.

— Но знает ли он, что Фал Сивас разрешил мне выбрать самому?

— Я скажу ему об этом.

Немного погодя он закончил завтрак, а выходя из комнаты, остановился и что-то сказал Фисталу. Увидев, что Фистал тоже готов покинуть столовую, я подошел к нему и заявил, что хочу выбрать себе раба.

— Кого? — спросил он.

Я обвел взглядом сидевших за столом, внимательно осматривая каждого, пока мои глаза не остановились на Занде.

— Я возьму ее,— сказал я.

Брови Фистала сошлись, он заколебался.

— Фал Сивас сказал, что я могу выбрать, кого захочу,— напомнил я ему.

— Но почему ты выбрал именно ее?

— Она кажется мне умной, и она хорошенькая,— ответил я.

Так Занда перешла ко мне в услужение.

Ее обязанности состояли в поддержании чистоты в моих комнатах, в исполнении моих поручений, в заботе о моей одежде и оружии.

Я предпочел бы раба-мужчину, но события складывались таким образом, что я был вынужден помочь девушке. Но я не знал еще, разрешит ли мне Фал Сивас держать ее у себя. Это должно было проясниться в ближайшие часы.

Я отвел Занду в свои апартаменты, где она принялась за работу, а меня вызвал к себе Фал Сивас. Раб отвел меня в ту же комнату, где прошлым вечером Фал Сивас принимал нас с Рапасом.

Когда я вошел, старый изобретатель приветствовал меня кивком головы. Я ожидал, что он немедленно начнет расспрашивать меня о Занде, потому что у него были Гамас и Фистал. Я не сомневался, что они доложили ему обо всем, происшедшем за завтраком. Однако я ошибся, он даже не упомянул об этом, а принялся перечислять мне мои обязанности.

Я должен был стоять на страже в коридоре за его дверью и сопровождать его, когда он выходит из комнаты. Я не должен никому позволять входить в комнату, за исключением Гамаса и Фистала, без специального разрешения Фала Сиваса. Ни при каких обстоятельствах я не должен подниматься на верхний этаж без его личного распоряжения. Он особенно настаивал на последнем. И хотя я не любопытен, теперь же, когда мне запретили подниматься наверх, мне очень захотелось попасть туда.

— Когда ты послужишь мне некоторое время, и я лучше узнаю тебя,— объяснил Фал Сивас,— надеюсь, что смогу полностью доверять тебе, но пока ты проходишь испытание.

Это был самый длинный день в моей жизни. Я стоял в коридоре у его дверей, ничего не делая.

Наконец день подошел к концу. Когда представилась возможность, я напомнил Фалу Сивасу, что он хотел указать мне месторасположение штаб-квартиры Ура Джана, чтобы я мог отправиться туда ночью. Он подробно рассказал мне, как найти здание в другом районе города.

— Можешь отправляться, когда захочешь,— сказал он в заключение.— Я приказал Гамасу впускать и выпускать тебя. Он сообщит тебе условный сигнал. Желаю

удачи,— сказал он,— но думаю, что тебе было бы проще прямо сейчас получить удар в сердце. Ты выступаешь против самой жестокой и незаборчивой в средствах банды Зоданга.

— Именно этого мне и хотелось,— ответил я.— Доброй ночи!

Я отправился к себе и велел Занде закрыться после моего ухода и открывать дверь только на условный сигнал. Она с радостью повиновалась.

Когда я был готов к выходу, Гамас провел меня к двери, ведущей на улицу. Здесь он показал мне скрытую в каменной кладке кнопку и объяснил, как я должен сообщить о своем возвращении.

Немного отойдя от дома, я встретил Рапаса Ульсио. Он, казалось, забыв свой гнев или скрыл его, потому что сердечно приветствовал меня.

— Ты куда? — спросил он.

— Ухожу на весь вечер.

— А что собираешься делать?

— Сначала в гостиницу за своими вещами, а потом поищу развлечений.

— Встретимся позже вечером?

— Давай,— ответил я.— Когда и где?

— Примерно до половины восьмого цода я буду занят своими делами. Мы можем встретиться в той же столовой, где были вчера.

— Хорошо,— сказал я,— но не жди меня слишком долго. Я ведь могу устать от удовольствий и вернуться к тому времени обратно в дом к хозяину.

Расставшись с Рапасом, я пошел в гостиницу, где оставил свои вещи. Собрав их, я отнес все в ангар на крыше и спрятал в своем воздушном корабле. Потом я направился к дому, который указал мне Фал Сивас.

Я миновал ярко освещенные торговые районы и оказался в мрачных кварталах старого города. Тот квартал, который я искал, был жилым, но из числа самых бедных. Некоторые дома все еще стояли на поверхности, хотя большинство были подняты на столбах на двадцать-тридцать футов над ней.

Отовсюду доносились смех, песни, изредка крики — звуки ночной жизни большого марсианского города; вскоре я оказался в довольно пустынном районе, постепенно приближаясь к штаб-квартире Гильдии Убийц. Я скрывался в тени зданий, избегая немногих встречных

прохожих, так как не хотел, чтобы меня видели здесь. Я начал игру со смертью.

Дойдя до здания, которое мне было нужно, я отыскал на противоположной стороне улицы подъезд, откуда мог следить за ним, не будучи обнаруженным. Дальняя луна слабо освещала улицы, но пока не происходило ничего важного.

Поначалу здание показалось мне неосвещенным, но взглядевшись повнимательнее, я увидел в окне верхнего этажа слабое мерцание света. Здесь, несомненно, было место встречи убийц. Но как мне добраться до окна?

Двери, ведущие в здание, конечно, заперты изнутри и тщательно охраняются. На некоторых этажах дома были балконы, добравшись до которых, я сумел бы проникнуть в здание. Но стены дома были ровными, по ним даже я, обладая большой силой земных мускулов, не сумел бы взобраться так высоко. Просчитав каждую возможность, я вынужден был признать, что лучший путь — через крышу.

Однако не оставил мысли и о том, чтобы попытаться счастье и проникнуть в здание через входную дверь. Я уже хотел было пересечь улицу и осмотреть дверь повнимательнее, когда увидел двух приближавшихся мужчин. Отступив в тень, я ждал, пока они пройдут, но они свернули к двери здания, за которым я наблюдал. Дверь открылась спустя несколько мгновений, и они вошли. Я окончательно убедился, что дверь охраняется и что через нее проникнуть незаметно в дом не удастся.

Оставалась только крыша. Я быстро выбрался из своего убежища, вернулся в гостиницу и прошел прямо в ангар. Там никого не оказалось, и вскоре я уже сидел за рулем управления своего корабля. Меня, конечно, мог задержать патрульный корабль, но внутри города частные корабли останавливают очень редко. Тем не менее, я старался лететь низко, прямо над крышами домов.

Я долетел до здания, где скрывались наемные убийцы и мягко опустился на его крышу. Она не была приспособлена для посадки кораблей: на крыше не было ангара и причальных колец, но на Барсуме редко бывают сильные ветры, а эта ночь вообще была совершенно безветренной.

Спустившись с палубы корабля, я осмотрел крышу в поисках входа в здание. Я нашел единственный небольшой люк, который оказался запертым изнутри. Бесшумно

открыть его не удастся. Подойдя к краю крыши, я увидел прямо под собой один из балконов, на который мог бы прыгнуть, зависнув на руках на краю карниза, но я опять-таки мог нашуметь и привлечь чье-либо внимание.

Осмотрев внимательно стену, я обнаружил резные украшения, которые удержали бы меня. Я осторожно перегнулся через край крыши, нащупал руками опору и постепенно сполз по стене на балкон. Я спустился в темном углу балкона, чтобы не оказаться напротив освещенного окна. Несколько мгновений я стоял, прислушиваясь. Где-то в глубине здания были слышны голоса. Я перебросил ногу через подоконник и оказался в темном помещении.

На ощупь я медленно добрался по стене к двери, отыскал засов и осторожно потянул его. Дверь отворилась бесшумно. За ней оказался слабо освещенный коридор. Звуки голосов стали громче. Я тихо крался в том направлении, откуда они доносились. Вскоре я достиг поворота, свернул и попал в другой коридор. Здесь свет был ярче, и я увидел, что он падает из открытой двери в конце коридора. Однако я был уверен, что голоса доносятся не из этой комнаты, иначе они звучали бы гораздо громче и отчетливее.

Положение мое было опасным: я не знал планировки здания. Если я подойду к открытой двери, то меня могут сразу обнаружить. Прекрасно понимая, что имею дело с профессиональными убийцами и опытными бойцами, я не тешил себя мыслью, что справлюсь с дюжиной или большим числом противников. Однако я привык рисковать в самых безнадежных ситуациях.

Я явился в Зоданг, чтобы узнать, что можно предпринять против Гильдии Убийц, возглавляемой Уром Джаном. Теперь судьба привела меня в их гнездо, и я не собирался отказываться от выпавшей мне удачи.

Я осторожно двинулся вперед и добрался до открытой двери. Дюйм за дюймом я осмотрел комнату. Очевидно, это была прихожая. В ней стояло совсем немного мебели: стол, несколько скамей и, что удивительно, книжный шкаф в углу.

Теперь я слышал голоса более отчетливо и был убежден, что говорящие находятся в соседней комнате. Я скользнул в прихожую и добрался до двери в противоположном ее конце. Рядом со мной стоял книжный шкаф. Прижавшись ухом к двери, я старался что-нибудь

расслышать, но слова, доносившиеся до меня, были неразборчивы.

Так ничего не выйдет. Я решил, что нужно попытаться подойти к комнате с другой стороны, и уже повернулся, чтобы выйти из прихожей, когда услышал в коридоре шаги.

Я оказался в ловушке.

ГЛАВА IV

СМЕРТЬ В НОЧИ

Я не раз в своей жизни сталкивался с опасностью, но редко случалось мне попадать в такую западню. Шаги в коридоре быстро приближались. По звукам я определил, что идут несколько человек.

Если бы их было двое, я мог бы сразиться с ними, но шум боя услышали бы говорящие в комнате, и меня окружило бы множество сильных бойцов. Бежать было некуда. Да и куда бежать? Даже если я доберусь до балкона, я не смогу взобраться на крышу — они стащат меня вниз.

Положение казалось безнадежным. Вдруг мои глаза остановились на узкой щели между книжным шкафом и стеной. Шаги были уже у самой двери, времени на раздумья не оставалось. Я быстро скользнул за шкаф и застался.

Тут же из коридора в комнату вошли люди. Они не заметили меня, потому что направились прямо к двери в соседнюю комнату. Из своего убежища я отчетливо видел всю комнату, тогда как сам остался незамеченным.

То, что я увидел за дверью, заставило меня призадуматься. В центре обширного помещения сидело не менее пятнадцати человек — пятнадцать сильных мужчин. Во главе стола восседал человек огромного роста. Я знал, что это Ур Джан. Он был отлично сложен, при первом же взгляде становилось ясно, что это незаурядный боец.

Человека, открывшего дверь, я тоже хорошо видел, но его товарища скрывал от меня шкаф. Ур Джан поднял голову.

— Что случилось? — спросил он. — Кто это с тобой?

Затем он произнес:

— А, я узнаю его.

— У него сообщение для тебя, Ур Джан,— сказал человек у двери.— Он говорит, что оно очень срочное, иначе бы я не привел его.

— Пусть войдет,— сказал Ур Джан.— Посмотрим, чего он хочет. А ты возвращайся на свой пост.

— Входи,— сказал человек, обращаясь к своему спутнику,— и молись своему первому предку, чтобы твои новости заинтересовали Ура Джана, иначе ты не выйдешь из этой комнаты.

Он отошел в сторону, и я увидел пришедшего с ним. Это был Рапас Ульсио. Глядя на его спину, когда он приближался к Уру Джану, я понял, как он испуган и напряжен. Я гадал, что могло привести его сюда, ведь он не был членом Гильдии. Тот же вопрос, очевидно, возник и у Ура Джана.

— Что нужно здесь Рапасу Ульсио?

— Я пришел как друг,— ответил Рапас,— и принес Уру Джану слово, которого он долго ждал.

— Лучшее слово, которое ты мог бы мне принести — это имя того, кто перерезал твою грязную глотку,— Ур Джан усмехнулся.

Рапас нервно засмеялся.

— Великий Ур Джан любит шутить,— пробормотал он.

Гигант вскочил на ноги и ударил кулаком по столу.

— Почему ты, жалкий человечешко, думаешь, что я шучу? Но лучше смейся, пока можешь, ибо если ты не сообщишь мне ничего важного, если ты просто так пришел в запретное для тебя место, если ты помешал нашей встрече без достаточных на то оснований, я сделаю тебе новый рот, но ты не сможешь им смеяться.

— Я хотел угодить тебе,— взмолился Рапас,— я был уверен, что ты оценишь мое сообщение, иначе бы я не пришел.

— Говори быстрее, что за сообщение.

— Я знаю, кого нанял убийцей Фал Сивас.

Ур Джан рассмеялся. Это был отвратительный смех.

— Я тоже,— проревел он.— Это Рапас Ульсио!

— Нет! Поверь мне, Ур Джан! — воскликнул Рапас.

— Тебя много раз видели входящим и выходящим из дома Фала Сиваса,— заявил глава Гильдии.— Ты у него на службе, а для каких целей он может нанять такого, как ты, если не для убийства?

— Да, я бываю в доме Фала Сиваса довольно часто.

Он нанял меня телохранителем, но я принял его предложение только для того, чтобы иметь возможность шпионить за ним. Теперь я узнал то, что мне нужно, и пришел прямо к тебе.

— Ну, и что же ты узнал?

— Я уже сказал тебе. Я узнал, кто убивает по его приказу.

— И кто же, если не ты?

— Он нанял чужака-пантана по имени Вандор. Этот человек убивает по его указке.

Я не мог сдерживать улыбки. Каждый считает себя знатоком человеческой натуры, и когда случается нечто, подтверждающее его предположения, он бывает польщен. Это было тем более приятно, что обычно люди редко правильно оценивают характер других людей. Я же никогда не доверял Рапасу Ульсио и с первого взгляда понял, что он подлец и предатель.

Ур Джан скептически усмехнулся и посмотрел на него.

— А почему ты принес мне это сообщение? Ты не мой друг и не дружен с моими людьми.

— Но я хочу им быть,— умолял Рапас.— Я рисковал жизнью, чтобы сообщить тебе это, потому что хочу присоединиться к Гильдии Убийц и служить под началом великого Ура Джана. Если ты примешь меня, это будет лучший день в моей жизни. Ур Джан величайший человек в Зоданге, величайший человек на всем Барсуме! Я хочу служить ему и буду служить верно.

Все люди падки на лесть, и чем более она беззащитна, тем более они податливы. Ур Джан не был исключением. Он расправил плечи и выпятил грудь.

— Ну,— сказал он более мягко,— мы подумаем над этим. Возможно, мы сумеем тебя использовать, но сначала нужно покончить с этим Вандором.

Он быстро осмотрел собравшихся.

— Кто знает его?

Все недоуменно пожали плечами, так как никто не знал меня.

— Я покажу вам его,— сказал Рапас,— я покажу вам его сегодня же.

— Почему ты в этом уверен? — спросил Ур Джан.

— Я договорился встретиться с ним в столовой.

— Неплохая мысль,— сказал Ур Джан.— Когда ты с ним встречаешься?

— Примерно в половине восьмого цода.

Ур Джан обвел взглядом своих людей.

— Ульдак,— сказал он,— ты пойдешь с Рапасом. Не возвращайся, пока Вандор жив.

Я хорошо рассмотрел Ульдака, пока он шел к двери, и запомнил каждую деталь его внешности, даже походку. Неважно, что я видел его всего несколько мгновений, я был уверен, что никогда не забуду его.

Пока эти двое выходили из большой комнаты и пересекали прихожую, где я скрывался, Рапас объяснял своему спутнику план, сложившийся у него в голове.

— Я заранее покажу тебе столовую, где мы назначили встречу, позже ты вернешься туда и увидишь, кто сидит со мной за столом.

Я не мог не улыбнуться. Что сказали бы эти двое и Ур Джан, если бы знали, что тот, кого они ищут, находится в нескольких шагах от них?

Я хотел последовать за Рапасом и Ульдаком, но не мог выйти из-за шкафа, так как дверь в большую комнату осталась открытой. Придется ждать окончания встречи, только тогда я смогу выбраться на крышу.

Хотя меня раздражала вынужденная бездеятельность, я использовал это время, чтобы хорошенько запомнить лица наемных убийц, некоторые из них сидели ко мне спиной, но даже их я мог изредка видеть в профиль.

Вскоре Ур Джан заметил открытую дверь и приказал сидящему рядом закрыть ее. Едва дверь закрылась, я выбрался из-за шкафа и вышел в коридор. Никого не было видно и слышно. Я быстро двинулся к комнате, через окно которой проник в здание.

Успех моего плана зависел от того, успею ли я в столовую раньше Рапаса и Ульдака. Я добрался до балкона и без препятствий вскарабкался на крышу, а вскоре уже приземлил свой воздушный корабль на крыше гостиницы у ангара. Спустившись на улицу, я направился к столовой. Выбрав место, с которого я мог следить за входом в нее, я принялся ждать. Вскоре я увидел две приближающиеся фигуры. Они остановились на перекрестке двух улиц недалеко от меня, и Рапас указал Ульдаку на вход в столовую, потом они разошлись: Рапас двинулся в гостиницу, где я впервые встретился с ним, а Ульдак повернулся и пошел по улице, ведущей к месту встречи убийц.

До встречи с Рапасом оставалось еще полцода, но меня сейчас больше интересовал Ульдак. Как только Рапас прошел мимо меня по противоположной стороне улицы, я вышел из своего убежища и быстро пошел в том направлении, куда удалился Ульдак.

Добравшись до перекрестка, я увидел убийцу немного впереди себя. Он шел медленно, очевидно, убивая время и дожидаясь часа, когда я встречу с Рапасом в столовой. Держась противоположной стороны улицы, я довольно долго шел за ним, пока он не оказался в совершенно пустынном месте. Я не хотел, чтобы были свидетели того, что мне предстояло сделать.

Перейдя улицу, я прибавил шаг. Расстояние между нами быстро сокращалось, и вот я уже в нескольких шагах от него. Я подошел так тихо и осторожно, что он вздрогнул от неожиданности, когда я заговорил:

— Ты знаешь меня?

Он резко обернулся, положив правую руку на рукоять меча.

— Кто ты? — спросил он.

— Возможно, я ошибся, — сказал я, — ведь ты Ульдак?

— Ну и что?

Я пожал плечами.

— Но ведь тебя послали убить меня. Меня зовут Вандор, — закончив говорить, я выхватил меч.

Он был очень удивлен, когда я назвал себя, но ему ничего не оставалось делать, как только защищаться, и он с отвратительным смешком тоже извлек оружие.

— Ты глупец, — заявил он. — Любой другой убежал бы и спрятался, если бы узнал, что его ждет Ульдак.

Очевидно, этот человек считал себя великим бойцом. Я мог смутить его, открыв ему свое подлинное имя. Сердце любого воина Барсума сожмется, если он узнает, что ему противостоит Джон Картер. Но я ничего не сказал, а решил проверить, имеет ли он основания хвастать.

Он, несомненно, был хорошим бойцом и, как я и ожидал, очень хитрым и неразборчивым в средствах. Большинство убийц не имеют представления о честной схватке, они просто убийцы.

Вначале он сражался довольно небрежно, ведь он был уверен, что легко одолеет меня, но когда понял, что ему это не удастся, испробовал несколько трюков и, на-

конец, совершил непростительный проступок — свободной рукой он выхватил пистолет. Зная, с кем имею дело, я все время ожидал чего-нибудь подобного.

В тот момент, когда его пальцы сомкнулись на рукоятки оружия, я выбил его меч, а потом ударил своим мечом по его руке, державшей пистолет, почти перерубив ее.

С криком гнева и боли он отступил, но я был перед ним. Он взмолил о пощаде и закричал, что он вовсе не Ульдак, что я ошибся. Он просил меня отпустить его.

Этот трус повернулся, пытаясь бежать, и я вынужден сделать то, что против моих правил ведения боя, но я не мог оставить его в живых. Я догнал его и сзади поразил прямо в сердце. Он упал лицом вниз, я вытащил меч из его тела и быстро огляделся. Никого не было видно.

Я перевернул Ульдака на спину и концом своего ножа начертил на его груди крест.

ГЛАВА V

МОЗГ

Когда я вошел в столовую, то сразу увидел Рапаса, с нетерпением ожидавшего моего прихода. Он выглядел очень самоуверенным.

— Ты точен,— сказал он.— Удалось ли тебе найти что-нибудь интересное ночью в Зоданге?

— Да,— ответил я.— Я хорошо повеселился. А ты?

— У меня был очень удачный вечер. Я установил очень важную связь и, мой дорогой Вандор, я не забыл тебя.

— Очень благородно с твоей стороны,— серьезно произнес я.

— Да, ты запомнишь этот вечер на всю жизнь,— воскликнул он и разразился смехом.

— Ты должен рассказать мне об этом.

— Нет, не теперь,— ответил он.— Это должно пока оставаться тайной. Ты скоро сам все узнаешь, а теперь давай поедим. Сегодня я угощаю. Я плачу за все.

Жалкая человекоподобная крыса в человеческом облике раздулась от важности, почувствовав себя полноправным членом Гильдии Убийц.

— Хорошо,— согласился я,— пусть будет по-твоему.

Чтобы сделать ситуацию еще более забавной, я за-

казал самые дорогие блюда, какие только смог найти.

Когда я вошел в столовую, Рапас сидел лицом ко входу. Он постоянно посматривал на него. Когда кто-нибудь входил, я видел, как на его лице выражение ожидания сменялось разочарованием.

За едой мы говорили о самых незначительных вещах. По мере того, как ужин подходил к концу, росло нетерпение и раздражение Рапаса.

— В чем дело, Рапас? — спросил я спустя некоторое время. — Чем ты встревожен? Ты кого-нибудь ждешь?

Он быстро взял себя в руки.

— Нет, я никого не жду, но у меня есть враги. Всегда нужно быть начеку.

Его объяснение было достаточно правдоподобным, но я-то знал, что это ложь. Я мог бы сказать ему, что он ждет напрасно, но не сделал этого.

Рапас, как мог, затягивал ужин, и чем дольше это продолжалось, тем больше он нервничал и тем чаще смотрел на вход. Наконец я захотел уйти, но он задержал меня.

— Посиди еще немного, — сказал он. — Разве ты торопишься?

— Мне нужно возвращаться, — ответил я. — Я могу понадобиться Фалу Сивасу.

— Нет, — сказал он. — Ты свободен до утра.

— Но мне нужно немного поспать, — настаивал я.

— Ты успеешь выспаться, — сказал он, — не беспокойся.

— Но я все же пойду, — с этими словами я встал. Он тоже неохотно встал из-за стола.

— Я провожу тебя немного, — сказал он.

Мы уже были у выхода, когда с улицы вошли два человека. Здороваясь с владельцем столовой, они продолжали взволнованно что-то обсуждать.

— Агенты Владыки Барсума снова за работой, — заметил один из них.

— А что случилось? — спросил их хозяин.

— На улице Зеленого Горла нашли тело одного и убийц Ура Джана, а над сердцем у него — крест Владыки Барсума.

— Да будет силен Владыка Барсума, — сказал хозяин столовой. — В Зоданге станет намного лучше, если он очистит его от них.

— Как звали убитого? — спросил Рапас с напряжением, которое пытался скрыть.

— В толпе говорили, что его зовут Ульдак, — ответил один из принесших новость.

Рапас побледнел.

— Это был твой друг, Рапас? — спросил я его.

— О, нет, — поспешно ответил Рапас, — я не знал его. Идем!

Мы вместе вышли на улицу и пошли в направлении дома Фала Сиваса. Плечом к плечу шли мы по освещенным кварталам, прилегающим к столовой. Рапас явно нервничал. Краем глаза я следил за ним и старался прочесть его мысли, но он был настороже и закрылся от меня.

Я часто имел преимущество перед марсианами, потому что мог читать их мысли, а вот моих мыслей они не могли прочесть. Почему так, я не знаю. Проникновение в чужие мысли широко распространено на Марсе, и все они в целях безопасности выработали способность закрывать свой мозг — некий защитный механизм, позволяющий обезопасить себя.

Однако, когда мы вышли на темную улицу, стало очевидным, что Рапас все время старается идти следом за мной. Хотя я не мог прочесть его мыслей, я догадывался о его намерениях: Ульдак не выполнил поручения, и у человека-крысы появилась возможность прославиться самому и заслужить благосклонность Ура Джана.

Будучи наделенным чувством юмора, я немало повеселился в нашей ситуации. Вот я иду по совершенно темной улице рядом с человеком, который хочет убить меня при первой же возможности, и мне необходимо расстроить его планы, но так, чтобы он ничего не подозревал. Я не хотел убивать Рапаса Ульсио, по крайней мере, сейчас. Я чувствовал, что так или иначе сумею использовать его.

— Идем, — сказал я. — Почему ты задерживаешься? Ты устал?

Я обнял его, прижав его руку. Так мы продолжали идти к дому Фала Сиваса.

На ближайшем перекрестке он высвободился из моих рук.

— Я оставляю тебя здесь, — сказал он. — Я не хочу сегодня идти в дом Фала Сиваса.

— Хорошо, друг мой,— согласился я,— но, надеюсь, мы скоро увидимся.

— Да,— ответил он,— скоро!

— Может быть, завтра вечером? — предложил я.— Или через день. Освободившись, я приду в столовую; там я скорее всего найду тебя.

— Хорошо, я ежедневно там ужинаю,— ответил он.

— Спокойной ночи, Рапас!

— Спокойной ночи, Вандор!

Он свернул налево, а я продолжил свой путь. Я подумал, что он последует за мной, но ошибся. Вскоре я подошел к дому Фала Сиваса.

Гамас впустил меня. Обменявшись с ним несколькими словами, я отправился к себе. В ответ на мой сигнал Занда открыла дверь. Девушка рассказала мне, что ночью в доме все было спокойно, никто не пытался войти в мои апартаменты. Она приготовила мне постель, а я, смертельно уставший, тут же уснул.

На следующее утро сразу после завтрака я отправился на дежурство у двери кабинета Фала Сиваса. Очень скоро он вызвал меня, спросив:

— Ну, что было ночью? Сопутствовали ли тебе удача? Я вижу, что ты жив, значит, ты не нашел места встречи убийц.

— Наоборот, я нашел его и побывал там. Я был рядом с ними в соседней комнате и видел их всех.

— Что же ты узнал?

— Немного. Через закрытую дверь я почти ничего не слышал, а открыли ее лишь ненадолго.

— И что же ты услышал?

— Они знают, что ты нанял меня телохранителем.

— Что? — воскликнул он.— Откуда они могли узнать?

Я покачал головой.— Где-то утечка.

— Предатель? — воскликнул он.

Я не сказал ему о Рапасе. Я боялся, что он прикажет убить его, чего мне пока вовсе не хотелось делать, ведь он мог быть полезен.

— Что еще? — спросил он.

— Ур Джан приказал убить меня.

— Ты должен быть осторожен,— сказал Фал Сивас.— Тебе лучше не выходить ночью.

— Я сумею позаботиться о себе,— ответил я,— и смогу принести больше пользы, выходя из дома и встре-

чаясь с разными людьми, чем сидя взаперти.

Он кивнул.

— Я думаю, ты прав.

После некоторого размышления он воскликнул:

— Я знаю, кто предатель!

— Кто же? — поинтересовался я.

— Это Рапас Ульсио! Ульсио! У него точное прозвище.

— Ты уверен в этом? — спросил я.

— Никто другой не может им быть, — отвечал Фал Сивас. — Кроме вас двоих никто не имеет разрешения на выход. Но мы положим этому конец, как только он вернется. Когда он придет, убей его. Понял?

Я кивнул.

— Это приказ, — добавил он. — Смотри, он должен быть выполнен.

Некоторое время он сидел молча, и я видел, что он внимательно изучает меня. Наконец он снова заговорил.

— По твоему интересу к книгам я понял, что ты знаком с наукой.

— Совсем немного, — заверил я его.

— Мне нужен такой человек, как ты, — заметил он. — Если бы я мог верить тебе! Кому можно верить? — казалось, он размышляет вслух. — Я редко ошибаюсь, — продолжал он, — ведь я читал Рапаса, как книгу. Я знал, что он невежда и что у него сердце предателя.

Внезапно он повернулся ко мне.

— Но ты другое дело. Думаю, что можно попытаться, но если ты обманешь меня...

Он встал и взглянул на меня. Я никогда не видел такого злобного выражения лица.

— Если ты обманешь меня, Вандор, ты умрешь такой смертью, какую только сможет изобрести мозг Фала Сиваса.

Я не сдержал улыбки.

— Умирают только один раз, — сказал я.

— Но ты будешь умирать долго, если это сделать по научным методам.

Теперь он немного расслабился, и тон его немного смягчился. Я мог себе представить, как наслаждается Фал Сивас, следя за мучениями своего врага.

— Я хочу посвятить тебя в мои тайны. Немного, совсем немного, — сказал он.

— Помни, что я не просил тебя об этом,— ответил я.— Мне не нужны твои секреты.

— Риск будет взаимным,— сказал он.— Твоя жизнь против моих секретов. Идем, я кое-что покажу тебе.

Он повел меня по коридору мимо своих апартаментов наверх по пандусу на этаж, вход на который был воспрещен. Мы миновали ряд роскошно убранных комнат и через маленькую дверь, скрывавшуюся за занавесом, прошли на чердак, находившийся этажом выше.

Там стоял самый странный корабль из всех, какие мне приходилось видеть. Он занимал почти весь зал, а корпус его был убран лесами. Широкий по центру, к носу и к корме он постепенно сужался.

— Вот оно, дело всей моей жизни,— с гордостью сказал Фал Сивас,— корабль почти готов.

— Совершенно новый тип корабля,— заметил я.— В чем же он превосходит все прежние виды кораблей?

— Он способен развивать скорость, которая поражает человеческое воображение,— ответил Фал Сивас.— Он полетит туда, где еще не бывал ни один корабль, построенный на Барсуме. На нем, Вандор, я смогу долететь до Турии и Хлоруса, обеих лун Барсума, а также и на другие планеты.

— Удивительно,— заметил я.

— Но это еще не все. Корабль не только сверхскоростной, он выдержит очень высокое давление и предельные перепады температуры. Возможно, Вандор, другие изобретатели достигли того же, к примеру, Гар Нал тоже мог сделать это, но лишь один человек на Барсуме и, несомненно, один мозг во Вселенной смог сделать то, что ты видишь. И этот человек — Фал Сивас. Я дал этому безжизненному механизму мозг, усовершенствовал его. Пройдет совсем немного времени, Вандор, и этот корабль сможет летать. Да, он полетит, выполнит мое желание и вернется назад. Ты, конечно, считаешь, что это невозможно. Ты думаешь, что Фал Сивас сошел с ума, но смотри внимательнее!

Он сосредоточил свой взгляд на носу странного корабля, и вскоре я заметил, что корабль медленно поднимается с лесов и висит в воздухе. Сначала он поднял нос, потом корму и, наконец, вернулся на свое место на лесах.

Я был поражен. В жизни я не видел ничего более удивительного и не смог скрыть своего восхищения.

— Ты видишь,— сказал он,— мне не нужно даже говорить с ним. Механический мозг, который я поместил на корабль, улавливает мысленные волны. Я просто подумал о том, что он должен сделать. Механический мозг уловил мой приказ и отдал распоряжение механизмам корабля, которыми он управляет точнее, чем любой пилот. Вандор, мне пришлось вести долгую и ужасную битву, чтобы создать этот удивительный механизм. Я вынужден был совершать поступки, которые потрясли бы добропорядочное человечество, но я верю, что дело стоило того. Я верю, что мое великое достижение стоит тех жизней и страданий, что за него заплачены. Я тоже дорого заплатил. Он отнял у меня то, чего я уже не смогу возместить. Я думаю, Вандор, он лишил меня человеческих инстинктов; если не считать того, что я смертен, то я такое же создание холодных формул, как этот корабль. Иногда я ненавижу его, и все же я умер бы за него. Я видел, как умирают из-за него другие, их было очень много, а он должен жить. Это величайшее достижение человеческого разума.

ГЛАВА VI

КОРАБЛЬ

Я считаю, что в каждом из нас — две личности. Иногда они похожи, и расхождение между ними незаметно, но иногда разница настолько велика, что появляется феномен доктора Джекила и мистера Хайда. Короткая вспышка откровенности показала, что Фал Сивас как раз таковым и является.

Казалось, он немедленно пожалел о своем эмоциональном взрыве и снова перешел к объяснениям технической стороны своего изобретения.

— Хочешь увидеть его внутри? — спросил он.

— Очень хочу,— ответил я.

Он вновь сосредоточил внимание на носу корабля, вскоре открылась дверь в корпусе, и оттуда на пол скользнула веревочная лестница. Это было невероятно, как будто работу выполнила призрачная рука.

Фал Сивас знаком предложил мне подняться по лестнице первым, так как всегда следил в целях безопасности, чтобы никто не шел следом за ним.

Дверь вела прямо в небольшую комфортабельную и роскошно убранную каюту.

— На корме — кладовые с запасом пищи, достаточным для долгого путешествия,— объяснил мне Фал Сивас.— Там же двигатели, установки, производящие кислород и воду, приборы, регулирующие температуру. Впереди — контрольная рубка. Думаю, что она больше заинтересует тебя.

Он велел мне пройти в маленькую дверь в передней стене каюты.

Контрольная рубка, занимавшая весь нос корабля, была до отказа напичкана приборами. По обеим сторонам носа корабля были расположены два больших иллюминатора, похожие на глаза гигантского чудовища. Они и в самом деле служили глазами корабля.

Фал Сивас обратил мое внимание на маленький металлический шар размером с грейпфрут, надежно укрепленный между двумя «глазами» корабля. От него отходил толстый кабель, расходящийся на множество изолированных проводов. Я заметил, что в основном они соединены с приборами в контрольной рубке, а часть из них уходила в другие отсеки корабля. Фал Сивас положил руку на этот шар и заявил:

— Это сам мозг!

Потом он указал мне на два пятна по центру иллюминатора. Приглядевшись, я увидел, что они чем-то отличаются от остального прозрачного материала «глаза».

— Эти линзы,— объяснил мне Фал Сивас,— фокусируют все, что видят, в нижнюю часть мозга корабля и передают ему все, что заметят.

— Это невероятно!

— Тем не менее, это правда,— ответил он.— Только в одном этот мозг уступает человеческому: он не может мыслить самостоятельно. Возможно, это и к лучшему, в противном случае он мог бы произвести на Барсуме ужасающие опустошения, прежде чем его смогли уничтожить. Корабль оснащен мощными радиевыми пушками и управляет ими с точностью, непостижимой для человека.

— Но я не видел никаких пушек,— сказал я.

— И не увидишь,— ответил он.— Они спрятаны в корпусе, можно заметить лишь маленькие отверстия в боковых стенках корабля, но как я сказал, единственная слабость механического мозга делает его выгодным по-

мощником человека. Он действует только по приказу человека. Другими словами, я должен ввести в механизм свою мысль. Например, я приказываю ему подняться на десять футов, задержаться там несколько секунд, а затем опуститься обратно на леса. Я могу ему также приказать отправиться на Турию, разыскать удобное для посадки место и опуститься. Я могу пойти дальше и приказать ему, если на него нападут, ответить огнем и маневрировать, чтобы избежать уничтожения, или вернуться немедленно на Барсум. Он снабжен фотокамерами, которые могут сфотографировать поверхность Турии.

— И ты думаешь, Фал Сивас, что он проделает все это?

Он нетерпеливо взглянул на меня.

— Конечно. Мне потребуется еще несколько дней, чтобы внести кое-какие усовершенствования, поскольку меня не удовлетворяют некоторые детали двигателя.

— Может, я смогу помочь тебе? — сказал я. — За свою долгую жизнь я немало копался в двигателях воздушных кораблей.

Он заинтересовался моим предложением, и мы вышли из корабля. Потом мы долго рассматривали с ним чертежи двигателя, и я сумел внести некоторые поправки. Фал Сивас сразу же оценил мои предложения.

— Пойдем со мной, — сказал он. — Мы начнем работать немедленно.

Он подвел меня к двери в конце ангара, и через нее мы вошли в соседнее помещение.

В прилегающих к ангару помещениях были расположены великолепно оборудованные мастерские, но то, что я увидел там, заставило меня содрогнуться. В них работали механики, прикованные цепями к своим рабочим местам. Лица их были бледны от долгого заключения, а в глазах застыли безнадежность и отчаяние. Фал Сивас, вероятно, заметил выражение моего лица, потому что сказал, как бы отвечая на мои мысли:

— Я поступил так, Вандор, потому что не мог рисковать своими тайнами. Ведь они могли сбежать и раскрыть их всему миру.

— А когда все будет готово, тыпустишь их?

— Никогда! — воскликнул он. — Мои тайны умрут вместе со мной. Пока я жив, они делают меня самым могущественным человеком Вселенной. Даже Джон Кар-

тер, Владыка Барсума, склонит голову перед Фалом Сивасом.

— А эти бедняги останутся здесь на всю жизнь?

— Они должны гордиться, что служат величайшему достижению человечества! Разве это не счастье?

— Нет ничего дороже для человека, чем свобода, Фал Сивас! — сказал я.

— Держи при себе свою глупую чувствительность! — выпалил он. — В доме Фала Сиваса для нее нет места. Если ты хочешь стать нужным для меня, думай только о цели, позабыв о средствах, которыми она достигается.

Я понял, что противоречить ему бесполезно, поэтому лишь пожал плечами.

— Ты, разумеется, прав, Фал Сивас, — согласился я.

— Так-то лучше, — сказал он.

Он подозвал мастера и объяснил ему изменения, которые следует внести в детали двигателя. Когда мы вышли, Фал Сивас вздохнул.

— Ах, — сказал он, — если бы я мог производить механический мозг в достаточном количестве, я убрал бы этих глупых людишек. Один мозг в каждой мастерской выполнял бы все операции, которыми теперь заняты десять-пятнадцать человек, и справлялся бы он с работой гораздо лучше их.

Фал Сивас пошел в свою лабораторию на том же этаже и сказал мне, что я пока свободен, но должен оставаться в своих апартаментах, и держать дверь открытой, чтобы никто не прошел по коридору на верхний этаж, с которого мы спустились.

Добравшись до своих комнат, я увидел Занду, приводящую в порядок мои доспехи.

— Только что я говорила с рабыней Гамаса, — заметила девушка. — Гамас беспокоится из-за тебя.

— Почему?

— Он видит, что ты нравишься хозяину и боится потерять свою власть. Много лет он обладал здесь неограниченной властью.

Я засмеялся. — Меня не прельщают его лавры.

— Но этого не знает он, — ответила Занда. — Даже если передадут твои слова, он не поверит. Он твой враг, и очень сильный враг. Я только хотела предупредить тебя.

— Спасибо, Занда, — сказал я. — Я буду следить за ним, но у меня всегда было множество врагов, и я при-

вык находиться в их окружении, так что одним больше, одним меньше — большой разницы нет.

— Гамас слишком -сильный враг. Он — уши Фала Сиваса. Я боюсь за тебя, Вандор!

— Не бойся, и если это успокоит тебя, сообщи рабыне Гамаса, что я вовсе не хочу его смещать.

— Мысль неплохая, но я боюсь, что этим мы ничего не добьемся,— ответила она.— На твоём месте, если тебя выпустят из дома в следующий раз, я бы не вернулась. Ты выходил прошлой ночью, поэтому я думаю, что ты можешь уходить и приходить по желанию.

— Да, пока так.

— Ты ещё не побывал на верхнем этаже, и Фал Сивас не показал тебе свои секреты. Вероятно, тебе разрешат ещё выйти из этого здания.

— Ты ошибаешься, я уже был наверху,— сказал я,— и видел там много удивительного.

Девушка встревоженно воскликнула:

— О, Вандор, ты погиб! Теперь ты никогда не покинешь этого ужасного места!

— Напротив, я уйду сегодня вечером, Занда! Фал Сивас дал на это свое согласие.

Она печально покачала головой.

— Я не поверю, пока ты не уйдешь.

Ближе к вечеру Фал Сивас вызвал меня. Он сказал, что хочет поговорить со мной о дальнейшей работе над двигателем. Разговор затянулся, и я не смог уйти. На следующий день он велел мне проследить за работой в мастерских, и я снова не смог уйти. Так тянулся вечер за вечером. И хотя мне не запрещали выходить, я начал чувствовать себя пленником. Однако меня очень заинтересовала работа в мастерских, и я не слишком задумывался над тем, как мне уйти.

С тех пор, как я увидел чудо-корабль Фала Сиваса и выслушал его рассказ об удивительном механическом мозге, управляющем кораблем, он занимал все мои мысли. Я знал теперь, что с его помощью можно сотворить много добрых и злых дел на Барсуме. Если человек, владеющий этим изобретением, добр, он направил все усилия для создания лучшей жизни на планете, но я боялся, что Фал Сивас слишком эгоистичен и безумен, чтобы использовать свое изобретение с пользой для людей.

Эти размышления, естественно, поставили передо

мной вопрос о возможности управления механическим мозгом другим человеком. Я решил найти способ и проверить, будет ли он повиноваться моей воле.

В этот день Фал Сивас был в своей мастерской, а я работал с механиками, закованными в цепи. Огромный корабль находился в соседнем помещении, и я подумал, что теперь настало самое подходящее время для эксперимента. Я знал, что рабы не выдадут меня Фалу Сивасу, так как ненавидели его и вообще были безразличны ко всему, происходящему в мастерских. Я незаметно вышел в ангар, где на лесах стоял корабль.

Закрыв за собой дверь, я подошел к носу корабля и сосредоточил все мысли на мозге внутри него. Я приказал ему подняться с лесов и потом опуститься на место, подумав, что если смогу сделать это, то мне удастся и все остальное.

Я не отношусь к слабонервным людям, но должен признаться, что нервы мои были напряжены, когда я следил за огромным кораблем, гадая, ответит ли он на мои мысленные приказы. Прошло лишь мгновение, показавшееся мне вечностью, как вдруг корабль, словно поднятый невидимой рукой, медленно двинулся вверх. Задержавшись на несколько секунд в десяти футах над лесами, он снова опустился.

В этот момент за моей спиной послышался шум.

Обернувшись, я увидел в дверях Фала Сиваса.

ГЛАВА VII

ЛИЦО В ДВЕРЯХ

Бесстрастность — естественное следствие уравновешенности. В этот момент я был благодарен генам уравновешенности, подаренным мне каким-то моим древним предком. Я не знал, когда он появился — до или уже после моего эксперимента. Если после, то он опоздал лишь на долю секунды. Я решил действовать, исходя из того, что он ничего не видел.

Стоя в дверях, старый изобретатель строго смотрел на меня.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он.

— Корабль очаровал меня, он завладел моим воображением, — честно ответил я. — Я зашел, чтобы еще

раз взглянуть на него. Ты не говорил мне, чтобы я не делал этого.

Он сурово сдвинул брови.

— Может и не говорил,— сказал он наконец,— но сейчас предупреждаю тебя: никто не имеет права входить в эту комнату без моего разрешения.

— Я запомню это,— согласился я.

— Так будет лучше для тебя, Вандор.

Я подошел к дверям, но Фал Сивас преградил мне дорогу.

— Подожди,— сказал он,— не проверял ли ты, появится ли мозг корабля твоим командам?

— Откровенно говоря, да,— ответил я ему.

Я решил, что он, возможно, играет со мной и видел все, а может быть, лишь просто подозревает.

— Так ты пытался проверить действие твоих мыслей на мозг корабля или нет?

— Кто, исключая глупцов, увидев это чудо, не подумал бы об этом?

— Верно,— согласился он.— Это совершенно естественно. Ну, что тебе удалось?

Его глаза превратились в две маленькие злые щелочки. Казалось, он хочет заглянуть в мою душу. Несомненно, он пытался прочесть на расстоянии мои мысли, но это было невозможно.

Я махнул рукой в направлении корабля.

— Разве он сдвинулся хоть на дюйм? — спросил я со смехом.

Мне показалось, что я увидел слабый намек на удовлетворение на его лице и почувствовал уверенность в том, что он ничего не видел.

— Интересно, однако, проверить, сможет ли мозг другого человека управлять механизмами,— сказал он.— Допустим, ты попробуешь...

— Чрезвычайно интересно, я рад попробовать. Что же я должен предпринять?

— Это должна быть твоя собственная, личная мысль. Если ты передашь мою мысль, мы ничего не сумеем проверить.

— Ты боишься, что я невольно поврежу корабль? — поинтересовался я.

— Думаю, что нет,— ответил он.— Тебе трудно осознать, что видит и как мыслит сам корабль. Конечно, его зрение и мысли — процессы чисто механические.

Ты можешь приказать кораблю покинуть ангар, но он не в состоянии будет сделать это, поскольку большая дверь закрыта. Он может приблизиться к стене здания, но глаза увидят препятствие, передадут информацию в мозг, а тот придет к логическому умозаключению. Он остановит корабль или, что более вероятно, прикажет ему поискать «глазами» безопасный выход. Но посмотрим, что ты сможешь сделать.

Я не собирался демонстрировать Фалу Сивасу, что могу управлять его изобретением, поэтому старался думать о чем угодно, только не о корабле. Через некоторое время я повернулся, выказывая полное разочарование.

— Ничего не получается,— сказал я.

Он испытал явное облегчение.

— Ты умный человек,— сказал он.— Если он не повинуется тебе, можно считать доказанным, что он слушается только меня.

Некоторое время он о чем-то думал, потом выпрямился, посмотрел на меня, и его глаза встыхнули демоническим огнем.

— Я стану хозяином Барсума,— заявил он.— а, может, и всей Вселенной.

— При помощи корабля? — я кивнул на умную машину.

— При помощи идеи, которую он символизирует,— ответил он,— при помощи умнейших машин, снабженных механическим мозгом. Если бы только у меня было богатство, я создавал бы эти мозги в огромных количествах, размещал бы их в небольших воздушных кораблях, весящих меньше человека. Я снабдил бы их руками и оружием, а потом послал бы на завоевание мира и других планет. Они не знали бы ни боли, ни страха. У них не было бы надежд, чувств или стремлений, ничто не мешало бы им служить мне. Они выполняли бы мою волю и добивались бы поставленной цели любой ценой, вплоть до самоуничтожения. Но я постоянно восполнял бы их количество, создавая огромные заводы, производящие умнейшие машины и аппараты. Понимаешь ли ты, чего я могу достичь?

Он подошел ко мне ближе и заговорил почти шепотом.

— Первого механического человека я создам своими руками и уж потом поручу ему производить себе подоб-

ных. Эти механические люди станут рабочими на моих фабриках. Они будут работать днем и ночью без отдыха, производя все больше и больше себе подобных. Подумай, с какой скоростью они будут размножаться.

Я попробовал представить себе его реализованные идеи в будущем. Его перспективы поразили и испугали меня.

— Но это потребует огромных богатств,— сказал я.

— Да, огромных богатств,— повторил он.— И для того, чтобы приобрести эти богатства, я и построил этот корабль.

— Ты собираешься заполучить сокровищницы больших городов Барсума? — с улыбкой спросил я.

— Нет,— ответил он,— гораздо большие сокровища становятся доступными человеку, владеющему этим кораблем. Разве ты не знаешь, что говорят нам спектроскопы о богатствах Турии?

— Я слышал, но никогда не верил этому. Эти рассказы слишком фантастичны,— ответил я.

— Тем не менее, это правда,— заметил он.— На Турии должны быть горы золота и платины и обширные равнины, усеянные драгоценными камнями.

Это было смелое утверждение, но видя перед собой корабль и зная о гениальности Фала Сиваса, я не сомневался в истинности его слов. Видимо, пожалев о своей откровенности, он вдруг резко приказал мне вернуться к работе в мастерской. Старик слишком много рассказал мне, и я начал задумываться о своей безопасности. Я должен был выяснить, позволит ли мне Фал Сивас по-прежнему покидать дом, поскольку я хотел увидеть Рапаса раньше, чем он посетит этот дом. Иначе мне придется убить его.

Проходили дни, а Фал Сивас все так же мешал мне уйти из дома, каждый раз придумывая благовидные предлоги. Наконец, я напомнил ему, что Рапас не приходит, а мне нужно найти его и убить, на что он кивнул в знак согласия.

— Ну, хорошо, найди его,— сказал он.— Рапас не приходит, а знает он очень много. Если я и поверю кому-то из вас двоих, то скорее всего тебе.

Я не пошел ужинать с рабами, так как собирался поесть в столовой, которую посещал Рапас, и где мы договорились встретиться, когда я освобожусь.

Необходимо было сообщить Гамасу, что я уйду,

потому что он должен был открыть мне дверь. Его обращение со мной за последние дни изменилось. Он стал приветливым, именно это заставило меня насторожиться. У Гамаса не было причин любить меня сегодня больше, чем вчера. Если я вызывал в нем добрые чувства, значит, он знал, что меня ждут какие-то неприятности.

От дома Фала Сиваса я пошел прямо к столовой, где спросил у ее владельца о Рапасе.

— Он бывает здесь каждый вечер,— ответил тот,— и всегда приходит в это время, не забывая поинтересоваться о тебе.

— Я подожду его,— сказал я и пошел к столику, за которым обычно сидел Рапас Ульсио.

Едва я успел расположиться, как вошел Рапас, который направился прямо к столу и сел напротив меня.

— Где ты прятался? — спросил он.— Я уж думал, что старый Фал Сивас покончил с тобой или держит в плену. Я как раз собирался идти туда сегодня вечером и узнать, что с тобой случилось.

— Хорошо, что я встретил тебя до этого.

— Почему?

— Потому, что тебе опасно появляться в доме Фала Сиваса. Если дорожишь жизнью, не приходи туда никогда.

— Почему ты так считаешь?

— Не могу сказать тебе,— ответил я,— но поверь моим словам и не ходи туда.

Я не хотел, чтобы он знал, что мне приказано убить его. Тогда он будет бояться меня и потеряет для меня всякую ценность.

— Странно,— удивился он,— ведь Фал Сивас всегда тепло относился ко мне.

Я видел, что он решил, будто я таким образом пытаюсь отдалить его от Фала Сиваса, но помочь ему ни чем не мог. Поэтому я сменил тему.

— Как идут твои дела, Рапас, с тех пор, как мы виделись в последний раз?

— Хорошо.

— Какие новости в городе? С того времени я ни разу не был в городе, а в дом Фала Сиваса не долетают известия.

— Говорят, Владыка Барсума в Зоданге,— ответил он.— Ульдак, один из лучших людей Ура Джана, был убит той ночью, когда мы с тобой виделись в последний

раз. На его груди был знак агента Владыки, но Ур Джан считает, что рядовой боец не смог бы одолеть Ульдака. К тому же, через своих людей в Гелиуме он узнал, что Джона Картера там нет. Сопоставив эти факты, он заключил, что Джон Картер в Зоданге.

— Интересно,— заметил я,— и что же Ур Джан намерен предпринять?

— Он отомстит,— ответил Рапас,— не так, так иначе. Когда он перейдет в наступление, Джон Картер вынужден будет заняться своими делами и оставит Ура Джана в покое.

Незадолго до окончания ужина вошел посетитель и сел за свободный стол. Я видел его отражение в зеркале перед собой. Быстро взглянув на Рапаса, я заметил, что он тоже смотрит на незнакомца, слегка кивая головой. Но и без этого я узнал вошедшего. Это был один из убийц, присутствовавших на совете у Ура Джана. Я сделал вид, что ничего не заметил. Мой взгляд лениво скользнул к двери, привлеченный двумя вошедшими за-всегдаями. Тут я увидел нечто очень интересное: когда дверь открылась, в нее заглянул человек. Это был Гамас.

Убийца заказал только стакан вина. Выпив, он встал и ушел. Вскоре засобирался и Рапас.

— Я должен идти,— заявил он,— у меня важное свидание.

— Завтра увидимся? — спросил я.

Я заметил, что он едва сдержал улыбку.

— Я буду здесь завтра вечером,— сказал он.

Мы вышли на улицу. Рапас ушел, а я направился к дому Фала Сиваса. Через освещенные районы я шел спокойно, но очутившись на темной улице, приготовился к сюрпризам. Вскоре я увидел впереди фигуру, скрывавшуюся в подъезде: это был поджидавший меня убийца.

ГЛАВА VIII

ПОДОЗРЕНИЕ

Хлорус, дальняя луна, стоял высоко в ночном небе, тускло освещая улицы Зоданга. Мне хватило и этого света, чтобы разглядеть поджидавшего меня человека. Я знал наверняка, что у него на уме, а он-то думал, что

я не подозреваю о его присутствии и намерениях. Он, видимо, предполагал, что, когда я пройду мимо него, он выскочит и всадит меч мне в спину. Для него это было простым делом, после чего он сможет вернуться к Уру Джану и доложить об очередном успехе.

Приблизившись к подъезду, я остановился и украдкой бросил взгляд через плечо. Я хотел убедиться, что Рапас не идет следом за мной. Если я убью этого человека, не нужно, чтобы Рапас знал об этом.

Теперь я продолжил путь, держась в нескольких шагах от здания, чтобы не слишком приближаться к убийце.

Подойдя к его убежищу, я неожиданно повернулся.

— Выходи оттуда, дурень,— сказал я негромко.

Человек не двигался, казалось, мои слова обратили его в камень.

— Ты с Рапасом думали, что одурачили меня? Ты, Рапас и Ур Джан. Что ж, я открою тебе тайну. Ты думаешь, что должен расправиться с Вандором, но это не так. Вандора не существует. Ты глядишь в лицо Джону Картеру, Владыке Барсума!

Я выхватил свой меч.

— Теперь выходи, я убью тебя!

Он медленно выступил вперед, держа в руке длинный меч. В глазах его было изумление. Он прошептал:

— Джон Картер!

Он не проявил страха, и я был этому рад, потому что не люблю сражаться с теми, кто боится меня, поскольку этот страх дает мне преимущество в схватке.

— Значит, ты Джон Картер,— сказал он.

Он вышел на открытое место и рассмеялся.

— Ты думаешь, что испугал меня. Ты первоклассный лжец, Вандор, но если бы все лжецы Барсума собрались вместе, они не испугали бы Повака.

Вероятно, он не поверил мне, и я даже был рад, потому что в таком случае стычка становилась гораздо интереснее.

Когда он напал на меня, я увидел, что он неплохой боец, но уступает Ульдаку. Можно было бы поиграть с ним немного, но мне нельзя было рисковать, а оставшись в живых, он выдаст меня.

Моя атака была такой яростной, что я скоро прижал его спиной к стене. Он был в моей власти. Я мог бы проткнуть его насквозь, но лишь сделал концом меча

разрез на его груди, потом второй поперек первого. Я отступил и опустил меч.

— Взгляни на свою грудь, Повак,— сказал я.— Что ты там видишь?

Он посмотрел на свою грудь и задрожал.

— Знак Владыки Барсума,— выдохнул он.— Смилуйся надо мной, я не думал, что это в самом деле ты.

— Я говорил тебе,— сказал я,— но ты не поверил мне, а если бы и поверил, то еще яростнее стремился бы убить меня. Ур Джан вознаградил бы тебя.

— Отпусти меня,— взмолил он,— сохрани мне жизнь, и я стану твоим верным рабом.

Я увидел, что это просто трус и почувствовал к нему не жалость, а презрение.

— Подними меч,— приказал я,— и защищайся, иначе я убью тебя.

Внезапно, почувствовав близость смерти, он будто сошел с ума. Он обрушился на меня с яростью маньяка; его атака была столь стремительна, что я вынужден был отступить на несколько шагов. Но отразив его ужасный удар, я пронзил ему сердце.

Невдалеке я увидел людей, привлеченных звоном наших клинков. Мне потребовалось лишь несколько шагов, чтобы скрыться в темном переулке. Круглым путем я добрался до дома Фала Сиваса.

Гамас сразу впустил меня. Он был слишком вежлив со мной. Занда с нетерпением ждала меня. Я извлек меч из ножен и отдал ей.

— Рапас? — спросила она.

Я говорил ей, что Фал Сивас приказал мне убить «крысу».

— Нет, не Рапас,— ответил я.— Один из людей Ура Джана.

— Значит, уже двое,— сказала она.

— Да,— ответил я,— но помни, что ты никому не должна говорить об этом.

— Я никому не скажу, мой хозяин. Можешь доверять Занде.

Она стерла кровь с лезвия, затем просушила и отполировала его. Я следил за тем, как она работает, отмечив, что у нее очень красивые руки и пальцы. Раньше я не обращал на нее особого внимания. Конечно, я знал, что она молода и красива, но теперь вдруг понял, насколько она красива, и еще подумал, что, если надеть на нее

украшения и причесать, она будет заметна в любом обществе.

— Занда,— заметил я наконец,— ведь ты рождена не рабыней?

— Нет, хозяин.

— Фал Сивас купил или похитил тебя?

— Фистал и два раба захватили меня, когда я шла ночью по улице в сопровождении охранника. Охранника они убили, а меня привели сюда.

— Твои родители еще живы? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— Отец был офицером флота Зоданга и из знатного рода. Его убили, когда Джон Картер привел зеленые орды тарков. Вскоре и моя мать пустилась в последнее путешествие в долину Дор. Джон Картер! — Голос ее искажился от ненависти.— В нем причина всех моих печалей, моего несчастья. Если бы Джон Картер не ограбил моих родителей, я не была бы сейчас здесь, потому что они защитили бы меня от всех опасностей.

— Ты очень не любишь Джона Картера?

— Я ненавижу его!

— Ты была бы рада увидеть его мертвым?

— Да!

— Ты знаешь, я убежден, что Ур Джан поклялся убить его.

— Да, я знаю это,— ответила она,— постоянно надеюсь на его успех. Будь я мужчиной, я вступила бы под знамена Ура Джана. Я стала бы убийцей и сама отыскала бы Джона Картера.

— Говорят, он отличный боец,— заметил я.

— Я нашла бы способ убить его, даже если бы пришлось прибегнуть к кинжалу или яду.

Я засмеялся.

— Надеюсь, во благо Джона Картера, будет лучше, если ты не узнаешь его при встрече.

— Я узнаю его,— уверенно сказала она,— белая кожа выдаст его.

— Что ж, будем надеяться, что он сумеет спастись от тебя,— сказал я с усмешкой.

Я пожелал ей спокойной ночи и завернулся в свои меха и шелк.

На следующее утро, сразу после завтрака, меня вызвал Фал Сивас. Войдя в его кабинет, я увидел Гамаса и двух рабов. Фал Сивас посмотрел на меня из-под сдви-

нутых бровей и не поприветствовал меня, как обычно.

— Ну,— резко спросил он,— ты убил Рапаса?

— Нет,— ответил я,— но я видел его, разговаривал с ним, и мы даже поужинали вместе.

Мое признание удивило Фала Сиваса и Гамаса. Было заметно, что такой ответ не входил в их планы. Я так и поступил бы, если бы счастливый случай не позволил мне заметить Гамаса, шпионившего за мной.

— Почему ты не убил его? — спросил Фал Сивас.— Разве я не приказал тебе?

— Ты нанял меня, Фал Сивас, для своей защиты,— ответил я.— Ты должен полагаться на мою способность принимать правильные решения. Я не ребенок и не раб. Я считаю, что у Рапаса есть связи гораздо более опасные для тебя, чем сам Рапас. Сохранив ему жизнь и поддерживая с ним контакт, я узнаю многое для твоей же пользы. Если ты не удовлетворен моими методами, ищи себе другого телохранителя, а если ты решил избавиться от меня, думаю, что тебе потребуется несколько воинов. Эти рабы для меня не противники.

Я видел, что Гамас дрожит от едва сдерживаемого гнева, но не осмеливается сказать что-либо или предпринять без разрешения самого Фала Сиваса. Он стоял, сжимая рукоять меча и вопросительно глядя на хозяина, как бы ожидая сигнала. Но Фал Сивас не обращал на него никакого внимания. Старый изобретатель несколько минут внимательно смотрел на меня, наконец он вздохнул и покачал головой.

— Ты очень храбрый человек, Вандор,— сказал он,— но, кажется, слишком откровенен и глуп. Никто не смеет говорить так с Фалом Сивасом. Все боятся его. Разве ты не понимаешь, что в моей власти уничтожить тебя в любой момент.

— Если бы ты был глупцом, Фал Сивас, я мог бы ожидать немедленной смерти, но ты не дурак. Ты знаешь, что я полезнее тебе живой, нежели мертвый, к тому же ты, вероятно, понимаешь, что я умру не один. Я захвачу с собой и тебя.

Гамас с ужасом посмотрел на меня и крепче сжал рукоять меча, но Фал Сивас откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Ты совершенно прав, Вандор. Если бы я решил убить тебя, то постарался бы находиться в этот печальный момент подальше от твоего меча. Теперь расскажи,

что ты ожидаешь от Рапаса и почему считаешь, что информация, исходящая от него, будет ценной для меня?

Я взглянул на Гамаса и рабов.

— Это предназначено только для твоих ушей, Фал Сивас.

— Можете идти,— кивнул Фал Сивас рабам.

— Но, хозяин,— возразил Гамас,— ты остаешься один на один с этим человеком. Он может убить тебя!

— Твое присутствие, Гамас, ничуть не помешает ему, если он пустит в ход свой меч,— ответил хозяин.— Я видел, как он владеет им.

Красная кожа Гамаса потемнела. Не говоря ни слова, он вышел из комнаты в сопровождении двух рабов.

— Теперь,— сказал Фал Сивас,— расскажи, что ты узнал?

— У меня есть основание считать,— ответил я,— что Рапас установил связь с Уром Джаном. Ур Джан, как ты говорил мне, нанят Гаром Налом с целью убить тебя. Сохраняя контакт с Рапасом, я смогу узнать о намерениях Ура Джана. Это единственная имеющаяся у нас связь с убийцами, и не нужно лишаться ее.

— Ты абсолютно прав, Вандор,— ответил он.— Поддерживай связь с Рапасом и не убивай его до тех пор, пока он представляет для нас интерес. Затем...— его лицо исказилось дьявольской усмешкой.

— Я знал, что ты согласишься со мной,— сказал я.— Мне необходимо увидеть Рапаса сегодня вечером.

— Хорошо,— сказал он,— а теперь идем в мастерскую. Работа над новым двигателем успешно движется, но я хочу, чтобы ты проверил все, что уже сделано.

Мы вместе прошли в мастерскую. Посмотрев работу, я заявил Фалу Сивасу, что хочу побывать в моторном отделении корабля и сделать некоторые замеры. Мы поднялись на корабль. Я тянул время, чтобы подольше задержаться в ангаре, ведь план, сложившийся у меня, требовал детального знания всего этого помещения. Продолжая восхищаться кораблем, я обошел его, осматривая в то же время ангар. Больше всего меня интересовала большая дверь, через которую корабль, очевидно, должен был покинуть здание. Мне удалось рассмотреть, как открывается и закрывается дверь, а после этого я утратил интерес к кораблю.

Остаток дня я провел в мастерской с механиками-рабами, а вечером отправился в столовую, где встре-

чался с Рапасом. Его еще не было. Я заказал ужин и старался есть как можно медленнее. Он что-то задерживался, а мне обязательно нужно было увидеть его. Наконец, когда я уже потерял надежду, вошел Рапас. Было видно, что он нервничает. Выглядел он еще более таинственно, чем обычно.

— Каор! — сказал я, когда он подошел к столу. — Ты сегодня поздновато.

— Да, — сказал он. — Меня задержали.

Он заказал еду и неохотно ковырялся в тарелке.

— Ты благополучно добрался вчера до дома? — спросил он.

— Конечно.

— Я немного беспокоился за тебя, — объяснил он. — Я слышал, что на улице, по которой ты должен был проходить, убили человека.

— Неужели? — воскликнул я. — Наверное, это случилось уже после того, как я прошел.

— Очень странно, — сказал он. — Это был один из наемников Ура Джана, и на его груди снова обнаружили знак Джона Картера.

Он подозрительно глядел на меня, и я видел, что он напуган. По-видимому, он боялся мысли, пришедшей ему в голову.

— Ур Джан уверен, что сам Джон Картер в городе!

— Что ж, — сказал я, — а нам-то что до этого? Это не касается ни тебя, ни меня.

ГЛАВА IX

НА БАЛКОНЕ

Когда губы и язык лгут, глаза выдают правду. Именно глаза Рапаса Ульсио сказали мне, что он не согласен с тем, что убийство человека Ура Джана не касается ни его, ни меня. Но произнес он нечто противоположное.

— Конечно, — сказал он, — меня это не касается, но Ур Джан пришел в ярость. Он обещал огромную награду тому, кто отыщет убийцу Ульдака и Повака. Сегодня ночью он встречается со своими помощниками, чтобы разработать детали плана, способного поглотить все время и способности Джона Картера, и у него не будет возможности бороться с Гильдией Убийц. Они...

Он внезапно замолчал, в глазах его отразилась смесь подозрительности и страха. Видимо, на мгновение он, по глупости, забыл о том, что я могу быть самым Джоном Картером. Невольно выдав секреты своего нового хозяина, он вспомнил о своих подозрениях и основательно испугался.

— Ты многое знаешь об Уре Джане,— заметил я.— Можно подумать, что ты полноправный член Гильдии.

Он смутился, несколько раз кашлянул, как бы собираясь что-то сказать, но, очевидно, не знал, что я с превеликим удовольствием наблюдаю за этим спектаклем.

— Нет,— заявил он простодушно,— ничего подобного. Просто я кое-что слышал на улицах города. Ничего удивительного, что я передаю другу городские новости.

Другу! Эта мысль была забавной. Я знал, что Рапас стал человеком Ура Джана и что ему, как и его сотоварищам, приказано убить меня, и тем не менее, мы сидели, ужинали и болтали. Забавная ситуация!

Когда наш ужин подошел к концу, вошли два мерзкого вида типа и сели за стол. Они даже взглядом не обменялись с Рапасом, но я узнал их и понял, зачем они здесь. Я видел их обоих на встрече убийц. Их присутствие было признанием того, что Ур Джан понял, что один боец со мной не справится. Я был бы рад поставить свой знак и над их сердцами, но убив их, окончательно заявлю о себе как о Джоне Картере. Убийства Ульдака и Повака могли быть простым совпадением, но если еще и этих двоих, посланных убить меня, постигнет та же участь, даже глупец придет к выводу, что все четверо погибли от руки Джона Картера.

Едва эти двое сели, как я поднялся.

— Я должен идти один, Рапас,— сказал я.— У меня сегодня важное дело. Надеюсь, ты простишь, что я убегаю, но, возможно, мы увидимся завтра вечером.

Он старался задержать меня.

— Не торопись,— воскликнул он,— подожди немного. Я должен поговорить с тобой.

— Завтра,— ответил я.— Спокойной ночи, Рапас! — С этими словами я вышел.

Я прошел небольшое расстояние в противоположном от дома Фала Сиваса направлении, затем притаился в тени подъезда. Долго ждать не пришлось. Тут же появились два убийцы, торопливо зашагавшие в том направлении, в котором, по их расчетам, ушел я. Немного

погода вышел и Рапас. Поколебавшись, он двинулся за ними. Когда все трое скрылись из виду, я вышел из своего убежища и направился к гостинице, на крыше которой стоял мой воздушный корабль. Владелец ангара был на месте.

— Ты редко появляешься,— сказал он.

— Я был очень занят,— ответил я и подошел к своему воздушному кораблю.

— Хочешь взять корабль?

— Да.

— Следи за патрульными кораблями,— посоветовал он,— если не хочешь неприятностей. В последние ночи они очень придирчивы.

Я не знал, дает ли он мне дружеский совет или пытается извлечь какую-нибудь информацию. Наверняка у Ура Джана везде были свои секретные агенты, к тому же, этот человек вполне мог быть и членом Гильдии Убийц.

— Что ж,— сказал я,— надеюсь, полиция не последует за мной сегодня ночью.— Тот наострил уши.— Если девушка хорошенькая, то вовсе не обязательно, чтобы кто-то еще был рядом. В таких делах помощь не нужна.

Я подмигнул ему и, проходя мимо, по-дружески толкнул локтем. Он засмеялся и хлопнул меня по спине.

— Тогда тебе нужно опасаться ее отца, а не полиции,— сказал он.

— Послушай,— крикнул он, когда я взбирался на палубу своего корабля,— а у нее нет сестры?

Взмывая в небо, я слышал, как он смеется над своей шуткой. Судя по всему, если у него и были какие-то подозрения, то я рассеял их.

Обе луны еще не появились на небе Барсума, и было темно. Я внимательно следил за патрульными кораблями, когда пролетал над ярко освещенным районом города, стараясь выбирать улицы потемнее.

Всего за несколько минут я добрался до здания, где размещалась штаб-квартира Гильдии Убийц Зоданга и мягко посадил корабль на его крышу. Информация о предстоящем обсуждении плана Уром Джаном и его помощниками о моем устранении с их пути магнитом притянула меня сюда. Я решил, что нет смысла пробираться в прихожую, так как сквозь закрытую дверь я ничего не услышу. У меня был другой план, и я принялся его осуществлять.

Я оставил корабль на краю крыши точно над комнатой, где встречались убийцы, затем привязал веревку к концу планшира. Лежа на животе, я посмотрел вниз, чтобы убедиться в точности выбранной позиции. Прямо подо мной перед освещенным окном находился балкон. Моя веревка свисала рядом с окном и не была видна из комнаты. Я осторожно привязал конец тонкого шнура к рычагу старта. Схватив веревку, я перелез через край крыши, держа шнурок в руке. Я спускался тихо, так как оставил оружие на корабле, что оно не бряцало и не задевало стену здания при спуске.

Оказавшись на уровне окна, я одной рукой ухватился за перила балкона, затем медленно принял более устойчивое положение. Уже начав спуск, я услышал голоса; теперь, оказавшись рядом с окном, я с радостью убедился, что оно открыто. Было отчетливо слышно все, что происходит в комнате. Я узнал голос Ура Джана.

— Если мы схватим его сегодня,— сказал он,— и он окажется тем, за кого я его принимаю, мы получим выкуп от ее отца и деда.

— И это будет жирный куш,— сказал другой голос.

— Да такой, что его можно будет погрузить лишь на большой корабль,— ответил Ур Джан,— и еще мы потребуем, чтобы никто не смел преследовать убийц Зоданга.

Я гадал, против кого и что они замышляют. Вероятно, речь шла о каком-то богатом воине. Но какая связь между моей смертью и похищением какой-то девушки, я не мог решить.

В этот момент я услышал стук в дверь, и Ур Джан сказал:

— Входи!

Я слышал, как дверь открылась, и в комнату вошли несколько человек.

— Ага,— воскликнул Ур Джан и прихлопнул в ладоши.— Вы взяли его? Двоих оказалось достаточно?

— Нет,— раздался голоса в ответ.

— Что? Он не пришел в столовую?

— Он пришел,— на этот раз я узнал голос Рапаса.— Я показал его, как и обещал.

— Почему же тогда вы не взяли его? — гневно спросил Ур Джан.

— Когда он вышел из столовой,— объяснил другой голос,— мы сразу пошли за ним, но он уже исчез. Мы

быстро прошли весь путь до дома Фала Сиваса, но его нигде не было.

— Он что-то заподозрил? — спросил Ур Джан. — Как вы думаете, он понял, что вы пришли за ним?

— Нет, конечно, я уверен в этом. Он вообще не заметил нас, ни разу не взглянул в нашу сторону. Не могу понять, как он так быстро исчез, — сказал Рапас. — Но мы возьмем его завтра. Он обещал встретиться со мной там же.

— Послушайте, — сказал Ур Джан, — вы не должны промахнуться завтра. Я уверен, что этот человек — Джон Картер. В конце концов, я даже рад, что вы не убили его. Я придумал лучший план. Завтра я пошлю четверых к дому Фала Сиваса. Я хочу, чтобы вы захватили Джона Картера живым и привели его ко мне. В таком случае, мы получим двойной выкуп за его принцессу.

— А потом будем прятаться весь остаток жизни в подземельях Зоданга, — пробормотал один из убийц.

Ур Джан засмеялся.

— После того, как мы получим выкуп, Джон Картер уже никогда и ничем не сможет беспокоить нас.

— Ты хочешь сказать...

— Я убийца, не так ли? Как вы думаете, оставит ли убийца опасного врага в живых?

Теперь я понял связь между моей смертью и похищением девушки, о которой они упоминали: они говорили о моей несравненной принцессе Дее Торис. От Морса Каяка, Тардоса Морса и меня негодяи рассчитывали получить два корабля с сокровищами в качестве выкупа. Они знали наверняка, что мы отдадим все за принцессу Гелиума.

Я понял, что должен немедленно вернуться в Гелиум и позаботиться о безопасности моей принцессы, но задержался ненадолго на балконе, решив услышать весь план до конца.

— Но, — заметил один из помощников Ура Джана, — даже если нам удастся захватить Дею Торис...

— Никаких «если», — возразил Ур Джан. — Все решено. Я долго готовился к этому, держа все в тайне. Теперь же все готово, и вы можете узнать. Два моих человека проникли в охрану принцессы Деи Торис.

— Допустим, ты захватишь ее, — скептически возразил тот же голос, — но где ты спрячешь ее? Где на Барсуме ты можешь спрятать Дею Торис от Тардоса Морса,

даже если тебе и удастся захватить Джона Картера?

— Я спрячу ее не на Барсуме, — ответил Ур Джан.

— Не на Барсуме? Так где же?

— На Турии!

— На Турии! — говоривший рассмеялся. — Ты спрячешь ее на ближней луне? Хорошо, Ур Джан, отличное убежище, если только ты сам сумеешь туда добраться!

— Я смогу туда добраться. Не зря же я связался с Гаром Налом.

— О, ты имеешь в виду его пресловутый корабль, тот, который должен летать между планетами? Ты думаешь, что он сможет летать, даже если Гар Нал сумеет закончить его?

— Он уже закончил его, — ответил Ур Джан, — и корабль полетит на Турию!

— Даже если и так, мы не умеем управлять им.

→ Гар Нал сам поведет корабль. Ему нужны сокровища для строительства других кораблей, а за долю в выкупе он все сделает для нас.

Только теперь я понял, насколько тщательно готовил Ур Джан свой план и в какой опасности оказалась моя принцесса. В любой день ее могли похитить, это было вполне вероятно, ведь в ее охрану проникли два предателя.

Я решил, что медлить нельзя, необходимо как можно быстрее попасть в Гелиум. Однако нелепая случайность чуть не привела меня к гибели. Когда я начал взбираться по стене, то зацепился одеждой за кусок металлического украшения на здании, оно обломилось и с грохотом упало на балкон.

— Что это? — произнес Ур Джан.

Я услышал звук приближающихся шагов. У окна появился Ур Джан.

— Шпион! — вскрикнул он и выпрыгнул на балкон.

ГЛАВА X

ДЖАТ ОР

Пытаясь найти объяснение преследовавшим меня неудачам, я спрашивал себя, почему судьба благоприятствовала злодеям, а не мне. Справедливость, несомненно, была на моей стороне. Кусок украшения, упавший

на балкон, поставил меня в положение, из которого, казалось, нельзя было выпутаться. Однако я еще не был мертв и не собирался сдаваться на милость случая без борьбы.

Когда на балконе появился Ур Джан, я уже взбирался по веревке, оттолкнувшись от перил и качаясь как маятник. Итак, раскачиваясь, я полетел прямо в руки Ура Джана. Все произошло так стремительно, что Ур Джан успел только положить руку на рукоять меча, а я согнул ноги в коленях и, оказавшись перед ним, ударил его изо всех сил обеими ногами прямо в грудь. Ур Джан упал на своих сотоварищей, выбежавших вслед за ним на балкон, и повалил их.

Одновременно я дернул шнурок, привязанный к стартовому рычагу моего воздушного корабля. Тот сразу стал подниматься, а вместе с ним поднимался и я, держась за веревку. Положение мое было незавидным. Будучи не в состоянии управлять кораблем, я мог погибнуть, ударившись об какое-нибудь здание, если корабль не наберет вовремя достаточной высоты.

Вокруг меня защелкали пули — убийцы пытались пристрелить меня. Я из последних сил карабкался к кораблю, но взбираться по тонкой веревке на набирающий высоту корабль не слишком приятное занятие, даже когда в тебя не стреляют. Казалось, что я вот-вот ударюсь о карниз здания напротив. Тут, однако, судьба сжалилась надо мной: я скользнул над самой крышей здания. Убийцы продолжали стрелять, но я еще раз убедился, что они привыкли иметь дело с ядом и кинжалом — их выстрелы не причинили мне вреда. Мгновение спустя я уже лежал на палубе. Дотянувшись до приборов, я на максимальной скорости направился к Гелиуму.

Возможно, я поступал безрассудно, не обращая внимания на патрульные корабли. Меня ничто не могло остановить. Я должен был вовремя добраться до Гелиума и уберечь свою принцессу.

Враги знали наверняка, как больнее ударить меня! Они знали, что все, и саму жизнь, я, не задумываясь, отдам ради спасения Деи Торис. Но они просчитались, забыв, что им придется дорого заплатить за вред, причиненный ей.

Да, мои враги — отчаянные люди. Я угрожал их безопасности и их жизням, и они рисковали всем, пы-

таясь помешать мне. Интересно, узнал ли меня кто-нибудь из них?

Я не видел в окне Рапаса. Вполне вероятно, что те двое, видевших меня в столовой, в ночи не разглядели меня. У них могло возникнуть подозрение, что это был Вандор, но я думаю, что они не догадались, что это — Джон Картер.

Мой быстроходный корабль стремительно неся над Зодангом. Казалось, что все мои приключения позади, когда внезапно я услышал предупредительный сигнал с патрульного корабля и приказ остановиться. Я продолжал движение на полной скорости.

На патрульном корабле, который находился значительно выше моего, по-видимому, скоро поняли, что я не собираюсь останавливаться, поэтому он увеличил скорость и начал спускаться, развивая бешеную скорость. Он быстро приближался ко мне. Попытка убежать от него казалась напрасной. Вот он, с направленными на меня пушками, уже совсем рядом. Я решил было отказаться от борьбы и сдаться, любой ценой сохранив себе жизнь, но тогда я не сумею вовремя добраться до Гелиума, а меня арестуют и при отсутствии документов продадут в рабство или заточат в подземелье. Риск был слишком велик. Я же должен был безотлагательно добраться до Гелиума.

Я круто повернул руль вправо. Корабль так резко лег на новый курс, что меня чуть не выбросило с палубы. Я пролетел под самым днищем патрульного корабля. Стрелять он не мог, так как меня прикрывал его же корпус. Теперь его большие вес и скорость оказались бесполезными, так как в отличие от моего легкого одноместного кораблика, он не мог так быстро маневрировать. Пока он разворачивался, я оказался за городскими стенами Зоданга, а так как я летел без огней, патрульный корабль не сумел отыскать меня в ночи. Еще некоторое время я видел его огни, но он взял неверный курс. Вдохнув с облегчением, я пустился в долгое путешествие в Гелиум.

В ночном небе Барсума вскоре появился Хлорус, дальняя луна, и залил своим светом дно мертвого моря, где когда-то могучий океан нес на своей груди большие корабли великой расы, господствовавшей на молодой планете.

Я пролетел над руинами древних городов на берегах

высохших морей, и в моем воображении они были полны счастливых и беззаботных людей. Ими правили великие джеддаки, а воины защищали их. Но все это в прошлом, а теперь в старых развалинах их зданий жили дикие племена грубых и безжалостных зеленых людей.

Так летел я над обширными пустынными землями к двум Гелиумам, Большому и Малому, и к женщине, которую я любил. Я установил свой компас направления, растянулся на палубе и заснул.

Путешествие от Зоданга к Гелиуму было долгим и одиноким. Время, казалось, остановилось: так велико было мое беспокойство за принцессу. Наконец путешествие закончилось, и я увидел красную башню Большого Гелиума. Когда я подлетел к городу, меня остановил патрульный корабль и приказал приблизиться.

В этот день я смыл, наконец, краску со своей кожи и не успел назвать себя, как офицер, командовавший кораблем, узнал меня. Мне показалось, что я заметил его замешательство и напряженность, но он ничего не сказал, а лишь поприветствовал меня и спросил, должен ли его корабль сопровождать меня до дворца. Я поблагодарил его и попросил следовать за мной, чтобы избежать лишних разбирательств с другими патрульными кораблями. Когда я благополучно приземлился в своем ангаре, он поклонился и распрощался со мной.

Охранник ангара подбежал ко мне, чтобы принять корабль и отвести его на место. Это был старый и верный слуга, служивший мне уже много лет. Обычно он с радостью встречал меня, когда я возвращался из полевых, но сегодня отводил глаза и казался смущенным.

Я не расспрашивал его, хотя почувствовал, что произошло что-то плохое. Я заторопился в свой дворец и немедленно направился к покоям моей принцессы. Приближаясь к ним, я встретил молодого офицера из ее личной охраны. Лицо его выражало беспокойство, я видел, что он с трудом сдерживает волнение.

— Что случилось, Джат Ор? — спросил я. — Вначале командир патрульного корабля, потом сторож агнара, а теперь ты — вы похожи на людей, утративших последних друзей.

— Мы утратили своего лучшего друга, — ответил он.

Я догадывался, что это значит, но не решался прямо спросить его обо всем. Я не хотел слышать его объяснений. Я боялся его слов, как никогда ничего не боялся

в жизни, даже свидания со смертью. Но Джат Ор был солдатом, и я тоже.

Как ни горька правда, солдат должен смело встретить ее.

— Когда ее похитили? — спросил я.

Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Ты все знаешь, Джон Картер?

Я кивнул.

— Я вернулся из Зоданга, чтобы предотвратить похищение, но теперь вижу, Джан Ор, что опоздал.

Он кивнул.

— Расскажи мне.

— Это произошло прошлой ночью, мой принц, когда именно, мы не знаем. У ее двери на страже стояли два воина. Это были новички, но прошедшие тщательную проверку и испытания, которым подвергаются все, поступающие к тебе на службу, Джон Картер. Утром, когда две рабыни пришли сменить тех, которые дежурили у принцессы ночью, они увидели, что она исчезла. Рабыни в ее спальне были мертвы, их убили во сне. Охранников не было. Мы не знаем точно, но считаем, что именно они похитили принцессу.

— Да, это так, — сказал я. — Это агенты Ура Джана, убийцы из Зоданга. Что же вы предприняли?

— Тардос Морс и Морс Каяк разослали на поиски тысячи кораблей.

— Странно, — сказал я. — Приближаясь к городу, я не встретил ни одного корабля.

— Но они послали их, мой принц, — настаивал Джат Ор. — Я знаю об этом, потому что просил разрешения отправиться на одном из них. На мне лежит вина перед принцессой.

— Где бы они ее ни искали, они напрасно теряют время, — сказал я. — Сообщи об этом Тардосу Морсу. Скажи, чтобы они отозвали корабли. Только один корабль может последовать за похитителями Деи Торис, и только два человека в мире могут управлять этим кораблем. Один из них — враг, другой — я сам. Поэтому я немедленно возвращаюсь в Зоданг. Нельзя терять ни минуты, у меня нет времени даже для встречи с джеддаком перед отлетом.

— Но нельзя ли что-либо предпринять и здесь? — спросил он. — Не могу ли я помочь тебе? Если бы я был более бдительным, этого не случилось бы. Позволь мне

пойти с тобой. У меня хороший меч, и может наступить минута, когда сам Владыка Барсума будет рад товарищу рядом с ним.

Я задумался. Почему бы не взять его? Я настолько привык полагаться во всем только на себя и свои силы, что иного и не представлял. Но ведь помощь преданного человека, к тому же сильного бойца, никогда не помешает. В трудные минуты со мной рядом были Карторис, Кантос Кан и Тарс Таркас. Этот молодой падвар хорошо владел мечом, был верен моей принцессе. В конце концов, даже если он и не поможет, в тягость мне он не будет.

— Хорошо, Джат Ор,— сказал я.— Оденься в простую одежду. Ты больше не падвар во флоте Гелиума, а простой пантан без родины на службе у того, кто тебя наймет. Попроси старшего офицера при дворе немедленно приходи ко мне. Переодевшись, немедленно возвращайся.

Старший офицер пришел в мой кабинет раньше меня. Я сказал ему, что отправляюсь на поиски Деи Торис и что до моего возвращения он будет распоряжаться во дворце.

— Пока я жду Джата Ора, ступай на посадочную площадку и вызови патрульный корабль. Я хочу, чтобы он сопровождал меня до стен города, дабы не было лишних задержек.

Он вышел, а я сел писать короткие записки Тардосу Морсу, Морсу Каяку и Карторису. Когда я заканчивал последнюю записку, вошел Джат Ор. Это был стройный и сильный боец, и я остался доволен его внешним видом. Хотя он давненько служил у нас, мне приходилось сталкиваться с ним, ведь он был всего лишь младшим офицером, входящим в свиту Деи Торис. Знаком я предложил Джату Ору следовать за мной, и мы вместе пошли на посадочную площадку.

Я выбрал двухместный воздушный корабль, а когда я выводил его из ангара, рядом опустился вызванный старшим офицером патрульный корабль. Мгновение спустя мы в его сопровождении уже летели к стенам города. Миновав их, мы распрощались и на полной скорости двинулись к Зодангу.

Обратное путешествие в Зоданг обошлось без происшествий. В пути я рассказал обо всем Джату Ору и снова покрасил свою кожу красной краской.

Все мысли мои, конечно, были обращены к Дее Торис. Мне не верилось, что межпланетный корабль Гара Нала мог незамеченным пробраться в Гелиум. Следовательно, Дею Торис сначала доставили в Зоданг, а уж оттуда должны были попытаться переправить на Турию.

Мое состояние во время этого долгого полета было неопишмым. Мне казалось, я вижу свою принцессу во власти головорезов Ура Джана, я представлял ее страдания, хотя знал, что внешне она в любом случае останется холодной и невозмутимой. Каким оскорблением они подвергнут ее? Густой кроваво-красный туман застилал глаза, когда подобные мысли приходили мне в голову. Меня охватывало страстное желание убивать.

Наконец мы достигли Зоданга. Стояла ночь. Конечно, безопасней было бы подождать наступления дня, но время поджимало. Выключив огни, мы медленно двинулись к городским стенам; постоянно следя за патрульными кораблями, мы перелетели через стену и скользнули на темную улицу. Продолжая лететь без огней, мы, наконец, оказались в том самом ангаре на крыше гостиницы, где я останавливался раньше. Первый шаг в поисках Деи Торис был сделан.

ГЛАВА XI

В ДОМЕ ГАРА НАЛА

Невежество и тупость иногда становятся просто благом, даже поднимаются до уровня добродетели. У невежественных и глупых людей редко развито воображение, к тому же, они, как правило, не любопытны.

Владелец ангара видел, что я улетал на одноместном воздушном корабле, а вернулся на двухместном с товаром. Однако это не возбудило в нем любопытства.

Поставив корабль на место и сказав владельцу ангара, что в случае необходимости любой из нас может взять его, я отвел Джата Ора в гостиницу и познакомил с ее владельцем. Я решил отправиться на разведку один — так было безопасней.

Прежде всего я хотел узнать, покинул ли корабль Гара Нала Зоданг. К несчастью, я не знал, где находится ангар, в котором Гар Нал держал свой корабль. Наверняка я не смогу получить эту информацию от Рапаса,

поэтому единственная моя надежда была на Фала Сиваса. Я прекрасно помнил, что эти два изобретателя постоянно шпионили друг за другом. Поэтому я направился к дому Фала Сиваса, приказав Джату Ору оставаться в гостинице, где я всегда мог найти его, если мне понадобится его помощь.

Было еще не очень поздно, когда я добрался до дома старого изобретателя. В ответ на мой сигнал меня немедленно впустил в дом Гамас, который не скрывал своего удивления и не выражал бурной радости, когда узнал меня.

— Мы думали, что Ур Джан покончил с тобой,— сказал он.

— К твоему несчастью, нет, Гамас,— ответил я.— Где Фал Сивас?

— В лаборатории на верхнем этаже,— ответил Гамас.— Не знаю, можно ли его сейчас беспокоить, но думаю, он захочет увидеть тебя.

Последнюю фразу он произнес с отвратительным смешком, который мне очень не понравился.

— Я пойду к нему,— сказал я.

— Нет,— остановил меня Гамас,— подожди здесь. Я сам сообщу хозяину радостную весть.

Я прошел мимо него в коридор.

— Можешь идти со мной, если хочешь, Гамас,— заявил я.— Мне не важно, пойдешь ли ты со мной или нет, но я должен увидеть Фала Сиваса немедленно.

Он заворчал, обиженный моими словами, но затопал по коридору в двух шагах впереди меня. Проходя мимо своих апартаментов, я заметил, что дверь открыта, но не увидев там Занды, не придавал этому значения. Мы поднялись на верхний этаж, и Гамас постучал в дверь лаборатории Фала Сиваса. Ответа не последовало. Я уже хотел войти, когда услышал требовательный голос Фала Сиваса:

— Кто там?

— Это я, Гамас,— ответил слуга,— этот человек, Вандор... он вернулся.

— Пусть войдет,— приказал Фал Сивас.

Когда Гамас открыл дверь, я прошел мимо него и захлопнул дверь у самого его носа. Фал Сивас, очевидно, вышел на стук из внутренних помещений, потому что все еще стоял у двери в противоположном конце комнаты и гневно смотрел на меня из-под сдвинутых бровей.

— Где ты был? — спросил он.

Естественно, я не привык к разговору в таком тоне. Я боец, а не актер, и на какое-то мгновение забыл, что играю роль. Я уже было шагнул к Фалу Сивасу, чтобы схватить его за бороду и научить, преподать урок вежливости, но вовремя опомнился. Я остановился, но не смог сдержать улыбки.

— Почему ты не отвечаешь? — закричал Фал Сивас. — Ты осмеливаешься смеяться надо мной?

— Почему бы мне не посмеяться над своей собственной глупостью? — спросил я его.

— Твоей глупостью? Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Я считал тебя умным человеком, Фал Сивас, теперь же вижу, что ошибался. Это и заставило меня улыбнуться.

Я думал, что он взорвется, но он овладел собой.

— Что ты хочешь этим сказать? — гневно спросил он.

— Я хочу сказать, что умный человек не стал бы разговаривать со своим помощником таким тоном, даже если в чем-то его подозревает. Необходимо самому во всем разобраться. Ты, вероятно, наслушался Гамаса за время моего отсутствия, и поэтому я приговорен тобой без суда и разбирательства.

Он поморгал, потом сказал сравнительно спокойно:

— Хорошо, объясни, где ты был и что делал.

— Я следил за Уром Джаном, — ответил я, — но мне некогда объяснять подробности. Самое важное сейчас — отправиться в ангар Гара Нала, а я не знаю, где он. Я пришел, чтобы ты подсказал мне.

— Зачем тебе понадобился ангар Гара Нала?

— Я узнал, что корабль Гара Нала покинул Зоданг по делу, с которым связаны и Гар Нал, и Ур Джан. Это сообщение привело Фала Сиваса в бешенство.

— Подлец! — закричал он. — Вор, негодяй! Он украл все мои идеи, а теперь вот раньше меня выпустил корабль. Я...

— Успокойся, Фал Сивас, — посоветовал я ему. — Мы не знаем, так ли это. Расскажи мне, где его ангар, и я отправлюсь на разведку.

— Да, — воскликнул он, — и немедленно! Но, Вандор, знаешь ли ты, куда направился Гар Нал?

— Я думаю, что на Турию, — ответил я.

Теперь Фала Сиваса охватил приступ настоящего гнева. Он называл Гара Нала последними словами, проклиная всех его предков.

— Он отправился на Турию за сокровищами! — кричал он взволнованно. — Даже эту мысль он украл у меня!

— Сейчас не время для подобных обвинений, Фал Сивас, — сказал я. — Мы теряем время. Скажи мне, где ангар Гара Нала, чтобы я точно установил, улетел ли он.

Он едва овладел собой, а потом рассказал мне, где искать ангар Гара Нала, и даже описал, как лучше попасть в него, выказывая большую осведомленность с особенностями жизни своего врага, подтверждая мои мысли, что его шпионы не зря проводили время.

Когда Фал Сивас давал указания, мне показалось, что я слышу какие-то приглушенные звуки из соседней комнаты, похожие на всхлипывания или рыдания, точно сказать было нельзя. Фал Сивас вдруг пересек комнату и вытолкнул меня в коридор настолько поспешно, что я не ожидал от него подобного действия. Я решил, что и он услышал эти звуки.

— Теперь иди, — сказал он, — а когда узнаешь правду, возвращайся и доложи мне.

Уходя от Фала Сиваса, я зашел к себе в апартаменты, чтобы поговорить с Зандой, но ее не было, и я направился к маленькой двери, через которую обычно покидал дом Фала Сиваса. Находившийся в прихожей Гамас был явно разочарован, увидев меня.

— Ты уходишь? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Но ты вернешься сегодня вечером?

— Собираюсь, — ответил я. — Кстати, Гамас, а где Занда? Я не нашел ее.

— Мы думали, что ты больше не вернешься, и Фал Сивас нашел другую работу для Занды. Завтра я скажу Фисталу, чтобы он прислал тебе другую рабыню.

— Я хочу получить обратно Занду, — сказал я. — Она хорошо справлялась со своими обязанностями, и я предпочитаю ее.

— Об этом ты можешь поговорить с самим Фалом Сивасом.

Я вышел, отбросив мысли об этом, поскольку моя голова была занята более важными делами.

Путь мой лежал мимо гостиницы, где я оставил

Джата Ора, в другой район города. Здесь я без труда отыскал описанное Фалом Сивасом здание. С одной стороны здания шла темная узкая улица. Я пошел по ней и дошел до низкой стены, как и объяснил мне Фал Сивас. Здесь я остановился и прислушался, но изнутри здания не доносилось ни звука. Тогда я легко поднялся на стену, а оттуда — на крышу легкой постройки. Это и был ангар Гара Нала.

Фал Сивас уверил меня, что сквозь щель между створками двери я смогу увидеть ангар внутри и определить, на месте ли корабль. Но света не было, ангар был совершенно темен, и я ничего не сумел разглядеть. Я попытался открыть дверь, но она была прочно заперта. Тогда я осторожно двинулся вдоль стены в поисках другого входа.

Примерно в сорока футах справа от двери и в десяти футах от крыши, на которой я стоял, я обнаружил небольшое окно. Подпрыгнув, я ухватился за подоконник, подтянулся, намереваясь что-нибудь рассмотреть через окно. К своему удивлению и облегчению я обнаружил, что окно открыто. В ангаре все было спокойно и темно. Я сполз через окно в ангар, удерживаясь руками за подоконник, а потом спрыгнул. Но никогда нельзя знать наперед, на что наткнешься. Я угодил на шаткую скамью, на которой лежали металлические детали и инструменты. Она опрокинулась и с ужасным грохотом обрушилась на пол. Этот грохот был слышен во всем здании. И вскоре я услышал шаги.

Кто-то торопливо приближался издалека, но потом шаги замедлились. Кто бы это ни был, но перед входом в ангар он стал осторожнее. Дверь в дальнем конце ангара приоткрылась, и на фоне светлой комнаты я увидел силуэты двух вооруженных людей.

Свет, проникавший из соседней комнаты, позволил разглядеть ангар — он был пуст, корабля в ангаре нет. Гар Нал улетел!

Я лишился последней надежды. Это открытие ошеломило меня. Гар Нал исчез, и, несомненно, Дея Торис исчезла вместе с ним.

Эти двое осторожно вошли в ангар.

— Ты видишь что-нибудь? — спросил тот, который шел сзади.

— Нет, — ответил первый. Затем он громко произнес. — Кто здесь?

На полу ангара в беспорядке были свалены тысячи предметов: бочки, корзины, ящики, детали, инструменты. Возможно, для меня это было спасением: среди такого нагромождения вещей меня трудно было обнаружить, пока я не двинусь. Я спрятался за большим ящиком, обдумывая, как поступить, если меня обнаружат.

Вошедшие медленно приближались к центру ангара. Теперь они были напротив моего убежища и прошли мимо. Я взглянул на открытую дверь, через которую они вошли. Казалось, там, за дверью, больше никого нет. Очевидно, эти двое были на страже, и они одни слышали произведенный мною шум.

И тут в моем мозгу созрел план. Я вышел из своего убежища и встал между ними и открытой дверью, двигаясь осторожно, чтобы они не услышали меня. Затем я заговорил:

— Не двигайтесь, и вы будете в безопасности.

Они замерли на месте, как будто в них выстрелили, затем разом обернулись.

— Стойте на месте,— приказал я.

— Кто ты? — спросил один из них.

— Неважно! Отвечайте на мои вопросы, и я не причиню вам вреда.

Внезапно один из них рассмеялся.

— Не причинишь нам вреда? — проговорил он. — Ты один, а нас — двое! — он что-то прошептал своему товарищу и сказал, — идем!

Обнажив мечи, они двинулись ко мне. Я отступил, приготовившись парировать их удары.

— Подождите! — воскликнул я. — Я не хочу убивать вас. Послушайте меня. Я хочу только кое-что узнать от вас, а после этого я уйду.

— Ха-ха! Он не хочет убивать нас! — закричал один из них. — Идем! — приказал он своему товарищу. — Ты заходи слева, а я нападу на него справа. Значит, он не хочет убивать нас, не так ли?

Иногда мне кажется, что мои победы в бесчисленных смертельных схватках не зависят от меня. Мне, как и моим противникам, начинает казаться, что мой сверкающий меч живет своей собственной жизнью и движется с невероятной скоростью, недоступной обыкновенному человеку. Так было и в этот раз.

Когда эти двое напали на меня с разных сторон,

мой меч так быстро парировал их удары, что глаза не успевали следить за ним. Первый из них упал с разбитым черепом, как только оказался в пределах досягаемости моего меча. В то же мгновение я ударил второго в плечо, потом сделал шаг назад. Правая рука его безжизненно повисла. Он не мог бежать, так как я был между ним и дверью, и он обреченно стоял, ожидая, что я проткну его сердце.

— Я не хочу убивать тебя,— повторил я ему.— Отвечай на мои вопросы правдиво, и я сохраню тебе жизнь.

— Кто ты и что хочешь знать? — спросил он.

— Неважно, кто я. Отвечай, когда улетел корабль Гара Нала?

— Две ночи назад.

— Кто был на борту?

— Гар Нал и Ур Джан.

— Никого больше?

— Нет.

— Куда они направились?

— Откуда я могу знать?

— Для тебя было бы лучше, если бы ты знал. О чем они говорили?

— Они собирались встретить другой корабль где-то возле Гелиума и принять на борт кого-то, чье имя они не называли.

— Они похитили кого-то, чтобы получить выкуп? Он кивнул.

— Думаю, что так.

— И ты не знаешь, кто это?

— Нет!

— Где они собирались спрятать похищенного?

— В надежном месте, где его никто не сможет найти,— сказал он.

— Где это?

— Я слышал, как Гар Нал говорил, что они полетят на Турию.

Итак, я выудил из него необходимую информацию. Потом я велел ему выйти через маленькую дверь из ангара, а сам вылез на крышу, пересек ее и спрыгнул со стены на улицу.

Возвращаясь к дому Фала Сиваса, я обдумал положение. Мои шансы на успех были невелики, и чем бы ни кончилось мое приключение, его успех или неудача зависели только от меня.

Я задержался в гостинице и отыскал там Джата Ора, с беспокойством ожидавшего моего возвращения. В его комнате было полно гостей, разговаривать там было невозможно, поэтому я взял его в столовую, где мы встречались с Рапасом. Отыскав свободный столик, я коротко рассказал ему, что произошло с тех пор, как мы прибыли в Зоданг.

— А теперь,— сказал я ему в заключение,— надеюсь, что уже сегодня ночью мы сможем вылететь на Турию. Когда мы разойдемся, отправляйся в ангар и возьми наш воздушный корабль. Следи за патрульными кораблями. Если сумеешь выбраться из города, двигайся прямо на запад по тридцатой параллели сотню хаадов. Жди меня там, если в течение двух дней меня не будет, можешь действовать по своему усмотрению.

ГЛАВА XII

«МЫ ОБА ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ»

Турия! Она всегда занимала мое воображение. Теперь же, расставшись с Джатом Ором на улице, я смотрел на нее, низко нависшую надо мной в небе Барсума, и все мои мысли были только о ней. Где-то между ее сверкающим оком и Марсом удивительный корабль нес мою утерянную любовь к неизвестной судьбе.

Каким безнадежным должно было казаться ей ее положение, ведь она не подозревала о том, что ее любимый знает, что она украдена и ему известно место ее заключения. Скорее всего она сама-то и не догадывалась о том, где ее спрячут. Как мне хотелось передать ей весточку!

Вот о чем думал я, направляясь к дому Фала Сиваса, но даже погруженный в свои мысли, я был постоянно настороже, так что звуки шагов на улице, которую я пересекал, не остались незамеченными мною. Вскоре я убедился, что меня преследует, но не подал виду, пока не стало ясно, что меня догоняют.

Я быстро обернулся, схватившись за рукоять меча. Человек, преследовавший меня, заговорил:

— Я не был уверен, что это ты.

— Это я, Рапас,— ответил я.

— Где ты был? Я уже два дня ищу тебя.

— Да? — спросил я. — Что же тебе нужно от меня? Говори быстрее, Рапас, я спешу.

Он явно нервничал и колебался, не зная с чего начать.

— Ну, видишь ли, — начал он неуверенно, — я просто хотел повидать тебя и поболтать о новостях. Пойдем, посидим в столовой.

— Я только что поел, — ответил я.

— Как старый Фал Сивас? — спросил он. — Ты узнал что-нибудь новое?

— Ничего, — солгал я. — А ты?

— О, пустяки, я думаю, что это всего лишь слухи. Говорят, Ур Джан похитил принцессу Гелиума.

Я видел, что при этом он внимательно следил за моей реакцией.

— Неужели? — спросил я. — В таком случае, я не хотел бы оказаться на месте Ура Джана, когда он попадет в руки людей из Гелиума.

— Он не попадет в их руки, — сказал Рапас. — Он увез ее туда, где ее никогда не найдут.

— Надеюсь, он получит сполна, если причинит ей вред, — сказал я на это.

Повернувшись, я собрался уходить.

— Ур Джан не причинит ей вреда, если будет заплачен выкуп, — заявил Рапас.

— Выкуп? — поинтересовался я. — И чего же будет стоить принцесса Гелиума для ее родственников?

— Ур Джан требует немного. Он просит всего лишь два корабля, до отказа заполненных золотом, платиной и драгоценными камнями. Вобщем, столько, сколько смогут поднять два больших корабля.

— Он известил ее людей о своем требовании?

— Мой приятель знает человека, который знаком с одним из убийц Ура Джана, — объяснил Рапас. — Через него можно будет установить связь с убийцами.

Итак, он проговорился. Я засмеялся бы, если бы предмет обсуждения не был столь серьезен.

Ситуация прояснилась. Ур Джан и Рапас были убеждены, что я — либо Джон Картер, либо один из его агентов, и Рапасу было поручено вести переговоры между похитителями и мной.

— Очень интересно, — заметил я, — но меня это не касается. Я должен идти. Доброй ночи, Рапас!

Оставив Крысу в полном недоумении, я продолжил

свой путь к дому Фала Сиваса. Теперь он уже засомневался, действительно ли я Джон Картер или один из его агентов. Ведь я должен был проявить больший интерес к его сообщению. Но мне он не сказал ничего нового, чтобы меня удивило или заинтересовало.

Вновь Гамас впустил меня, когда я добрался до мрачного каменного дома Фала Сиваса. Я прошел мимо него и двинулся по длинному коридору, ведущему на верхний этаж. Он последовал за мной.

— Куда ты идешь? — спросил он. — В свои апартаменты?

— Нет, я иду к Фалу Сивасу.

— Он очень занят. Его нельзя беспокоить.

— У меня для него важное сообщение.

— Оно подождет до завтрашнего утра.

Я повернулся и посмотрел на него.

— Ты раздражаешь меня, Гамас, — заявил я. — Убирайся и займись своими делами.

Он разгневался и схватил меня за руку.

— Здесь распоряжаюсь я! — закричал он. — И ты обязан мне повиноваться. Ты только...

— Только убийца, — закончил я за него и положил руку на рукоять меча.

Он отступил.

— Ты не посмеешь! — закричал он.

— Неужели?! Ты меня не знаешь, Гамас! Меня нанял Фал Сивас, и я подчиняюсь только ему. Он приказал мне немедленно доложить. Если для этого понадобится убить тебя, я сделаю это.

Я видел, что он испугался.

— Я только предупредил тебя, — сказал он. — Фал Сивас в лаборатории. Если ему мешают работать, он приходит в ярость и может сам убить тебя. С твоей стороны было бы разумнее подождать, пока он сам не пошлет за тобой.

— Спасибо, Гамас, — ответил я, — но я увижусь с Фалом Сивасом теперь же. Спи спокойно.

Повернувшись, я продолжил свой путь по коридору, затем поднялся на верхний этаж. Он не пошел за мной. Я добрался до двери Фала Сиваса, постучал в нее и затем открыл. Фала Сиваса здесь не было, но я услышал его голос, доносившийся из-за маленькой двери в противоположном углу комнаты.

— Кто там? Чего тебе нужно? Уходи и не беспокой меня! — кричал он.

— Это я, Вандор, — ответил я. — Мне нужно видеть тебя немедленно.

— Нет, уходи! Увидимся утром!

— Увидимся сейчас же, — возразил я. — Я иду к тебе.

Я был уже на полпути к двери, когда она открылась, и Фал Сивас, бледный от гнева, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Как ты смеешь? — закричал он.

— Корабля Гара Нала нет в ангаре, — сказал я.

Это, казалось, привело его в чувство, но не уменьшило гнева, а лишь направило его в иное русло.

— Подлец! — воскликнул он. — Сын тысячи миллионов подлецов! Он убил меня! Он отправился на Турию! С огромными сокровищами, найденными там, он делает все, что захочет!

— Да, — заметил я, — с ним Ур Джан, а Ур Джан вместе с великим и не стесняющимся в средствах ученым могут совершить многое. Но у тебя тоже есть корабль. Он готов. Мы с тобой отправимся на Турию, где нас никто не ждет. У нас будет преимущество. Мы уничтожим Гара Нала и его корабль, и ты будешь господином.

Он побледнел.

— Нет, — сказал он, — я не могу сделать этого.

— Почему?

— Турия далеко. Никто не знает, что может случиться. Вдруг что-нибудь сломается в корабле. На практике он может действовать не так, как в теории. На Турин могут оказаться ужасные звери и дикие люди.

— Но ты построил корабль для полета на Турию! — воскликнул я. — Ты сам говорил мне это.

— Это была мечта, — пробормотал он. — Я часто мечтаю. В мечтах со мной ничего не может случиться. Но на Турию... О, это так ужасно, это так далеко! А если что-нибудь случится?

Теперь я понял. Он оказался жалким трусом. Он позволил своей великой мечте рухнуть, потому что не имел мужества и смелости пуститься в путь. Что я мог сделать? Я зависел от Фала Сиваса, а он подвел меня.

— Не понимаю тебя, — сказал я. — Ты всегда убеждал меня, что твоему кораблю несложно добраться до Турии. Какая же опасность может ожидать нас? На Турии мы будем гигантами. Ни одно живущее там созда-

ние не в состоянии противостоять нам. Самого гигантского зверя Турии мы попросту раздавим ногой.

Я думал об этом с тех пор, как появилась возможность полета на Турию. Я не ученый, мои рассуждения могут быть неточны, но они по сути своей верны.

Я знал, что диаметр Турии — около семи миль, так что ее объем составляет примерно два процента объема, скажем, Земли, чтобы сравнение для вас было более ясным. Я думал, что если на Турии есть люди и они пропорциональны всему окружающему, как люди Земли, например, то их рост должен равняться примерно девяти с половиной дюймам, а вес — четырем с половиной фунтам. Земной человек там был бы способен прыгнуть на двести двадцать пять, а с разбега — на семьсот двадцать пять футов, и он смог бы поднять там массу, эквивалентную четырем с половиной тоннам.

Против такого титана крошечные создания Турии были бы беспомощны, если, конечно, Турия населена. Я изложил все это Фалу Сивасу, но тот нетерпеливо покачал головой.

— Есть кое-что, чего ты не знаешь, — заметил он. — Возможно, этого не знает и Гар Нал. Существует особое взаимоотношение между Барсумом и его лунами. Больше нигде в нашей системе оно не действует. Это предположение было сделано одним древним ученым тысячелетия назад и потом забыто. Я прочел о нем в древней рукописи, найденной случайно. Это оригинал работы ученого, и его никто больше не читал. Я надеюсь, что ты меня понимаешь. Ну, его мысли заинтересовали меня. В течение двадцати лет я проверял их. Я испробовал множество методов.

— И что же? — спросил я.

— Барсум и его спутники обладают одной особенностью, которую можно назвать компенсационным приспособлением массы. Допустим, какой-нибудь предмет приближается от Барсума к Турии. Масса его меняется под воздействием планеты и ее спутника. Соотношение его массы и массы Барсума, взятое на поверхности планеты, будет равно соотношению его массы и массы Турии, взятому на поверхности спутника. Ты правильно рассудил, что, если Турия населена, ее обитатели пропорциональны всему окружающему, а их рост должен равняться примерно восьми софам. Вот почему, если моя теория верна, ты, оказавшись на поверхности Турии,

тоже будешь иметь рост около восьми софов.

— Абсурд! — воскликнул я.

Он вспыхнул.

— Ты просто невежественный убийца, — закричал он. — Как ты смеешь сомневаться в утверждениях Фала Сиваса? Но довольно, возвращайся к себе. Я должен заняться работой.

— Я отправлюсь на Турию, — сказал я. — И если ты не хочешь лететь со мной, я полечу один.

Он пошел в свою лабораторию, но я последовал за ним.

— Уходи прочь, — сказал он, — или я убью тебя!

В этот момент я услышал из внутренней комнаты женский крик.

— Вандор, спаси меня!

Фал Сивас побледнел и хотел юркнуть в комнату и закрыться там, но я оказался проворней, оттолкнул его и вошел первым.

Глазам моим предстало ужасное зрелище. К мраморным столам высотой в четыре фута были крепко привязаны несколько женщин. Они не могли шевельнуться и поднять головы. Их было четверо. У троих были сняты части черепа, но женщины были в сознании.

Я видел, как их полные ужаса глаза обратились к нам. Я повернулся к Фалу Сивасу.

— Что это значит? — закричал я. — Что за дьявольские опыты?

— Прочь! — завопил он. — Как смеешь ты вторгаться туда, где царит наука? Кто ты, пес, червь, что осмеливаешься задавать вопросы Фалу Сивасу? Мешать работе, огромную ценность которой ты даже не можешь осмыслить? Прочь отсюда, или я прикажу убить тебя!

— Это кто же сумеет убить меня? — спросил я. — Освободи этих бедных женщин!

Его гнев или ужас, или то и другое вместе, были так велики, что он не мог сказать ни слова больше. Потом он быстро повернулся и выбежал из комнаты.

Я знал, что он побежал за помощью и что вскоре сюда сбегутся все обитатели этого дьявольского гнезда. Можно было бы догнать его, но я побоялся, что здесь что-нибудь случится, поэтому повернулся к девушке на четвертом столе. Это была Занда. Я быстро подошел к ней и увидел, что она еще не подверглась ужасной операции Фала Сиваса. Выхватив кинжал, я перерезал ее путы.

Она соскользнула со стола и руками обхватила мою шею.

— О, Вандор! — воскликнула она. — Теперь мы оба должны умереть. Они идут. Я слышу их шаги!

ГЛАВА XIII

ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ

Лязг металла известил о приближении вооруженных людей. Сколько их было, я не знал, но в этот момент между жизнью и смертью со мной был мой верный меч, и я не собирался сдаваться.

Занда потеряла всякую надежду, но оставалась спокойной. В эти несколько мгновений я понял, насколько она храбра.

— Дай мне твой кинжал, Вандор, — просила она.

— Зачем?

— Они убьют тебя, но меня Фал Сивас не сможет больше подвергнуть пытке.

— Но я еще не умер, — напомнил я ей.

— Я не убью себя, пока ты жив, но остальные... для них уже нет надежды. Они молят о милосердной смерти. Я хочу избавить их от мучений.

Я содрогнулся от этих слов, но понял, что она права, и протянул ей свой кинжал. Сам я никогда не смог бы этого сделать. Для этого нужно обладать большим хладнокровием и мужеством, поскольку перед тобой не вооруженные воины, а несчастные жертвы.

Занда была у меня за спиной. Я не видел, что она делает, и никогда потом не спрашивал ее об этом. Наши враги задержались в первой комнате. Я слышал их шепот. Затем Фал Сивас закричал:

— Выходи и сдавайся, иначе мы убьем тебя!

Я не ответил. Я просто стоял и ждал. Занда подошла ко мне и прошептала.

— За занавесом у той стены есть дверь. Если ты потеряешь время, Фал Сивас пошлет туда своих людей, и они нападут на тебя с двух сторон.

— Тогда я не буду ждать, — ответил я.

Я двинулся к двери, ведущей в комнату, расположенную перед лабораторией, где шептались враги.

Занда положила руку на мой локоть.

— Минутку, Вандор, — сказала она. — Оставайся

здесь перед дверью, а я подойду и внезапно открою ее. Тогда у тебя будет маленькое преимущество.

Дверь открывалась вовнутрь, значит, Занда могла спрятаться за ней.

Занда взялась за ручку двери и резко открыла ее. Сверкнул меч. Ужасный удар расколол бы мне череп, если бы я стоял на этом месте. Его нанес Гамас. За ним я увидел Фистала и еще одного вооруженного человека, сзади стоял сам Фал Сивас.

Старый изобретатель закричал на них, подталкивая вперед, а они пятились, поскольку только один из них мог пройти в дверь, но никто не хотел бы первым.

Гамас отступил назад, как только нанес удар, и теперь его голос присоединился к голосу хозяина. Они вдвоем призывали Фистала и другого воина войти в лабораторию и убить меня.

— Эй, люди! — кричал Гамас. — Нас трое, а он один! Вперед, вперед Фистал, убей предателя!

— Только с тобой, Гамас, — ответил Фистал.

— Вперед! — кричал Фал Сивас. — Вперед, вы, трусы!

Но никто не входил. Они стояли, надеясь, что кто-нибудь другой войдет первым.

Пока они топтались, могла подойти подмога, и я решил напасть первым. Стремительно бросившись на них, я поверг их в смятение. Гамас и Фистал, пытаясь избежать встречи со мной, столкнулись с воином, стоящим позади них. Это был раб, но раб хитрый и очень храбрый. Он гневно оттолкнул Гамаса и Фистала и скрестил свой меч с моим.

Фал Сивас кричал, подбадривая его:

— Убей его, Волак, и ты получишь свободу!

При этих словах Волак еще решительнее стал наступать на меня. Мы оба сражались с ним за жизнь. С боков уже подбирались Гамас и Фистал. Как трусливые шакалы, они держались в стороне, ожидая подходящего случая, чтобы нанести удар.

— Если ты убьешь его, Волак, — кричал Фал Сивас, — получишь столько золота, сколько весишь сам!

Свобода и богатство! Мой противник был воодушевлен. Жизнь, свобода и богатство! За это стоило сражаться, но я тоже сражался за бесценное сокровище, за мою несравненную Дею Торис!

Стремительная атака Волака заставила меня сделать несколько шагов назад, и теперь я стоял в дверях. Эта

позиция была для меня выгоднее, ибо позволяла защищаться от нападения с боков.

За мной стояла Занда, шепотом подбадривая меня, но я и не особенно нуждался в них.

Край марсианского меча остер, как бритва, а конец тонок, как игла; чтобы лезвие не затупилось, во время схватки удары отражаются мечом плащмя. Я тоже обычно оберегал острый край. Теперь мне понадобилось острое лезвие, так как я собирался использовать прием, который много раз выручал меня в прошлом.

Мой противник был хорошим бойцом, особенно сильным в защите. Обычную схватку он мог бы затянуть, но сейчас я хотел положить ей конец как можно скорее.

Я заставил его отступить, а затем ударил в лицо. Он сделал то, чего я от него и ожидал — невольно откинул назад голову, чтобы конец меча не задел ее. При этом он задрал подбородок и обнажил горло. Я быстро переброшил вытянутый меч справа налево, острым концом меча разрезав его горло от уха до уха.

Я никогда не забуду выражения ужаса в его глазах, когда он пошатнулся и упал на пол. Я быстро обернулся к Гамасу и Фисталу. Оба они боялись напасть на меня. Отступая, они отчаянно отмахивались мечами. Я теснил их в угол, когда внезапно вмешался Фал Сивас.

До сих пор он держался в стороне, выкрикивая команды. Теперь он схватил вазу и швырнул ее мне в голову. Я случайно заметил это и успел уклониться. Ваза ударилась о стену и разлетелась на мелкие осколки.

Он схватил еще что-то и снова бросил в меня, на этот раз угодив мне в правую руку. Фистал тут же попытался ударить меня мечом.

Я отпрыгнул, чтобы избежать его удара, а Фал Сивас снова швырнул какой-то предмет. Краем глаза я увидел, что Занда поймала его.

Ни Фистал, ни Гамас не были хорошими бойцами, и я легко справился бы с ними в прямой схватке, но новая тактика, избранная Фалом Сивасом, сводила на нет мое преимущество. Если я повернусь к нему, двое противников останутся сзади и не преминут воспользоваться этим.

Меня ужасно связывало то, что я должен следить сразу за тремя противниками. Быстрым ударом я заставил отступить Гамаса, потом бросил взгляд на Фала Сиваса и успел заметить, как в лоб ему угодил какой-то

предмет. Фал Сивас свалился на пол, как бревно. Это Занда сразила его же оружием. Я не мог сдержать улыбки, вновь повернувшись к Гамасу и Фисталу.

Когда я уже загнал их в угол, Гамас удивил меня, отбросив меч и упав на колени.

— Пощади меня, Вандор,— закричал он.— Я не хотел нападать на тебя. Меня заставил Фал Сивас.

Тут и Фистал бросил свое оружие на пол и тоже упал на колени. Я легко мог бы расправиться с трусами, но не хотел пачкать их кровью свой меч.

— Убей их,— посоветовала Занда.— Им нельзя доверять.

Я покачал головой.

— Нельзя хладнокровно убивать безоружных людей.

— Если ты не сделаешь этого, они помешают нам бежать, и внизу нас остановят другие.

— У меня есть лучший план, Занда,— сказал я.

С ее помощью я крепко связал Гамаса и Фистала, а потом и Фала Сиваса, который был жив, но немного оглушен.

Всем троим я заткнул рты кляпами, чтобы они не подняли шума. Затем я велел Занде следовать за мной в ангар, где на лесах стоял корабль.

— Зачем мы пришли сюда? — спросила Занда.— Нам же нужно как можно быстрее выбраться из этого проклятого дома. Ты возьмешь меня с собой, Вандор?

— Конечно,— ответил я.— Не волнуйся, мы скоро выберемся из здания. Идем, мне может понадобится твоя помощь.

Я направился к огромной двери в конце ангара. Как только я отодвинул засов, створки легко разошлись в стороны. Занда встала на порог и выглянула.

— Здесь нам не спуститься,— сказала она.— До земли футов пятьдесят, а лестницы никакой нет.

— Тем не менее, мы выйдем именно здесь. Идем со мной, и ты убедишься сама.

Мы повернулись к кораблю. Не могу сказать, что я был абсолютно уверен в успехе задуманного плана. Я сосредоточил свои мысли на круглом металлическом предмете на носу корабля. Я ждал, чувствуя, как замирает сердце, потом вздохнул с огромным облегчением — в борту корабля открылась дверь, и на пол скользнула веревочная лестница.

Занда удивленно наблюдала за происходящим.

— Кто там? — спросила она.

— Никого, — ответил я. — Поднимайся, у нас нет времени.

Было видно, что она испугалась, но повиновалась мне. Я последовал за ней по веревочной лестнице в каюту. Затем я отдал «мозгу» приказ поднять лестницу и закрыть дверь, и вместе с Зандой прошел вперед в контрольную рубку. Здесь я снова сосредоточил свои мысли на механическом мозге над моей головой. Даже убедившись в том, что он мне повинуется, я все еще не был уверен в реальности происходящего. Казалось невозможным, чтобы неодушевленный предмет поднял корабль с лесов и вывел его в дверь. В тот же момент я увидел, что корабль поднялся в воздух и осторожно двинулся к выходу. Когда мы выбрались наружу, Занда обняла меня.

— О, Вандор, — воскликнула она. — Ты спас меня от этого ужасного человека. Я свободна! — кричала она. — О, Вандор, я твоя, я буду твоей рабыней! Делай со мной, что хочешь!

Я видел, что она едва не лишилась рассудка.

— Ты слишком возбуждена, Занда, — успокаивающе сказал я. — Ты ничего не должна мне. Ты свободная женщина. Ты не будешь больше рабыней.

— Я хочу быть твоей рабыней, — сказала она, потом очень тихо добавила, — я люблю тебя, Вандор.

Я мягко высвободился из ее объятий.

— Ты не знаешь, что говоришь, Занда. Ты обманываешься в своих чувствах, принимая благодарность за любовь. Ты не должна любить меня, мое сердце принадлежит другой. Есть и еще одна причина, по которой ты не можешь любить меня. Рано или поздно, но ты узнаешь о ней и тогда пожалеешь, что не онемела, прежде чем произнести слова любви, — я думал о ее ненависти к Джону Картеру и вспоминал слова о том, что она, при случае, не задумываясь, убила бы его.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — ответила она, — но раз ты велишь мне не любить тебя, я должна повиноваться, потому что я твоя рабыня. Я обязана тебе жизнью и всегда буду твоей рабыней.

— Мы поговорим об этом в другое время, — сказал я. — Я хочу сообщить тебе кое-что. Может быть, после этого ты пожелаешь остаться в доме Фала Сиваса.

Она сдвинула брови и вопросительно посмотрела на меня.

— Еще одно чудо? Ты говоришь загадками.

— Мы отправляемся в долгое и опасное путешествие на этом корабле, Занда. Я вынужден взять тебя с собой, потому что не могу рисковать и приземляться в Зоданге. К тому же, высадив тебя в этом городе, я обреку тебя на верную смерть.

— Я не хочу высаживаться в Зоданге или еще где бы то ни было,— ответила она,— куда бы ты ни направлялся, я хочу быть с тобой. Когда-нибудь я понадобится тебе, Вандор, и тогда ты будешь рад, что я с тобой.

— Ты знаешь, куда мы направляемся, Занда?

— Нет, и не хочу знать. Мне все равно, даже если мы отправимся на Турию.

Я улыбнулся и снова обратился к механическому мозгу, мысленно приказывая ему направиться к месту, где нас ждал Джат Ор. В этот момент я услышал вой сирены с патрульного корабля.

ГЛАВА XIV

НА ТУРИЮ

Хотя я понимал, что нас в любой момент может обнаружить патрульный корабль, я все же надеялся, что мы выскользнем из города незамеченными.

Это не удалось, и стало ясно, что, если мы не подчинимся команде, они начнут стрелять и повредят корабль, положив конец моим планам в поисках Деи Торис.

Фал Сивас не раз говорил мне об огромной скорости своего детища, и я решил попытаться убежать. Занда прижалась лицом к одному из иллюминаторов корабля. Вой сирены звучал все ближе и резал слух, как острый кинжал.

— Они догоняют нас, Вандор,— сказала она,— и созывают другие корабли на помощь.

— Вероятно, они заметили необычные очертания нашего судна, и у них возникло подозрение.

— Что же мы будем делать? — спросила она.

— Испытаем, на что годен двигатель Фала Сиваса,— ответил я.

Я с надеждой взглянул на безжизненный металлический шар над головой. «Быстрее! Прибавь скорость! Нам надо убежать от патрульных кораблей!» — вот мои мысли, направленные холодному мозгу нашего корабля.

Я напряженно ждал. Однако долго ждать не пришлось. Тут же еле слышный гул этого бесшумного двигателя подтвердил, что мои приказания возымели действие.

— Я не вижу преследующих нас кораблей, — взволнованно воскликнула Занда. — Мы несемся вперед, мы обогнали их!

До наших ушей еще доносились звуки взрывов, так как по нам открыли огонь, и мы услышали отдаленный вой множества сирен — прибыло подкрепление. Огни города стремительно исчезли позади. Не знаю, с какой скоростью мы двигались тогда, но, вероятно, она составила около тысячи трехсот пятидесяти хаадов в час.

Мы летели над дном высохшего моря, которое лежит к западу от Зоданга. Минут через пять наша скорость резко упала, и я увидел маленький воздушный корабль, почти застывший в воздухе перед нами. Я понял, что это корабль Джата Ора, и приказал мозгу подвести корабль к его борту и остановиться. Реакция корабля на мои мысли была абсолютно точной. Когда наши корабли оказались рядом и невидимые руки открыли дверь в борт, я испытал некоторое чувство ужаса, будто нахожусь во власти некоего воздушного Франкенштейна, и это несмотря на то, что я знал, что все действия корабля — лишь результат моих мысленных приказов.

Джат Ор стоял на узкой палубе маленького кораблика, изумленно разглядывая странный корабль.

— Если бы я не ожидал увидеть тебя, — сказал он, — я бы непременно отправился бы в Гелиум. Огромные «глаза» корабля и нечто зловещее в его облике делают его похожим на чудовище из другого мира. Ты хочешь, чтобы я взошел на борт?

— Да, — ответил я, — но после того, как мы распорядимся твоим кораблем.

— Что мне с ним делать? — спросил он. — Может, просто оставить?

— Установи курс на Гелиум и направь его туда на средней скорости. Мы будем двигаться рядом и примем тебя на борт. Один из патрульных кораблей Гелиума подберет корабль и вернет его в мой ангар.

Он так и сделал, и немного погодя вступил в каюту Фала Сиваса.

— Удобно,— заметил он.— Старик, должно быть, сибарит.

— Да, но стремление к удобствам и любовь к роскоши так испортили его, что он, завершив постройку корабля, побоялся подняться на его борт.

Джат Ор осматривал каюту, и его глаза задержались на двери в тот момент, когда я приказал мозгу закрыть ее. Он вскрикнул от удивления.

— Во имя моего первого предка! — вскрикнул он.— Кто закрыл эту дверь? Я никого не вижу, а ты не двигался и не касался ни одного прибора.

— Пойдем в контрольную рубку,— сказал я,— и ты увидишь весь экипаж этого корабля, который умещается в металлическом шаре размером с твой кулак.

Когда мы вошли туда, Джат Ор впервые увидел Занду. Он, конечно, удивился, но не подал виду, так как был слишком хорошо воспитан.

— Это Занда, Джат Ор,— сказал я.— Фал Сивас в интересах науки собирался вскрыть ее череп, но я помешал ему. Бедная девушка вынуждена была выбирать меньшее из двух зол, и поэтому она полетела со мной.

— Это утверждение не совсем верно,— возразила Занда,— даже если бы моей жизни не угрожала опасность и меня окружали бы комфорт и роскошь, я все равно пошла бы с Вандором, пусть даже на край Вселенной.

— Видишь ли, Джат Ор,— заметил я с улыбкой,— дама не очень хорошо знает меня, но когда узнает, ее намерения скорее всего изменятся.

— Никогда! — воскликнула Занда.

— Посмотрим.

По пути из Гелиума до Зоданга я уже рассказывал Джату Ору об удивительном механизме, который Фал Сивас называл механическим мозгом. И теперь я видел, как глаза молодого падвара оглядывают помещение в поисках этого чудесного изобретения.

— Вот он,— сказал я, указывая на металлический шар.

— Эта маленькая штука управляет кораблем и открывает двери? — изумленно спросил он.

— Корабль летит за счет работы двигателей, а многочисленные рычаги и моторы открывают двери и выпол-

няют другие команды на борту корабля. Механический мозг руководит их движениями.

— Эта штука мыслит? — поинтересовался он.

— Во всех отношениях она подобна человеческому мозгу, за исключением того, что она не может рождать оригинальные мысли.

Падвар молча смотрел на шар.

— У меня возникают странные мысли,— сказал он наконец.— Он внушает чувство безнадежности, как будто я во власти существа, одновременно всемогущего и бессильного.

— У меня то же самое чувство,— согласился я.

— Я ужасно боюсь этой штуки,— пожаловалась Занда,— может, Фал Сивас передал ей свою бессердечность и жестокость.

— Это — его создание,— заметил я.

— Тогда будем надеяться, что оно само не сможет мыслить. Это, конечно, невозможно,— сказал Джат Ор.

— Не знаю,— ответила Занда,— удалось ли ему работать у мозга способность мыслить самостоятельно. Я знаю даже, что он надеялся наделить это ужасное изобретение способностью говорить.

— Почему ты называешь его ужасным? — спросил Джат Ор.

— Потому что оно бесчеловечно и неестественно,— ответила девушка.— Ничего хорошего нельзя ожидать от Фала Сиваса. То, что вы видите, создано ненавистью, вожделением и алчностью. Оно должно было удовлетворить эти страсти Фала Сиваса. Никакие благородные мысли или возвышенные чувства не двигали его создателем, и, значит, оно не сможет их порождать, даже если будет мыслить самостоятельно.

— Но наша цель возвышенная и благородная, Занда,— напомнил я,— и если мозг служит нам, он служит добру.

— Все равно, я боюсь его,— возразила девушка.— Я даже ненавижу его, потому что он напоминает мне о Фале Сивасе.

— Надеюсь, мозг не задумается над этими искренними признаниями,— заметил Джат Ор.

Занда зажала рот рукой, в ее широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Я не подумала об этом,— прошептала она.— Возможно, в эту минуту он уже строит планы мести.

Я не мог не рассмеяться.

— Если этот мозг причинит нам какой-нибудь вред, Занда,— сказал я,— то обвиняй меня, потому что мой мозг заставляет его действовать, пока мы владеем кораблем.

— Надеюсь, ты прав,— сказала она,— и он будет послушно выполнять твою волю.

— Допустим, мы благополучно доберемся до Турии,— сказал Джат Ор.— С тех пор, как ты сказал, что Турия — наша цель, я все думаю, как мы будем себя чувствовать на крошечном спутнике. Мы своими размерами будем превосходить все, что найдем там.

— Может, и нет,— сказал я и объяснил им теорию компенсации масс, которую изложил мне Фал Сивас.

— Кажется, нелепо,— высказался Джат Ор.

Я пожал плечами.

— Мне тоже так кажется. Но как бы мы не относились к Фалу Сивасу, нельзя отрицать, что он великий ученый, и поэтому я ни в чем не уверен, пока мы не достигнем поверхности Турии.

— Во всяком случае,— сказал Джат Ор,— что бы мы ни нашли, похитители принцессы не будут иметь преимущества перед нами, если только мы найдем их там.

— Ты сомневаешься в этом? — спросил я его.

— Это просто догадки,— ответил он,— но кажется невероятным, что два изобретателя, работая независимо один от другого, построили одинаковые корабли, способные преодолеть безвоздушное пространство между Барсумом и Турией и управляемые механическим мозгом.

— Но, насколько я знаю,— ответил я,— корабль Гара Нала устроен иначе. Фал Сивас не верил, что его конкурент изобрел механический мозг. Можно считать, что корабль Гара Нала управляется человеком.

— Тогда чей же корабль имеет больше шансов достичь Турии? — спросил падвар.

— Согласно уверениям Фала Сиваса,— ответил я,— здесь не может быть сомнений — механический мозг не делает ошибок.

— Если допустить, что это так,— сказал на это Джат Ор,— можно допустить также и то, что человеческий мозг Гара Нала чего-то не учел.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Из-за ошибок в расчетах Гар Нал мог и не достичь Турии.

— Я не подумал об этом,— согласился я.

Я был так поглощен мыслью о том, что Гар Нал и Ур Джан увезут свою жертву, что не подумал о том, что они могут оказаться просто не в состоянии сделать это.

Это предположение расстроило меня. Я понял, какими безнадежными станут поиски, если, добравшись до Турии, мы выясним, что Деи Торис там нет.

Где мне тогда искать ее? Где я могу надеяться найти ее в бесконечных пространствах космоса? Но вскоре я отбросил эти мысли: беспокойство — разрушительная сила, и я решил не допускать его в свои мысли.

Занда удивленно смотрела на меня.

— Мы действительно летим на Турию? — поинтересовалась она. — Я не понимаю, зачем это нужно, но если ты хочешь, пусть будет так. Когда же старт, Вандор?

— Мы уже в пути,— ответил я. — В тот момент, когда Джат Ор ступил на борт, я тут же приказал мозгу на полной скорости лететь на Турию.

ГЛАВА XV

ТУРИЯ

За бортом нашего корабля простирались холодные, мрачные просторы космоса. Корабль продвигался вперед, а я посоветовал Джату Ору и Занде лечь спать.

Хотя у нас не было мехов и шелка для постелей, мы не особенно в них нуждались, так как в каюте было тепло. Мозг, по моему приказанию, поддерживал постоянную температуру и следил за поступлением кислорода с той самой минуты, как мы покинули поверхность Барсума.

В каюте были узенькие, но удобные диваны, а также множество подушек, поэтому мы не испытывали неудобств в пути.

Мы оставили Барсум в середине восьмого цода, что соответствует полночи на Земле. Прикинув расстояние и нашу скорость, я рассчитал, что мы прибудем на Турию в полдень следующего дня.

Джат Ор никак не хотел оставлять меня одного, но я настоял, чтобы мы спали по очереди. Взяв с меня

обещание разбудить его через пять часов, он лег.

Пока мои товарищи спали, я тщательно осмотрел корабль и убедился, что на нем припасено достаточно продовольствия, а также спальных принадлежностей. Но, конечно, больше всего меня интересовало оружие.

Тут были длинные и короткие мечи, кинжалы, а также множество известных на Барсуме радиевых пушек и пистолетов с большим количеством боеприпасов.

Казалось, Фал Сивас не забыл ничего, но вся эта тщательная подготовка была бы ни к чему, если бы я не захватил его корабль. Собственная трусость помешала ему использовать его, и, конечно, никому другому он не позволил бы воспользоваться им.

Закончив осмотр корабля, я прошел в контрольную рубку и посмотрел в один гигантский «глаз». Черное небо было усеяно холодными блестящими точками.

Как странно выглядят звезды, когда свет их не достигает планеты. Я поискал глазами Турию, но ее не было видно. Это открытие ошеломило меня. Неужели механический мозг подвел меня? Неужели пока я тратил время, осматривая корабль, он поменял направление?

Я не склонен терять голову и устраивать истерики, когда сталкиваюсь с чем-то неожиданным, и никогда не теряю рассудка. Я сел на скамью в контрольной рубке и задумался.

Вошел Джат Ор.

— Долго ли я спал? — спросил он.

— Недолго, — ответил я. — Лучше возвращайся и досыпай.

— Не хочу. Трудно уснуть, когда происходит такое захватывающее приключение. Спасибо за это, мой принц.

— Вандор, — напомнил я ему.

— Иногда я забываюсь, — сказал он, — но мне хотелось бы поблагодарить тебя за возможность испытать столь острые ощущения. Подумай только об ужасных последствиях нашего приключения, подумай о нашем положении.

— Я как раз думал об этом, — ответил я, улыбаясь.

— Через несколько часов мы будем там, где не ступала нога ни одного барсумианина, — на Турии!

— Я не уверен в этом.

— В чем?

— Посмотри вперед, — сказал я. — Ты видишь Турию?

Он посмотрел в один иллюминатор, потом в другой.

— Я не вижу Турии,— констатировал он.

— Я тоже. Ты понимаешь, что это значит?

Он застыл на мгновение.

— Ты хочешь сказать, что мы не попадем на Турию, что мозг ошибся?

— Не знаю,— ответил я.

— Далеко ли от Барсума до Турии? — спросил он.

— Немногим более пятнадцати тысяч семисот хаадов. Я считаю, что наше путешествие должно было закончиться через пять цодов.

В этот момент в правом иллюминаторе появилась Турия, и Джат Ор издал возглас облегчения.

— Я понял! — воскликнул он.

— Что ты понял? — спросил я.

— Механический мозг действует лучше нашего,— ответил он.— В течение десяти цодов барсумианского дня Турия трижды оборачивается вокруг планеты, поэтому за время нашего пути она обернется вокруг Барсума полтора раза.

— Ты думаешь, что механический мозг учел это?

— Несомненно,— сказал он.— Он рассчитал время нашей встречи со спутником.

Я почесал затылок.

— Теперь возникает другой вопрос. Кое о чем я не подумал раньше.

— О чем же?

— Скорость нашего корабля приблизительно три тысячи двести пятьдесят хаадов за один цод, а Турия за этот же период проделывает путь в сорок одну тысячу двести пятьдесят хаадов.

Джат Ор присвистнул.

— Она движется в двенадцать раз быстрее нас,— воскликнул он.— Как, во имя моего первого предка, мы догоним ее?

Я успокаивающе махнул рукой.

— Думаю, мы должны предоставить это мозгу,— сказал я.

— Надеюсь, он не столкнет нас со спутником,— сказал Джат Ор.

— Как бы ты совершил посадку, если бы сам управлял кораблем? — спросил я его.

— Я бы использовал гравитационное поле Турии.

— Так и будет. Попад в сферу ее притяжения, мы

двинемся к ней по орбите, а потом сможем произвести естественную посадку.

Джат Ор смотрел на гигантский шар Турии справа от нас.

— Какое удивительное она производит впечатление,— сказал он.— Ведь по всем расчетам невозможно подойти к ней настолько близко, чтобы она выглядела такой огромной.

— Ты забыл,— сказал я,— что, приближаясь к ней, мы становимся соответственно меньше. Когда мы достигнем ее поверхности, если нам повезет, она будет казаться нам такой же большой, как и Барсум.

— Как в кошмарном сне,— пробормотал Джат Ор.

— Согласен с тобой,— ответил я,— но ты должен признаться, что это очень интересный сон.

Пока мы преодолевали милю за милей, Турия постепенно передвигалась и вскоре скрылась за восточным краем планеты, лежавшей теперь далеко внизу под нами. Несомненно, когда она завершит оборот, мы окажемся в сфере ее притяжения. Только тогда и начнется новый этап нашего приключения.

Я настоял на том, чтобы Джат Ор вернулся в каюту и поспал несколько часов, ведь никто не знал, что ждет нас впереди и какое напряжение умственных и физических сил от нас потребуется.

Позже я разбудил Джата Ора и сам лег отдохнуть. Все это время Занда мирно спала. Она не пробудилась и тогда, когда я уже встал и вернулся в контрольную рубку.

Джат Ор сидел и смотрел в правый «глаз» корабля. Он, несомненно слышал, как я вошел, но не обернулся.

— Вот она,— сказал он напряженным голосом.— О, Исса! Что за великолепное зрелище!

Я тоже подошел к иллюминатору и глянул в него. Передо мной был огромный мир. Один край полумесяца освещался солнцем. Мне показалось, что я смутно различил очертания гор и долин, более светлых, чем могут быть песчаные пустыни или дно мертвых морей, и темные пятна, которые могли бы оказаться лесом. Новый мир! Мир, который еще не посещал ни один землянин, ни барсумианин.

Теперь к нам присоединилась Занда. Увидев Турию, сверкающую впереди, она взволнованно воскликнула:

— Как мы близко!

Я кивнул.

— Вскоре мы узнаем свою судьбу. Ты боишься?

— Нет, пока ты со мной,— просто ответила она.

Вскоре я заметил, что мы изменили курс. Раньше Турия была справа от нас, а теперь прямо перед нами. Мы попали в сферу ее притяжения. И вместе с нею на огромной скорости неслись через космическое пространство. Мы снижались по спирали, мозг корабля работал превосходно.

— Мне не нравится мысль о посадке ночью в чужом мире,— заметил Джат Ор.

— Мне тоже,— согласился я,— думаю, нам лучше подождать до утра.

Я приказал мозгу остановиться в двух сотнях хаадов от поверхности спутника и медленно двигаться в направлении восхода.

— Давайте посидим в ожидании дня,— предложил я.

— Если на борту есть пища, хозяин,— заметила Занда.

— Да,— ответил я.— Ты найдешь ее в кладовой на корме.

— Я приготовлю еду в каюте, хозяин,— сказала она.

Когда она вышла из контрольной рубки, Джат Ор, проводивший ее взглядом, сказал:

— Она не похожа на рабыню, но, тем не менее, обращается к тебе, словно твоя рабыня.

— Я говорил ей, что она не рабыня,— ответил я,— но она настаивает на своем. Она была пленницей в доме Фала Сиваса и прислуживала мне. На самом деле она дочь благородной семьи, хорошо воспитанная и культурная.

— И очень красивая,— добавил Джат Ор.— Я думаю, она любит тебя, мой принц.

— Может, она и думает, что любит,— ответил я,— но это из чувства благодарности. Если бы она узнала, кто я, даже благодарность не перевесила бы ее ненависти. Она поклялась убить Джона Картера.

— За что?

И я поведал Джату Ору историю Занды. Вскоре девушка позвала нас, и мы отправились в каюту ужинать.

Она стояла в ожидании, но я потребовал, чтобы и она села с нами.

— Нельзя,— сказала она,— чтобы рабыня сидела за одним столом со своим хозяином.

— Я сколько раз говорил тебе, что ты мне не рабыня, Занда,— сказал я.— Если ты будешь на этом настаивать, я отошлю тебя. Может, я отдам тебя Джату Ору. Как тебе это нравится?

Она посмотрела на касавца падвара, сидевшего напротив нее.

— Может, он и будет хорошим хозяином,— сказала она,— но я буду рабыней только у Вандора.

— Но что ты сделаешь, если я отдам тебя ему?

— Я убью либо Джата Ора, либо себя.

Я засмеялся и похлопал ее по плечу.

— Я не отдам тебя, если смогу.

— Если сможешь? — спросила она.— Почему ты не сможешь?

— Потому что я не могу отдать свободную женщину. Я уже сказал тебе, что ты свободна, а теперь повторяю это в присутствии свидетеля. Ты знаешь обычай Барсума, Занда? Ты свободна отныне, хочешь ты этого или нет.

— Я не хочу быть свободной,— сказала она,— но если такова твоя воля, Вандор, пусть будет так.

Она немного помолчала и посмотрела на меня.

— Если я не твоя рабыня, то кто же я?

— Теперь ты наш товарищ по несчастью, Занда,— объяснил я,— разделяющий с нами радости и печали, которые выпали на нашу долю.

— Боюсь, что я стану вам обузой,— заметила она,— но, конечно, я могу готовить вам еду и служить вам. В конце концов я займусь делами, к которым привычна любая женщина.

— Тогда ты будешь нам очень полезной и никак не обузой,— обрадовался я.— И чтобы ты была уверена, что мы не оставим тебя, назначаю твоим защитником Джата Ора. Он будет отвечать за твою безопасность.

Думаю, что это понравилось больше Джату Ору, но не Занде. Она выглядела слегка обиженной, но все-таки улыбнулась молодому падвару, не желая обидеть его.

Пока мы летели над Турией, я видел под нами леса и светлые извилистые ниточки рек и ручьев, где-то вдали были видны горы. Этот мир казался прекрасным и загадочным.

Меня охватило нетерпение. Казалось, рассвет никогда не наступит, но наконец первые его отблески осветили горные вершины перед нами. Медленно картина ланд-

шафта под нами. прояснялась. Стала хорошо видна долина с перелесками, низкие склоны, покрытые густой растительностью, постепенно поднимались к отдаленным горам. Цвета растительности были те же, что и на Барсуме: алая трава, великолепные деревья, но насколько хватало глаз — ни одного живого существа.

— Здесь должна быть жизнь,— сказала Занда.— В таком изобилии прекрасного должны чьи-то глаза, чтобы смотреть и восхищаться.

— Мы приближаемся к поверхности? — спросил Джат Ор.

— Мы прилетели сюда, чтобы найти корабль Гара Нала,— ответил я,— и сначала мы должны найти его.

— Это все равно, что искать крохотную бусинку во мху на дне мертвого моря,— заметил Джат Ор.

Я кивнул.

— Боюсь, что так, но мы прибыли сюда именно с этой целью.

— Смотрите! — воскликнула Занда.— Что это там впереди?

Глава XVI

НЕВИДИМЫЕ ВРАГИ

Глядя в направлении, указанном Зандой, я увидел нечто, похожее на большое здание на берегу реки. Строе- ние находилось на поляне в лесу, и когда восходящее солнце коснулось его башен, они сверкнули ярким блеском. Мы увидели обнесенный стенами двор, а во дворе — странную конструкцию, которая вызвала у нас больший интерес и возбуждение, чем само здание.

— Как ты думаешь, Занда, что это? — поинтересовался я, потому что именно она обнаружила его.

— Я думаю, что это корабль Гара Нала,— сказала девушка.— Гар Нал и Фал Сивас крали друг у друга идеи, а этот корабль очень похож на наш. Я не удивлюсь, если их корабли выглядят почти одинаково.

— Думаю, что ты права, Занда,— согласился я.— Вряд ли обитатели Турии по какому-то чудесному совпадению построили корабль, настолько похожий на корабль Фала Сиваса. Еще меньше вероятность того, что на спутнике появился третий корабль с Барсума.

Я приказал мозгу снижаться, и вскоре мы уже летели на высоте, позволяющей рассмотреть здание и окружающую местность. Чем ближе мы подлетали к кораблю во дворе, тем больше убеждались, что это корабль Гара Нала. Но нигде не было видно и следов Гара Нала, Ура Джана или Деи Торис, и вообще никаких признаков жизни ни в здании, ни вокруг него.

— Я посажу корабль рядом с кораблем Гара Нала,— сказал я.— Приготовь оружие, Джат Ор.

— Оно всегда наготове, мой... Вандор,— ответил он.

— Не знаю, сколько бойцов на борту этого корабля,— продолжил я,— там могут быть только Гар Нал и Ур Джан, но могут оказаться и другие. Если начнется схватка, один из них должен остаться в живых, чтобы указать нам место, где спрятана принцесса.

Мы продолжали медленно спускаться, напряженно осматривая поляну. Незадолго до этого Занда вышла из контрольной рубки и теперь вернулась, облаченная в доспехи воина и с оружием в руках. Они ладно сидели на еестройной фигуре.

— Зачем это? — удивился я.

— Тебе может понадобиться лишний меч,— сказала она.— Ты не знаешь, сколько врагов ожидает тебя.

— Надевай, если хочешь,— согласился я,— но оставайся на корабле, пока все не успокоится. Сражаться мы будем вдвоем с Джатом Ором.

— Я пойду вместе с вами и буду сражаться рядом,— упрямо и спокойно ответила она.

Я покачал головой.

— Нет,— повторил я,— делай, как я сказал — оставайся на корабле.

Она посмотрела мне в глаза.

— Против моей воли ты настоял на том, чтобы я стала свободной женщиной,— напомнила она.— Теперь я поступлю как свободная женщина, а не как рабыня.

Я улыбнулся.

— Хорошо,— сказал я,— но если ты пойдешь с нами, мы с Джатом Ором будем заняты схваткой и не успеем защитить тебя.

— Я сама позабочусь о себе,— просто ответила девушка.

— Пожалуйста, останься на борту,— с беспокойством в голосе попросил Джат Ор.

Занда только покачала головой в ответ.

Наш корабль медленно опустился рядом с кораблем Гара Нала. Я приказал мозгу открыть дверь и опустить лестницу. По-прежнему, мы не заметили ни следа жизни ни на корабле, ни в здании. Мертвая тишина стояла во дворе.

Мгновение я постоял у двери, оглядываясь, затем спустился на поверхность Турии в сопровождении Джата Ора и Занды. Перед нами возвышался замок странной неземной архитектуры, увенчанный множеством различных башен, расположенных поодиночке и группами. Словно в подтверждение теории Фала Сиваса о необычайных богатствах этого спутника Барсума, стены замка были сложены из блоков драгоценных камней, уложенных так, что они создавали великолепный сложный цветной узор, который не поддается описанию.

В тот момент, однако, я лишь бегло взглянул на великолепие замка, уделив главное внимание кораблю Гара Нала. Дверь в корабле была открыта, и из нее свешивалась до поверхности веровочная лестница.

Я понимал, что, поднимаясь снизу по лестнице, мы окажемся в очень невыгодном положении по сравнению с нападающими сверху, но выбора не было. Я должен был выяснить, есть ли кто-нибудь на борту. Я попросил Занду встать на небольшом отдалении, так, чтобы она могла видеть корабль внутри и предупредить меня в случае опасности, затем быстро поднялся.

Поскольку корабль лежал на почве, мне пришлось подняться лишь немного, чтобы мои глаза оказались на уровне пола каюты. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что здесь никого нет, мгновением позже я был уже в каюте корабля Гара Нала. Внутреннее устройство этого корабля слегка отличалось от устройства кают на корабле Фала Сиваса, которые, между прочим, были обставлены более роскошно.

Из каюты я прошел в контрольную рубку. И здесь никого не было. Затем я осмотрел остальные части корабля. Он был пуст.

Выйдя наружу, я сообщил об этом Джату Ору и Занде.

— Странно,— заметил Джат Ор,— никто нас не окликает и не замечает нашего присутствия. Возможно ли, что замок тоже пуст?

— Есть что-то зловещее во всем этом,— сказала Занда тихим напряженным голосом.— Даже тишина ка-

жется враждебной. Я никого не вижу, ничего не слышу, но чувствую... нет, не понимаю, что именно.

— Да, какая-то загадка,— согласился я.— Не похоже, чтобы замок давно покинули, судя по его внешнему виду.

— Я чувствую, что там и сейчас кто-то есть,— сказал Джат Ор.— Я чувствую чье-то присутствие вокруг нас. Могу поклясться, что за нами следят, наблюдая за каждым нашим движением.

Я испытывал то же самое чувство. Я все время поглядывал на окна замка, ожидая увидеть множество любопытных глаз, но ни в одном из них не было и следа жизни. Тогда я громко, так, что должно было быть слышно во всех уголках замка, выкрикнул обычное на Барсуме приветствие:

— Каор! Мы путешественники с Барсума. Мы хотим поговорить с хозяином замка.

Ответом было молчание.

— Как нехорошо! — воскликнула Занда.— Почему они не отвечают нам? Здесь должен быть кто-то, я знаю это. Я не вижу их, но здесь есть люди. Они вокруг нас.

— Я уверен, что ты права, Занда,— сказал я.— В замке должен быть кто-то, я пойду взгляну, а вы ждите меня здесь.

— Нам лучше пойти всем вместе,— сказала девушка.

— Да,— согласился Джат Ор,— мы не должны разделяться.

У меня не было оснований возражать, поэтому я кивнул в знак согласия, потом приблизился к запертой двери в стене замка. За мной шли Занда и Джат Ор. Мы преодолели половину расстояния от корабля до замка, когда молчание было нарушено возгласом, полным ужаса, донесшимся откуда-то сверху, очевидно, с одной из высоких башен замка.

— Беги, мой вождь! Беги из этого ужасного места, пока это возможно!

Я остановился, окаменев. Это был голос Деи Торис.

— Принцесса! — воскликнул Джат Ор.

— Да,— сказал я,— это принцесса. Идем!

Я побежал к дверям замка, но не сделал и полдюжины шагов, как идущая сзади меня Занда издала страшный крик. Я мгновенно повернулся. Она дергалась в конвульсиях. Лицо ее было искажено ужасом. Ее руки и ноги двигались так, будто она сражалась с

врагом, но она была одна. Никого рядом не было.

Джат Ор и я прыгнули к ней, но она быстро отступала, все еще с кем-то борясь. Дергаясь то вперед, то назад, она двигалась в направлении ко входу в замок. Казалось, она движется не сама, а ее тащат, но я по-прежнему никого рядом не видел.

Все, о чем я так долго рассказываю, заняло всего несколько секунд, прежде чем я смог преодолеть расстояние, разделявшее нас. Джат Ор был ближе к ней. Он уже почти схватил ее, когда я услышал его голос:

— О, Исса! Меня тоже!

Он упал на почву, дергаясь так же, как и Занда. Я бросился к ним с длинным мечом в руке, хотя по-прежнему не видел врага, чью кровь я мог бы выпустить.

Никогда в своей жизни я не чувствовал себя таким слабым и беспомощным. Я, умелый боец, известный в двух мирах, не мог защитить своих друзей, так как не видел врага. Казалось, что они попали в тиски зловещей силы, которая тащила их туда, куда хотела, из какого-то укрытия или скрытого наблюдательного пункта. Психологический эффект зловещей таинственности происходящего еще более подчеркивал нашу беспомощность.

Мои земные мускулы не подвели меня. Я быстро очутился рядом с Зандой, но когда протянул руку, чтобы остановить ее, что-то схватило меня за лодыжку, и я упал. Я чувствовал на себе руки, множество рук. Меч у меня вырвали, все остальное оружие отняли. Я боролся так, как, вероятно, никогда не боролся раньше. Я чувствовал навалившиеся на меня тела противников, ощущал их крепкие руки и силу их ударов, но никого не видел, хотя мои удары попадали в чью-то плоть.

Это уже было что-то. Это давало мне некоторое чувство равенства, хотя я не мог понять, почему, если я чувствую эти тела, я не вижу их. По крайней мере, теперь мне стало понятно странное поведение Занды. Ее движения, казавшиеся конвульсиями, были отчаянным сопротивлением невидимому противнику.

Теперь ее тащили к замку, и, сражаясь с большим числом противников, я заметил, как она исчезла в замке. Затем эти существа, кто бы они ни были, одолели меня. Их было очень много, на мне сошлось множество рук. Они связали мне запястья за спиной и грубо поставили на ноги.

Не могу точно описать свои чувства, но нереальность

последних нескольких мгновений ошеломила меня. Впервые в жизни я подчинился врагу, может быть, из-за внезапности нападения и абсолютно необъяснимой ситуации. Даже призрачных лучников Лотара нельзя было сравнить со всем этим, потому что, когда они нападали, их было видно.

Когда меня поставили на ноги, я увидел Джата Ора рядом с собой и тоже со связанными руками. Теперь меня потащили к двери, где исчезла Занда, а за мной последовал и Джат Ор.

— Ты видишь что-нибудь, мой принц? — не удержался он от вопроса.

— Тебя, — ответил я.

— Что за дьявольская сила схватила нас?

— Не знаю, но чувствую на себе руки, тепло тел.

— Я думаю, мы погибли, мой принц.

— Погибли? — воскликнул я. — Мы еще живы!

— Я не это имел в виду, — заметил он. — Если возвращение на Барсум невозможно, то мы лишаемся всех надежд. Они захватили наш корабль, и если нам удастся бежать, как мы попадем на него? Нет, мой друг, если мы не вернем наш корабль, это будет равносильно нашей смерти.

Корабль! Во время схватки с невидимой силой я совсем забыл о нем. Я взглянул на него. Мне показалось, что веревочная лестница натянулась под тяжестью невидимых тел, поднимающихся по ней.

Но выход был найден! Я сосредоточил свои мысли на механическом мозге корабля и приказал ему подняться и ждать нас поблизости от замка, пока я не пошлю следующий приказ.

Затем невидимые руки втащили меня в замок. Я не знал, последовал ли мозг моему указанию. Узнаю ли я об этом когда-нибудь?

ГЛАВА XVII

ЧЕЛОВЕК-КОШКА

Пока нас вели по длинному коридору замка, мои мысли были по-прежнему сосредоточены на механическом мозге. Я боялся только одного: вдруг я не способен управлять им на таком большом расстоянии. Корабль так

много значил для нас и был жизненно необходим для спасения Деи Торис, что сама мысль об его утрате леденила меня.

Однако вскоре я постарался изгнать из головы гнетущие мысли, так как беспокойство к добру не приведет. Подняв голову, я увидел, что рядом со мной по коридору идет Джат Ор. Поймав на себе мой взгляд, он покачал головой и через силу улыбнулся.

— Похоже, наше приключение на Турии будет коротким,— сказал он печально.

Я кивнул.

— Будущее выглядит не таким лучезарным,— согласился я.— Никогда еще я не сражался с невидимым врагом.

— И неслышимым,— добавил Джат Ор.— Если не считать рук на мне и того, что меня тащат, я все еще не осознаю присутствия здесь кого-либо, кроме нас самих. Нереальность происходящего вызывает во мне ощущение тщетности всех наших усилий.

— Но мы должны найти того, с кем мы сможем скрестить свои мечи и потягаться на равных умом и хитростью, потому что этот замок и все, что мы видим, предназначены для существ, похожих на нас. Посмотри, например, на эти скамьи и диваны вдоль стен коридора. Они сделаны для существ, подобных нам. Прекрасная мозаика, украшающая стены, великолепные ковры и шкуры на полу — эти вещи удовлетворяют тягу к красоте, что свойственно человеческой природе, да и сделаны они, несомненно, человеческими руками и разумом.

— Твои рассуждения верны,— согласился Джат Ор,— но где же люди?

— Вот в этом вся загадка,— ответил я,— и я уверен, что наше будущее зависит от ее разрешения.

— Меня, конечно, занимают эти вопросы,— после некоторого раздумья сказал Джат Ор,— но еще больше меня беспокоит судьба Занды. Что они могли с ней сделать?

На это, разумеется, у меня не было ответа.

В конце коридора была широкая богато украшенная лестница, ведущая на следующий этаж, и вскоре нас ввели в большое помещение — огромный зал, в дальнем конце которого мы увидели, наконец, одинокую фигуру. Это была Занда. Она стояла возле возвышения, на кото-

ром стояли два трона, богато украшенных драгоценными камнями.

Золото и драгоценные камни украшали пол и стены зала. Они были уложены в узоры каким-то великим мастером, который использовал в работе редчайшие жемчужины, каких я никогда не видел ни на Земле, ни на Барсуме.

Невидимая сила подвела нас к Занде, и мы втроем стояли, глядя на пустые троны. Но были ли они на самом деле пусты?

Я испытывал то же странное чувство, что и во дворе, будто меня окружает толпа, и множество взглядов устремлено на меня, хотя я ничего не видел и не слышал ни звука.

Несколько мгновений мы постояли перед подиумом, затем нас вывели из зала и уже по другому коридору подвели к другой лестнице, ведущей вверх, по которой Джат Ор поднимался с некоторым трудом. Он просто не был знаком с лестницей, поскольку они не используются в зданиях на Марсе. Там в обиходе пандусы, ведущие с одного этажа здания на другой.

Когда мы поднялись на несколько этажей вверх, Занду забрали и увели в другой коридор. А этажом выше меня покинул Джат Ор. Никто из нас не обмолвился и словом с момента выхода из зала, слова казались ненужными в этой безвыходной ситуации.

Теперь я остался один, но продолжал идти все время вверх, влекомый невидимыми руками. Куда они вели меня? Какая судьба ждала моих товарищей?

Где-то в этом большом замке была моя принцесса, ради спасения которой я сюда прилетел, но никогда еще она не казалась мне такой далекой, как в эту минуту, никогда наша встреча не представлялась такой невозможной. Не знаю, чем объяснить это чувство, может быть, таинственной и неестественной обстановкой.

Мы поднялись на такую высоту, что я был убежден, что нахожусь в одной из самых высоких башен замка, которые я видел со двора. Этот факт, а также то обстоятельство, что нас разделили, означал, что захватившая нас сила не вполне уверена в себе. Только время могло дать ответы на множество вопросов, возникших в моей голове.

Меня остановили перед дверью с редкостным замком. Я увидел, что он пришел в движение, как будто чья-то

рука поворачивает его. Дверь открылась, и меня втащили в комнату. Здесь мне развязали руки. Я быстро повернулся, намереваясь схватиться за створки двери, но прежде чем я успел это сделать, она захлопнулась передо мной. Я попытался открыть ее, но она была прочно закрыта, и я разочарованно отвернулся.

Я начал осматриваться и тут обнаружил фигуру, сидящую на скамье в дальнем конце комнаты. Это был очень странный человек.

Обнаженное странное существо в короткой кожаной юбке, поддерживаемой на бедрах широким поясом с огромной золотой пряжкой, усыпанной драгоценными камнями, сидело на красной скамье, прислонившись к серой стене. Кожа его была того же цвета, что и стена, кроме той части ног, которые касались скамьи — они были красными.

Форма его черепа была та же, что и у человека, но черты лица не были человеческими. По центру лба находился единственный большой глаз, примерно три дюйма в диаметре. Зрачок имел вертикальный разрез, как зрачок кошки. Он сидел, рассматривая меня своим огромным глазом, я тоже рассматривал его и не мог не подумать, как выгляжу я в его представлении.

В течение некоторого времени мы оставались неподвижными, глядя друг на друга. Я успел заметить несколько других необычных его черт. Пальцы рук и ног были длиннее, чем у человека, большие пальцы значительно короче остальных и выступали под прямым углом к кистям рук и ног.

Форма кистей рук и его стоп, а также вертикальный разрез зрачка, наводили на мысль, что большую часть времени он проводит на дереве, где находит себе пищу или добычу. Но, вероятно, наиболее выдающейся особенностью его отвратительной, на мой взгляд, внешности был рот. Их у него было два — один над другим. Нижний рот, больший по размеру, был безгубым, кожа лица образовывала десны, в которых держались зубы, мощные белые зубы, всегда обнаженные в отвратительной улыбке, напоминающей гримасу смерти. Верхний рот был круглым, со слегка выступающими губами и совсем беззубый. Нос был широкий и плоский, с вывернутыми ноздрями.

Вначале я не заметил ушей, но позже обнаружил два маленьких ушных отверстия на макушке головы.

Прямо над глазом начиналась большая желтоватая грива.

В целом он представлял собой непривлекательное зрелище, а оскаленный рот, мощные зубы в сочетании с отличной мускулатурой свидетельствовали о том, что это — опасный противник.

Я подумал, что меня могли нарочно поместить с этим существом, чтобы оно уничтожило меня или просто-напросто съело. С того момента, как я вошел в комнату, оно не сводило с меня своего единственного глаза. Я тоже не отрывал от него взгляда, но теперь, частично удовлетворив свое любопытство, я принялся осматривать помещение. Оно оказалось круглым и, очевидно, занимало верхний этаж одной из башен.

Стены были покрашены в разные цвета, и сама комната выглядела удивительно нарядной. В стене я насчитал с полдюжины высоких узких окон, но в них не было стекол. Окна были забраны решетками. На полу у одной из стен лежала груда ковров и шкур, вероятно, служившая постелью заключенному здесь существу.

Как только я подошел к одному из окон, существо встало и перешло в самую отдаленную от меня часть комнаты. Оно двигалось бесшумно, как кошка, и продолжало неотрывно смотреть на меня своим ужасным, лишенным ресниц глазом.

Его молчание, крадущаяся походка, отталкивающая внешность заставляли меня постоянно опасаться, что, как только я повернусь к нему спиной, оно бросится на меня. Однако я успел все-таки взглянуть в окно и увидел вдалеке холмы, а внизу под собой — часть стены замка, реку и густой лес. То небольшое, что я успел увидеть, говорило о том, что башня не выходит непосредственно во двор, где мы посадили корабль, а мне так хотелось проверить, выполнил ли механический мозг корабля мой приказ.

Тогда я направился к противоположному окну башни. Не отрывая глаз от существа, я пересек комнату. По мере того, как я двигался, он тоже быстро перемещался, все время удерживая максимальную дистанцию между нами. Я гадал, боится ли он меня или дожидается удобного момента для броска.

Выглянув в противоположное окно, я не увидел двора, так как его закрывали другие многочисленные башни замка. Я обошел все окна, напрасно пытаюсь разглядеть

двор, а мой сосед все время сохранял между нами наиболее возможное расстояние. Убедившись в тщетности своих попыток, я снова обратил внимание на своего нового знакомого.

Мне очень хотелось понять его отношение ко мне. Если он опасен, я должен установить это до наступления ночи: мне казалось, что его огромный глаз может видеть в темноте, а так как я не мог все время бодрствовать, то становился для него в темноте легкой добычей, если у него действительно были намерения убить меня.

Взглянув на него снова, я заметил удивительное изменение в его внешности. Кожа его была не серой, а ярко-желтой, и тут я увидел, что он стоит у желтой стены. Это крайне заинтересовало меня. Я двинулся к нему, и он снова изменил позицию. На этот раз он оказался у синей стены — желтый цвет его кожи сменился синим.

На Барсуме есть маленькая ящерица, которую называют дарсин. Она меняет свой цвет в зависимости от окружающей среды, как земной хамелеон, но я никогда не видел существа, похожего на человека, способного изменять цвет кожи. Несомненно, это было самое удивительное из всех виденных мною существ. Я решил проверить, умеет ли оно говорить, и обратился к нему:

— Каор,— сказал я,— будем друзьями.

Я поднял правую руку над головой ладонью вперед, подчеркивая свои дружественные намерения.

Он смотрел на меня некоторое время, потом из его верхнего рта послышались странные звуки, похожие на фыркание и мяуканье кошки. Он попытался говорить со мной, но я понимал его не больше, чем он меня.

Как же узнать о его отношении ко мне до наступления ночи? Это казалось безнадежным, и я решил не обращать внимания на присутствие этого существа, если только оно не приблизится ко мне, поэтому я отошел и сел на скамью в стороне от него.

Он немедленно занял другое положение, наиболее удаленное от меня, оказавшись на этот раз у зеленой стены и тут же изменив цвет кожи. Я подумал: удивительный калейдоскоп получится, если я заставлю его двигаться вдоль разноцветной стены по кругу. Эта мысль заставила меня улыбнуться. Последовала немедленная реакция моего соседа. Он издал странный фыркающий звук и скривил верхнюю губу, как бы пытаясь в ответ. В то же время он стал потирать ладонями бедра.

Я решил, что искривленная верхняя губа и потирание ладоней о бедра должны иметь какое-то значение и выражать его отношение ко мне, но было ли это отношение дружеским или враждебным, я не знал. Может, он воспринял мою улыбку так, как ее обычно принимают на Земле и на Марсе? Но тут же вспомнил, что зеленые люди Марса смеются, наблюдая за дьявольскими пытками над своими жертвами. Это было особым, извращенным чувством юмора.

Так что, возможно, гримаса и жест этого создания означают вызов. Если это так, то чем раньше я это установлю, тем лучше. В сущности, для меня гораздо важнее было установить, насколько его намерения враждебны. Мне показалось, что это можно достичь, повторяя его жесты, поэтому я улыбнулся и потер ладонями бедра.

Тотчас же в ответ его верхний рот растянулся в подобии улыбки, и он подошел ко мне. Я ждал его приближения. Подойдя, он остановился и дотронулся до моей руки. Я решил, что это предложение дружбы, и ответил ему тем же.

Результат ошеломил меня. Существо отпрыгнуло, издавая фыркающие звуки, потом пустилось в дикий танец. С огромным воодушевлением оно, как кошка, прыгало по комнате. Внешне отвратительное, оно поразило меня удивительной грацией своих движений. Оно трижды обошло комнату, а я сидел на скамье и глядел на него. Закончив свой танец, оно подошло и село рядом.

Оно снова начало фыркать и мяукать, пытаюсь, очевидно, поговорить со мной, но я лишь мотал головой, показывая, что не понимаю его, и заговорил с ним на языке Барсума.

Вскоре оно перестало мяукать и обратилось ко мне на языке, более похожим на человеческий. Он использовал гласные тех же языков, которыми я владел. Наконец-то я нащупал почву, на которой мы могли договориться.

Было очевидно, что это существо не понимает ни одного языка, на которых я говорю, и учить его одному из них бесполезно, но я мог изучить его язык и тогда сумел бы общаться с другими обитателями Турии, и если народ Турии говорит на одном языке, как и все обитатели Барсума, то мое дальнейшее пребывание на спутнике будет связано с меньшими трудностями.

Но как это сделать? Владельцы замка не позволят мне прожить столько, чтобы успеть узнать что-нибудь. Но я

отбросил эти мысли, и решил немедленно приступить к изучению языка.

Я выбрал обычный путь изучения нового языка, указывая на различные предметы в комнате и разные части своего тела, называя их на своем языке. Мой товарищ, казалось, сразу понял, что я собираюсь делать. Указывая на те же предметы, он по несколько раз повторял их названия на том из двух языков, который больше походил на человеческий, если только фыркание и мяукание можно назвать языком. На этот вопрос я пока не мог ответить.

Пока мы занимались, дверь в нашу комнату отворилась и несколько сосудов оказались на полу у двери, которая немедленно закрылась. Мой товарищ возбужденно фыркнул и бросился к ним.

Он вернулся с кувшином воды и чашкой с едой и поставил их на скамью рядом со мной. Указывая на пищу и на меня, он дал понять, что это мое. Он снова подбежал к двери и вернулся с другим кувшином воды и клеткой с удивительной птицей.

Я называю ее птицей, потому что у нее были крылья. У нее были четыре лапы и чешуя, как у рыбы, но клюв и гребешок придавали ей сходство с птицей.

Блюдо в моей чашке оказалось смесью овощей, фруктов и мяса. Я решил, что это питательно и вкусно. Утолив жажду и принимаясь за еду, я наблюдал за своим товарищем. Вначале он играл с птицей в клетке, просовывая сквозь решетку пальцы, отчего птица хлопала крыльями, кричала резким голосом и пыталась схватить его клювом за палец. Ей это никак не удавалось. Он все время успевал вовремя отдернуть палец.

Казалось, он получал большое удовольствие и довольно фыркал. Наконец он открыл дверцу клетки и выпустил пленницу. Птица немедленно полетела по комнате, ища выход, но решетка на окнах была довольно частой. Мой товарищ принялся охотиться за ней, как во всем мире кошки охотятся за добычей. Когда птица садилась, он крался к ней и прыгал на нее. Некоторое время ей удавалось спастись, но он все-таки прижал ее к полу, немного оглушив.

Потом он снова начал играть. Время от времени он бродил по комнате, делая вид, что не замечает ее, потом он снова как бы обнаруживал ее и прыгал.

Наконец, яростно рыча, как лев, он прыгнул на нее и одним движением мощных челюстей оторвал ей голову.

Прижав шею птицы к верхнему рту, он принялся пить ее кровь. Это было не очень приятное зрелище. Выпив кровь, он начал рвать добычу нижними челюстями, при этом он рычал, как лев, поедающий свою добычу.

Я медленно доел свою порцию, в то время как мой товарищ рвал свою добычу и глотал большими кусками. Съев все до кусочка, он подошел к скамье и осушил кувшин с водой. Пил он верхним ртом. Все это время он не обращал на меня внимания. Затем, лениво мурлыкая, он подошел к груде шкур на полу, лег на них и уснул.

ГЛАВА XVIII

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СМЕРТИ

Молодые легко приспосабливаются к новым условиям и легко усваивают все новое, и хотя лишь создатель знает, сколько мне лет, я все еще сохраняю это свойство молодости.

Благодаря этому, а также из-за большого желания использовать отпущенное мне время наилучшим образом, я быстро и легко овладел языком моего товарища.

Монотонность бытия в плену была таким образом нарушена и не подавляла меня так сильно. Никогда не забуду того радостного ощущения, когда я понял, что теперь мой товарищ по заключению и я можем общаться, обмениваться мыслями. Еще раньше мы узнали имена друг друга. Его звали Умка. В первый же день, когда я обнаружил, что могу свободно разговаривать с ним, я поинтересовался, кто же нас похитил.

— Тариды,— ответил он.

— Кто они? — спросил я.— Как они выглядят? Почему мы их совсем не видим?

— Я вижу их,— ответил он,— а ты разве нет?

— Нет, а как они выглядят?

— Они похожи на тебя,— ответил он,— у них два глаза, нос и только один рот, а уши большие и расположены по бокам головы, как и у тебя. Они не так прекрасны, как мы, мазены.

— Но тогда почему я не вижу их? — спросил я.

— Ты не знаешь как,— пояснил он.— Если бы ты знал как — ты видел бы их так же ясно, как и я.

— Я очень хочу увидеть их,— сказал я,— не объяснишь ли ты, как это сделать?

— Я объясню, конечно,— ответил он,— но это не значит, что у тебя все сразу получится. Увидишь ты их или нет, зависит от твоих умственных способностей. Они невидимы для тебя лишь потому, что силой своего ума заставляют тебя поверить, что ты их не видишь. Если ты сможешь освободить свой мозг от их влияния, ты увидишь их так же отчетливо, как видишь меня.

— Но я не представляю, как добиться этого.

— Ты должен сосредоточиться на том, чтобы преодолеть их волю своей. Они хотят, чтобы ты их не видел. Ты же должен захотеть увидеть их. Тебе это легко удастся, потому что они не ожидают этого. У тебя преимущество, потому что они хотят неестественного, а на твоей стороне сила природы, против которой, если твой мозг достаточно силен, они не смогут воздвигнуть умственный барьер.

Звучало это просто, но я не гипнотизер, и у меня были сомнения на этот счет. Когда я объяснил это Умке, он нетерпеливо заворчал.

— Ты никогда не добьешься успеха,— сказал он,— если дать волю сомнениям. Отбрось их. Поверь, что ты можешь, и у тебя появится шанс на успех.

— Но как я могу надеяться, если их нет передо мной? — спросил я.— Даже если у меня появится способность видеть, то как я смогу это проверить, ведь они появляются перед нами лишь ненадолго, когда приносят еду.

— В этом нет необходимости,— ответил он.— Ты думаешь о своих друзьях, хотя не видишь их теперь?

— Да, конечно, я думаю о них, но при чем тут это?

— Это просто доказывает, что твои мысли могут быть направлены куда угодно. Направь их на таридов. Ты знаешь, что замок полон ими, потому что я сказал тебе об этом. Направь свои мысли на обитателей замка, и твои мысли достигнут их, а они даже не будут подозревать об этом.

— Что ж, попробую,— сказал я.— Пожелай мне удачи.

— Потребуется некоторое время,— объяснил он.— После того, как я узнал их тайну, мне потребовалось много времени, прежде чем я научился преодолевать их невидимость.

Я мысленно настроился на таридов, не давая себе отвлекаться от мыслей о них, но Умка был на редкость болтливым существом. Долгое время не имея возможности ни с кем поговорить, он теперь наслаждался болтовней. Он задавал мне множество вопросов обо мне и о Земле, о том, откуда я явился. Ему казалось удивительным, что на огромном шаре, который он видел низко плывущим на ночном небе, есть живые существа.

Он поведал мне, что его народ, мазены, живет в лесу в домах, построенных высоко на деревьях. Их не очень много, поэтому они выбирают места, где нет поблизости других обитателей Турии. Тари́ды когда-то были могущественным народом, но другие народы победили их в войне и почти полностью истребили. Враги все еще преследуют их, и они давно уже были бы уничтожены, если бы один из мудрецов не сумел развить у них такую гипнотическую силу, которая позволяет им быть невидимыми для врагов.

— Остатки таридов,— продолжал Умка,— живут в этом замке. Их здесь около тысячи: мужчин, женщин и детей. Прячась здесь, в отдаленной части мира, пытаюсь скрыться от врагов, они считают всех остальных своими врагами. Каждый, кто приходит в замок таридов,— враг и должен быть уничтожен.

— Ты думаешь, они убьют нас? — спросил я.

— Несомненно.

— Но когда и как?

— У них странная религия,— сказал Умка,— я ее не понимаю, но все важнейшие события в их жизни определяются ею. Они говорят, что руководствуются движением Луны, Солнца и звезд. Это очень глупо, но они не убьют нас до тех пор, пока Солнце не прикажет им сделать это. Они верят, что доставляют Солнцу радость, подчиняясь его приказам.

— Ты думаешь, что мои друзья, взятые в плен, живы?

— Не знаю, но думаю, что так,— ответил он.— Тот факт, что ты жив, свидетельствует, что и остальные не принесены в жертву. В их обычае сохранять пленников и убивать их всех вместе на одной церемонии.

— И тебя они убьют тогда же?

— Я думаю, что да.

— Ты смирился со своей участью и не попытаешься бежать, если появится возможность?

— Я бежал бы,— ответил он,— но такой возмож-

ности не будет ни у тебя, ни у меня.

— Если бы я только мог увидеть этих людей и поговорить с ними,— сказал я,— я нашел бы способ убедить их, что я им не враг, а друг. Но я не могу видеть их, и если даже увижу, то они не услышат меня. Эти препятствия кажутся мне непреодолимыми.

— Если ты сможешь отбросить представление об их невидимости, которое они навязали твоему мозгу,— сказал Умка,— ты сможешь и услышать их. Ты уже делал такие попытки?

— Да, я постоянно пытаюсь делать это.

Ежедневно в полдень нам приносили еду. Она всегда была одинаковой. Мы получали по большому кувшину с водой, я — чашку с овощами и мясом, а Умка — клетку со странным существом, похожим на птицу.

После того, как Умка объяснил мне, что я могу преодолеть гипнотическое влияние и увидеть и услышать своих похитителей, я, естественно, убеждал себя в том, что, когда откроется дверь и в комнату внесут еду, я увижу таридов. И всегда меня охватывало чувство безнадежности, когда я видел сосуды с едой, передвигаемые невидимыми руками. Тем не менее, я продолжал упорно бороться с безнадежностью.

Однажды я сидел, размышляя о безвыходном положении моей принцессы, когда услышал шаги в коридоре за дверью, звон металла о металл. Это были первые звуки, услышанные мною, если не считать тех, которые производили я и Умка, первые признаки жизни в огромном замке таридов с тех пор, как я оказался здесь. Затаив дыхание, я стал ждать, когда откроется дверь. Я встал так, чтобы видеть коридор, когда они откроют дверь.

Я услышал щелчок в замке. Дверь медленно открылась, а за ней, отчетливо видимые, стояли два человека из плоти и крови. Кожа их была белой, что составляло резкий контраст с их синими волосами и бровями. На них были короткие юбки из тяжелых золотых сетей и нагрудники, тоже из золота. К поясам крепились ножны с длинными мечами и кинжалы. Лица их были строгими и серьезными.

Все это я успел рассмотреть за те несколько мгновений, что была открыта дверь. Я заметил, как эти двое взглянули на меня и на Умку. Я был уверен, что они не заподозрили меня в открытии их тайны. Если бы они догадались, выражения их лиц, несомненно, выдали бы их.

Я чрезвычайно обрадовался, сообразив, что мой мозг преодолел чужое влияние. После того, как они ушли, я рассказал Умке, что могу слышать и видеть таридов. Он попросил меня описать их, после чего согласился с моим открытием.

В середине следующего дня я услышал шум в коридоре и на лестнице, ведущей к нашей комнате. Вскоре дверь открылась, и в комнату вошли человек двадцать пять.

Тут-то у меня и возник план, который, как я надеялся, давал мне преимущество перед таридами и позволял при возможности попытаться бежать.

Я продолжал делать вид, что не вижу их. Глядя в их направлении, я фиксировал свой взгляд на чем-нибудь другом, а чтобы облегчить эту игру, я старался смотреть на Умку. Они ведь знали, что его-то я вижу.

Я пожалел, что не подумал об этом раньше, чтобы все объяснить Умке, так как он невольно мог выдать, что тариды больше не являются для меня загадкой.

Двенадцать человек подошли ко мне, один встал у дверей, отдавая распоряжения, остальные направились к Умке, приказав ему убрать руки за спину. Умка потихоньку попятился и вопросительно взглянул на меня. Я понял, что он подумывает о попытке к бегству.

Я же старался изо всех сил не подать виду, что знаю о присутствии воинов. Глядя мимо них, я равнодушно повернулся к ним спиной, а Умке подмигнул. Я молил бога, чтобы он понял значение моего подмигивания. Я даже приложил палец к губам, чтобы он хранил молчание.

Умка выглядел ошеломленным и, к счастью, таким и остался.

— Половина ведет мазену, — приказал старший, — остальные — черноволосого. Он не знает, что мы в комнате, поэтому он будет удивлен и станет сопротивляться, когда вы коснетесь его. Держите его крепко.

Умка, вероятно, решил, что я снова во власти гипнотических чар. Он тупо смотрел, как воины окружили его и связали руки. И тут двенадцать воинов бросились на меня. Я мог бы побороться с ними, но проку в этом было мало. Мне хотелось выбраться из этой комнаты, поэтому я не очень-то сопротивлялся, стараясь только делать вид, что не вижу их.

Они вывели нас из комнаты и повели по длинной лестнице — несколько недель назад я поднимался по ней.

Нас привели в тот же самый зал, где в первый день нашего появления на Турии я последний раз видел Занду и Джата Ора. Но насколько он изменился теперь, когда на мне не было их гипнотических чар!

Зал больше не был пустым, не пустовали и два трона. Помещение было заполнено светом, цветами и людьми. Мужчины, женщины и дети образовали широкий проход, по которому меня и Умку подвели к подиуму с двумя тронами.

Между двумя рядами воинов, одетых в великолепные одеяния, нас вывели на небольшое свободное пространство перед тронами. Здесь уже стояли со связанными руками Джат Ор, Занда, Ур Джан, еще один человек, по видимому, Гар Нал, и моя любимая принцесса Дея Торис.

— Мой вождь! — воскликнула она. — Судьба милостива, она позволила мне еще раз увидеть тебя перед смертью!

— Мы еще живы, — напомнил я ей.

Она улыбнулась, услышав мой девиз, который я всегда бросал судьбе.

В глазах Ура Джана отразилось удивление, когда он увидел меня.

— Ты? — воскликнул он.

— Да, это я, Ур Джан.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пустился на поиски удовольствий, но мне помешали похитители, — ответил я.

— Что ты имеешь в виду?

— Удовольствие убить тебя, Ур Джан.

Он сухо улыбнулся в знак понимания. Мое же внимание переключилось на человека, сидящего на троне.

Это был очень толстый человек, с печатью высокомерия на лице. Я заметил у него признаки старости, которые так редко увидишь у людей Барсума. В толпе я также увидел много старых людей. Значит, эти люди не обладали способностью не стариться, как марсиане.

На соседнем троне сидела молодая и весьма красивая женщина. Она сонно разглядывала меня из-под тяжелых ресниц своих полужакрытых глаз. Я решил, что внимание этой женщины привлечено ко мне из-за цвета кожи, отличного от моих товарищей. Оставив Зоданг, я смыл с себя краску.

— Великолепно, — томно прошептала она.

— Что великолепно? — спросил человек на троне.

Она удивленно взглянула на него, как бы очнувшись ото сна.

— Ох,— нервно воскликнула она,— я сказала, что великолепно было бы заставить их стоять спокойно, но как можно это сделать, если они не видят и не слышат тебя? Их можно успокоить только мечом.

— Ты знаешь, Озара,— пробормотал мужчина,— что мы сохраняем им жизнь для Огненного Бога и не можем убить сейчас.

Женщина пожала плечами.

— Зачем убивать их всех? — спросила она.— Они выглядят существами разумными. Было бы интересно сохранить им жизнь.

Я обратился к своим товарищам.

— Вы можете видеть или слышать что-либо в этом зале? — спросил я их.

— За исключением нас самих, я не вижу и не слышу ничего,— ответил Гар Нал.

Остальные подтвердили его слова.

— Вы все — жертвы гипноза,— объяснил я,— под его воздействием вы не видите и не слышите наших похитителей. Упражняя свой мозг, вы легко освободитесь от этих чар. Если это вам удастся, наши шансы на спасение возрастут. К тому же они считают, что мы их не видим и, возможно, в чем-то проявят неосторожность. Я даже сейчас могу выхватить меч у этого парня и убить джеддака и джеддару, сидящих на тронах, прежде чем кто-нибудь помешает мне.

— Мы не можем сотрудничать,— заметил Гар Нал.— Ведь мы желаем вам смерти, а вы — нам.

— Предлагаю заключить перемирие до тех пор, пока не убежим от этих людей.

— Это разумно,— согласился Гар Нал.

— Вы согласны? — спросил я.

— Да,— ответил он.

— И я,— убийца из Зоданга кивнул головой в знак согласия.

— А ты? — спросил Гар Нал Джата Ора.

— Поскольку мой... Вандор приказывает, я подчинюсь его воле,— ответил падвар.

Ур Джан бросил на меня удивленный взгляд.

— Ах,— воскликнул он,— так это вы Вандор! Теперь-то я многое понимаю, чего не мог понять раньше. А Крыса Рапас знает?

Я не обратил внимания на его вопрос.

— Теперь,— сказал я,— поклянемся сохранять перемирие, пока не спасемся от таридов. Каждый из нас будет делать все, что в его силах, для спасения остальных.

Гар Нал, Ур Джан, Джат Ор и я подняли руки в знак клятвы.

— Женщины тоже,— сказал Ур Джан.

Дея Торис и Занда подняли руки, и мы все шестеро поклялись бороться друг за друга насмерть ради спасения от врагов.

Это была странная компания: я был нанят убить Гара Нала, Ур Джан поклялся убить меня, а я должен был убить его. Занда ненавидела нас обоих и убила бы меня, если бы узнала, кто я.

— Эй,— воскликнул раздраженно толстый человек на троне,— чего это они там болтают на своем странном языке? Заставьте их замолчать. Их привели сюда не для того, чтобы они болтали.

— Сними с них чары,— попросила женщина, которую он назвал Озарой.— Пусть они увидят и услышат нас. Мужчин только четверо, и они не смогут повредить нам.

— Они увидят и услышат нас, когда их поведут на смерть,— ответил мужчина,— и не раньше.

— Мне кажется, что черноволосый мужчина видит и слышит нас,— заявила женщина.

— Почему ты так думаешь? — спросил мужчина.

— Я чувствую, что он смотрит на меня,— сонно ответила она.— Когда ты заговорил, Ул Вас, его взгляд перешел на твое лицо, а когда заговорила я, он посмотрел на меня.

Я действительно смотрел на женщину и теперь понял, что мне трудно будет сохранить свою тайну. На этот раз, когда заговорил мужчина, которого она назвала Улом Васом, я сосредоточил свой взгляд на предмете за тронем и не взглянул на него.

— Это невозможно,— сказал он,— совсем непохоже, что он видит нас.

Он поискал глазами приведшего нас офицера.

— Как ты думаешь, может ли это существо видеть или слышать нас? — спросил он офицера.

— Нет, всемогущий,— ответил офицер.— В тот момент, когда мы вошли к ним в камеру, он говорил мазеной и не заметил нас.

— Думаю, ты ошибаешься,— сказал Ул Вас, обращаясь к джедаре.— Ты всегда что-нибудь воображаешь себе.

Женщина пожала плечами и отвернулась, скушаясь зевнув, но вскоре ее глаза снова остановились на мне.

В это время в зал вошли еще несколько человек, один из них, как мне показалось, жрец, остановился прямо перед тронном.

— Всемогуций,— сказал он.— Мы привели к тебе, божественный сын Огненного Бога, семерых врагов таринов. Через тебя говорит твой отец, давая людям знать свои пожелания. Ты говорил с Огненным Богом, твоим отцом. Скажи нам, всемогуций, нравится ли это подношение его очам? Дай нам понять твои желания, всемогуций.

Все время, пока мы находились в зале, Ул Вас внимательно наблюдал за нами, постоянно задерживаясь взглядом на Дее Торис и Занде.

— Мой отец, Огненный Бог, желает знать, кто эти враги,— заявил он.

— Один из них,— сказал старик, которого я принял за жреца,— мазена, которого твои воины схватили во время охоты у наших стен. Остальные шестеро — чуждые создания. Мы не знаем, откуда они. Они прибыли в двух невиданных ранее устройствах, которые движутся по воздуху, как птицы, хотя у них нет крыльев. В каждом из этих устройств было по два мужчины и по одной женщине. Они приземлились за нашими стенами. Мы не знаем, откуда они прибыли и с какой целью, хотя, несомненно, они хотят нам зла. Таковы намерения всех, приходящих в замок таринов. Как ты видишь, всемогуций, у пятерых из них красная кожа, а у шестого — чуть темнее нашей. Он похож на представителя другой расы — у него белая кожа, черные волосы и серые глаза. Больше мы ничего не знаем. Мы ждем слова Огненного Бога из уст его сына Ула Васа.

Человек на троне покусывал губы, как бы размышляя, а его глаза бегали по лицам пленников, задерживаясь на лицах Деи Торис и Занды. Наконец он заговорил.

— Мой отец, Огненный Бог, требует, чтобы мазена и четверо других мужчин были убиты в этот же час после того, как он семь раз обойдет Ладан.

Когда он закончил говорить, все застыли в ожидании. Молчание нарушил старый жрец.

— А женщины, всемогущий? — спросил он. — Каковы пожелания Огненного Бога, твоего отца, относительно их?

— Огненный Бог, показывая свою великую любовь, — ответил джеддак, — дарит этих женщин своему сыну Улу Васу.

ГЛАВА XIX

ОЗАРА

Жизнь коротка, и когда я услышал слова приговора из уст джеддака Ула Васа, обрекающие пятерых из нас на смерть через семь дней, я не впал в уныние, осознав, что мою принцессу ждет участь более горькая, нежели смерть.

Я был рад, что она ничего не слышала, а приговор, вынесенный мне, принес ей лишь горе.

Все мои товарищи, ничего не видя и не слыша, стояли покорно перед лицом своей жестокой судьбы. Для них это было только пустое место, передо мной же было создание из плоти и крови — это был смертный человек, нить жизни которого можно было перерезать острым мечом.

Ул Вас снова заговорил.

— Уведите их, — приказал он. — Мужчин заключите в Бирюзовой Башне, а женщин — в Башне Бриллиантов.

Я подумал, что могу прыгнуть и задушить его голыми руками, но здравый смысл подсказывал, что этим я не спасу Дею Торис. Итогом такого безрассудного поступка будет лишь моя смерть, а это лишит ее последней надежды на спасение, поэтому я медленно двинулся вместе со своими товарищами. Последнее, что я видел в тронном зале, был взгляд Озары, джеддары таридов.

Умку и меня вернули в ту же камеру, сюда же поместили Джата Ора, Гара Нала и Ура Джана.

Мы не говорили, пока дверь не закрылась за охраной, невидимой для всех, кроме меня и Умки. Остальные казались удивленными, на их лицах было написано изумление.

— Что это было, Вандор? — спросил Джат Ор. — Зачем мы стояли в пустом зале перед пустыми тронами?

— Зал был полон, — ответил я, — а на тронах, которые казались вам пустыми, сидели джеддак и джеддара.

Джеддак вынес всем нам смертный приговор. Мы умрем на седьмой день.

— А принцесса и Занда тоже? — спросил он.

Я покачал головой.

— К несчастью, нет.

— Почему ты говоришь «к несчастью»? — спросил мой молодой падвар.

— Потому что они предпочли бы смерть тому, что их ждет. Джеддак Ул Вас оставил их себе.

Джат Ор нахмурился.

— Мы должны сделать что-нибудь, — сказал он. — Неужели ты покорно пойдешь на смерть, зная, какая судьба их ожидает?

— Я надеюсь, что мы сумеем выработать план их спасения, Джат Ор. Хотя я и не вижу пока никакой возможности, я не теряю надежды. Даже если у нас ничего и не получится, я в последние минуты своей жизни сумею отомстить за Дею Торис. У меня преимущество перед этими людьми.

— Какое же? — поинтересовался он.

— Я вижу и слышу их.

Он кивнул.

— Да, я забыл, хотя мне кажется невероятным, что это так.

— Почему они хотят убить нас? — спросил меня Гар Нал. Он внимательно слушал наш разговор с Джатом Орэм.

— Мы станем жертвой Огненному Богу, в которого они верят.

— Огненный Бог? — переспросил Ур Джан. — Кто это?

— Солнце, — ответил я.

— Но как ты понимаешь их язык? — спросил Гар Нал. — Невозможно, чтобы они говорили на языке народов Барсума.

— Нет, — ответил я, — они говорят на другом языке, но Умка, с которым я провел в этой комнате не одну неделю, обучил меня языку тарилов.

— Кто такие тариловы? — спросил Джат Ор.

— Это те люди, в чьей власти мы находимся, — объяснил я.

— Как они называют Турию? — спросил Гар Нал.

— Не знаю, — ответил я, — но я спрошу Умку.

Я обратился к Умке на его языке.

— Умка,— сказал я,— что значит слово Ладан?

— Это название мира, в котором мы живем,— ответил он.— Ты слышал, Ул Вас сказал, что мы умрем, когда Огненный Бог семь раз обойдет Ладан.

Мы сообща принялись обсуждать наши проблемы, и у меня появилась возможность лучше изучить Гара Нала и Ура Джана. Первый, как и большинство марсиан, имел неопределенный возраст. Казалось, что ему примерно столько же, сколько и Фалу Сивасу: от ста до тысячи лет. У него был высокий лоб и слишком редкие для марсианина волосы. В лице его не было ничего выдающегося, если не считать глаз. Мне они не понравились. Они были хитрые, лживые и жестокие.

Ур Джан, которого я уже видел раньше, был грубым, сильным бойцом огромного роста. Но я решил, что из этих двоих скорее можно доверять Уру Джану, нежели Гару Налу.

В конце концов, в силу обстоятельств мы должны забыть о своей вражде, иначе лишимся последних шансов на спасение.

Умка, по всей вероятности, был недоволен тем, что мы вчетвером ведем разговор на незнакомом языке. У нас с ним сложились дружеские отношения, и я рассчитывал на его помощь в случае побега. Стараясь не обидеть его, я все время переводил ему суть нашей беседы, вовлекая и его в наше обсуждение.

Много дней наблюдал я за игрой Умки с беспомощным созданием, которое ему приносили в качестве еды, и это уже не волновало меня, но когда в этот день принесли еду, барсумиане с ужасом следили за мазеной. Я видел, что Гар Нал просто боится Умки.

Вскоре после того, как мы закончили есть, открылась дверь, и в комнату вошли несколько воинов. Ими командовал уже знакомый мне офицер по имени Замак. Только Умка и я могли видеть вошедших. Я с трудом старался сделать вид, что ни о чем не подозреваю.

— Вот он,— сказал Замак.

Он указал на меня.— Возьмите только его.

Солдаты приблизились с двух сторон, схватили меня за руки и повели к дверям.

— Что это? — воскликнул Джат Ор.— Что с тобой происходит? Куда ты идешь?

Дверь по-прежнему была полуоткрыта, и он видел, что я направляюсь к ней.

— Я не знаю, куда я иду, Джат Ор,— ответил я.— Они снова ведут меня куда-то.

— Мой принц! — закричал он, вскочил на ноги и попытался оттащить меня назад, но солдаты выволокли меня из комнаты, и дверь захлопнулась перед лицом Джата Ора.

— Хорошо, что этот парень не видит нас,— сказал один из воинов, тащивших меня.— Мускулы у него на руках из металла.

— Даже самый лучший боец не может сражаться с невидимым противником,— заметил другой.

— Этот парень здорово сражался во дворе в тот день, когда мы схватили их. Голыми руками он искалечил нескольких гвардейцев джеддака, а двоих убил.

Это была первая информация о нашей схватке, и она понравилась мне. Я представил себе, что они почувствовали бы, если бы знали, что я не только вижу, но и слышу их и даже понимаю их язык. Они были настолько небрежны, считая, что я не вижу их, что мне не составило бы труда схватить оружие у любого. Я показал бы им, что такое настоящий бой, но я понимал, что этим не помогу себе и своим товарищам.

Меня отвели в ту часть дворца, которая резко отличалась от ранее виденных мною помещений. Она была еще более роскошно украшена, чем тронный зал. Вскоре мы подошли к двери, у которой на страже стояли несколько воинов.

— Мы пришли, как было приказано,— сказал Замак,— и привели с собой белокожего пленника.

— Вас ждут,— ответил один из охранников,— можете войти.

Он открыл перед нами большие двойные двери.

За ними оказалась комната такой исключительной красоты и богатства, что в моем бедном словаре не найдется слов для ее описания.

Тут были занавеси незнакомых земному глазу расцветок, стены, казалось, сделаны сплошь из слоновой кости, хотя на самом деле я не уверен, что эта была именно она. В комнате никого не было, когда мы вошли. Меня провели к центру комнаты и остановили.

Вскоре отворилась дверь в противоположной стене и появилась женщина, молодая и прекрасная. Позже я узнал, что это была рабыня.

— Подожди в коридоре, Замак,— сказала она.— Пленник пойдет со мной.

— Как, один, без охраны? — удивленно переспросил он.

— Таково приказание,— ответила девушка.

— Но как он сможет идти за тобой? — спросил Замак.— Ведь он не видит и не слышит нас.

— Я поведу его,— ответила она.

Когда она приблизилась ко мне, солдаты отпустили меня. Она взяла меня за руку и вывела из комнаты.

Помещение, в котором я оказался, было меньше по размеру, но гораздо прекраснее остальных. Правда, я не обратил внимания на обстановку. Меня нелегко удивить, но должен признаться, что, когда я узнал женщину на диване, глядевшую на меня сквозь длинные ресницы, я был удивлен — это была Озара, джеддара таридов.

Рабыня провела меня в центр комнаты и остановила. Она встала рядом и вопросительно глянула на джеддару. Я, помня, что мне полагается быть слепым и глухим, сосредоточил свой взгляд на чем-то незначительном, в то время как ее прекрасные глаза, казалось, читали в моей душе.

— Можешь идти, Ула,— сказала она.

Рабыня низко поклонилась и вышла. Несколько мгновений после ее ухода ничто не нарушало молчания, но я все время чувствовал на себе взгляд Озары. Внезапно зазвучал ее серебряный мелодичный смех.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Я сделал вид, что не слышу ее, продолжая изучать обстановку в комнате. По-видимому, это был будуар джеддары.

— Послушай,— сказала она,— ты одурачил Ула Васа, Замака, верховного жреца и всех остальных, но не меня. Ты прекрасно владеешь собой, но глаза выдают тебя. Они выдали тебя в тронном зале, они выдали тебя и сейчас, когда ты вошел сюда. В них появилось удивление, когда ты увидел меня, а это может означать только одно: ты увидел меня и узнал. Я знаю также, что в тронном зале ты понял все, о чем там говорили. Ты умен, и игра огней в твоих глазах выдала твою реакцию на все услышанное. Будем честны друг с другом, ты и я, у нас гораздо больше общего, чем ты думаешь. Я не враг тебе. Я понимаю, почему ты хочешь скрыть, что видишь и слышишь нас, но уверяю тебя, что тебе не станет хуже, если ты

доверишься мне. Ведь я и так знаю, что ты все видишь и слышишь.

Я не мог понять, что она имеет в виду, говоря, что у нас много общего. Может, это просто уловка, чтобы заставить меня признаться, что я вижу и слышу таридов? Но, с другой стороны, какая ей от этого польза? Будучи полностью во власти таридов, я не видел никакой разницы для нее в том, вижу я или нет. Больше того, я был убежден, что эта женщина весьма умна, и мне не удастся убедить ее, что я слеп и глух. Поэтому я взглянул на нее и улыбнулся.

— Я горжусь дружбой с джеддарой Озарой,— ответил я ей.

— О, я знала, что права,— воскликнула она.

— Наверное, ты немного сомневалась в этом?

— Немного, потому что ты мастерски играл свою роль.

— Я чувствовал, что наша жизнь и свобода напрямую зависят от сокрытия моей тайны.

— Ты очень хорошо говоришь на нашем языке,— заметила она,— как ты научился ему?

— Меня научил мазена, с которым мы провели немало времени в одной камере,— объяснил я.

— Расскажи мне о себе,— попросила она,— твое имя, где твоя страна и что это за необычные устройства, на которых вы прибыли в последний замок таридов и для чего?

— Я Джон Картер,— ответил я,— принц дома Тардоса Морса, джеддака Гелиума.

— Гелиум? — переспросила она.— Где это? Я никогда не слышала о Гелиуме.

— Это в другом мире,— объяснил я,— на Барсуме, большой планете, которую вы называете своей большой луной.

— Значит, ты принц в своей стране? — переспросила она опять.— Я так и думала. Я редко ошибаюсь в людях. Две женщины и один мужчина — благородного происхождения,— продолжала она,— остальные трое — нет. У одного из них, однако, мощный и глубокий ум, в то время как другой — глуп и груб.

Я не мог не улыбнуться такому точному описанию моих спутников. Она действительно была умной женщиной. Если она на самом деле относится ко мне по-дружески, то, наверное, многое сможет сделать для нас, но

я не питал излишних иллюзий, ибо, в конце концов, она была супругой Ула Веса, джеддака таридов, приговорившего нас к смерти.

— Ты очень точно описала их, джеддара,— сказал я.

— А ты,— продолжала она,— ты великий человек в своем мире. Да, ты так и не сказал мне, зачем вы были в нашу страну?

— Два человека, которых ты описала,— пояснил я,— похитили принцессу правящего дома в моей стране.

— Эта та, что более прекрасна? — спросила Озара.

— Да. С другим мужчиной и девушкой я преследовал их на корабле. Когда мы достигли Ладана, то разыскали их корабль во дворе вашего замка. Мы опустились на поверхность рядом, чтобы освободить принцессу и наказать похитителей. Тогда ваши люди и захватили нас.

— Значит, вы пришли не с целью навредить нам? — спросила она.

— Конечно, нет,— ответил я.— Мы даже не знали о вашем существовании.

Она кивнула.

— Я была уверена, что вы не хотите нам зла,— сказала она,— но я не смогла убедить Ула Васа и остальных.

— Я ценю твое доверие мне,— сказал я,— но никак не могу понять, почему я, чужестранец из другого мира, интересую тебя.

Она молча разглядывала меня, глаза ее на мгновение подернулись сонной истомой.

— Возможно, что в нас много общего,— сказала она,— а также потому, что нами обоими владеет без нашего на то желания большая сила.

Она помолчала, внимательно следя за мной, потом нетерпеливо покачала головой.

— Общее между нами то,— сказала она,— что мы оба пленники в замке Ула Васа. Теперь, если у тебя есть хоть одна десятая доля того ума, который мне видится в тебе, ты поймешь мой интерес к тебе.

ГЛАВА XX

МЫ ПЫТАЕМСЯ БЕЖАТЬ

Озара переоценила мой ум, но недооценила осторожность. Признаюсь, что я не сразу понял все последствия того, что она мне сказала. В сущности, предложение было

таким невероятным, что я склонен был считать ее слова западней, в которую она хочет заманить меня.

— Ты пленница? — спросил я. — Я-то думал, что ты джеддара таридов.

— Да, — ответила, — джеддара, но в то же время я пленница.

— Но разве это не твой народ?

— Нет, я домниканка. Моя страна, Домния, лежит далеко в горах, которые находятся за лесом, окружающим замок Ула Васа.

— И твои люди выдали тебя замуж за Ула Васа, джеддака таридов? — предположил я.

— Нет, — ответила она, — он выкрал меня. Мои люди даже не знают, что со мной. Они никогда не послали бы меня ко двору Ула Васа, а я сама не осталась бы тут, если бы могла бежать. Ул Вас зверь. Он часто меняет своих джеддар. Его шпионы рыщут в других странах в поисках красивых молодых женщин. Когда они найдут более прекрасную, чем я, то я отправлюсь к своим предкам. Я думаю, что он уже нашел ее, поэтому дни мои сочтены.

— Ты думаешь, что его шпионы уже нашли другую женщину, более красивую, чем ты? Но это невероятно!

— Благодарю за комплимент, — сказала она мне. — Но не его шпионы, а сам Ул Вас нашел ее. Разве ты не видел, как в тронном зале он поглядывал на твою прекрасную соотечественницу? Он не мог оторвать от нее глаз, и ты должен вспомнить, что ее жизнь спасена.

— Он сохранил жизнь и другой девушке, Занде, — напомнил я ей. — Разве она тоже станет его джеддарой?

— Нет, он может иметь только одну, — ответила Озара. — Девушка, которую ты назвал Зандой, предназначена главному жрецу. Ул Вас таким образом хочет умиловить богов.

— Если он возьмет эту женщину, — сказал я, — она убьет его.

— Но это не поможет мне, — заметила Озара.

— Почему? — спросил я.

— Пока жива одна джеддара, он не может взять другую, — объяснила она.

— Тебя убьют? — спросил я.

— Я исчезну, — объяснила она. — Странные вещи случаются в замке Ула Васа, странные и ужасные.

— Я понимаю, почему ты послала за мной: ты хо-

чешь бежать. Ты думаешь, что если ты поможешь нам, мы возьмем тебя с собой.

— Ты начинаешь кое-что понимать в моем плане,— сказала она, затем добавила,— надеюсь, со временем ты поймешь и остальное.

— Ты думаешь, есть возможность бежать? — спросил я.

— Ничтожный шанс,— ответила она,— но так как мы все равно должны умереть, нужно использовать и его.

— У тебя есть план?

— Мы можем бежать на корабле, в том, который еще стоит во дворе.

Теперь уже у меня возник интерес.

— Один корабль все еще там? — спросил я.— Только один? Они не уничтожили его?

— Они уничтожили бы его, если бы не боялись. Они боятся подойти к нему. Когда в один из кораблей, после того, как вас захватили, вошли двое воинов Ула Васа, он немедленно улетел вместе с ними. Он стоял на месте до тех пор, пока один из воинов не крикнул другому, что корабль пуст. Теперь думают, что корабли находятся во власти магии, и боятся войти в тот, который все еще находится во дворе.

— Ты знаешь, что стало со вторым кораблем? — спросил я.— Куда он направился?

— Он летает высоко над замком. Он как будто ждет, но мы не знаем — чего. Ул Вас боится его. Это одна из причин, почему вы не уничтожены до сих пор. Он ждет, что будет делать второй корабль, набираясь храбрости, чтобы приказать убить вас, потому что Ул Вас великий трус.

— Значит, ты думаешь, что у нас есть возможность добраться до корабля?

— Возможность есть,— ответила она.— Я могу спрятать тебя здесь до ночи, пока весь замок уснет. Тогда мы выберемся во двор. Можно попробовать, но тебе придется пробиваться с боем сквозь охрану, и ты должен хорошо поработать мечом.

— Я владею мечом неплохо, но как мы выведем во двор остальных?

— Выйти сможем только мы с тобой.

Я покачал головой.

— Я не могу идти без своих людей.

Она подозрительно взглянула на меня.

— Почему? — спросила она. — Ты любишь одну из женщин и не хочешь уходить без нее?

Голос ее был полон негодования и ревности.

Итак, чтобы помочь бежать остальным и спасти мою несравненную принцессу, Озара не должна знать правду. Я довольно быстро придумал сразу две причины, по которым мы не можем бежать с ней вдвоем.

— В той стране, откуда я прибыл, мужчины никогда не бросают своих товарищей. Это вопрос чести для меня, но есть и другая, не менее важная причина.

— Какая же? — спросила она.

— Корабль, стоящий во дворе, принадлежит двум моим врагам, похитившим принцессу из моей страны. Мой корабль летает над замком. Я ничего не знаю о способе управления кораблем врагов. Даже если мы доберемся до корабля, я не смогу управлять им.

Она немного подумала, потом снова посмотрела на меня.

— Не знаю, правду ли ты говоришь мне...

— Твоя жизнь зависит от твоей веры в меня, — ответил я, — а моя — в тебя, так же как и жизнь моих товарищей.

Она молча размяшляла, а потом нетерпеливо махнула рукой:

— Я не знаю, как вывести твоих товарищей к кораблю.

— Мне кажется, я знаю, как бежать, — заметил я, — если ты, конечно, поможешь нам.

— Как? — спросила она.

— Если ты дашь мне инструменты, которыми мы перепилим решетку на окне, а также точно укажешь, где заключены наши женщины, то я уверен, что нас ждет успех.

— Если я сделаю это, ты сможешь бежать и без меня, — резонно заметила она.

— Даю слово, Озара, что я никогда не уйду без тебя, если ты исполнишь нашу просьбу.

— Что еще ты хочешь от меня? — спросила она.

— Ты сможешь попасть в комнату, где заключены принцесса и Занда?

— Думаю, что смогу, — ответила она, — если только Ул Вас не поймет, что я догадываюсь о его намерениях, и не решит, что я хочу убить женщин. Но я вовсе не уверена, что смогу добыть инструменты, которыми вы пере-

пилите решетку на окне. Вернее, достать-то я их смогу, но не знаю, сумею ли я передать их вам.

— Если ты пошлешь мне еду, то сможешь спрятать напильник или пилу в кувшине с водой,— предложил я.

— Верно! — воскликнула она.— Я пошлю тебе Улу с кувшином и едой.

— А как же с решетками на окнах комнаты, где помещены женщины? — спросил я.

— Они находятся в Башне Бриллиантов,— ответила она.— Это очень высоко. Там на окнах вообще нет решеток, потому что из Башни Бриллиантов невозможно убежать через окно. У входа в башню всегда охрана, так как в ней расположены апартаменты джедака. И если ты планируешь побег женщин через окно, лучше сразу отказаться от этого.

— Нет, если мой план осуществится, они смогут бежать из Башни Бриллиантов еще легче, чем со двора.

— А как же ты и остальные твои спутники? Даже если вам всем удастся спуститься из своего окна, вы никогда не сможете добраться до Башни Бриллиантов, чтобы помочь бежать им.

— Предоставь это мне,— сказал я,— верь в меня, и, если ты сделаешь то, что от тебя требуется, мы все будем спасены.

— Сегодня ночью? — спросила она.

— Нет,— ответил я,— лучше подождать до завтрашней ночи. Я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы перепилить решетку на нашем окне. Вероятно, сейчас тебе лучше отправить меня назад и как можно быстрее прислать инструменты.

Она кивнула.

— Ты прав.

— Еще минуту,— сказал я.— Как мне узнать, где расположена Башня Бриллиантов? Как отыскать ее?

— Это центральная, самая высокая башня замка,— объяснила она,— но я не знаю, как ты доберешься туда без проводника и большого отряда воинов.

— Я найду выход, а ты помоги мне найти комнату, где заключены женщины.

— Как?

— Когда будешь в их комнате, повесь на окне цветной шарф — красный шарф.

— Но ты не увидишь его из замка!

— Если все будет идти по плану, я найду его. А теперь отошли меня обратно.

Она ударила в висевший рядом с ней гонг, и в комнату вошла девушка-рабыня Ула.

— Отведи пленника обратно к Замаку,— приказала Озара.— Пусть его вернут в камеру.

Ула взяла меня за руку и вывела из комнаты через соседнее помещение в коридор, где меня ждали Замак и охранники.

Джат Ор при виде меня издал возглас облегчения.

— Когда они увели тебя, мой принц, то я подумал, что никогда уже не увижу тебя, но судьба благосклонна ко мне: я снова вижу тебя, и, когда открылась дверь, я ясно видел таридов.

— Ты смог увидеть их? — воскликнул я.

— Я увидел и услышал их,— ответил он.

— И я,— заявил Гар Нал.

— А ты, Ур Джан? — поинтересовался я, так как теперь наши шансы к бегству возросли.

Ур Джан угрюмо покачал головой в ответ.

— Я ничего не видел и не слышал.

— Не сдавайся,— посоветовал я.— Ты можешь это сделать. Продолжай упражняться, и у тебя все получится.

Затем я повернулся к Гару Налу.

— А теперь,— сказал я,— у меня есть для вас хорошие новости. Наш корабль в безопасности, твой же все еще лежит во дворе. Они боятся подойти к нему.

— А твой? — спросил он.

— Мой летает в небе высоко над Турией.

— Ты брал с собой еще кого-то?

— Нет.

— Но кто-то ведь должен быть на борту и управлять кораблем.

Он выглядел ошарашенным.

— На борту два воина-тарида.

— Но как они управляют кораблем? Ведь они незнакомы с его сложными механизмами?

— Они ничего не знают и не умеют управлять им.

— Тогда как же он летает?

— Есть одна тайна, которую тебе, Гар Нар не нужно знать,— ответил я.

— Но что толку нам от него, висящего в небе?

— Я думаю, что сумею привести его сюда, когда придет время,— заявил я.

Но я не был вполне уверен, что смогу управлять кораблем на таком большом расстоянии.

— Я сейчас больше беспокоюсь о твоём корабле, Гар Нал, чем о своём. Мы должны захватить его, ибо после побега из замка наше перемирие закончится, и нам уже нельзя будет путешествовать на одном корабле.

Он кивнул в знак согласия, но я заметил, как блеснули его глаза, выдавая предательскую мысль в его голове. Пока же Гар Нал находился перед моими глазами, и я не очень беспокоился о его дальнейших поступках.

Ур Джан сидел на скамье, глядя в одну точку, и я понял, что он сконцентрировал свой тупой мозг в попытке избавиться от гипнотических чар таридов. Умка, свернувшись, лежал на шкурах. Джат Ор глядел в окно.

Дверь открылась, и мы все повернулись к ней. Я увидел Улу, рабыню джеддары, с большим кувшином в руках. Она поставила его на пол у двери и вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Возвращаясь я оглядел всех и увидел, что Ур Джан широко раскрытыми глазами смотрит на дверь.

— В чем дело, Ур Джан? — спросил я его. — Ты как будто увидел привидение?

— Я видел ее! — воскликнул он. — Я видел ее. Привидение это или нет, но я видел ее!

— Хорошо, — воскликнул Джат Ор, — теперь мы все свободны от этих проклятых чар.

— Мне бы хороший меч, — сказал Ур Джан, — и мы скоро были бы свободны.

— Сначала нужно выбраться из камеры, — напомнил ему Гар Нал.

— Думаю, мы найдем все необходимое для этого в кувшине, — сказал я. — Давайте поедим, а потом посмотрим, нет ли там чего на самом дне.

Все собрались вокруг меня, и мы принялись опустошать кувшин. Нам не пришлось долго ждать: вскоре стали видны три напильника, и мы принялись пилить решетку на одном из окон.

— Не перерезайте прутья полностью, — предупредил я, — только подпилите три прута, чтобы мы могли вынуть их, когда придет время.

Решетка была сделана из металла, не известного ни на Земле, ни на Барсуме. Сначала казалось, что мы не справимся с ним, но наконец прутья немного подались, хотя я видел, что работа нам предстоит нелегкая. Мы

трудились над прутьями всю ночь и весь следующий день.

Когда приносили еду, мы крутились возле окна, чтобы скрыть следы нашей работы. Так нам удалось закончить ее до наступления следующей ночи.

Приближалось время, когда я должен был осуществить ту часть моего плана, которая должна была стать ключом к успеху всей нашей затеи. Если у меня ничего не получится, вся наша работа над решеткой окна окажется напрасной, а надежды на бегство рухнут. Я не посвящал остальных в свои планы и не делился с ними своими сомнениями и страхами.

Ур Джан стоял у окна, глядя в небо.

— Мы можем вынуть эти прутья в любую минуту, — сказал он, — но я не вижу в этом проку. Если мы свяжем всю нашу одежду, то все равно не попадем даже на крышу замка. Мне кажется, что мы трудились напрасно.

— Сядь, — сказал я ему, — и успокойся. Сохраняйте спокойствие, не разговаривайте и не двигайтесь, пока я не скажу.

Только Джат Ор мог догадаться, что же я собираюсь сделать. Все сели. Подойдя к окну, я осмотрел небо, но не увидел нашего корабля. Тем не менее, я сосредоточил свои мысли на механическом мозге. Я приказал ему спуститься и приблизиться к окну башни. Никогда в своей жизни я так не концентрировал свой мозг на одной мысли.

Капли холодного пота выступили у меня на лбу.

В комнате было тихо, как в могиле, и через открытое окно, у которого я стоял, не доносилось ни звука. Медленно тянулось время. Неужели же мозг вышел из-под моего контроля? Эта мысль ослабила мою сосредоточенность.

Безумная мешанина надежд и сомнений, страхов и ожиданий успеха завертелась в моем мозгу. Но вот в небе я увидел большой черный корпус. Он медленно приближался. Только на мгновение я почувствовал облегчение, но тут же взял себя в руки и отогнул три подпиленных прута решетки.

Мои товарищи, глядевшие в окно со своих мест, теперь подошли ближе. Я слышал их приглушенные возгласы удивления и радости. Приказав мозгу подвести корабль к окну, я обернулся к ним.

— На борту два таридских воина, — сказал я. — Если они нашли пищу и воду, то они до сих пор живы. По-

этому мы должны подготовиться к схватке. Каждый из них вооружен длинным мечом и кинжалом. Мы же безоружны и должны победить их голыми руками.

Я обратился к Уру Джану.

— Когда дверь откроется, мы с тобой вдвоем прыгнем в корабль, пока они не опомнятся. Ты пойдешь со мной, Ур Джан?

Он кивнул и улыбнулся.

— Да,— сказал он,— и это будет странное зрелище: Ур Джан и Джон Картер сражаются плечом к плечу.

— Наконец-то мы примем участие в доброй схватке,— сказал я.

— Плохо, что тариды никогда не узнают, кто оказал им честь и убил их.

Он вздохнул.

— Джат Ор, ты и Гар Нал немедленно последуют за нами,— сказал я падвару, потом объяснил Умке, чтобы он прыгнул в корабль следом за Джатом Ором и Гаром Налом.

— Если борьба к этому времени еще не закончится,— сказал я ему,— ты ведь знаешь, что надо делать, когда увидишь двух воинов-тарилов.

Его верхний рот исказился одной из его страшных улыбок, и он довольно зафыркал.

Я встал на подоконник, а рядом со мной — Ур Джан. Корабль приблизился к стене башни, не более фута отделяло нас от двери корабля.

— Приготовься, Ур Джан,— прошептал я.

Я приказал механическому мозгу как можно скорее открыть дверь. Она немедленно распахнулась, и в то же мгновение Ур Джан и я прыгнули в каюту. В полумраке я увидел двух человек. Не давая им опомниться, я бросился под ноги ближайшему. От неожиданности тот упал, и прежде чем он смог извлечь кинжал, я прижал его руку к полу. Я не видел, как совладал со своим противником Ур Джан, но мгновение спустя с помощью Джата Ора и Умки мы обезоружили обоих.

Ур Джан и Гар Нал хотели тут же убить их, но я не хотел и слышать об этом. Да, я могу убить человека в честной схватке, не испытывая угрызений совести, но хладнокровно убить безоружного, даже если он мой враг, я не могу.

Мы связали их и заткнули им рты.

— Что теперь? — спросил Гар Нал. — Как же нам выручить женщин?

— Сначала я попробую вернуть твой корабль,— ответил я,— у нас будет больше шансов вернуться на Барсум, если мы овладеем обоими кораблями, ведь с одним из них может что-нибудь случиться.

— Ты прав,— сказал он,— к тому же, мне не хочется терять свой корабль, плод мыслей и трудов всей моей жизни.

Я приказал кораблю подняться и отлететь, чтобы его не видели из замка. Я сделал это главным образом для того, чтобы сбить со следа таридов на случай, если кто-нибудь из охранников заметил приближение корабля к нашей башне.

Когда мы пролетели небольшое расстояние, я приказал кораблю спуститься и снова вернуться к замку со стороны двора, где лежал корабль Гара Нала.

Я держался над самыми деревьями прилегающего к замку леса и двигался очень медленно и без огней. Над самой стеной замка я остановил корабль и внимательно осмотрел двор. Все шло слишком хорошо, и я шепотом спросил у Умки, возможно ли, чтобы замок не охранялся ночью.

— Внутри охрана стоит всю ночь,— сказал он,— и у подножия Башни Бриллиантов есть стража, но она охраняет Ула Васа от его собственных людей. Леса Ладана полны диких зверей, и если отряд врагов войдет в лес ночью, звери поднимут такой вой и рев, что предупредят о нападении вовремя. Как видишь, дикие звери в лесу охраняют их по ночам.

Это убедило меня, что во дворе никого нет.

Я перевел корабль через стену и опустил его рядом с кораблем Гара Нала.

— Гар Нал, ты проберешься на борт своего корабля и поведешь его следом за моим. Мы отправимся к окну комнаты, где находятся женщины. Когда я остановлюсь у их окна, двери с обеих сторон моего корабля будут открыты. Ты тоже открой дверь своего корабля, чтобы, в случае необходимости, ты мог перебраться на борт моего корабля и помочь нам, если женщин хорошо охраняют.

В БАШНЕ БРИЛЛИАНТОВ

Смутные предчувствия охватили меня, когда Гар Нал вошел в свой корабль. Казалось, над нами нависла катастрофа, трагедия, но я постарался отбросить эти мысли и сосредоточиться на предстоящем этапе нашего плана.

Ночь была темной. Ни Марс, ни Хлорус еще не появились на небе Ладана. Я знал, что в этот час их не будет, и поэтому именно сейчас решил попытаться освободить Дею Торис и Занду.

Вскоре я услышал шум двигателей корабля Гара Нала, который, как мы договорились, и будет сигналом к старту. Оторвавшись от поверхности, я поднялся над двором, перелетел стену и направился в сторону от замка. За нами виднелся темный корпус корабля Гара Нала. Поднявшись по широкой спирали, я снова повернул в сторону замка. Приблизившись к нему, я отыскал взглядом высокую Башню Бриллиантов. В ней находились Дея Торис и Занда, и, если Озара не предала меня или случайное обстоятельство не помешало ей, джеддара тоже должна быть там.

Я верил в честность и верность Озары; если она сказала мне правду, то у нее достаточно оснований попытаться избежать когтей Ула Васа, однако она вряд ли с энтузиазмом восприняла мое известие о неизбежности побега вместе с Деей Торис и Зандой.

Сознаюсь, я не всегда понимаю женщин. Некоторые их поступки, их образ мышления часто необъяснимы для меня. Но я не настолько глуп и прост, чтобы не заметить отношения ко мне Озары. Правда, джеддара таридов была не единственной, в ком я сомневался. Я не верил Гару Налу. Не берусь утверждать, чтобы кто-нибудь из людей, заглянув ему в глаза, поверил бы ему. Вот Ур Джан был моим открытым врагом. Все его интересы требовали, чтобы он предал и уничтожил меня.

Занда за это время могла узнать от Деи Торис, что я и есть Джон Картер, принц Гелиума. Это, несомненно, освобождало ее от всяких обязанностей по отношению ко мне, и я не мог не помнить, что она поклялась отомстить — убить Джона Картера при первой же возможности. Значит, я мог рассчитывать только на Джата

Ора и Умку. Слишком многое при этом отводилось на долю Умки. Его намерения могли быть достаточно хороши, но я не знал, каковы его боевые качества, хотя кое-что убеждало меня, что человек-кошка с Ладана будет ценным союзником.

Пока в моем мозгу мелькали эти мысли, я медленно направлял корабль к Башне Бриллиантов. Облетая вокруг нее, я увидел красный шарф на подоконнике освещенного окна.

Корабль тихо подлетел ближе. Двери с обеих бортов были открыты, чтобы Гар Нал мог присоединиться к нам. Я приготовился прыгнуть в комнату, когда корабль подойдет достаточно близко.

Комната з окном была слабо освещена, но я различил фигуры трех женщин, и в моем сердце вспыхнула надежда. Конечно, красный шарф мог оказаться и уловкой, но присутствие трех женщин в комнате ясно доказывало, что Озара точно выполняет отведенную ей роль.

Когда корабль приблизился к подоконнику, я приготовился прыгнуть в окно, и в момент прыжка услышал тревожный крик далеко внизу подо мной. Нас обнаружили. Поднимаясь с пола, я узнал взволнованный и счастливый голос Деи Торис:

— Мой вождь! Я знала, что ты придешь. Я знала, что куда бы меня не увезли, ты найдешь меня!

— Даже на самом краю Вселенной, моя принцесса! — ответил я.

Крики внизу не располагали для долгих объяснений, к тому же ни я, ни Дея Торис не открыли бы посторонним чувств, рвавшихся из нашей груди. Я страстно желал прижать ее к сердцу, коснуться ее прекрасного тела, покрыть ее губы поцелуями, но вместо этого сказал:

— Идем, мы должны немедленно вернуться на корабль. Охрана внизу подняла тревогу.

Подошла Занда и схватила меня за руку.

— Я знала, что ты придешь, Вандор!

Я не понял, почему она вновь произносит это имя. Могла ли Дея Торис не сказать ей, кто я?

Озара тоже знала мое настоящее имя. Казалось невероятным, что она не упомянула его, когда объясняла женщинам план освобождения. Джеддара таридов не приветствовала меня. Она смотрела на меня из-под шелковых длинных ресниц. Когда мои глаза на мгновение остановились на ней, мне показалось, что я уловил ка-

кое-то злорадство, но, возможно, мне это только показалось. Мне некогда было раздумывать об ее чувствах, и, повернувшись к окну, я окаменел: корабля не было.

Подбежав к окну, я выглянул: слева от башни уходили в ночь оба корабля. Женщины заметили мое замешательство.

— Корабли! — воскликнула Дея Торис.

— Куда он ушел? — закричала Озара.

— Мы погибли, — лаконично сказала Занда. — Я слышу на лестнице топот вооруженных людей.

Вдруг я понял, что случилось. Я приказал мозгу приблизиться к окну, но не отдал приказа остановиться. Я прыгнул, а он продолжал свое движение и улетел раньше, чем мои товарищи последовали за мной, а Гар Нал, не зная, что произошло, продолжал сопровождать мой корабль.

Я сосредоточил мысли на механическом мозге и приказал ему вернуть корабль к окну и остановиться. Моя собственная небрежность поставила под угрозу безопасность моей принцессы и других женщин, ждавших моей защиты.

Теперь я ясно слышал шум на лестнице. Воины быстро приближались. Из окна я видел, что оба корабля повернули. Успеют ли? Я приказал мозгу возвращаться с максимальной скоростью. В ответ корабль рванулся вперед. Воины были уже совсем близко. Я решил, что они находятся на следующем этаже под нами, еще мгновение — и они появятся здесь.

Я держал длинный меч одного из воинов-таридов, обезоруженных на моем корабле, но долго ли сможет один меч противостоять стольким врагам?

Корабли подошли совсем близко. Я видел в дверях корабля Джата Ора и Ура Джана, готовых к прыжку.

— Нас обнаружили и подняли тревогу, воины уже у дверей, — крикнул я им. — Я постараюсь задержать их, а вы переправьте на борт женщин.

Враги были уже у дверей.

— Встаньте у окна, — приказал я женщинам. — Как только корабль коснется подоконника, перебирайтесь на борт.

Я быстро подошел к двери и встал около нее с мечом в руке. Едва я успел подойти к ней, как она распахнулась, и я увидел дюжину воинов в коридоре. Первый ворвался в комнату и налетел на мой меч. С коротким криком он

упал замертво к моим ногам. За тот короткий миг, пока я выдернул меч из его сердца, нажимавшие сзади втолкнули в комнату еще троих. Один замахнулся на меня, второй чуть было не нанес мне ужасный удар по голове. Я уклонился от обоих ударов, и мой меч расколол череп одного из них. На мгновение я забыл обо всем, радость битвы захлестнула меня. Я чувствовал на своих губах боевую улыбку, так хорошо известную обоим мирам. Снова, как и много раз до этого, мой меч, казалось, ожил. Но тариды не были трусами и по телам своих товарищей ворвались в комнату.

Я подумал, что один смогу справиться с ними, с такой яростью я защищал свою принцессу, но вот я услышал снизу голоса и топот множества ног. На помощь охране башни подходило подкрепление.

Это была великолепная схватка! Шестеро лежали передо мной мертвыми, но другие шесть уже ворвались в комнату. Это не обескуражило бы меня, но топот ног был слышен совсем близко.

Я сражался с воином, который пытался заставить меня отступить, его товарищ напал на меня сбоку, отвлекая внимание, остальные тоже приближались. Положение у меня было довольно сложным, потому что мой противник оказался отличным бойцом. Справа и слева от меня засверкали мечи. Два моих противника упали, и короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, что рядом со мной — Ур Джан и Джат Ор.

Тогда трое оставшихся таридов заняли места павших товарищей, но появилось подкрепление: множество кричащих воинов ворвались в комнату. Уложив своего очередного противника, я улучил момент и оглянулся.

Три женщины и Умка были в комнате, а на подоконнике стоял Гар Нал.

— Быстрее, Гар Нал! — крикнул я. — Возьми женщин на борт.

В следующие несколько минут я был так занят, что успевал лишь защищаться.

Тариды набросились на меня, и им даже удалось окружить меня. Я сражался одновременно с двумя или тремя воинами. Я не видел, что происходит в комнате, но думал только о моей принцессе. Внезапно мне пришло в голову, что она может оказаться во власти Гара Нала, если мы все погибнем.

Джат Ор сражался рядом со мной.

— Принцесса! — крикнул я ему. — Она одна на корабле с Гаром Налом. Если нас убьют, она погибнет. Отправляйся к ней.

— И оставить тебя, мой принц?

— Это не просьба, Джат Ор, — сказал я. — Это приказ!

— Да, мой принц, — ответил он и начал пробиваться к окну.

— Помоги ему, Ур Джан, — приказал я.

Втроем мы прорубили Джату Ору отступление к окну, и в этот момент я заметил, что Озара, джеддара тари-дов, бьется в руках двух воинов.

— Спаси меня, Джон Картер! — кричала она громко. — Спаси меня, они убьют меня!

Мне нельзя было поступить иначе. Всякий другой поступок с моей стороны был бы бесчестным. Озара сделала возможным наш побег, она помогла спасти Дею Торис. Только моя собственная неосторожность привела к тому, что теперь смерть угрожала джеддаре.

Джат Ор, Ур Джан и я прикончили своих противников. Остальные, по-видимому, менее храбрые, не решались подойти. Я повернулся к своим товарищам.

— Быстрее на борт, — крикнул я. — Прикрывайте вход в корабль, пока я не принесу джеддару.

Повернувшись к воинам, державшим Озару, я увидел рядом с собой Умку. Он хорошо проявил себя в схватке, хотя у него не было в руках оружия. Сначала я ничего не понял, ведь он мог выбрать на корабле любое оружие, но позже я узнал, что мазены совершенно не знакомы ни с мечом, ни с кинжалом.

Я видел, как он сражался, и понял, что его мощные мускулы и ужасные челюсти нижнего рта делали его опасным противником даже для воина, вооруженного мечом.

Умка получил множество ран. Мы все были окровавлены, но мне показалось, что Умка тяжело ранен, и я приказал ему вернуться на корабль. Он вначале возразил, но потом послушался, и я остался в комнате, полной тари-дов, один.

Я знал, что положение мое безнадежно, но я не мог оставить женщину, которая помогла нам. Нападая на ее похитителей, я увидел новый отряд воинов, подошедших снизу.

Положение действительно стало безнадежным. Вновь

прибывшие не обратили на меня внимания, они подбежали к окну, где находился корабль. Если бы они смогли напасть на него, участь Деи Торис была бы решена. Оставалась лишь одна возможность помешать им, хотя она в то же время означала и мой конец.

Два воина, державшие Озару, ждали моего нападения, но я ненадолго задержался, отдавая мысленный приказ механическому мозгу. Я быстро оглянулся. Ур Джан и Умка стояли в дверях корабля. Джата Ора не было видно, но в тот момент, когда корабль, повинуясь моей команде, двинулся, у входа показался молодой падвар.

— Мой принц, — крикнул он, — нас предали! Гар Нал увлек Дею Торис на свой корабль!

В этот момент сильный удар по голове погрузил меня в милосердное беспамятство.

ГЛАВА XXII

В ТЕМНОЙ КАМЕРЕ

Я медленно приходил в себя, погруженный во тьму и могильную тишину. Я лежал на холодном каменном полу, страшно болела голова. Я ощупал ее и нашел запекшуюся кровь. Волосы мои спутались. Я с трудом сел, потом встал на ноги и стал осматриваться.

Осторожно передвигаясь, вытянув перед собой в темноте руки, я вскоре наткнулся на каменную стену. Пройдя немного вдоль нее, я обнаружил прочно запертую снаружи дверь. Я двинулся дальше. Обойдя комнату, я снова оказался у двери. Камера оказалась очень маленькой. Вокруг царила полная тишина. Я начал понимать, каково живется в мире слепому и глухому. Мне оставалось лишь осязать, обонять и пробовать на вкус. Вкусовые ощущения вряд ли при нынешних обстоятельствах могли мне пригодиться.

Нос мой ощущал вначале спертый, затхлый воздух, но вскоре я привык, перестав замечать его. Оставалось осязание. Крепкая стена с деревянной дверью — теперь это был мой мир.

Я гадал, надолго ли меня оставили здесь в камере. Это было подобно погребению заживо. Я знал, что должен напрячь свою волю и не поддаваться ужасающему

однообразие этого мира, где лишь стена и дверь могли стать объектами изучения.

Мои мысли... Они не были приятными. Я думал о Дее Торис, находящейся во власти Гара Нала, о бедном Джате Оре, заключенном в корабле, которым он мог управлять лишь вместе с Уром Джаном, грубым убийцей из Зоданга. Я знал, каково ему теперь, когда он ничего не ведал о моей судьбе и принял всю ответственность за Дею Торис на себя. Но он не мог ни защитить ее, ни отомстить за нее.

Я думал о бедной Занде, обреченной на смерть на отдаленном спутнике. А Умка? Умку ждала смерть. Если бы он не встретил меня, хуже ему бы не было. Уж совсем не давала покоя мысль о том, что только моя неосторожность стала причиной несчастий для всех, кто надеялся на мою защиту. Так душевная боль усиливала мои терзания в бесконечные часы заключения.

Похожая на склеп камера, куда меня заключили, была холодной и сырой. Я решил, что меня спрятали в подземелье замка, куда до меня не сможет добраться корабль. Мускулы мои затекли, кровь медленно текла по венам. Чувство безнадежности охватывало меня. Однако вскоре я понял, что если дам взять верх над собой такому настроению, то погибну. Снова и снова напоминал я себе, что все еще жив. Я говорил себе, что жизнь хороша, пока она продолжается, всегда есть надежда освободиться и снова служить моей принцессе.

Я начал двигаться по камере, обошел ее несколько раз и вскоре досконально изучил ее размеры. Я бегал по ней взад и вперед по кругу. Как боксер, сражающийся с тенью, я наносил удары и парировал их, пока вновь не ощутил в теле тепло жизни. Тогда я начал искать другие развлечения, считая камни в стенах моей камеры. Я подошел к двери и двинулся от нее влево.

Это было не самое увлекательное занятие, но, по крайней мере, я был чем-то занят и к тому же надеялся найти непрочно держащийся камень или отверстие, ведущее в какое-нибудь другое помещение.

Я, конечно, не мог ориентироваться во времени и не знал, долго ли нахожусь здесь, но в конце концов, мне захотелось спать. Я лег на холодный и влажный пол.

Сколько я проспал, не знаю, но, проснувшись, почувствовал себя отдохнувшим и свежим, что подсказало мне, что проспал я достаточно много. Однако я снова

замерз и начал упражняться, чтобы согреться.

Вдруг я услышал около своей темницы звуки. Я остановился и прислушался. Да, кто-то приближался. Я ждал, глядя в том направлении, где находилась дверь. Вскоре она открылась, и блеснул свет. Я отвернулся и закрыл глаза рукой, так как мои глаза отвыкли от яркого света. Обретя способность смотреть, я увидел в дверях одного воина с факелом, чашкой пищи и кувшином воды. Он немного приоткрыл дверь, чтобы просунуть принесенные сосуды и поставить их на пол. Я увидел, что тяжелая цепь не позволяет двери открыться дальше, чтобы я не мог напасть на него и бежать.

Воин поднял над головой факел и просунул его в щель так, что осветил всю мою камеру. И я увидел несколько толстых балок примерно в двадцати футах от пола.

— Значит, тебя все-таки не убили,— заметил воин.

— Чего ты не можешь сказать о других, сражавшихся в Башне Бриллиантов прошлой ночью,— ответил я.— Это действительно было прошлой ночью?

— Нет, две ночи назад,— ответил он.— Это была настоящая битва! — добавил он.— Меня там не было, но весь замок только и говорит о ней. Те, кто сражался против тебя, говорят, что ты величайший из бойцов. Они были бы рады оставить тебе жизнь и сражаться рядом с тобой, а не против тебя, но старый Ул Вас в такой ярости, что его удовлетворит только твоя смерть.

— Можно догадаться, что он не испытывает ко мне добрых чувств,— согласился я.

— Клянусь жизнью, достаточно уже того, что убивали пленники, но похитить его джеддару... Клянусь жизнью, в этом что-то есть. Говорят, ты до сих пор жив только потому, что он все еще не может придумать смерть, соответствующую твоему преступлению.

— А джеддара? — спросил я.— Что с ней?

— Он держит ее в заключении, она тоже должна умереть. Думаю, что он хочет казнить вас одновременно одной и той же смертью. Позор убивать такого бойца, как ты, но я уверен, что казнь будет очень интересной. Надеюсь, мне повезет, и я увижу ее.

— О, да,— ответил я.— Я тоже надеюсь, что ты развлечешься.

— Все получают удовольствие, кроме тебя и Озары,— заметил он добродушно. Затем он выдернул факел и хлопнул дверь. Я слушал, как затихали его шаги.

Добравшись до еды и питья, я жадно набросился на них, так как был ужасно голоден. Насытившись, я стал осматривать свою тюрьму. Меня заинтересовали балки, в двадцати футах от пола. Над ними, казалось, ничего не было, кроме темного свода, так как потолок был, очевидно, много выше.

Закончив еду, я решил проверить, что же находится над ними. На Марсе мои земные мускулы позволяли мне совершать невероятные прыжки. Я понимал, что мои размеры уменьшились, так что относительно всего на Турии я был не больше, чем на Барсуме, но все же был убежден, что могу прыгнуть гораздо выше любого обитателя Ладана. Меня останавливала только полная темнота. Я не видел балок. Прыгая вверх, я мог стукнуться головой, что было бы очень некстати.

Вначале я прыгнул невысоко, вытянув руки над головой, потом выше, пока не коснулся балки. Еще раз подпрыгнув, чтобы точно выбрать позицию, я, наконец, ухватился руками за балку. Подтянувшись, я встал прямо и вытянул руки, но надо мной по-прежнему ничего не было. Тогда я прошел по балке от одной стены до другой, но опять ничего не нашел, что вселяло надежду.

Было бы самоубийством, продолжать этот эксперимент, перескакивая с балки на балку, поэтому я снова спрыгнул на пол, потом запрыгнул на другую балку и проделал то же самое с тем же результатом.

Разочарование мое было велико. В ситуации, подобной моей, хватаешься за любую соломинку. Но я не хотел признавать поражения. Балки были реальностью. Вот они, прямо надо мной. Казалось, само провидение пытается мне помочь.

Я напряг мозг в поисках спасения. Я был похож на крысу в западне, на загнанную в угол крысу. Мой мозг лихорадочно работал в поисках выхода. Внезапно у меня мелькнула идея, безумная идея, но ничего другого мне не оставалось. Ее осуществление зависело от многого, над чем у меня не было власти. Судьба должна быть очень добра ко мне, чтобы мой план удался.

Эта мысль появилась у меня в тот момент, когда я печально сидел на балке. Я немедленно спрыгнул на пол, подошел к двери и прислушался. Не знаю, долго ли я стоял у двери. Когда усталость одолела меня, я лег и уснул, прижавшись ухом к двери.

Наконец я был вознагражден за долгие часы напря-

женного ожидания. Послышались шаги, потом звон металла о металл. Звуки становились все громче. Приблизился воин.

Я запрыгнул на балку прямо над дверью. Прижавшись, как зверь, караулящий в чаще добычу, я ждал. Шаги замерли у двери моей камеры. Я слышал, как щелкнул замок, затем дверь приоткрылась, и появилась полоска света. Я видел, как протянулась рука и поставила на пол еду и воду. Потом в камере появился пылающий факел, а за ним и голова воина.

Он осмотрел камеру.

— Эй! — крикнул он. — Где ты?

Но это был не тот человек, который приносил мне еду в прошлый раз. Я не ответил.

— Неужели этот парень убежал, — пробормотал он удивленно.

Я слышал, как он отсоединил цепь, и мое сердце едва не остановилось. Неужели моя дикая затея осуществится?

Дверь широко отворилась, и человек осторожно вошел в камеру. Это был сильный воин. В левой руке он держал факел, в правой — длинный меч. Он двигался осторожно, оглядываясь на каждом шагу. Он все еще не отошел от двери. Очень медленно двигался он по камере, что-то бормоча про себя, а в темноте вверху я шел за ним по балке, как пантера, выслеживающая добычу.

Все еще удивленно восклицая, он повернул назад. Он прошел подо мной. В этот момент я прыгнул.

ГЛАВА XXIII

ПОТАЙНАЯ ДВЕРЬ

Когда я повалил воина на пол, его крик, эхом отозвался в коридоре и, казалось, поднял всех воинов замка. Падая, он зацепил факел. Мы боролись в абсолютной темноте. Первой моей задачей было заставить его замолчать, и я это сделал, когда мои пальцы нащупали его горло.

Казалось чудом, что мои планы об освобождении осуществляются шаг за шагом почти так, как я себе это представлял. Это вселяло в меня надежду, что и дальше

судьба будет мне благоприятствовать и я смогу освободиться от кровожадного Ула Васа.

Воин, с которым я сражался на полу в темной камере замка таридов, был достаточно силен, но я вскоре одолел его. Возможно, я сделал это быстрее, чем всегда, потому что, схватив его за горло, я обещал, что не убью его, если он прекратит сопротивляться и не будет кричать. Когда я сделал свое предложение воину, тот мгновенно прекратил борьбу, а я тут же разжал руки. Будучи неглупым, он понял, что сопротивление бесполезно.

Я связал его его же собственной одеждой и сунул ему в рот кляп. Потом отобрал у него кинжал и, пошарив в темноте, отыскал длинный меч, который он выронил.

— Прощай, мой друг, — сказал я. — Не сокрушайся о своем поражении. Гораздо лучшие бойцы, чем ты, уступали Джону Картеру, принцу Гелиума.

Затем я вышел и закрыл за собой дверь камеры. Коридор был темным. Я мельком видел его лишь в тот момент, когда мне приносили пищу. Мне показалось, что коридор уходит вправо от моей камеры, поэтому я в темноте на ощупь двинулся в том направлении.

Я очень торопился, поскольку крик воина могли услышать другие и поднять тревогу. Итак, держась одной рукой за стену, я быстро двигался вперед. Пройдя примерно сотню ярдов, я увидел впереди слабый свет.

Это был не желтоватый свет факела, а рассеянный дневной свет. По мере моего приближения, он усиливался, и вскоре я подошел к основанию лестницы, ведущей наверх, к свету.

Все это время я ничего не слышал, поэтому начал взбираться по лестнице, чувствуя себя более или менее в безопасности. Соблюдая предосторожность, я поднялся наверх. Здесь было гораздо светлее. Я очутился в небольшом коридоре, по обеих сторонах которого были двери. Коридор поворачивал в сторону под прямым углом. Я быстро двинулся туда, второй коридор был освещен ярче первого. Я уже поздравлял себя с удачей, когда на повороте во втором коридоре с кем-то столкнулся. Это была женщина. Вероятно, она удивилась больше меня и начала кричать.

Я схватил ее и зажал ей рот ладонью. Я столкнулся с ней на повороте во второй коридор, и, заставив ее замолчать, увидел в дальнем конце его двух воинов. Они шли в моем направлении. Очевидно, я поздравил себя слишком рано.

Не обремененный своей пленницей, я сумел бы найти укромное место или, не найдя его, напасть на воинов из засады и убить обоих раньше, чем они поднимут тревогу, но теперь обе мои руки были заняты. Одной рукой я держал бьющуюся женщину, другой зажимал ей рот, не давая кричать.

Я не мог убить ее, а если бы выпустил ее, через несколько минут она подняла бы на ноги весь замок. Мое положение казалось безнадежным, но я не собирался сдаваться. Тут я вспомнил о дверях, мимо которых проходил в первом коридоре. Одна из них была лишь в нескольких шагах за мной.

— Тише, я не причиню тебе вреда,— прошептал я.

Я потащил женщину к ближайшей двери. К счастью, она была незаперта, но что меня ждет за ней, я, конечно, не знал. Я пытался придумать, что я буду делать, если там кто-нибудь окажется. Оставалось только одно: бросить в тех, кто там будет, девушку и бежать навстречу приближающимся воинам. Другими словами, постараться силой выбраться из замка Ула Васа — безумный план, если учесть, что полтысячи воинов преградят мне путь.

Но войдя в комнату, я обнаружил, что она пуста. Яркий свет из двух окон заливал ее. Закрыв дверь, я прислушался, прижавшись к ней спиной. Я не смотрел на женщину, которую держал в своих руках, напряженно вслушиваясь в шаги приближающихся воинов.

Повернут ли они в этот коридор? Войдут ли именно в эту комнату? Очевидно, я бессознательно перестал зажимать ей рот. Она отбросила мою руку и заговорила:

— Джон Картер! — тихонько воскликнула она.

Я удивленно взглянул на нее и узнал Улу, рабыню джеддары таридов Озары.

— Ула,— сказал я ей,— пожалуйста, не заставляй меня причинять тебе вред. Я хочу только бежать. От этого зависит слишком многое, поэтому, если потребуется, я нарушу неписанный закон моего народа и убью женщину.

— Не бойся,— сказала она,— я не выдам тебя.— Я пообещала не ради спасения своей жизни. Я в любом случае не выдаю бы тебя.

— Почему? — спросил я.— Ты же ничем не обязана мне...

— Я люблю свою хозяйку Озару,— просто сказала она.

— Где твоя хозяйка?

— Она в этой башне, закрыта в комнате над этой на следующем этаже. Ул Вас держит ее здесь, пока не придумает страшной смерти. О, спаси ее!

— Как ты узнала мое имя, Ула?

— Мне сказала джеддара,— ответила она.— Она постоянно говорила о тебе.

— Ты лучше знакома с замком, чем я, Ула,— сказал я.— Есть возможность пробраться к джеддаре? Можешь ты передать ей весточку? Можем ли мы вывести ее из комнаты?

— Нет,— ответила она,— дверь закрыта, и два воина охраняют ее днем и ночью.

Я подошел к окну и выглянул. Никого не было видно. Тогда я высунулся как можно дальше и посмотрел вверх. В пятнадцати футах надо мной было другое окно. Я отступил обратно в комнату.

— Ты уверена, что джеддара именно в той комнате на следующем этаже?

— Да,— ответила она.

— И ты хочешь помочь ей бежать?

— Нет ничего, чего бы я для нее не сделала.

— Кому принадлежит эта комната?

— Ею уже давно никто не пользуется. Видишь, здесь все покрыто пылью.

— Ты думаешь, что сюда никто не зайдет? Я могу дожждаться здесь ночи?

— Я уверена в этом,— ответила она.— Сюда никто не придет.

— Хорошо! Тогда принеси мне веревку и прочный крюк. Сможешь?

— Длинную веревку?

— Примерно двадцать футов.

— Когда?

— Тогда, когда ты будешь уверена, что тебя не обнаружат, желательно до полуночи.

— Принесу,— сказала она.— А сейчас я пойду.

Я поверил ей. Другого выхода не было, и я разрешил ей уйти. Когда она ушла, я отыскал тяжелый брус и припер им двери изнутри, затем сел и стал ждать.

Медленно тянулись долгие часы. Я постоянно спрашивал себя, не напрасно ли я доверился Уле? Что я знаю

о ней? Почему она должна помогать мне? Возможно, на меня уже готовится нападение. И если у нее есть дружок среди воинов, то она окажет ему большую услугу, выдав меня, что позволит ему захватить меня и получить награду!

После полудня я услышал шаги в коридоре — это были первые звуки после ухода Улы. Я был уверен, что идут воины, чтобы захватить меня, и решил, что дорого им буду стоять. И вот я стоял у двери, держа наготове длинный меч, но воины прошли мимо, вероятно, направляясь к лестнице, по которой я поднялся из темного коридора, ведущего к моей камере.

Вскоре я услышал, что они возвращаются. Воины возбужденно переговаривались, но через толстую дверь я не разобрал их слов. Когда их шаги стихли, я облегченно вздохнул, моя уверенность в Уле окрепла.

Наступила ночь. Во многих окнах замка засветились огни. Почему не возвращается Ула? Неужели она не нашла крюка и веревки? Или ее что-то задержало?

Вскоре за дверью раздался звук, хотя я не слышал, чтобы кто-то приближался. Я прижал ухо к двери и услышал голос:

— Открой, это я, Ула!

Велико было мое облегчение, когда я открыл дверь и впустил рабыню. В комнате было совсем темно, и мы не видели друг друга.

— Ты думал, что я никогда не вернусь к тебе, Джон Картер? — спросила она.

— Признаюсь, сомневался, — ответил я. — А ты раздобыла все необходимое?

— Да, держи.

Я почувствовал в своей руке веревку и крюк.

— Отлично! — воскликнул я. — Ты узнала что-нибудь новое о джеддаре?

— Нет, — ответила она. — Но я слышала разговор воинов о тебе и теперь очень сомневаюсь в твоём успешном бегстве.

— О чем же они говорили?

— Стало известно о твоём побеге из камеры. Воин, который относил тебе еду, не вернулся. Когда за ним пошли другие, то нашли его в твоей камере со связанными руками и с заткнутым ртом.

— Я слышал их, когда они проходили мимо двери

после полудня, — сказал я. — Странно, что они не обыскали эту комнату.

— Они решили, что ты ушел не в этом направлении, — объяснила она, — и обыскивают сейчас другую часть замка.

— Да, — сказала она, — постепенно они обыщут все комнаты в замке, но на это потребуется много времени.

— Я очень благодарен тебе, Ула, — сказал я.

— Я рада, что хоть как-то смогла помочь тебе и своей джеддаре.

— Спасибо и на этом, ты больше ничем не можешь помочь мне. Теперь тебе лучше уйти, прежде чем они найдут тебя со мной.

— Ты уверен, что я больше не могу ничего сделать для тебя? — спросила она.

— Ничего, Ула.

Я открыл дверь, и она вышла.

— Прощай! Удачи тебе, Джон Картер, — прошептала она, когда я закрывал за ней дверь.

Я сразу направился к окну. Снаружи было очень темно. Я хотел подождать до полуночи, когда замок уснет, чтобы попытаться спасти Озару, но узнав, что замок обыскивают, решил действовать немедленно.

Прочно привязав один конец веревки к крюку, я сел на подоконник и высунулся наружу. Зажав веревку в левой руке, которой я держался за раму, я взял в правую руку крюк, свободно свесив веревку из окна.

Я прикинул расстояние до окна надо мной. Трудно было рассчитывать на удачный бросок из такого положения, поэтому я встал на ноги. Это на несколько футов приблизило меня к цели и позволило действовать свободнее.

От первого броска очень многое зависело: я боялся, что если промахнусь, то скрежет металлического крюка о стену башни может привлечь внимание стражи.

Несколько минут я стоял, примериваясь к расстоянию и готовясь к броску. Почувствовав, наконец, уверенность, я бросил крюк вверх.

Я не видел подоконника над собой, так как из комнаты падал лишь слабый свет. Я видел только, как блеснул в этом свете крюк, слышал, как он ударился о подоконник, потом я потянул веревку. Крюк зацепился. Я сильнее потянул за веревку. Крюк по-прежнему держался. Я еще немного подождал, проверяя, не привлек ли я вни-

мания Озары или еще кого-нибудь в комнате. Ничто не нарушало тишины, и я повис в темноте на веревке.

Поднимался я очень осторожно, так как не знал, сколь прочно держится крюк в подоконнике. Подниматься надо было на небольшое расстояние, но, казалось, прошла вечность, прежде чем мои руки коснулись подоконника.

Вначале я дотянулся до него пальцами одной руки, потом подтянулся и схватился другой рукой. Я медленно поднялся, пока мои глаза не оказались на уровне подоконника. Передо мной была тускло освещенная комната, по-видимому, пустая. Я подтянулся выше и оперся о подоконник коленом, по-прежнему стараясь не выдернуть крюк.

Я влез в комнату и втащил за собой крюк, чтобы он не упал к основанию башни. Теперь я увидел, что комната не пуста. С постели в противоположном углу встала женщина. Она смотрела на меня широко раскрытыми испуганными глазами. Это была Озара. Я подумал, что она закричит. Поднеся палец к губам, я предупредил:

— Тише, Озара! Я пришел спасти тебя!

— Джон Картер!

Она выдохнула мое имя так тихо, что его нельзя было услышать за дверью. Она подошла ко мне и обвила руками мою шею.

— Идем,— сказал я,— нам нужно немедленно уходить. Не разговаривай, нас могут услышать.

Я подвел ее к окну и обвязал ее талию веревкой.

— Я спущу тебя в окно комнаты вниз,— прошептал я.— Как только окажешься внутри комнаты, отвяжи веревку.

Она кивнула, и я начал спускать ее.

Веревка вскоре ослабла, и я понял, что Озара достигла подоконника. Я подождал, пока она отвяжет веревку, затем закрепил крюк за подоконник, на котором сидел, и быстро спустился. Поскольку нужно было уничтожить все следы нашего бегства, я высвободил крюк и подхватил его, прежде чем он ударился о стену башни. Когда я проник в комнату, Озара подошла ко мне и положила руки мне на грудь. Она вся дрожала, дрожал и ее голос, когда она заговорила:

— Я так удивилась, увидев тебя, Джон Картер,— сказала она.— Я думала, что ты уже мертв. Я ведь видела, как ты упал, а Ул Вас сказал мне, что тебя убили.

Какая ужасная рана! Не понимаю, как ты оправился. Когда я увидела тебя в комнате наверху с засохшей кровью на коже и волосах, то подумала, что передо мной оживший мертвец.

— Я и забыл, какое зрелище представляю собой,— сказал я.— У меня не было возможности даже обмыть рану, так как ту воду, что мне приносили, я всю выпивал. Но меня это не беспокоило, я вполне оправился, потому что рана оказалась поверхностной.

— Я так испугалась за тебя,— сказала она,— а ведь ты рисковал ради меня, хотя мог бы спастись вместе со своими друзьями.

— Ты думаешь, они благополучно улетели?

— Да,— ответила она.— Ул Вас ужасно сердит из-за этого. Он уничтожит тебя и меня, если мы не сбежим.

— Ты знаешь какой-нибудь другой выход из замка?

— Есть потайная дверь, о которой знает только Ул Вас и два его верных раба,— ответила она.— Ул Вас думает, что только они трое знают о ней, но об этом знаю и я. Она ведет к берегу реки в том месте, где река подходит к замку. Ула Васа не любят его люди. В замке множество заговоров и интриг. Заговорщики хотят низвергнуть Ула Васа и посадить на трон нового джедака. Некоторые из его врагов так могущественны, что Ул Вас не решаетесь уничтожить их открыто. Он убивает их тайком, а потом сам и его два верных раба через потайную дверь бросают их в реку. Однажды я последовала за ними, собираясь выведать путь к бегству, но когда увидела, куда ведет ход, я испугалась. Я не осмелилась прыгнуть в реку, и даже если бы я это сделала, меня бы это не спасло: ужасный лес начинается сразу за рекой. Не знаю, Джон Картер, что лучше — войти в него и остаться здесь.

— Оставшись здесь, Озара, мы встретим верную смерть. В реке или лесу у нас будет, по крайней мере, шанс. Часто дикие звери менее жестоки, чем люди.

— Я знаю это,— ответила она,— но и в лесу есть люди, ужасные люди.

— Тем не менее, я должен использовать этот шанс, Озара,— сказал я.— Ты пойдешь со мной?

— Куда бы ты ни взял меня, Джон Картер, какая бы судьба нас не ожидала, я буду счастлива, пока я с тобой. Я очень рассердилась, когда узнала, что ты лю-

бишь женщину Барсума, но теперь ее нет, и ты будешь мой.

— Но она моя жена, Озара!

— Ты любишь ее?

— Конечно!

— Хорошо, но ее нет, и ты мой!

У меня не было времени для препирательств. Своей нравная Озара, очевидно, всегда поступала по-своему и получала все, что хотела. В другой раз, если мы будем живы, я приведу ее в чувство, но сейчас нужно бежать.

— Как добраться до потайной двери? — спросил я. — Ты знаешь дорогу отсюда?

— Да, — ответила она. — Идем со мной.

Мы вышли в коридор, где было очень темно. На ощупь мы добрались до лестницы, по которой я поднимался днем. Когда она начала спускаться, я спросил ее:

— Ты уверена, что мы идем правильным путем? Лестница ведет к камере, куда меня бросил Ул Вас.

— Может быть, — ответила она, — но она приведет нас в отдаленную часть замка, близкую к реке, где и находится потайная дверь.

Я понадеялся на нее и двинулся за ней вниз по лестнице к темному коридору. Утром, когда я шел по нему, то держался правой стороны. Теперь Озара двигалась вдоль противоположной стены. Пройдя немного, мы свернули в коридор, о существовании которого я и не подозревал. Мы долго шли по нему и затем поднялись по винтовой лестнице на второй этаж.

Здесь мы оказались в освещенном коридоре.

— Если мы дойдем до противоположного конца и нас не обнаружат, — прошептала она, — мы будем в безопасности. В дальнем конце дверь, за которой начинается потайной ход, выходящий к реке.

Мы оба внимательно прислушались.

— Я ничего не слышу, — сказала она.

— Я тоже.

Когда мы двинулись по длинному коридору, я заметил, что в него с обеих сторон выходят двери, но проходя мимо каждой из них, я с облегчением убеждался, что они закрыты. Мы уже прошли половину коридора, когда мое внимание привлёк слабый шум сзади.

Обернувшись, я увидел двух человек, вышедших из комнаты, мимо которой мы недавно прошли. Они направлялись в другой коридор. Я уже было облегченно

вздохнул, когда вслед за ними из комнаты вышел третий, который посмотрел в нашу сторону.

— Джеддара и черноволосый! — крикнул он.

Немедленно все трое повернули и побежали за нами. Мы были на полпути между ними и дверью, ведущей к потайному ходу.

Отступление перед лицом врага всегда плохо отражается на моем желудке, но теперь выбора не было, потому что остановиться и принять бой означало нашу гибель, поэтому мы с Озарой побежали.

Трое преследователей кричали изо всех сил, призывая на помощь кого-нибудь. Что-то заставило меня выхватить меч, что оказалось весьма кстати. Когда мы приблизились к одной из дверей, оттуда вышел воин, привлеченный шумом в коридоре. Я даже не сбавил скорости, взмахнул мечом и расколол ему череп.

Теперь мы были у двери, и Озара искала секретный механизм, открывавший дверь. Воины быстро приближались.

— Не торопись, Озара, — успокаивал я ее.

— Я вся дрожу, — сказала она. — Они добегут до нас раньше, чем я открою дверь.

— Об этом не беспокойся, — ответил я, — я задержу их, пока ты возишься с замком.

Воины уже были передо мной. Я узнал по их одежде, что это офицеры гвардии джеддака, а точно такую я видел на Замаке. Я понял, что предстоит схватка с отличными бойцами.

Первый из них стремительно бросился на меня, решив первым же ударом сразить. Я пронзил его сердце. Когда он упал, на меня напали остальные и действовали уже более осторожно. И хотя их было двое, и они осыпали меня градом ударов, мой меч, быстрый как мысль, образовал вокруг меня защитный полукруг.

Но удачная защита не отвечала моим планам. Если я буду только защищаться, они могут продержать меня здесь до прихода подкрепления, и они одолеют меня количеством.

Отражая удар, мой меч уколол одного из противников в грудь. Он невольно отшатнулся, и я тут же успел повернуться к его товарищу и разрубить ему плечо.

Ни одна из этих ран не была смертельной, но натиск противников ослаб. Озара все еще возилась с дверью, а в дальнем конце коридора появился целый отряд

воинов. Я не стал торопить ее, боясь, что в волнении она вообще не сумеет открыть дверь.

Двое моих противников снова наседали на меня. Они были храбрыми воинами и опытными бойцами, и мне всегда жаль, что приходится их убивать.

И тут я услышал радостный крик Озары:

— Я открыла дверь, Джон Картер! Идем быстрее!

Но двое воинов нападали на меня так яростно, что я не мог сразу последовать за ней. Задержали они меня всего лишь на мгновение. Я усилил натиск и страшным ударом уложил одного, а когда он упал, ударил второго в грудь.

Отряд пробежал уже половину коридора, и я поторопился вслед за Озарой, закрыв за собой дверь. Мы снова оказались в полной темноте.

— Быстрее! — закричала Озара. — Поворот направо — и мы у выхода!

Мы побежали. Я слышал, как за нами открыли дверь, и понял, что преследователи уже проникли к потайной ход. Их должно быть не менее двадцати. Вдруг я наскочил на Озару. Мы пришли к концу прохода, и она остановилась у двери.

Эту дверь она открыла быстрее. Я увидел под собой темные воды реки, а на противоположном берегу смутно виднелся лес.

Какой холодной и чужой показалась мне река! Какие тайны, какие опасности и ужасы ждали нас в ее зловещих водах? Но эта мысль лишь на миг мелькнула в моем сознании. Воины, которые схватят нас и уведут на верную смерть, были почти рядом. Взяв Озару за руку, я прыгнул.

ГЛАВА XXIV

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БАРСУМ

Темные воды сомкнулись над нашими головами и завихрились вокруг нас, когда я вынырнул на поверхность. Таким же темным и угрожающим был лес перед нами. Даже шум ветра в кронах деревьев казался зловещим предупреждением, грозным и пугающим. За нами в двух стояли воины и выкрикивали проклятия.

Я поплыл к противоположному берегу, держа Озару одной рукой и следя, чтобы она не захлебнулась. Мне

показалось, что она потеряла сознание, и я не удивился этому, так как даже сильной женщине не под силу те испытания, что выпали ей за последние два дня. Но когда мы доплыли до противоположного берега, она сама выбралась на него.

— Я думал, что ты в обмороке,— заметил я.— Ты лежала так спокойно...

— Я не умею плавать,— ответила она,— но я знаю, что если бы я билась, тебе было бы труднее.

Это заявление джеддары превзошло все мои ожидания.

— Что мы теперь будем делать, Джон Картер? — спросила она.

Зубы ее стучали то ли от холода, то ли от страха. Она выглядела очень несчастной.

— Ты замерзла,— сказал я.— Я постараюсь найти что-нибудь сухое, и мы разожжем костер.

— Мне действительно немного холодно,— сказала она,— но это ничего. Я ужасно боюсь.

— Но чего тебе теперь бояться, Озара? Ты думаешь, что Ул Вас пошлет за нами людей?

— Нет, не этого,— ответила она.— Он не рискнет послать людей в лес ночью, и даже днем они побоятся перебраться на эту сторону реки. К тому же завтра ему незачем будет посылать за нами людей, так как мы будем уже мертвы.

— Почему ты так говоришь?

— Ночью в лесу охотятся звери,— сказала она,— мы не спасемся от них.

— Но ты добровольно последовала за мной.

— Ул Вас пытал бы нас,— ответила она,— звери же более милосердны. Слушай! Теперь ты слышишь?

В чаще леса я услышал странное ворчание и потом ужасный рев.

— Они далеко от нас,— успокоил я ее.

— Они придут,— уверенно сказала она.

— Тогда я лучше разожгу костер, и это удержит их на расстоянии.

— Ты так думаешь?

— Надеюсь.

Я знал, что в любом лесу должны быть сухие ветки и, хотя было совершенно темно, принялся искать их. Скоро я насоби́рал небольшую охапку и добавил к ней сухих листьев.

К счастью, тариды не отобрали мою сумку, висевшую на поясе, где у меня были походные принадлежности барсумского воина.

— Ты сказала, что тариды не решатся так вдруг перейти на этот берег ни днем, ни ночью,— заметил я. Я успел сложить сухие листья, при помощи которых надеялся разжечь костер.— А почему?

— Они боятся мазен,— ответила она.— Они довольно часто большими отрядами приходят к реке, охотясь за таридами. Судьба тариды, попавшего за стены замка, предрешена. Поэтому они крайне редко перебираются на противоположный берег реки.

— Зачем же они охотятся на таридов? — спросил я.— Чего они хотят от них?

— Тариды — большое лакомство для мазен.

— Неужели мазены едят человеческое мясо?

Она кивнула.

— Да, и оно им очень нравится.

Мне удалось поджечь листья, и теперь я подкладывал в костерок маленькие веточки.

— Но я провел долгое время в заключении с одним мазеной,— сказал я,— и он показался мне очень дружелюбным.

— При таких обстоятельствах, он, конечно, не мог тебя съесть,— согласилась она,— но если ты встретишь его в лесу в обществе сородичей, то увидишь, что он совсем другой. Это же хищные звери, как и все остальные населяющие лес создания.

Костер разгорелся, осветив лес, поверхность реки и даже замок за ней. Когда он разгорелся поярче, раздался крик таридов с противоположного берега, предвещавший нашу скорую смерть.

После холодной воды и сырости ночного леса огонь костра приятно согревал. Озара подошла ближе к костру. Внезапно она напряглась, в глазах ее блеснул страх.

— Смотри! — прошептала она.

Посмотрев в том направлении, куда она указала, я увидел в густой тени два сверкающих глаза.

— Они пришли! — сказала Озара.

Я выхватил из костра горящую ветку и тут же бросил ее в прищельца. Прослышался кровожадный рев, и глаза исчезли. Девушка снова задрожала, бросая по сторонам испуганные взгляды.

— Вот другой! — воскликнула она.— И там, и там!

Я заметил в тени очертания большого тела. Повернувшись, я повсюду увидел сверкающие глаза. Я швырнул еще несколько ветвей, глаза исчезли и почти немедленно появились вновь, причем каждый раз они приближались. Теперь звери ревели, ворчали и были непрестанно.

Я понял, что костер задержит их ненадолго, так как у меня было мало дров. Что-то нужно было делать. Я осмотрелся в поисках выхода и обнаружил недалеко от нас дерево. Я смогу легко на него взобраться. Только дерево мало что могло дать нам. Я был уверен, что звери бросятся на нас, когда мы начнем на него взбираться. Я взял из костра две ветки и протянул их Озаре, потом выбрал две для себя.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Попробуем взобраться на дерево, — ответил я. — Может, какие-то из зверей и лазят по деревьям, но у нас все же будет шанс. Те, которых я разглядел, слишком велики и тяжелы. Мы медленно пойдем к дереву. Когда мы будем там, швыряй ветку в ближайшего зверя и начинай взбираться. А когда ты будешь недосягаема для них, я последую за тобой.

Мы медленно прошли от костра к дереву, размахивая пылающими ветвями. Она сделала все так, как я говорил. Когда она была достаточно высоко, я взял ветку в зубы, а вторую швырнул в зверя, стремительно запрыгивая на дерево.

Звери подбежали почти тут же, но я уже добрался до безопасного места; хотя дым ел мне глаза, искры обжигали обнаженную кожу, я был счастлив, что ушел от них. Но я чувствовал, что нам необходим свет: я не знал, какие хищники могут скрываться в ветвях над нами.

Я немедленно осмотрел дерево, взбираясь на самые высокие ветви, которые могли выдержать мой вес. При свете горящей ветки я обнаружил, что там никого нет. Высоко в ветвях было огромное гнездо, тщательно сплетенное из ветвей и травы. Я уже хотел окликнуть Озару, когда увидел ее прямо перед собой.

Заметив гнездо, она сказала, что оно, вероятно, построено мазенами в качестве временного, и они используют его при набегах на эту часть леса. Это была счастливая находка, потому что у нас появилась возможность удобно провести остальную часть ночи. Вначале

мы не могли привыкнуть к реву зверей вокруг, но наконец нам удалось уснуть.

Когда утром мы проснулись, звери исчезли, и лес был свободен. Озара сказала, что ее страна, Домния, лежит в горах, возвышающихся за лесом, и что туда можно добраться вдоль реки, а на значительном расстоянии от замка таридов повернуть вверх по другой реке, исток которой находится в Домнии.

Итак, прошло уже два дня, а мы были живы. Пищи было достаточно, а так как мы шли вдоль реки, то не страдали от жажды, но днем и ночью нас постоянно подстерегали хищники. Нам обычно удавалось спастись, взбираясь на деревья, но мазены нападали на нас внезапно, и я был вынужден защищаться мечом, который здесь оказался не совсем подходящим оружием. Тем не менее, во всех трех стычках с ними мне удалось убить нападавших, хотя я убежден, что мне просто повезло.

Теперь у Озары было более приподнятое настроение. Оставаясь в живых так долго, она стала надеяться, что сможет добраться до Домнии, хотя вначале была уверена, что не проживет и ночи. Она оказалась хорошим товарищем и была постоянно весела, особенно на третье утро, когда мы уже преодолели значительную часть пути.

Лес казался необычайно спокойным, весь день мы не встречали опасных зверей, и вдруг вокруг нас раздался хор ужасных голосов. Из листвы деревьев на нас одновременно прыгнули десять или более существ. Счастливым смех замер на губах Озары.

— Мазены! — закричала она.

Окружив нас и пытаясь приблизиться, они перестали кричать и перешли на фыркание и мяуканье. Это показалось мне гораздо более угрожающим. Я решил, что мы им дорого обойдемся, хотя понимал, что они все равно захватят нас. Я видел, как сражался Умка, и знал, чего можно ожидать. Хотя они подошли ко мне близко с одной стороны, нападать они не торопились. Приближаясь с этой стороны, они заставляли меня двигаться в другую, но я не понимал зачем. Наконец мне стало ясно, что они заставили меня переместиться туда, куда им было нужно. Но было уже поздно.

Вскоре я оказался под большой ветвью дерева, откуда на меня прыгнул мазена и свалил на землю. Тут же налетели еще несколько мазен, а остальные схватили

Озару. Они обезоружили меня прежде, чем я успел нанести удар.

Теперь они фыркали вокруг меня, казалось, о чем-то споря, но я не понимал их языка. Вскоре они двинулись вниз по реке, увлекая нас за собой. Примерно через час мы пришли в район леса, где был убран весь подлесок. Почва под ногами была как газон. Ветви деревьев на значительном удалении от земли были срезаны.

Когда мы достигли края этого, похожего на парк, участка леса, мазены подняли громкий крик, в ответ на который раздался такой же крик с деревьев. Нас подтащили к большому дереву, на которое, как кошки, вскарабкались несколько мазен. Затем предстояло поднять нас, что вызвало у мазен большие затруднения.

Ствол дерева был так толст, что обычный человек не мог обхватить, его, а ветви были срезаны много выше нашего роста. Я легко взобрался бы, но, конечно, не сказал им об этом. Озара же никогда не смогла бы подняться одна.

После продолжительного фыркания и мяуканья сверху спустили мягкую лиану. Один из мазен на земле обхватил рукой Озару за талию, а другой взялся за лиану, помогая себе обеими ногами. Их так и втянули вдвоем на дерево.

Таким же образом подняли и меня, а выше взбираться оказалось легко. Мы поднялись на несколько футов и оказались на грубом настиле, на котором был расположен один из странных древесных домов мазен.

Теперь я увидел повсюду такие же хижинки, а между деревьями были проложены переходы из ветвей и лиан, по которым мазены могли перебираться от одной хижины к другой.

Дом, в который нас ввели, был самым большим и легко вместил не только двадцать поймавших нас мазен, но и еще пятьдесят, которые вскоре подошли. Мазены уселись на корточки, глядя на одинокого самца, сидевшего в дальнем углу, и я решил, что это их предводитель. Последовал обмен фырканием и мяуканьем, и мне это, в конце концов, надоело.

Вспомнив, что Умка говорил на языке тарилов, я подумал, что его могут знать и другие мазены. Я решил к ним обратиться, надеясь, что они поймут меня.

— Почему вы захватили нас? — спросил я. — Мы не враги. Мы сбежали от ваших врагов тарилов. Они хотели

убить нас. Кто-нибудь понял, что я сказал?

— Я понял,— ответил тот, кого я считал вожаком,— я понял твои слова, но доводы твои бессмысленны. Уходя из своих домов в лес, мы не собираемся никому причинять вреда, но это не спасает нас от хищников, которые питаются мясом своих жертв. Мало доводов против vorчания в животе.

— Вы хотите съесть нас? — спросил я.

— Конечно!

Озара прижалась ко мне.

— Это конец,— сказала она,— и какой ужасный конец! Побег от Ула Васа не привел нас к добру.

— Но мы получили с тобой три дня свободы,— напомнил я ей, — к тому же, мы все равно должны были умереть.

Вожак мазен заговорил со своими людьми на своем языке, и после громкого фырканья и мяуканья нас потащили ко входу.

В это время вошел еще один мазена и остановился у входа, рядом с нами.

— Умка! — окликнул я его.

— Джон Картер! — воскликнул он.— Что делаешь здесь ты и джеддара таридов?

— Мы бежали от Ула Васа, и теперь нас хотят съесть,— объяснил я.

Умка остановил людей, которые тащили нас, и заговорил с вожаком мазен. Они беседовали несколько минут. Наконец Умка повернулся ко мне.

— Ты свободен,— сказал он,— за то, что сделал для меня. Но ты должен немедленно покинуть нашу страну.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия,— ответил я.

— Несколько наших мазен пойдут с тобой, чтобы никто больше не напал на тебя, пока ты находишься на нашей территории.

После того, как мы, в окружении мазен, отправились восвояси, я спросил Умку о моих друзьях.

— Покинув замок таридов,— рассказал он мне,— мы долго плыли по воздуху. Они хотели последовать за человеком, который забрал женщину в другой корабль, но не знали, где искать его. Сегодня я взглянул вниз и увидел, что мы плывем над землей мазен. Я попросил их опуститься. Они сделали это и теперь все еще находятся

поблизости, так как хотели набрать свежей воды, фруктов и поохотиться.

По его словам, место посадки корабля было где-то недалеко, и он повел нас туда. Когда мы приблизились к нему, наши сердца почти замерли: решалась наша с Озарой жизнь или смерть. И вдруг мы увидели его на небольшой поляне. Умка решил, что ему и его товарищам лучше не приближаться к кораблю, так как он не был уверен, что сумеет удержать их. Мы поблагодарили его и распрощались. Он и его дикие сородичи исчезли в лесу.

Никто на корабле не заметил нашего приближения, и мы были уже совсем близко, когда они увидели нас. Мои друзья радостно приветствовали нас, уже не ожидая видеть нас живыми. Даже Ур Джан был рад нашей встрече. Убийца из Зоданга был рассержен на Гара Нала, так как тот нарушил клятву, и теперь, к моему изумлению, он бросил свой меч к моим ногам и поклялся мне в верности.

— Никогда в жизни, — сказал он, — не сражался я рядом с таким бойцом и никогда в жизни не поверну против него свой меч.

Я принял его на службу, а потом поинтересовался, как они справились с управлением кораблем.

— Только Занда знала, как им управлять, — объяснил Джат Ор, — и после небольшого эксперимента она поняла, что может это сделать.

Он с гордостью посмотрел на нее, и мне о многом поведала улыбка, которой они обменялись.

— Это не худший из твоих экспериментов, Занда, — сказал я. — Ты выглядишь очень счастливой.

— Я очень счастлива, Вандор, — ответила она, — счастливей, чем была когда-либо в жизни.

Она подчеркнула имя «Вандор», и мне показалось, что я вижу ее лукавую улыбку.

— Твое счастье так велико, — сказал я, — что заставило тебя забыть данную тобой клятву убить Джона Картера?

Она с улыбкой ответила:

— Я не знаю никого по имени Джон Картер.

Джат Ор и Ур Джан рассмеялись, но я видел, что Озара не понимает, что происходит.

— Надеюсь, ради его же блага, что ты никогда не встретишься с ним, Занда, — сказал я, — потому что он

нравится мне, и я не хотел бы его смерти.

— И я тоже,— сказала она,— потому что теперь я знаю, что он самый смелый боец и лучший друг в мире, правда, за одним исключением,— добавила она, бросив взгляд на Джата Ора.

Мы сообща обсудили наше положение и постарались составить план на будущее. Мы решили принять предложение Озары и отправиться в Домнию, где ее отец сможет помочь нам.

— Оттуда,— сказала она,— мы организуем поиски Гара Нала и Деи Торис.

Не буду занимать вашего времени описанием путешествия в страну Озары, а также приема, оказанного нам ее отцом.

Отец Озары был джеддаком Домнии, могущественным человеком с прочными связями в других городах планеты. Его агенты находились во всех соседних странах.

Нам потребовалось немного времени, чтобы ему сообщили о странном предмете, который летел по небу, совершил посадку и был захвачен в стране под названием Омбра. В нем находились мужчина и женщина. Гостеприимные жители Домнии точно указали нам, как достичь Омбры, взяв с нас обещание вернуться, и пожелали доброго пути.

Расставание с Озарой было болезненным. Она откровенно призналась, что любит меня, но вынуждена примириться с фактом, что мое сердце принадлежит другой.

Она проявила исключительную силу характера и пожелала мне на прощание найти мою принцессу и обрести счастье, которое я заслужил.

Когда наш корабль поднялся над Домнией, мое сердце наполнилось радостью, так велика была моя уверенность, что вскоре я увижу свою несравненную Дею Торис. Я был уверен в успехе, потому что отец Озары дал мне точные указания о характере джеддака Омбры. Он был отъявленным трусом, и простая демонстрация силы поставит его на колени и заставит просить мира. А мы могли продемонстрировать им такое, чего жители Омбры никогда не забудут, ибо мы уже знали, с чем жители Турии совершенно не знакомы.

Я предложил лететь низко и не садиться, чтобы не оказаться в руках противника. Если на наше требование возвратить нам Дею Торис и Гара Нала они не среаги-

руют, то мы могли бы показать им всю мощь корабельных пушек, но мне очень не хотелось лишних и бесполезных смертей.

Мы все были приподняты, направляясь к Омбре.

Джат Ор и Занда обсуждали свой будущий дом, который они решили обустроить в Гелиуме, а Ур Джан размышлял о том положении, которое он займет в моей свите, и о честной жизни.

Вскоре Занда обратила мое внимание на то, что мы набрали слишком большую высоту и что она чувствует головокружение. Тут и я ощутил сильную слабость, а Ур Джан упал без сознания.

В сопровождении Джата Ора я с трудом добрался до Контрольной рубки. Приборы показали ужасную высоту. Я немедленно приказал мозгу отрегулировать подачу кислорода и опуститься ниже к поверхности спутника.

Он повиновался моему приказанию и увеличил подачу кислорода, но продолжал набирать высоту. Турия быстро уменьшалась, и я понял, что мы летим с огромной скоростью, гораздо большей, чем я приказал мозгу. Было очевидно, что механический мозг вышел из-под контроля. Больше я ничего не мог сделать, поэтому вернулся в каюту. Занда и Ур Джан уже пришли в себя. Я сообщил своим товарищам, что корабль ушел с орбиты спутника и летит в открытом космосе, наша дальнейшая судьба непредсказуема.

Мои надежды окончательно рухнули. Чем дальше улетали мы от Турии, тем сильнее становилась моя боль, хотя я и пытался скрыть ее от друзей. Наконец стало очевидным, что мы направляемся к Барсуму, и в наших сердцах зажглась надежда.

Когда мы подлетели ближе к поверхности, я обнаружил, что корабль повинуетя чьим-то командам. Я гадал, не стал ли мозг мыслить самостоятельно, потому что в полете его не контролировали ни я, ни мои товарищи.

Была очень темная ночь, корабль приближался к большому городу. Я увидел впереди огни, а подлетев поближе, узнал Зоданг. Ведомый неизвестным человеческим мозгом, корабль тихо скользнул над западной стеной большого города, опустился к темной улице и двинулся к неизвестной цели. Вскоре я узнал этот район. Мы двигались очень медленно. Занда находилась рядом

со мной в контрольной рубке, глядя через иллюминатор.

— Это дом Фала Сиваса! — воскликнула она.

Я тоже узнал его. Прямо перед нами я увидел большие открытые двери ангара. С идеальной точностью корабль медленно развернулся кормой к двери. Потом он попятился и опустился на леса. По моей команде дверь отворилась, и веревочная лестница скользнула на пол.

Мгновение спустя я уже искал Фала Сиваса, чтобы потребовать у него объяснений. Ур Джан и Джат Ор сопровождали меня с обнаженными мечами, следом шла Занда.

Я направился к спальне Фала Сиваса. Она была пуста, но я увидел прикрепленную к двери записку. Она была адресована мне. Я прочел:

«От Фала Сиваса из Зоданга Джону Картеру из Гелиума.

Да будет тебе известно, что ты предал меня. Ты украл мой корабль. Ты думал, что твой слабый мозг сильнее мозга великого Фала Сиваса.

Хорошо, Джон Картер, это будет дуэль разумов — мой против твоего. Посмотрим, кто выиграет. Я вызываю корабль. Я приказываю ему вернуться, где бы он ни был, на полной скорости. Ничей приказ не может изменить его курса, я приказываю ему вернуться в ангар и оставаться здесь, пока он не получит других приказаний от моего мозга.

Я мог бы разнести корабль на куски о поверхность Барсума и тем самым уничтожить тебя, но тогда я бы не мог порадоваться твоему поражению, как это предвкусываю сейчас. Не ищи меня. Я спрячусь там, где ты никогда не найдешь меня. Я закончил. Это все».

Зловещее злорадство этой записки исключало всякую надежду. Я был уничтожен.

Я молча протянул ее Джату Ору и попросил его громко прочесть остальным. Когда он закончил, Ур Джан выхватил свой меч и протянул его мне рукоятью вперед.

— Я причина всего горя, — сказал он. — Моя жизнь принадлежит тебе. Возьми ее!

Я покачал головой и убрал его руку.

— Ты не знал, что делал, Ур Джан!

— Может быть, это еще не конец, — сказала Занда. —

Фал Сивас не может спрятаться так, чтобы решительные люди не нашли его.

— Мы посвятим свои жизни, чтобы найти его,— заявил Джат Ор.

И здесь, в доме Фала Сиваса, мы четверо поклялись отыскать его. Когда мы вышли в коридор, я увидел приближающегося человека. Он на цыпочках шел в нашем направлении, но не видел меня, потому что осторожно оглядывался через плечо.

Тут он повернулся ко мне лицом, и мы оба вскрикнули от удивления. Это был Рапас Ульсио. Увидев меня и Ура Джана, стоящих рядом, Крыса смертельно побледнел. Он дернулся, как бы решившись убежать, но потом передумал и медленно повернулся к нам лицом, словно под воздействием гипноза. Когда мы подошли к нему, он глупо ухмыльнулся.

— А, Вандор,— сказал он.— Вот это встреча. Я рад видеть тебя.

— Да, я думаю, что тебе есть чему радоваться,— ответил я.— Что ты делаешь в этом доме?

— Я пришел повидаться с Фалом Сивасом.

— Ты ожидал встретить его здесь? — спросил Ур Джан.

— Да,— ответил Рапас Ульсио.

— Тогда почему же ты шел на цыпочках? — поинтересовался убийца.— Ты лжешь, Рапас. Ты знал, что Фала Сиваса здесь нет, иначе ты не осмелился бы прийти сюда.

Ур Джан шагнул вперед и схватил Рапаса за горло.

— Послушай ты, крыса! — закричал он.— Ты знаешь, где Фал Сивас! Говори, или я оторву твою голову!

— Не нужно! — закричал Рапас.— Мне больно! Ты убьешь меня!

— А вот это и в самом деле правда,— сказал убийца.— Говори быстро, где Фал Сивас?

— Если я скажу, ты обещаешь оставить мне жизнь? — спросил Рапас.

— Мы обещаем тебе большее,— сказал я.— Скажи мне, где Фал Сивас, и я дам тебе столько сокровищ, сколько весишь ты сам.

— Говори! — сказал Ур Джан, тряся Рапаса.

— Фал Сивас в доме Гара Нала,— прошептал Рапас,— но не говорите ему, что это я сказал вам, а то он убьет меня.

Я не решился освободить Рапаса, опасаясь, что он

предаст нас, к тому же он обещал провести нас в дом Гара Нала и указать комнату, где можно найти Фала Сиваса. Было непонятно, что может делать Фал Сивас в доме Гара Нала.

Может, он появился там в отсутствие Гара Нала, чтобы похитить его секреты? Я не стал спрашивать об этом Рапаса. Было достаточно того, что я найду там Фала Сиваса.

Было около полуночи по земному времени, когда мы достигли дома Гара Нала. Рапас провел нас на третий этаж. Мы двигались молча. Наконец Рапас остановился перед дверью.

— Он здесь.

— Открой дверь,— сказал я.

Рапас попытался, но она была заперта.

Ур Джан отодвинул его в сторону и вышиб дверь. Я ворвался в комнату и увидел сидевших за столом Фала Сиваса и Гара Нала, который, по моим предположениям, был в плену в городе Омбра на Турии.

Они вскочили на ноги с искаженными от ужаса лицами. Я успел схватить Гара Нала до того, как он извлек меч. Ур Джан скрутил руки Фалу Сивасу, намереваясь убить его, но я запретил.

Все, чего я хотел — это узнать о судьбе Деи Торис, а один из этих двоих знал правду. Они не должны умереть, пока не скажут ее.

— Что ты здесь делаешь, Гар Нал? — спросил я.— Я считал тебя пленником в Омбре.

— Я бежал,— ответил он.

— Ты знаешь, где моя принцесса?

— Да!

— Где же она?

Он злобно посмотрел на меня.

— Ты хочешь знать? — спросил он и усмехнулся.— Ты думаешь, что Гар Нал дурак и скажет тебе? Нет, пока я знаю, а ты нет, ты не посмеешь убить меня.

— Я вытрясу из него правду! — прорычал Ур Джан.— Эй, Рапас, нагрей мой кинжал докрасна!

Но Рапаса уже не было. Он сбежал.

— Что ж,— сказал Ур Джан,— я могу накалить его и сам, но сначала позволь мне убить Фала Сиваса.

— Нет,— закричал старый изобретатель.— Я не крал принцессу Гелиума! Это-все Гар Нал!

Тут они принялись обвинять друг друга, и я услы-

шал, что после возвращения Гара Нала с Турии эти два подлеца заключили перемирие и объединили свои силы из страха передо мной. Гар Нал спрятал Фала Сиваса в обмен на тайну о механическом мозге.

Они были уверены, что последним местом в мире, где я стану искать Фала Сиваса, будет дом Гара Нала. Гар Нал приказал слугам говорить, что он не вернулся из путешествия с Уром Джаном. Этой ночью они планировали покинуть дом и найти убежище понадежнее.

Но меня не интересовали ни они, ни их планы. Я хотел знать только одно — что с Деей Торис!

— Где моя принцесса, Гар Нал? — спросил я. — Скажи мне, и я сохраню тебе жизнь.

— Она осталась в Омбре, — ответил он.

Тогда я повернулся к Фалу Сивасу.

— Это твой смертный приговор, Фал Сивас.

— Почему? — спросил он. — При чем здесь я?

— Ты мешаешь мне управлять механическим мозгом, а только на твоём корабле я смогу достичь Омбры.

Ур Джан поднял свой меч, чтобы раскроить череп Фалу Сивасу, но трус упал на колени и взмолился о пощаде.

— Пощади меня, — закричал он, — и я верну тебе корабль!

— Я не верю тебе, — сказал я.

— Ты можешь взять меня с собой, — умолял он. — Это будет все же лучше смерти.

— Хорошо, — согласился я, — но если ты помешаешь мне или попытаешься навредить, то заплатишь своей жизнью.

Я повернулся к двери.

— Я лечу на Турию, — сказал я товарищам, — и беру с собой Фала Сиваса, а вернувшись с моей принцессой, я постараюсь вознаградить вас за верность.

— Я с тобой, мой принц, — тут же отозвался Джат Ор, — мне не нужна награда.

— Я тоже с вами, — сказала Занда.

— И я, — проворчал Ур Джан, — но вначале, мой принц, позволь мне пронзить сердце этому подлецу.

Он подошел к Гару Налу.

— Этот человек должен умереть — он дал слово и нарушил его.

Я покачал головой.

— Нет, он ведь сказал, где найти принцессу. В награду за это я дарю ему жизнь.

Недовольно бормоча, Ур Джан вложил меч в ножны, и мы вчетвером, включая Фала Сиваса, двинулись к двери.

Выходя в коридор последним, я услышал, что открылась дверь в противоположном конце комнаты, и оглянулся.

В дверях стояла Дея Торис. Она протянула ко мне руки, и я бросился к ней. Подхватив ее на руки, я почувствовал, что она вся дрожит.

— О, мой принц! — воскликнула она, — я думала, что уже не успею. Я слышала все, о чем вы здесь говорили, но была связана, рот мне заткнули, и я не могла предупредить тебя, что Гар Нал лжет тебе...

Мой радостный крик привлек внимание моих товарищей, и они вернулись в комнату.

Не говоря ни слова, Ур Джан подскочил к Гару Налу и пронзил острым мечом его гнилое сердце.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ МАРСА

ГЛАВА I

ГДЕ РАС ТАВАС?

От западной границы Фандала до восточной границы Тунола по умирающей планете как ядовитая гигантская рептилия протянулась на восемнадцать сотен земных миль Великая Тунолианская Топь — зловещая земля, в которой извилистые ручейки соединяют разбросанные повсюду маленькие озера, самое большое из которых по площади не превышает нескольких акров. Однообразие ландшафта изредка нарушается каменистыми островами, поросшими густой растительностью. Это остатки древнего горного хребта.

В других районах Барсума мало что известно о Великой Тунолианской Топи, так как это негостеприимное место заселено кровожадными хищниками, жуткими рептилиями. Здесь же обитают немногочисленные теперь дикие племена людей. А кроме того, Топь охраняется воинственными государствами Фандалом и Тунолом, не поддерживающими отношений с соседними странами и постоянно враждующими между собой.

На острове близ Тунола жил и работал целую тысячу лет великий мыслитель Марса Рас Тавас, пока Вобис Кан, джеддак Тунола, не захватил остров и не привез Раса Таваса к себе. А позже Вобис Кан разгромил армию фандальских воинов, которых вел Гор Хаджус, убийца из Тунола. Гор Хаджус пытался завоевать остров и вернуть Раса Таваса в лабораторию в обмен на его обещание посвятить свое высокое мастерство и великий ум на благо людей, а не использовать его в корыстных целях.

После поражения армии фандальцев Рас Тавас исчез. Он не был найден среди убитых, и вскоре о нем вообще забыли. Однако были и те, кто не забывал его никогда. Это и Валла Дайя, принцесса Дахора, чей мозг он пересадил безобразной старой Заксе, джеддаре Фандала,

которая прельстилась прекрасным юным телом Валлы Дайи.

Это и Вад Варо, ее муж, бывший одно время помощником Раса Таваса, который вернул мозг Валле Дайе. Вад Варо родился в Соединенных Штатах Америки под именем Улисс Пакстон и умер предположительно в какой-то дыре во Франции.

Это был и Джон Картер, принц Гелиума, Владыка Марса, заинтригованный рассказами Вада Варо о чудесном искусстве величайшего в мире ученого и хирурга.

Джон Картер не забывал Раса Таваса, и, когда обстоятельства сложились так, что талант ученого оставался единственной надеждой для него. Джон Картер решил отправиться на его поиски, ведь от этого зависела судьба Деи Торис.

Его принцесса пострадала в столкновении двух воздушных кораблей и уже много недель лежала без сознания. У нее был сломан и смещен позвоночник. Лучшие врачи Гелиума сказали, что все их искусство может только поддерживать в ней жизнь, но исцелить ее они не в силах.

Значит, нужно искать Раса Таваса. Но где и как? И тогда Джон Картер вспомнил, что Вад Варо был помощником великого хирурга. Если не будет найден великий мастер, возможно, пригодится искусство его ученика. К тому же, кто, кроме Вада Варо, может помочь в поисках Раса Таваса? И Джон Картер решил сначала добраться до Дахора.

Он выбрал маленький быстроходный крейсер нового типа, развивавший скорость до 400 миль в час — вдвое быстрее старых кораблей. Джон Картер хотел отправиться один, но Карторис, Тара и Тувия убедили его не делать этого. Наконец он уступил их просьбам и согласился взять одного из офицеров своей гвардии, юного падвара по имени Вор Дай. Именно ему мы обязаны за увлекательные рассказы о странных приключениях на планете Марс. Ему и Джейсону Гридли, открывшему эффект волн Гридли, благодаря которым я смог принять этот рассказ по специальному приемнику, сконструированному самим Джейсоном Гридли. Улисс Пакстон перевел этот рассказ на английский язык и послал его через сорок миллионов миль.

Я передаю его, как можно ближе к оригиналу. Некоторые марсианские слова непереводимы, меры же време-

ни и длины я переведу в английские, кроме того, я буду вводить некоторые новые слова, смысл которых будет совершенно понятен читателю. Должен признаться, что кое-что в рассказе Вора Дая мне пришлось подправить.

Итак, перед вами рассказ Вора Дая.

ГЛАВА II

МИССИЯ ВЛАДЫКИ МАРСА

Я, Вор Дай, падвар гвардии Владыки Барсума. По меркам землян, для которых я описываю свои приключения, я уже давно должен был умереть. Но здесь, на Барсуме, я еще молодой человек. Джон Картер говорил мне, что на Земле люди, прожившие сто лет, — большая редкость. Нормальная продолжительность жизни на Марсе — тысяча лет с того момента, когда марсианин разбивает скорлупу яйца, в котором проводит пять лет. Марсианина, вышедшего из яйца, нужно приручать и тренировать, как приручают диких животных. И это обучение настолько эффективно, что сейчас мне кажется, что я вышел из яйца полностью вооруженным и экипированным, настоящим воином. Это мое небольшое вступление к рассказу. А для вас я просто воин, чья жизнь посвящена служению Джону Картеру.

Естественно, я был крайне польщен, что Владыка Барсума выбрал меня, чтобы сопровождать его в поисках Раса Таваса, и очень обрадовался, что мне предоставилась возможность служить ему и несравненной Дее Торис. Тогда я не мог ничего предвидеть!

Джон Картер сначала намеревался лететь в Дахор, который находится на расстоянии 10 500 хаадов, или четырехсот земных миль к северо-востоку от Гелиума. Там он надеялся найти Вада Варо, от которого хотел хоть что-нибудь разузнать о местонахождении Раса Таваса. Рас Тавас был единственным человеком в мире, чье искусство могло вернуть Дее Торис здоровье.

Была полночь по земному времени, когда наш быстрый юркий воздушный кораблик поднялся с крыши дворца Джона Картера. Турия и Хлорус быстро плыли по усыпанному звездами небу, бросая двойные тени на землю. Они казались постоянно движущимися живыми существами, а их движение напоминало бесконечное

бурление жидкости. Джон Картер говорил мне, что на Земле такого не увидишь. Ее единственный спутник Луна медленно и торжественно шествует по небу.

Мы установили навигационный компас по курсу на Дахор и отрегулировали постоянную мощность двигателя, который работал абсолютно бесшумно, после чего управление кораблем уже не отнимало у нас времени. Если не случится чего-нибудь непредвиденного, наш корабль, достигнув Дахора, остановится над городом. Чувствительный альтиметр поддерживал постоянную высоту в триста ад, что соответствует трем тысячам футов. При полете же над горными массивами чувствительный прибор будет управлять двигателем так, чтобы между килем корабля и поверхностью планеты было не менее четырехсот девяноста футов.

Мне кажется, что описать действие самофокусирующейся камеры я могу куда лучше. Ее фокус автоматически перестраивается в зависимости от расстояния до объекта. Наш прибор был настолько чувствителен, что работал одинаково точно и при свете звезд, и при ярком солнечном свете. Он отказывался работать только в абсолютной темноте, но и в этом случае можно было выйти из положения. Когда небо Марса ночью бывает закрыто плотными облаками, вниз из корабля посылается луч света.

Полностью доверившись непогрешимости нашего навигационного оборудования, мы ослабили нашу бдительность и проспали всю ночь. Для меня не было никаких извинений, впрочем, Джон Картер меня и не обвинял, взяв всю ответственность на себя.

Сразу после восхода солнца мы поняли, что происходит что-то неладное. Уже должны были показаться снежные вершины гор Артолиан Хиллс, окружавших Дахор, но их не было на горизонте. Вокруг расстиралось дно мертвого моря, покрытое оранжевой растительностью. В отдалении виднелась цепь низких холмов.

Мы быстро определились: оказалось, что мы находимся в 4500 хаадах к юго-востоку от Дахора, то есть улетели на 2600 хаадов на юго-запад от Фандала, и это означало, что мы находимся в западной части Великой Тунолианской Топи.

Джон Картер осмотрел компас. Я знал, как он огорчен непредвиденной задержкой. Другой бы на его месте посетовал на судьбу, но он сказал:

— Игла слегка искривлена, но этого оказалось достаточно, чтобы мы здорово отклонились от курса. Может, это и к лучшему. В Фандале наверняка знают лучше, где Рас Тавас, чем в Дахоре. Я хотел лететь сначала в Дахор только затем, чтобы получить там помощь друзей.

— Судя по тому, что я слышал о Фандале, дружеской помощи там ждать не приходится.

Он кивнул.

— И тем не менее, мы летим в Фандал. Дар Тарус, джеддак, дружески относится к Ваду Варо. Может быть, он станет другом и мне. Однако в целях безопасности мы прибудем туда как пантаны.

— Так они и поверят нам,— рассмеялся я.— Два пантана на воздушном корабле с эмблемой Владыки Барсума.

Пантан — это странствующий солдат удачи, продающий свою службу и меч тому, кто платит. А платят пантану мало. Все знают, что пантан дерется с большей охотой, чем ест. И все, что он получает, тут же тратит, не думая о будущем. Поэтому пантаны всегда нищие.

— Они не увидят наш корабль,— сказал Джон Картер.— Мы спрячем его за городом в укромном месте. Ты, Вор Дай, пойдешь к воротам города в полном вооружении,— он улыбнулся,— я знаю, как умеют ходить мои офицеры.

Во время полета мы сняли все эмблемы и знаки отличия с одежды, чтобы выглядеть как настоящие пантаны. И все же мы не были уверены, что нас пустят в город, так как марсиане весьма подозрительны, а шпионы других государств нередко расхаживают под личиной пантанов. С моей помощью Джон Картер вымазался красной краской, чтобы скрыть свою белую кожу.

Когда на горизонте появился Фандал, мы снизились и полетели, скрываясь за холмами, чтобы нас не заметили часовые с городских стен. За несколько миль до города Джон Картер посадил корабль в небольшом каньоне в зарослях кустарника. Сняв рычаги управления, мы закопали их неподалеку, чтобы легко было их найти потом, отметили место и двинулись к городу.

НЕВИДИМЫЕ ВОИНЫ

Вскоре после того, как Джон Картер попал на Марс, зеленые люди, во власти которых он оказался, дали ему имя Дотор Соджет. Но со временем оно забылось, ведь так его называли лишь некоторое время несколько членов зеленой орды. Теперь Владыка Марса решил взять это имя для нового приключения, а я оставил свое, которое было совершенно незнакомо в этой части планеты. Итак, Дотор Соджет и Вор Дай, два странствующих пантана, шли по холмистой равнине в тихое барсумское утро к Фандалу. Оранжевый мох под ногами позволял передвигаться абсолютно бесшумно. Мы шли молча, и наши резко очерченные тени сопровождали нас. Весело раскрашенные безголосые птицы смотрели с веток деревьев. Прекрасные бабочки порхали с цветка на цветок; особенно много цветов было в лощинах — там дольше всего сохраняется влага.

Марс — умирающая планета. И все живое здесь притихло, замолчало, как бы в ожидании неминуемой смерти. Наши голоса, голоса марсиан, такие же тихие и мягкие, как и наша музыка. Мы очень немногословны. Джон Картер рассказывал мне о шумных земных городах, о громкой музыке земных оркестров, о постоянном людском говоре.

Нас окружали холмы, и города мы еще не видели, как вдруг послышался шум над нами и позади нас. Обернувшись, мы едва поверили своим глазам. Около двадцати птиц летели прямо на нас. Зрелище было удивительным само по себе, ведь это были малагоры, считавшиеся давно вымершими. Но еще более удивительным было то, что на каждой из этих гигантских птиц сидел воин. Было ясно, что они заметили нас, так что скрываться и прятаться было бессмысленно. Птицы уже снижались и окружали нас. Когда они приблизились, меня очень удивил внешний облик воинов. В них было что-то нечеловеческое, хотя на первый взгляд они казались такими же людьми, как и мы. На шее одной из птиц перед воином сидела женщина, но я не смог рассмотреть ее как следует, так как птица была в постоянном движении.

Вскоре двадцать малагоров окружили нас, пятеро воинов спешили и приблизились к нам. Теперь я понял,

что придавало их наружности такой странный и неестественный вид. Они казались ожившей карикатурой на человека. В строении их тел не было симметрии. Левая рука одного из них едва достигала одного фута, а правая была такой длины, что пальцы касались земли. У другого большая часть лица находилась над глазами, а остальное — рот, нос, подбородок — едва помещалось под глазами. Глаза, рты, носы — все было смещено, искажено, было либо слишком большим, либо слишком маленьким. Но среди них мы увидели и исключение: воин, который спешил последним и шел следом за этими пятью уродцами. Это был красивый, хорошо сложенный человек. Все его оружие было в прекрасном состоянии и превосходного качества. Настоящее оружие настоящего воина. На одежде у него мы заметили эмблему двара — это чин, равный, примерно, чину капитана в армии землян. По его команде пятеро остановились, и он обратился к нам:

— Вы фандалиане?

— Мы из Гелиума, — ответил Джон Картер. — Там мы служили. Мы простые пантаны.

— Вы мои пленники. Бросайте оружие!

Слабая улыбка коснулась губ Владыки Марса.

— Подойди и возьми, — сказал он. Это был вызов. Двар пожал плечами.

— Как хотите. Нас в двадцать раз больше. Мы возьмем вас в плен, но в стычке мы можем убить вас. Я советую сдаться.

— Вы поступите разумно, если дадите нам уйти. Мы не затевали с вами ссоры, и если вы нападете, то мы умрем не одни.

Двар презрительно улыбнулся.

— Как хотите, — повторил он. Затем он обратился к своим воинам. — Взять их! — Однако, когда они двинулись вперед, он не пошел с ними, а остался сзади, что противоречило офицерской этике всех марсианских армий. Он должен был вести их, первым вступить в бой, проявив свое мужество и храбрость.

Мы выхватили мечи из ножен и встретили этих страшилищ, встав спиной к спине. Лезвие Джона Картера закружилось, создавая непроницаемый полукруг между ним и нападающими. Я сделал все, что мог, чтобы защитить своего принца и не уронить чести моего меча. Надеюсь, что это получалось у меня неплохо, потому

что я сражался рядом с Джоном Картером, величайшим воином. Наши враги не могли сравниться с нами. Они не могли пробиться сквозь нашу защиту, несмотря на то, что сражались они с полным пренебрежением к жизни, бросаясь на наши мечи. И это было самым страшным. Раз за разом я поражал наших противников, нанося им уколы и удары, но они снова и снова бросались вперед. Казалось, они не знают, что такое боль и что такое страх. Мой меч отрубил руку одного из них до самого плеча. Воин отшвырнул ногой отрубленную руку, схватил меч левой рукой и снова бросился на меня. Джон Картер отрубил голову одному из нападающих. Однако обезглавленное тело размахивало мечом, крутясь во все стороны, пока двар не отдал приказ и двое воинов не схватили несчастного, обезоружив его. Все это время голова, лежащая на земле, строила жуткие гримасы и ругалась. Он был первым противником, покинувшим поле боя. И мы поняли, что это единственный способ одержать победу.

— Руби им головы, Вор Дай! — приказал Джон Картер, и мы начали драться еще яростней.

Это была жестокая битва. Чудовище с отрубленной головой продолжало драться, в то время как его голова валялась в пыли и ругалась. Джон Картер обезоружил обезглавленного, но тот бросился вперед и всем телом обрушился на него, стараясь сбить его с ног. К счастью, я вовремя заметил и перехватил обезумевшего воина. Голова его покатилась по земле. Теперь против нас остались два противника, и двар отозвал их.

Они отошли к своим птицам, где двар, собрав всех, о чем-то говорил им, но я не слышал его слов. Я решил, что они оставят нас в покое и уберутся отсюда. Некоторые из них снова уселись на своих малагоров, но двар остался на земле. Он просто стоял и наблюдал. Те, что были в воздухе, летали над нами кругами, но наши мечи не могли достать их. Остальные приблизились к нам, но тоже оставались на безопасном расстоянии. Три отрубленные головы валялись на земле, всячески ругая нас. Тела двух обезглавленных воинов были пойманы и обезоружены, а третье тело без головы металось в разные стороны, размахивая мечом, в то время, как его два товарища пытались поймать его в сети.

Все это я наблюдал краем глаза, так как все мое внимание было поглощено теми, кто парил над нами.

Я пытался понять, что они собираются предпринять дальше. Но мне не пришлось слишком долго ждать. Размотав сети, которые были закреплены у них на поясах и являлись частью их экипировки, они попытались набросить их на нас. Мы предприняли попытку разрубить их мечами, но все это оказалось бессмысленной тратой сил. Вскоре мы оба были стянуты сетями, беспомощно барахтаясь в них. Затем воины приблизились, не опасаясь наших мечей, и связали нас. Мы отчаянно сопротивлялись, но даже Джон Картер не мог ничего сделать против наседавших на нас страшилищ. Все-таки их было слишком много. Я подумал, что сейчас нас убьют, но, по приказу двара, воины, полностью обезоружив нас, немедленно отступили назад. Затем они собрали отрубленные головы и обезглавленные тела, привязали их к спинам малагоров, а офицер подошел к нам и заговорил. Казалось, ему было наплевать на урон, который мы нанесли его войску. Он восторгался нашим мужеством и высокими бойцовскими качествами.

— Однако,— добавил он,— вы поступили бы более мудро, если бы сдались сразу. Только чудо спасло вас от смерти или тяжелых ран. Чудо и ваше великолепное искусство владения мечом.

— Если здесь и произошло чудо,— ответил Джон Картер,— то только тогда, когда некоторые из твоих людей сумели спасти свои головы. Их бойцовские качества оставляют желать лучшего.

Двар улыбнулся.

— Полностью согласен с вами. Техники ведения боя у них, конечно, нет, но они восполняют ее отсутствием огромной силой и полным отсутствием страха. Как вы наверняка заметили, убить их невозможно.

— Теперь мы ваши пленники,— сказал Владыка Марса.— Что же вы собираетесь с нами делать?

— Я отведу вас к моим начальникам. Они решат. Как ваши имена?

— Это Вор Дай, я Дотор Соджет.

— Вы прибыли из Гелиума и направлялись в Фандал. Зачем?

— Я уже говорил. Мы пантаны. Мы ищем службу.

— У вас есть друзья в Фандале?

— Нет. У нас нигде нет друзей. Если на нашем пути встречается город, мы предлагаем там свою службу. Ты же знаешь жизнь пантанов.

Человек кивнул.

— Я думаю, у вас еще будет возможность проявить свое умение.

— Не мог бы ты сказать мне,— спросил я,— что это за существа, с которыми мы сражались? Я никогда не видел таких людей.

— А их никто и никогда и не мог видеть,— ответил он.— Это хормады. Чем меньше ты их видишь, тем больше они тебе нравятся. А теперь, когда вы стали моими пленниками, я хочу сделать вам предложение. Для связанного человека путь в Морбус покажется мукой, а я не хочу, чтобы два храбрых воина испытывали неудобства в пути. Дайте мне слово, что вы не попытаетесь бежать, пока мы не прибудем в Морбус, и я прикажу снять с вас веревки.

Рассчитывая на благородство двара, мы приняли его предложение. Затем он усадил нас на птиц позади своих воинов. И тогда я впервые рассмотрел женщину, сидящую на малагоре перед одним из воинов. Встретившись с ней взглядом, я увидел в ее глазах ужас и растерянность. Я также успел заметить, что она очень красива, но тут птицы захлопали огромными крыльями, и мы двинулись в Морбус.

ГЛАВА IV

ТАЙНА ТОПЕЙ

Я сидел на малагоре, а сбоку в сетке болтались головы, отрубленные нами в схватке с хормадами. Я удивился, зачем им нужно тащить с собой такие сомнительные трофеи, но затем решил, что это продиктовано каким-то религиозным ритуалом, который требует, чтобы останки воинов были возвращены на родную землю для захоронения.

Наш путь лежал на юг от Фандала, к которому наш командир отряда и не собирался приближаться. Впереди я видел необъятные пространства Тунолианских Топей, которые уходили вдаль до самого горизонта. Это был лабиринт извилистых ручейков, бегущих от болота к болоту, и лишь изредка виднелись островки земли, где росли деревья.

К действительности меня вернул чей-то сварливый голос:

— Поверни меня! Я не вижу ничего, кроме брюха этой птицы.

Этот голос доносился откуда-то снизу. Я посмотрел туда и увидел, что это требует голова, болтающаяся в сетке. Она лежала так, что ей действительно был виден только живот птицы, и сама она не могла развернуться поудобней. Страшное зрелище: отрубленная голова говорит. Должен признаться, что это заставило меня содрогнуться.

— Я не могу повернуть тебя,— сказал я,— потому что не дотянусь. А впрочем, какая тебе разница? Не все ли равно, куда глядят твои глаза? Ты мертв, а мертвые не могут видеть.

— Идиот безмозглый! Разве я мог бы говорить с тобой, если бы был мертв? Я не мертв, потому что не могу умереть никогда. Жизнь заключена в каждой моей клетке. Она может быть уничтожена только огнем, в противном случае из каждой части моего тела возродится новая жизнь. Таков закон природы. Поверни меня, глупец! Тряхни сеть или потяни ее на себя. Неужели ты не можешь догадаться?

Да, манеры у этой головы были не из лучших. Однако, если бы у меня отрубили голову, я бы тоже был немного раздражен. Поэтому я потряс сеть так, чтобы голова развернулась и могла видеть что-нибудь еще, кроме дурно пахнущего живота птицы.

— Как тебя зовут? — спросила голова.

— Вор Дай.

— Я запомню. В Морбусе тебе могут понадобиться друзья. Я запомню тебя.

— Благодарю.

Интересно, какую пользу может принести такой довольно странный друг? А кроме того, неужели маленькая услуга перевесит тот факт, что это я отрубил эту голову? Просто из вежливости я спросил имя головы.

— Я Тор-дур-бар,— ответила она.— Тебе повезло, что я твой друг. Я не простой человек. Ты поймешь это, когда мы прибудем в Морбус и ты увидишь нас, хормадов.

Тор-дур-бар на языке землян означает Четыре Миллиона Восемьдесят. Вам покажется странным это имя, но у хормадов вообще все странно. Хормад, малагор которого летел впереди, очевидно слышал наш разговор, потому что он обернулся ко мне и сказал:

— Не обращай внимания на Тор-дур-бара. Он еще в самом начале. Посмотри на меня. Если ты нуждаешься в могущественном друге, тебе больше ничего не надо искать. Я не стану много говорить из скромности, но если тебе когда-либо понадобится настоящий друг, приходи к Тиата-ов.

Тор-дур-бар презрительно фыркнул: «В самом начале! Я конечный продукт миллионов культур, а если быть точным, четырех миллионов культур. Тиата-ов всего лишь мелкий эксперимент».

— Если я отпущу сеть, ты действительно будешь конечным продуктом,— пригрозил Тиата-ов.

Тор-дур-бар заверещал:

— Ситор! Ситор! Убивают!

Двар, летевший во главе странного отряда, развернулся и подлетел к нам:

— Что случилось?

— Тиата-ов угрожает сбросить меня на землю,— кричал Тор-дур-бар.— Забери меня от него, Ситор!

— Снова ссоритесь? Если я услышу еще раз того или другого, оба по прибытии в Морбус пойдете в инценератор. А ты, Тиата-ов, смотри, чтобы с Тор-дур-баром ничего не случилось. Понял?

Тиата-ов хмыкнул, и Ситор вернулся на свое место. Теперь мы летели в тишине, и я смог подумать о природе этих странных существ, в чьи руки я попал. Владыка Марса летел впереди меня, а девушка — слева. Глаза мои то и дело обращались к ней с симпатией, потому что она, я был в этом уверен, тоже была пленницей. Какая жестокая судьба уготована ей! Такая ситуация тяжела и для мужчины, но насколько хуже она могла быть для женщины.

Малагоры летели быстро и плавно. Мне казалось, что они летят со скоростью более шестидесяти миль в час. Они не знали усталости и летели без отдыха уже много часов. Обогнув Фандал, мы повернули на восток и примерно в полдень приблизились к большому острову, вышавшемуся над болотом. На берегу небольшого озера стоял город, окруженный стенами, над которым мы сделали круг и приземлились возле главных ворот на берегу озера. Пока мы спускались, я заметил множество хижин вне стен города и предположил, что там живет довольно много народа. Однако позже я выяснил, что даже самые

смелые мои предположения о количестве живущих здесь были далеки от истины.

Когда мы приземлились, нас, троих пленников, собрали вместе, а все отрубленные в битве останки свалили в сеть и скрутили, чтобы легче было нести. Ворота открылись, и мы вошли в Морбус.

Офицер на посту возле ворот был самый обычный человек, но его солдаты — настоящие уроды. Офицер обменялся приветствием с Ситором, задал ему несколько вопросов о нас, а потом отправил носильщиков с жутким грузом в «Лабораторию № 3». Ситор повел нас по улице, которая вела на юг от ворот. На первом перекрестке те, что несли сеть с изуродованными телами, повернули налево, и до меня долетел голос:

— Не забывай, Вор Дай, что Тор-дур-бар — твой друг, а Тиата-ов — только эксперимент.

Я повернулся и увидел голову Тор-дур-бара, которая смотрела на меня сквозь сеть.

— Я не забуду, — ответил я.

И не покривил при этом душой. Вряд ли я видел что-либо ужаснее, хотя сюда примешивалась доля любопытства: как может голова, лишенная тела, быть в чем-то мне полезной.

Морбус отличался от всех марсианских городов, в которых я бывал. Дома не были отмечены особым убранством, но строгость линий придавала им величественную красоту и своеобразие. Создавалось впечатление, что город был построен по единому плану, но я мог только удивляться, зачем его выстроили в самой глубинке Великой Тунолианской Топи. Кто же по доброй воле решил жить здесь, в дикой глуши? И как мог такой город существовать без торговых связей?

Я прервал свои размышления, так как мы подошли к глухой стене с маленькой дверью. Ситор постучал в дверь рукоятью меча. В двери открылось окошечко, и появилось лицо.

— Я Ситор, двар десятого утана, первого дара третьего батальона гвардии джеда. Я привел пленников на Совет Семи Джедов.

— Сколько пленников?

— Трое: двое мужчин и одна женщина.

Дверь открылась, и Ситор втолкнул нас в нее. Он не пошел за нами. Мы оказались в комнате охранников, где было около двадцати воинов-хормадов и офицер, при-

нявший нас. Офицер оказался нормальным красным человеком, как и остальные офицеры. Он спросил наши имена и занес их в книгу, а также и другую информацию о нас: откуда мы прибыли, каковы наши цели и тому подобное. Тогда-то я и узнал имя девушки. Ее звали Джанай. Она прибыла из Амхора, маленького города, находящегося в семистах милях к северу от Морбуса, которым правит принц Джал Хад, имеющий довольно плохую репутацию. Вот все, что я знал об Амхоре.

Закончив допрос, офицер приказал одному из хормадов увести нас. Хормад отвел нас по коридору в небольшое помещение, где уже было несколько красных марсиан.

— Вы останетесь здесь, пока за вами не пришлют, — сказал хормад, — и не пытайтесь бежать.

С этими словами он ушел.

— Бежать! — хмуро улыбнулся Джон Картер. — Я бежал из многих городов. Сумел бы убежать и из этого. Но как убежать из Тунолианской Топи? Это совсем другое дело; однако, посмотрим.

К нам подошли пятеро пленников, попавшие к хормадам до нас.

— Каор! — приветствовали они нас. Мы познакомились, и они засыпали нас вопросами, как будто провели тут несколько лет. Двое из них были фандальцами, третий — из Тунола, четвертый — из Птары и пятый — из Дахора.

— Для чего они держат пленников? — спросил Джон Картер.

— Они используют некоторых как офицеров, которые обучают их солдат, — объяснил Пандар, один из фандальцев. — Тела других используют для пересадки мозгов тех хормадов, которые достаточно разумны, чтобы занимать высокие посты. Тела остальных поступают в лабораторию, и там их используют для проклятой работы Раса Таваса.

— Раса Таваса? — воскликнул Джон Картер. — Он здесь, в Морбусе?

— Здесь. Он пленник в собственном городе, слуга тех страшилищ, которых сам и создал, — ответил Ган Хад из Тунола.

— Я не понимаю тебя, — сказал Джон Картер.

— Когда Рас Тавас был изгнан из своей лаборатории Вобисом Каном, джеддаком Тунола, — объяснил

Ган Хад,— он поселился на этом острове, чтобы продолжить работу, которой он отдал много лет. Его открытие заключалось в создании человеческих существ из человеческой плоти. Он разработал культуру, в которой человеческая плоть непрерывно разрасталась, причем до таких размеров, что могла заполнить целую комнату. Однако она была бесформенной. Оставалось научиться управлять ее ростом в нужном направлении. Он экспериментировал с разными рептилиями, которые восстанавливают утраченные органы. И постепенно он изучил принцип роста, который применил для управления ростом человеческой плоти на специальной культуре бактерий. Результатом его экспериментов стали хормады. Семьдесят пять процентов плоти предназначено для создания этих существ, которых Рас Тавас выращивает в огромном количестве.

У них у всех очень низкое умственное развитие, но некоторые достигают определенного уровня. И вот наиболее развитые решили захватить остров и основать свое государство. Под угрозой смерти они заставили Раса Таваса продолжать создавать хормадов, так как у них созрел безумный план — создать миллионную армию хормадов и завоевать весь мир. Сначала они собирались захватить Фандал и Тунол, а потом решили и всю планету.

— Чудовищно,— сказал Джон Картер,— но я думаю, что они многого не учли. Как, например, прокормить такую армию? Ведь этот островок не сможет прокормить даже малую часть этой армии.

— Ты ошибаешься,— ответил Ган Хад.— Пищу для хормадов изготавливают теми же методами, что и самих хормадов, только используют другую культуру бактерий. Ее можно перевозить в бочках вслед за армией и в любое время произвести необходимое количество пищи для солдат. Причем, в плоти хормадов значительное количество воды, значит, армия не нуждается в водоснабжении.

— Но как эти полудикари могут надеяться взять верх над хорошо обученными армиями, вооруженными новейшей техникой? — спросил я.

— Они смогут победить благодаря численному превосходству, безрассудному бесстрашию и тому, что их не вывести из строя, пока они не обезглавлены. Никакие другие раны хормаду не страшны,— ответил Пандар.

— И сколько же солдат в их армии сейчас? — спросил Джон Картер.

— На острове несколько миллионов хормадов. Их хижины разбросаны везде. Рассчитано, что на острове могут жить примерно сто миллионов хормадов. Рас Тавас заявил, что он может поставлять в армию мировых завоевателей два миллиона солдат в год, из расчета, что каждый второй погибнет. Его лаборатория производит их в громадном количестве. Правда, определенный процент хормадов получается страшно деформированным, и его нельзя использовать. Этих бедняг режут на тысячи кусков и снова помещают в резервуары с питательной средой. Там они очень быстро растут. Всего за девять дней вырастает полностью сформировавшийся хормад. Потом инструкторы делают из них солдат, способных носить оружие и идти в бой.

— Ситуация действительно серьезная, но они не учли одного обстоятельства, — сказал Джон Картер.

— Какого? — спросил Ган Хад.

— Транспортировку. Как они собираются перемещать такую громадную армию?

— Это действительно проблема. Но они уверены, что Рас Тавас решит и ее. Он сейчас проводит эксперименты по выращиванию малагоров. Если ему удастся производить их в больших количествах, то проблема транспортировки хормадов будет решена. А что касается воздушного флота, то его ядром станут те корабли, которые они захватят, завоевав Фандал и Тунол, а потом, по мере захвата новых государств, этот флот увеличится.

Наш разговор был прерван появлением двух хормадов, которые внесли котел. В нем плавали куски животной плоти для вечерней трапезы — весьма неаппетитное зрелище.

Пленник из Дахора, который вызвался быть поваром, развел огонь в печи, встроенной в стену, и вскоре ужин кипел на огне.

Несмотря на то, что я был зверски голоден, я не мог без отвращения думать об этой еде. К тому же у меня появились сомнения, поэтому я обратился к Гану Хаду с вопросом.

— Не человеческая ли это плоть?

Тот пожал плечами.

— Вряд ли, но мы стараемся не задумываться, потому что есть все равно надо, и ничего другого сюда не приносят.

ГЛАВА V

СУДИЛИЩЕ ДЖЕДОВ

Джанай, девушка из Амхора, сидела поодаль. Ее положение было наиболее тяжелым. одна, среди семи незнакомых мужчин, к тому же в городе страшных врагов. Мы, красные люди Барсума, достаточно галантны, однако я ничего не знал о тех пятерых, которые уже сидели здесь до нас. Пока мы с Джоном Картером были ее товарищами по несчастью, ей нечего было бояться. Я был в этом уверен и решил сказать ей, так как понимал, что это немного облегчит ее страдания.

Когда я подошел к ней, чтобы поговорить, к нам вошел офицер, допрашивавший нас. Его сопровождали два других офицера и несколько хормадов.

— Неплохой отряд,— сказал он.

Другой офицер пожал плечами:

— Джеды отберут лучших из них, а то Рас Тавас постоянно ворчит, что ему доставляют плохой материал.

— Они ведь не заберут девушку? — спросил офицер охраны.

— Нам приказано доставить всех пленников,— ответил один из офицеров.

— Но мне хотелось бы оставить девушку,— настаивал охранник.

— Кому бы не хотелось,— засмеялся офицер.— Вот если бы она была похожа на ульсио, ты получил бы ее. Но хорошенькие девушки попадают к джедам, а эта более, чем хорошенькая.

Джанай стояла рядом со мной, и я почувствовал, как она задрожала. Повинуясь внезапному импульсу, я схватил ее руку, и на мгновение она ответила на мое пожатие, но затем выдернула руку и покраснела.

— Мне очень хочется помочь тебе,— сказал я.

— Ты очень добр, но никто не сможет помочь мне. Тебе все-таки легче, ведь ты мужчина. Самое худшее, что могут сделать с тобой, это убить.

Безобразные хормады окружили нас, и мы снова

вышли на улицу через помещение для охраны. Джон Картер спросил офицера, куда нас ведут.

— На Совет Семи Джедов,— ответил тот,— а там решат, что с вами делать. Кто-то из вас пойдет в резервуары с культурой. Те, кому повезет, станут офицерами в армии, как я. Конечно, это тоже перспектива не блестящая, но все же лучше, чем смерть.

— И кто такие эти семь джедов?

— Это правители Морбуса, семь хормадов с развитым интеллектом. Они отобрали власть у Раса Таваса. Каждый из них хотел править, но никто не смог доказать своего преимущества, и теперь все семеро правят сообща.

Недалеко от нашей тюрьмы возвышалось здание, охраняемое отрядом хормадов под командой двух офицеров. После кратких переговоров нас ввели в здание, провели по коридору и остановили возле большой двери, где стояла охрана. Затем дверь открылась, и мы вошли в большой зал, где было много хормадов и офицеров. В дальнем конце зала был сооружен подиум, на котором в резных деревянных креслах сидели семь человек. Вероятно, это и были семь джедов, но они совершенно не походили на хормадов. Обычные красные люди.

Нас подвели к подиуму. Джеды осмотрели нас и стали задавать те же вопросы, что и офицер охраны. Затем они принялись обсуждать нас, как обсуждают домашнюю живность при покупке. Джеды заинтересовались Джанай, и вдруг трое из них объявили, что хотят получить ее. Тут же разгорелся спор, который завершился голосованием, но при голосовании никто не добился успеха. И тогда было решено, что ее оставят на несколько дней, и, если спорщики не придут к согласию, девушку отдадут Расу Тавасу. После этого один из джедов обратился к нам, пленникам-мужчинам.

— Кто из вас будет служить в нашей армии офицером, если ему оставят жизнь? — спросил он.

Так как альтернативой была смерть, мы все заявили, что желаем служить офицерами. Джеды кивнули.

— Сейчас мы решим, кто из вас достоин стать офицером,— сказал джед и обратился к своему офицеру.— Выбери семерых лучших воинов.

Нас отвели к стене зала, где мы и ждали приговора.

— Похоже на дуэль,— с улыбкой сказал Джон Картер.

— Уверен, что лучшего испытания для тебя не могли придумать,— ответил я.

— И для тебя,— сказал он и повернулся к офицеру, с которым беседовал по дороге в зал.— Я думал, что все семь джедов — хормады.

— Они и есть хормады.

— Но они не похожи на них.

— Рас Тавас постарался,— сказал офицер.— Возможно, вы не знаете, что Рас Тавас — великий ученый Барсума.

— Я много слышал о нем.

— Все, что ты слышал, правда. Он может вытащить твои мозги и пересадить их в череп другого человека. Он делал такие операции сотни раз. Когда семь джедов узнали об этом, они выбрали семерых офицеров и потребовали, чтобы Рас Тавас пересадил их мозги в черепа этих офицеров. Они хотели стать красивыми.

— А эти офицеры? — спросил я.

— Они пошли в резервуары, вернее, их мозги. А тела достались джедам. А, вот и шесть лучших воинов. Через несколько минут станет ясно, кто из вас пойдет в резервуары.

Нас вывели на середину зала, и против нас встали шесть хормадов, огромных страшилищ. Нам вручили мечи, и офицер объяснил, что каждый из нас должен сражаться с тем, кто стоит напротив него. Тот, кто останется жив и не получит серьезной раны, будет служить офицером армии Морбуса.

Мы сошлись по команде офицера. И через мгновение зал наполнился лязгом стали. Мы, люди Гелиума, уверены, что искуснее нас нет на Барсуме бойцов, а самым лучшим из нас был, конечно, Джон Картер. Так что у меня не было сомнений в исходе поединков, в которых участвовали мы.

Чудовище бросилось на меня в атаку, рассчитывая на свою силу и массу. Это была типичная для хормадов тактика. Мой противник страстно желал пробить защиту сильнейшим ударом своего тяжелого меча, но я был достаточно опытен, чтобы не пасть жертвой такой грубой и прямолинейной атаки. Я парировал его удар и отпрыгнул в сторону. Мой противник проскочил мимо меня. Я мог нанести ему удар, но не стал этого делать, так как помнил, что этим монстрам не страшны никакие раны. Для того, чтобы вывести хормада из боя, необхо-

димо отрубить ему обе руки или одну ногу, а самое верное — голову. Это, естественно, давало ему огромное преимущество надо мной, но и он не был застрахован от поражения. Так я думал в начале боя, но вскоре уже начал сомневаться. Этот тип оказался более сильным бойцом, чем те, с кем мы встретились в первом сражении. Как я узнал позже, для подобных боев выбираются самые сильные и неглупые хормады, прошедшие основательную подготовку.

Конечно, будь он обычным человеком, я уже давно покончил бы с ним, но отбивать его мощные удары и в то же время пытаться отрубить ему голову было трудной задачей. Кроме всего прочего, он был ужасно безобразный. Один глаз был расположен на лбу и получился вдвое больше другого. Нос сидел на месте уха, а ухо заняло место носа. Из перекошенного рта торчали желтые клыки. Один вид этого противника мог привести в ужас.

Краем глаза я видел, как идут дела у других пленников. Один фандалец упал, и почти одновременно с этим голова противника Джона Картера покатилась по полу, визжа и отчаянно ругаясь. Обезглавленное тело продолжало размахивать тяжелым мечом в разные стороны. Офицеры и хормады с сетями и веревками бросились вперед, чтобы схватить его, но не успели. Тело рванулось в сторону и столкнулось с моим противником. Этого мгновения оказалось достаточно, и я успел нанести сильнейший удар — вторая голова покатилась по полу. Теперь уже два тела без голов металась по залу, размахивая мечами. Хормады и офицеры несколько минут ловили и связывали эти жуткие создания. К тому времени, когда они совладали с ними, еще два хормад валялись на полу с отрубленными ногами. Это удалось сделать Пандару и Гану Хаду. Человек из Птарты и другой, из Дахора, были убиты. Нас осталось только четверо. Две головы отчаянно ругали нас, пока хормады собирали части тел своих товарищей и уносили их прочь.

Теперь мы снова стояли перед Советом Семи Джедов, а они снова допрашивали нас, на сей раз более подробно. Когда допрос был окончен, они пошептались между собой и обратились к нам.

— Вы будете служить офицерами, подчиняться приказам своих начальников и выполнять все указания, полученные от Совета Семи Джедов,— заявил один из джедов.— Вы не имеете права уйти из Морбуса. Если

вы будете служить верно и преданно, то мы оставим вам жизнь. Если же вы будете уличены в предательстве или замечены в неповиновении, вас отправят в резервуары.

Он обратился ко мне и Джону Картеру.

— Вы, люди Гелиума, будете служить в охране лаборатории Раса Таваса. Ваша обязанность — следить, чтобы он не сбежал и чтобы никто не причинил ему вреда. Мы выбрали вас по двум причинам: во-первых, вы прекрасные бойцы, а во-вторых, вы из далекого Гелиума, значит, вы ничем не связаны ни с Расом Тавасом, ни с Тунолом или Фандалом. Следовательно, вы будете служить только нашим интересам. Рас Тавас наверняка хочет или сбежать, или захватить власть в Морбусе. Джеддак Фандала мечтает освободить его, а Тунола — уничтожить его. Во всяком случае, эти оба наших врага собираются выкрасть его, чтобы он прекратил производство хормадов.

Воинам из Фандала и Тунола будет поручено обучать наших воинов, которые выходят из резервуаров. Совет Семи Джедов решил, а ваш долг — подчиниться, — он кивнул офицеру, — уведи их!

Я посмотрел на Джанай. Девушка заметила мой взгляд и улыбнулась мне сквозь слезы.

Затем нас увели.

ГЛАВА VI

РАС ТАВАС, ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

Пока нас вели по коридору к выходу, у меня пронеслись в голове события этого дня. Да, за эти несколько часов мы прожили целую жизнь, пройдя через ужасные испытания, которые и во сне не приснились бы. Я стал офицером армии города, о существовании которого даже и не подозревал. Я встретил девушку из далекого Амхора и впервые в жизни влюбился, почти сразу потеряв ее. Любовь — это странная штука. Почему она пришла ко мне именно сейчас, я не мог объяснить, но я твердо знал, что полюбил Джанай навсегда. Я никогда не увижу ее больше и не узнаю, смогу ли я добиться ее любви. Я никогда не скажу ей, что люблю ее. Вся моя оставшаяся жизнь будет наполнена печальными мыслями о моей

любви, воспоминаниями о прекрасной Джанай, и мне никуда не уйти от этой любви. Да, любовь — страшная штука!

На пересечении главного коридора с боковыми меня и Джона Картера повели направо, а Пандар и Ган Хад продолжили путь по главному коридору. Мы распрощались с ними и расстались. Дружба всегда быстро завязывается перед лицом опасности. И хотя эти люди были из городов, враждебных Гелиуму, общая беда сблизила нас, сделала друзьями, и я не сомневался в искренности их чувств по отношению ко мне и Джону Картеру. Интересно, встретимся ли мы снова?

Нас провели по коридору, вывели во двор, и затем мы вошли в большое здание, над входом в которое были высечены незнакомые мне иероглифы. На Барсуме не существует одинаковых письменностей, хотя разговорный язык един для всех наций. Его понимают даже дикие зеленые люди, обитающие на дне высохших морей. Джон Картер, прекрасно владеющий многими языками Барсума, сообщил мне, что надпись гласит: «Здание Лаборатории».

Нас ввели в комнату и велели дожидаться человека, которого нам поручено охранять. Офицер сказал нам, что мы должны во всем повиноваться Расу Тавасу и помогать ему в работе, если он этого потребует. В лаборатории он был царь и бог. Нам стало ясно, что Совет Семи Джедов бережно охраняет Раса Таваса, хотя он находился на положении пленника. Я с нетерпением ждал встречи с Расом Тавасом, о котором так много слышал, ведь недаром его прозвали Великим Умом Марса.

Ему было уже за тысячу лет, и ради этого одного на него стоило посмотреть. Тысяча лет — это не предел для людей Марса, однако редко кто доживал до такого возраста, так как в основном марсиане погибают в боевых схватках. Я был уверен, что увижу не живого человека, а высохшую мумию, и недоумевал, откуда у него берутся силы для такой большой работы, требующей полной отдачи.

Мы некоторое время подождали, пока офицер не вернулся с весьма симпатичным юношей, который посмотрел на нас так, будто мы были отребье человечества, а он, по меньшей мере, бог.

— Еще два шпиона, чтобы следить за мной, — прошептал он.

— Еще два воина, чтобы защитить тебя, Рас Тавас,— поправит его офицер.

Значит, это и есть Рас Тавас? Я не мог поверить своим глазам. Передо мной был молодой человек без всяких признаков старения.

Рас Тавас продолжал унижать нас. Однако я заметил, как сдвинулись его брови, когда он взглянул повнимательнее на Джона Картера. Казалось, он пытается что-то припомнить. И все же я твердо знал, что они никогда не встречались. Что пытается припомнить Рас Тавас?

— Откуда мне знать,— вдруг рявкнул он,— что эти двое не пробрались в Морбус с целью убить меня? Откуда мне знать, что они не из Тунола или Фандала?

— Они из Гелиума,— ответил офицер.

И тут я заметил, как разгладился лоб Раса Таваса, как будто он пришел к какому-то решению.

— Они оба пантаны, которые шли в Фандал наниматься на службу,— добавил офицер.

Рас Тавас кивнул.

— Хорошо, они будут помогать мне в лаборатории. Офицер удивился.

— Может быть, лучше, если они пойдут служить в охрану? — спросил он.— Тогда ты сможешь присмотреться к ним и решить, не опасно ли тебе оставаться с ними наедине?

— Я знаю, что делаю,— рявкнул Рас Тавас.— Мне не нужна ничья помощь в принятии решений.

Офицер вспыхнул.

— Мне приказано только привести сюда этих людей, а как ты будешь их использовать — не мое дело. Просто я хотел обезопасить тебя.

— Тогда выполняй приказ и думай о своих обязанностях. Я сам позабочусь о себе,— тон его был таким же оскорбительным, как и слова. У меня сложилось впечатление, что он презирает тех, на кого работает.

Офицер пожал плечами, отдал приказ хормадам, сопровождавшим нас, и вместе с ними вышел из комнаты. Рас Тавас кивнул нам.

— Идемте со мной,— сказал он.

Мы прошли за ним в небольшую комнату, вдоль стен которой стояли шкафы, полные книг и древних рукописей. Здесь же был и рабочий стол ученого. Рас Тавас сел за стол, а нам предложил скамью.

— Какими именами вы называете себя? — спросил он.

— Я Дотор Соджет, — ответил Джон Картер, — а это Вор Дай.

— Ты хорошо знаешь Вора Дая и доверяешь ему? — спросил ученый. Это был странный вопрос, так как Рас Тавас не знал нас обоих.

— Я давно знаю Вора Дая, — ответил Владыка Марса. — Я доверяю ему полностью как разумному человеку, а также как мужественному и искусному бойцу.

— Отлично, тогда я могу довериться вам обоим.

— Так вдруг, но почему? — поинтересовался Владыка Марса.

Рас Тавас улыбнулся.

— Репутация Джона Картера, принца Гелиума, Владыки Барсума, известна всем.

Мы удивленно смотрели на него.

— Почему ты решил, что я Джон Картер? Мы же никогда не встречались.

— Еще там я понял, что ты не настоящий красный человек. Я рассмотрел тебя более внимательно и обнаружил, что краска нанесена неравномерно. На Барсуме живут только два человека с Джасума, Земли. Один из них — Вад Варо, по-земному, Пакстон. Его-то я хорошо знаю, так как он был моим помощником в лаборатории на острове близ Тунола. Он оказался способным учеником и достиг высочайшего мастерства. Я, следовательно, знал, что ты не Вад Варо. Другой землянин — это Джон Картер. Видите, как все просто.

— Да, твои логические умозаключения безупречны, — заметил Владыка Марса. — Я действительно Джон Картер и сам бы тебе сказал об этом, так как именно ради встречи с тобой направлялся в Фандал, но нас схватили хормады.

— И зачем Владыке Барсума понадобился Рас Тавас? — спросил великий хирург.

— Моя принцесса Дея Торис пострадала в катастрофе. Она без сознания уже много дней. Величайшие врачи Гелиума не способны помочь ей. Я искал Раса Таваса, чтобы просить его вылечить мою принцессу.

— А теперь ты стал пленником и нашел меня, такого же пленника в этом диком городе.

— Но все же я нашел тебя.

— И что в этом хорошего для тебя и для твоей принцессы?

— Ты поможешь мне, если у тебя будет возможность? — спросил Джон Картер.

— Конечно, ведь я обещал Ваду Варо и Дару Тарусу, джеддаку Фандала, посвятить свое искусство борьбе со страданиями людей и облегчению их жизни.

— Тогда мы обязательно найдем способ вырваться отсюда, — сказал Джон Картер.

— Это легко сказать, но трудно сделать. Из Морбуса бежать невозможно.

— И все же мы сбежим. Я чувствую, что можно преодолеть все препятствия. Меня больше беспокоит дальнейший путь через Великую Тунолианскую Топь.

Рас Тавас покачал головой.

— Нам никогда не выбраться отсюда. Во-первых, город усиленно охраняется. К тому же здесь полно шпионов и соглядатаев. Многие офицеры, которые выглядят красными масианами, на самом деле хормады, чьи мозги я пересадил в тела нормальных людей. Я даже не знаю, кто они, так как операции проводились в присутствии Совета Семи Джедов и лица людей были закрыты масками. Эти джеды очень коварны. Они хотят, чтобы я не знал тех, кто приставлен шпионить за мной. Ведь если я буду знать красных людей, которым я пересадил мозги хормадов, эти шпионы не будут представлять ценности. Теперь же рядом со мной появились сразу двое, кому я могу доверять. Я уверен в Джоне Картере, так как мне не приходилось оперировать людей с белой кожей, и уверен в Воре Дае, так как за него поручился Джон Картер. Так что вы будьте крайне осторожны и никому здесь не доверяйтесь. Вы будете...

Его прервал внезапный страшный шум где-то в другой части здания. Оттуда послышались дикие вопли, завывания, крики, стоны, визги, как будто в дом ворвалась стая диких животных.

— Идемте, — сказал Рас Тавас, — возможно, потребуется наша помощь.

РЕЗЕРВУАРЫ ЖИЗНИ

Рас Тавас проводил нас в огромный зал, где мы стали свидетелями спектакля, увидеть который невозможно во всей Вселенной. По центру зала размещался огромный резервуар высотой четыре фута, из которого вылезали такие жуткие чудовища, каких даже представить человеческое воображение бессильно. Вокруг резервуара стояли хормады и офицеры. Они набрасывались на вылезающих чудовищ, валили их, связывали и уничтожали, если те были слишком бесформенны. Обычно уничтожалось, по меньшей мере, процентов пятьдесят этих существ. Это были живые карикатуры на людей — ни люди, ни звери. Некоторые были просто массой, из которой где-нибудь торчал один глаз или болталась рука. У других руки и ноги поменялись местами, так что головы у них оказывались между ног. Носы, уши, глаза можно было увидеть в любой части тела, даже на руках и ногах. Таких уничтожали сразу. Оставляли только тех, у которых сформировались руки и ноги, а лицо хотя бы отдаленно напоминало человеческое. Нос мог быть под ухом, рот — над глазами, но если эти органы функционировали, на остальное не обращали внимания.

Рас Тавас обозревал их с очевидной гордостью.

— Что ты думаешь о них? — спросил он Владыку Марса.

— Они ужасны, — ответил Джон Картер.

Рас Тавас немного обиделся.

— Я не старался получить красавцев. Мне даже нравится асимметрия. Я создавал человеческие существа. Когда-нибудь я создам совершенного человека, и тогда Барсум заселит привилегированная раса красивых, умных, бессмертных людей.

— А тем временем эти страшилища будут завоевывать планету. Они уничтожат твоих умных и красивых людей. Ты создал существо, которое уничтожит не только тебя, но и всю цивилизацию. Тебе не приходило в голову, что такое может произойти?

— Да, приходило. Но я и не предполагал создавать их в таком количестве. Это идея семи джедов. Я хотел создать небольшую армию, с помощью которой собирался завоевать Тунол, чтобы вновь обосноваться в своей лаборатории.

Шум в зале стоял невыносимый, мы не слышали собственных голосов. Кричащие головы катались по полу. Воины-хормады уводили из зала тех, кому выпало жить, а в зал входили другие хормады, чтобы заменить ушедших. Новые и новые нормады вываливались из чана, полного жизненной массы. И этот процесс происходил еще в сорока зданиях Морбуса. Потом их уводили из города, чтобы обучить и сделать из них воинов.

Я был доволен, что Рас Тавас предложил нам такую работу, при которой нам не нужно было присутствовать при подобных сценах. Он провел нас в другое помещение, где проводились работы по восстановлению хормадов. Здесь отрубленные головы получали новые тела, и обезглавленные тела — головы. Тем, кто потерял руку или ногу, приращивали новые. Иногда случались и промахи, когда к голове вместо тела прирастала нога. Мы как раз были свидетелями такого случая. Голова очень рассердилась и стала яростно ругать Раса Таваса.

— Что же я такое? — спрашивала она. — Человек из головы и руки! А тебя еще называют Великий Мыслитель Марса! У тебя мозгов не больше, чем у сорока. Тот дает своим детенышам шесть ног, не говоря уже о голове. Что ты теперь собираешься делать со мной? Я хочу знать.

— Я могу разрезать тебя и отправить в резервуар, — задумчиво сказал Рас Тавас.

— Нет, нет! — закричала голова. — Оставь мне жизнь! Отрежь ногу и дай прирасти новому телу!

— Хорошо, завтра.

— Почему даже такие уроды хотят жить? — спросил я, когда мы вышли оттуда.

— Таково свойство жизни, в какой бы форме она не проявилась. Даже несчастные бесполое уроды, единственное предназначение которых — жрать, и те хотят жить. Они даже не подозревают о существовании дружбы, любви, они не понимают, что такое наслаждение. И все же они хотят жить.

— Они говорят о дружбе, — сказал я. — Голова Тордур-бара просила, чтобы я не забыл, что он мой друг.

— Слова-то они знают, но я уверен, что они и понятия не имеют об этом. Первое, чему они обучаются, это повиновение. Возможно, он имел в виду, что будет служить тебе, повиноваться тебе. Сейчас он тебя, наверное, и не помнит. У многих из них практически нет

памяти. Все их реакции чисто механические. Они привыкают к часто повторяющимся командам и выполняют их. Часто они делают то, что делает большинство их товарищей. Идем, нам нужно найти голову Тор-дур-бара и посмотреть, вспомнит ли он тебя. Это интересный эксперимент.

Мы прошли в другую комнату, где тоже велись восстановительные работы. Рас Тавас переговорил с дежурным офицером, и тот провел нас в дальний конец комнаты к резервуару с частями человеческих тел.

Мы едва подошли туда, как одна голова крикнула из чана:

— Каор, Вор Дай! — это и был Четыре Миллиона Восемьдесят.

— Каор, Тор-дур-бар! — ответил я. — Рад видеть тебя!

— Не забудь, что у тебя есть один друг в Морбусе. Скоро я наращу новое тело и, когда я понадобится тебе, буду к твоим услугам.

— Этот хормад с необычайно высоким интеллектом, — сказал Рас Тавас. — Нужно будет проследить за ним.

— Такой мозг, как мой, — сказал Тор-дур-бар, — ты должен пересадить в хорошее тело. Мне хотелось бы стать таким же привлекательным, как Вор Дай или его друг.

— Посмотрим, — ответил Рас Тавас. Он наклонился к голове и прошептал, — об этом больше ни слова, доверься мне.

— Сколько времени будет расти новое тело Тор-дур-бара? — спросил Джон Картер.

— Девять дней, но может статься, что тело будет непригодным, и тогда придется начать все сначала. Я много сделал, но еще не добился управления ростом тела или его частей. Процесс идет стихийно. Иногда вместо тела может вырасти что угодно, даже другая голова. Когда-нибудь я добьюсь управления ростом. Когда-нибудь я научусь делать совершенных людей!

— Если бы существовал Бог, он бы, наверное, обиделся на тебя за то, что ты присвоил его права, — с улыбкой заметил Джон Картер.

— Происхождение жизни — это тайна, покрытая мраком, — заметил Рас Тавас, — и многое говорит за то, что жизнь образовалась абсолютно случайно или же ее

появление планировалось неким высшим существом. Я знаю, что ученые Земли верят в то, что жизнь на планете произошла из низших форм, не имеющих никаких признаков разума. Это делает их гипотёзу сомнительной в свете развития разума. А всемогущий создатель, если бы он был, создал бы совершенное разумное существо, высшую форму жизни. Но ни на одной планете нет существа, даже приблизительно похожего на совершенное. Так что эта гипотеза тоже несостоятельна.

Мы на Барсуме придерживаемся иной точки зрения на происхождение жизни и эволюцию. Мы верим, что в процессе охлаждения планеты на основе сложного соединения химических веществ и растительных форм жизни сформировались споры, из которых впоследствии за многие миллионы лет выросло Дерево Жизни. Выросло и стало плодоносить. Его плоды за многие тысячи лет претерпели изменения, переходя из чисто растительной формы в комбинацию растительной и животной. Постепенно плоды дерева получили разум и смогли существовать самостоятельно, независимо от растения-родителя. Появились и органы чувств, благодаря которым плоды получили возможность сравнивать, делать выводы.

Плоды дерева представляют собой большие орехи, около фута диаметром. Внутри — четыре полости, разделенные перегородками. В одной находится зародыш растительного человека, во второй — шестиногий червь, в третьей — зародыш белой обезьяны, в четвертой — зародыш человека. После созревания орех падает на землю, но растительный человек остается висеть на ветке. Три остальных обитателя ореха выбирают на свободу и расселяются по всей планете.

Большинство из них погибает, однако выжившие множат население Барсума. Дерево Жизни давно умерло, но растительные люди смогли отделиться от него и, благодаря своей бисексуальности, служат воспроизведению жизни.

— Я видел их в долине Дор,— сказал Джон Картер.— Плоды висят на ветках, которые растут прямо из головы растительного человека.

— Вот такова эволюция жизни у нас,— заключил Рас Тавас.— Изучая эволюцию с самых низших форм, я научился воспроизводить живые существа.

— Может, ты зря это сделал,— заметил я.

— Возможно,— согласился он.

КРАСНЫЙ УБИЙЦА

Шли дни. Рас Тавас держал нас при себе, но вокруг постоянно находились другие, и мы не могли обсуждать свои планы побега.

Мысли о Джанай не покидали меня, и я все время размышлял, как же мне узнать о ее судьбе. Рас Тавас предупредил меня, чтобы я не вызывал слишком большого интереса к девушке, так как это может возбудить подозрения, и меня уничтожат. Однако он заверил меня, что постарается помочь мне, не вызывая подозрений.

Однажды отряд хормадов с достаточно высоким для них интеллектом должен был направиться на Совет Семи Джедов, где решался вопрос о возможности их использования в качестве личной охраны джедов. Рас Тавас направил меня вместе с другими офицерами сопровождать их. Впервые я смог покинуть здание лаборатории, так как нам было запрещено выходить за ее пределы.

Мы вошли во дворец джедов. Мои мысли были заняты только Джанай: увидеть бы ее хотя бы мельком. Я заглядывал в раскрытые двери комнат, во все коридоры, я даже подумывал обыскать дворец, но это было бессмысленно, поэтому я продолжал идти вместе со всеми. Наконец мы попали в зал, что заседал Совет Семи Джедов.

Осмотр хормадов был весьма тщательным. Выслушивая вопросы джедов, ответы хормадов и оценивая впечатление, которое производили их ответы на джедов, я придумал хитрый план. Если бы удалось пересадить мозг Тор-дур-бара в тело хормада-охранника, мы наверняка узнали бы что-нибудь о судьбе Джанай. В тот момент я еще и сам не знал, в какую хитрую схему он выльется.

Через некоторое время воины ввели пленника, красного человека. Это был покрытый шрамами, сильно избитый воин. Лицо его было искажено яростью и выражало презрение и к тем, кто взял его в плен, и к самим джедам. Этот сильный воин, когда его ввели в зал, вырвался из рук хормадов и добежал почти до подиума с креслами, где сидели джеды, прежде чем его успели схватить.

— Кто этот человек? — спросил один из джедов.

— Я Гантун Гор, убийца из Амхора, — прокричал пленник, — дайте мне мой меч, вы, вонючие ульсио, и я

покажу вам, что может сделать настоящий воин с этими уродами, воюющими с помощью сетей. Только трусы воюют таким способом.

— Замолчи! — крикнул один из джедов, бледный от гнева. Его взбесило оскорбление Гантуна Гора, осмелившегося сравнить его с вонючей крысой.

— Замолчать?! — снова закричал Гантун Гор. — Клянусь предками, нет на Барсуме человека, способного заставить замолчать Гантуна Гора! Подойди и попытайся сделать это, презренный червяк!

— Прочь! — закричал джед. — К Расу Тавасу! Пусть Рас Тавас вытащит его мозги и сожжет их, а с телом пусть поступит по своему усмотрению.

Гантун Гор дрался, как демон. Он расшвыривал хормадов в разные стороны, и они сумели справиться с ним только с помощью сети. Затем они потащили Гантуна Гора, изрыгающего ругательства и проклятия, в лабораторию.

Вскоре после этого джеды отобрали себе телохранителей, остальных мы повели обратно и передали офицерам для дальнейшего обучения. Затем я вернулся в здание лаборатории, так и не увидев Джанай и ничего не узнав о ее судьбе. Я был очень разочарован и подавлен.

Я нашел Раса Таваса в его кабинете. С ним был Джон Картер и хорошо сформировавшийся хормад, который стоял ко мне спиной. Услышав мой голос, хормад обернулся и приветствовал меня. Это был Тор-дур-бар с новым телом. Одна рука его была чуть длиннее другой, ноги непропорционально короткие, на левой руке — шесть пальцев, но все же это был неплохой образец хормада.

— Вот и я, совсем как новенький, — заявил он, и широкая улыбка озарила его лицо. — Как я тебе нравлюсь?

— Я рад, что ты мой друг. Я думаю, что ты очень силен. Все тело у тебя хорошо развито, мускулы так и играют.

Так оно и было на самом деле.

— И все же мне хотелось бы иметь тело и лицо, как у тебя, — сказал Тор-дур-бар. — Я только что говорил об этом с Расом Тавасом, и он пообещал мне это при первой возможности.

Я сразу вспомнил Гантуна Гора, убийцу из Амхора, и страшный приговор, вынесенный ему джедами.

— Я думаю, что хорошее тело ждет тебя в лаборато-

рии,— сказал я. Затем я изложил им историю Гантуна Гора.— Теперь он в распоряжении Раса Таваса, и джед сказал, что он может делать с телом все, что захочет.

— Посмотрим на него,— сказал ученый, и мы направились в приемную комнату, где жертвы ждали своей участи.

Мы нашли Гантуна Гора крепко связанным и под сильной охраной. Увидев нас, он принялся ругать и оскорблять нас. Рас Тавас некоторое время молча смотрел на него, затем отпустил воинов и офицеров, охранявших его.

— Мы сами справимся с ним,— сказал он.— Доложите Совету, что его мозг будет сожжен, а телу я найду хорошее применение.

Услышав это, Гантун Гор разразился такой тирадой, что я решил, что он сошел с ума. Впрочем, может, так оно и было. Он скрипел зубами, изо рта шла пена, и он обзывал Раса Таваса последними грубыми словами.

Рас Тавас обратился к Тор-дур-бару.

— Ты сможешь поднять и перенести его?

Вместо ответа хормад легко вскинул красного человека себе на плечо. Новое тело Тор-дур-бара действительно было горой мускулов.

Рас Тавас повел нас в свой кабинет, а из него через маленькую дверь в комнату, где я еще никогда не был. Здесь были два стола, стоявшие рядом с друг другом. Столы были покрыты блестящей пленкой. В углу комнаты стоял стеклянный шкаф с двумя пустыми стеклянными сосудами и двумя другими, наполненными прозрачной бесцветной жидкостью, напоминавшей простую воду. К каждому столу был приделан мотор. На полках лежали хирургические инструменты, сосуды с цветными жидкостями и препараты, о назначении которых я мог только догадываться.

Рас Тавас приказал Тор-дур-бару уложить Гантуна Гора на один из столов.

— На другой ложись сам,— приказал он.

— Ты действительно хочешь сделать это? — воскликнул Тор-дур-бар.— Ты хочешь дать мне новое пре-
красное тело и лицо?

— Лично я не нахожу его прекрасным,— заметил Рас Тавас, улыбаясь.

— О, оно прекрасно! — сказал Тор-дур-бар.— Я навсегда останусь твоим рабом, если ты дашь его мне.

Хотя Гантун Гор был связан, нам с Джоном Картером пришлось изрядно потрудиться, чтобы удержать его, пока Рас Тавас сделал два разреза на его теле. Одним он вскрыл вену, другим — артерию. Кровь он спускал в два сосуда, один из которых был пустым, другой — с бесцельной жидкостью. После этого он нажал маленькую кнопку и включил двигатель под столом. После этого кровь Гантуна Гора перекачали в пустой сосуд, а жидкостью заполнили его кровеносную систему. Как только заработал мотор, Гантун Гор потерял сознание, и я вздохнул с облегчением. Когда всю кровь заменили жидкостью, Рас Тавас отвел трубки и заклеил разрезы на его теле специальным пластырем. Затем он обратился к Тор-дур-бару.

— Ты твердо уверен, что хочешь стать красным человеком?

— Сгораю от нетерпения.

Рас Тавас повторил с хормадом операцию, которую только что проделал с Гантуном Гором. Затем он протер тела сильным антисептиком и тщательно вымыл руки. Выбрав с подноса короткий нож, хирург снял скальпы с обоих тел и принялся пилить черепа.

Операция продолжалась еще четыре часа. Она требовала большого напряжения и мастерства. И вот, наконец, все было кончено. Мозг Тор-дур-бара занял новое место в черепе Гантуна Гора. Все нервы и сосуды были тщательно соединены, вскрытая крышка черепа была посажена на место и приклеена специальным материалом, который обладал не только связующими, но также и антисептическими и анестезирующими свойствами.

Затем он добавил в кровь Гантуна Гора несколько капель раствора и закачал смесь в тело, после этого сделал какую-то инъекцию.

— Через час, — сказал он, — Тор-дур-бар проснется для новой жизни в новом теле.

Пока я наблюдал за операцией, в моем сознании сформировался сумасшедший план, осуществив который я сумел бы разузнать все о судьбе Джанай. Я обратился к Расу Тавасу.

— Ты можешь восстановить мозг Гантуна Гора в его черепе, если пожелаешь? — спросил я.

— Конечно.

— А вложить его в череп Тор-дур-бара?

— Да.

— Сколько времени после изъятия мозга может храниться тело?

— Жидкость, которую я ввожу в вены, сохраняет тело бесконечно долго. Кровь тоже сохраняется. А почему ты спрашиваешь?

— Я хочу, чтобы ты пересадил мой мозг в бывшее тело Тор-дур-бара.

— Ты сошел с ума? — спросил Джон Картер.

— Нет, а впрочем, возможно. Любовь сводит людей с ума. Как хормада, меня могут послать на Совет Семи Джедов, а там я постараюсь попасть к ним в охрану. Меня выберут, так как я знаю, что и как отвечать на их вопросы. Может быть, я узнаю, где Джанай и что с ней. Я должен спасти ее. А потом, даже если ничего не получится, Рас Тавас вернет мой мозг в мое тело. Ты сделаешь это, Рас Тавас?

Ученый вопросительно посмотрел на Джона Картера.

— Я не имею права возражать, — сказал Джон Картер. — Тело и мозг Вора Дая принадлежат только ему самому.

— Хорошо, — сказал Рас Тавас, — помоги мне убрать тело Тор-дур-бара со стола и ложись на него сам.

ГЛАВА IX

ЧЕЛОВЕК В ТЕЛЕ ХОРМАДА

Когда ко мне вернулось сознание, первое, что я увидел, — мое собственное тело, лежащее на соседнем столе. Жутковато, конечно, глядеть на свое тело со стороны. Но когда я сел и посмотрел на свое новое тело, мне стало нехорошо. Я не ожидал, что так страшно быть хормадом с деформированным телом и уродливым лицом. Мне было противно дотрагиваться до своего нового тела новыми руками. А если что-то случится с Расом Тавасом? Мне стало нехорошо при этой мысли, я даже покрылся холодным потом. Джон Картер и великий хирург смотрели на меня.

— Что случилось? Тебе плохо?

Я сказал им о том страхе, что овладел мной. Рас Тавас пожал плечами.

— Конечно, это будет удар для тебя, но есть другой человек, возможно, единственный во всей Вселенной, ко-

торый может помочь тебе, если что-либо случится со мной. Однако он никогда не сможет попасть в Морбус, пока здесь правят хормады.

— Кто же это? — спросил я.

— Вад Варо. Сейчас он принц Дахора. Он попал ко мне с Джасума, где был Улиссом Пакстоном, и работал в моей лаборатории близ Тунола. Это он пересадил мой старый мозг в молодое тело. Но не беспокойся, я проживу еще тысячу лет. Хормады нуждаются во мне. За это время я должен буду обучить нового помощника, который снова сделает пересадку моего мозга. Так что вполне возможно, что я буду жить вечно.

— Я очень надеюсь на это, — сказал я.

Затем я увидел тело убийцы из Амхора.

— А что с Тор-дур-баром? — спросил я. — Почему он еще не пришел в сознание?

— Пока рано. Мы с Джоном Картером решили, что никто, кроме нас двоих, не должен знать, что твой мозг пересажен в тело хормада.

— Вы правы. Пусть все считают меня хормадом.

— Отнеси тело Тор-дур-бара в мой кабинет. А сам, пока он не увидел тебя, иди в лабораторию и помогай хормадам возле резервуара. Скажи офицеру, что это я послал тебя.

— Но Тор-дур-бар не узнает меня?

— Думаю, что нет. В Морбусе почти нет зеркал, так что маловероятно, что он узнает свое бывшее тело, а если и узнает, мы все объясним ему.

Следующие несколько дней были крайне неприятными. Я стал хормадом. Рас Тавас вооружил меня, и я уничтожал тех уродцев, которые были так деформированы, что ни на что не годились. Однажды я встретил Тиата-ова, с которым мы летели в Морбус на спине малагора. Он узнал меня.

— Каор, Тор-дур-бар! — приветствовал он меня. — Значит, у тебя теперь новое тело. Что случилось с моим другом Вором Даем?

— Не знаю, — ответил я. — Может, он попал в резервуар? Он часто говорил со мной о тебе, прежде чем мы расстались с ним, и очень тревожился, что мы не станем с тобой друзьями.

— А почему бы и нет? — спросил Тиата-ов. — Я думаю, это блестящая идея. Я хотел бы иметь как можно больше друзей.

— Что ты сейчас делаешь?

— Я член Третьего отряда телохранителей. Живу во дворце.

— Это прекрасно. Значит, ты знаешь все, что там происходит.

— Я вижу много. Мне даже хочется стать джедом. И совсем не хочется такого нового тела, как у тебя.

— Интересно, что случилось с той девушкой, которую привезли во дворец вместе с Вором Даем?

— Какой девушкой?

— Ее звали Джанай.

— О, Джанай. Она еще здесь. Два джеда претендуют на нее, а остальные не позволяют забрать ее ни тому, ни другому. По крайней мере, пока. Скоро будет голосование. Я думаю, что каждый из них захочет ее. Она самая красивая из тех, кто когда-либо попадал к нам в плен.

— Она в безопасности?

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Ее ждет большое счастье, если один из джедов выберет ее. Она будет иметь все самое лучшее и никогда не попадет в резервуары Раса Таваса. Но почему ты так интересуешься ею? Может, ты хочешь ее для себя?

И он разразился хохотом. Представляю, как он удивился бы, узнав, что я действительно хочу ее для себя.

— Как тебе служба в охране джедов? — спросил я.

— Там хорошо. Со мной неплохо обращаются, у нас много еды, удобная спальня и мне не приходится работать. Кроме того, у меня много свободного времени. Я могу ходить по Морбусу, где захочу, за исключением владений джедов, а ты не можешь выйти из лаборатории, — он показал на жетон, висевший у него на груди. — Вот это дает мне свободу. Жетон означает, что я служу у Третьего Джеда, и никто ничего не может приказывать мне. Я очень важная персона, Тор-дур-бар. Мне жаль тебя. Ты просто кусок плоти, которая может ходить и говорить.

— Хорошо иметь такого влиятельного друга, как ты, — сказал я, — особенно такого, который может помочь мне.

— Помочь? Но как?

— Джеды постоянно набирают новых воинов взамен убитых. Я вполне гожусь для службы в охране джедов, и было бы неплохо, если бы мы были вместе. Так что,

если меня вызовут для экзамена, ты мог бы замолвить за меня словечко. Тебе будет достаточно сказать, что ты знаешь меня.

Он надолго задумался, мозги у него работали крайне медленно. Наконец он сказал:

— Почему бы и нет? Ты очень сильный, а временами, когда воины охраны ссорятся между собой, неплохо иметь рядом сильного друга. Хорошо, я помогу тебе, если смогу. Когда у меня вдруг спросят, не знаю ли я сильного и умного воина, я назову тебя. Конечно, ты не столь умен, как силен. Кстати, как насчет твоей силы?

Я сам не знал этого, но судя по тому, как я швырял тела хормадов, я был действительно силен. Но все же я ответил:

— Не знаю.

— Ты можешь поднять меня? Я очень тяжелый.

— Попытаюсь,— и я поднял его без усилий.

Мне показалось, что он ничего не весит. Поэтому я решил вскинуть его над головой. Я подбросил его к потолку и поймал почти у пола. Когда я поставил его на ноги, он удивленно смотрел на меня.

— Ты самый сильный в Морбусе! Я не знаю никого, кто мог бы сравниться с тобой. Я скажу Третьему Джеду о тебе.

Затем мы расстались, и надежда пробудилась во мне. Самое большее, на что я мог рассчитывать,— это возможность попасть в очередной отряд хормадов для осмотра джедами, который составляет сам Рас Тавас. Однако я мог прождать очень долго, так как иногда охрану набирали из хормадов, живущих в деревьях.

Рас Тавас назначил меня личным слугой Джона Картера, и поэтому мы с ним не расставались. А так как он постоянно работал с Расом Тавасом, то мы трое всегда были вместе. В присутствии посторонних он обращался со мной, как с тупым, невежественным хормадом, но когда мы были одни, он держался со мной, как с равным. Они восхищались моей необыкновенной силой, которую я унаследовал от нового тела Тор-дур-бара. Мне казалось, что Расу Тавасу очень хочется отправить меня в резервуар, чтобы постичь секрет производства таких сильных хормадов.

Джон Картер — один из самых человечных людей, каких я только знаю. Он великий человек в полном смысле этого слова: государственный деятель, величайший

воин из когда-либо живших на Земле и на Барсуме, беззаветно храбрый в бою, безжалостный к врагам, но неизменно добрый к друзьям. К тому же, его никогда не покидало чувство юмора. Когда мы были одни, он постоянно шутил по поводу моей вновь приобретенной внешности. Он смеялся так, что буквально трясся от смеха. И меня, когда я смотрел на себя в зеркало, разбирал смех, но потом охватывал ужас. Представьте себе **торс** на непропорционально коротких ножках, одна рука ниже колен, другая — едва достает до пояса.

— Но самое ценное твое приобретение, это лицо, — говорил Владыка Марса.

Ни одна часть лица не находилась там, где ей положено было быть, и все они были лишены пропорций: одни слишком маленькие, другие чересчур большие. Огромный правый глаз был у меня на лбу; крошечный левый находился перед левым ухом. Рот начинался на подбородке и тянулся под углом в сорок пять градусов к левому глазу. Нос напоминал маленькую пуговку и располагался там, где должен был быть левый глаз. Правое бесформенное ухо свисало до плеча. Теперь я был склонен считать, что симметрия человеческих тел вовсе не была делом случая, как утверждал Рас Тавас.

Тор-дур-бар в своем новом обликии потребовал себе имя вместо номера и Джон Картер с Расом Тавасом окрестили его Туном Ганом, нечто производное от имени Гантун. Когда я рассказал им о встрече с Тиата-овом, они согласились, что я должен оставить имя Тор-дур-бар. Рас Тавас сказал, что сообщит Туну Гану о том, что он вложил новый мозг хормада в его бывшее тело.

Вскоре после этих событий мы встретились с Туном Ганом в одном из коридоров. Он испытующе посмотрел на меня, а затем остановил:

— Как твое имя?

— Тор-дур-бар.

Он явно содрогнулся.

— Ну, ты и страшлище, — затем заявил, не дожидаясь моего ответа, — постарайся не попадаться мне на глаза, если не хочешь попасть в резервуар.

Когда я рассказал об этой встрече Джону Картеру и Расу Тавасу, они рассмеялись, но для меня в этом не было ничего смешного. Впрочем, нам всем было достаточно грустно: я беспокоился о Джанай, Рас Тавас хотел

вернуть свою лабораторию, а Джон Картер постоянно думал о судьбе своей принцессы.

Когда мы беседовали в кабинете Раса Таваса, пришел офицер и объявил:

— Я пришел за хормадом по имени Тор-дур-бар. Пошли за ним немедленно. Таков приказ Совета Семи Джедов.

Это был надменный, властный человек; несомненно из тех трех красных людей, которым пересажен мозг хормадов.

Рас Тавас пожал плечами и показал на меня.

— Вот это и есть Тор-дур-бар,— сказал он.

ГЛАВА X

Я НАХОЖУ ДЖАНАЙ

Я стоял в шеренге с семью другими хормадами перед подиумом, где сидели семь джедов. Вероятно, я был самым безобразным из них. Нам задавали множество вопросов. Это был своеобразный тест на уровень развития, так как выбирались те, кто будет служить в охране самих джедов. Однако они учитывали не только ум и силу. Один из джедов долго смотрел на меня, затем махнул рукой.

— Ты отойди. Нам не нужны такие уроды,— сказал он.

Я посмотрел на остальных хормадов, и мне показалось, что я мало чем отличался от них. Такие же уроды, с моей точки зрения. Какая разница, что я немного пострашнее? Но что я мог сделать? В глубоком разочаровании я вышел из шеренги и отошел в сторону.

Пятеро из семерки оказались настолько тупыми, что их тоже отсеяли. Оставшиеся двое в лучшем случае могли служить только на самых грязных работах, но они были приняты. Третий Джед заговорил с офицером.

— Где тот хормад, за которым я посылал? Тор-дур-бар?

— Я Тор-дур-бар,— сказал я.

— Подойди!

Я снова встал перед подиумом.

— Один из моих охранников сказал, что ты самый сильный в Морбусе. Это правда?

— Не знаю, но я очень сильный.

— Он сказал, что ты можешь подбросить человека до потолка и снова поймать его. Покажи.

Я схватил одного из отвергнутых хормадов и подбросил его. И тут я понял, что сам не знаю своей силы. Зал был достаточно высоким, но я подбросил беднягу так высоко, что он ударился о потолок и упал мне на руки уже без сознания. Семь джедов и все присутствующие в зале смотрели на меня с удивлением.

— Может, он и не красавец,— заявил Третий Джед,— но я беру его в свою охрану.

Джед, который отверг меня, возразил.

— Охранник должен быть умен, а у этого, по-моему, совсем нет мозгов.

— Посмотрим,— ответил другой, и на меня посыпался град вопросов. Конечно, вопросы были простыми, на них ответил бы самый неразвитый красный человек, ведь те, кто их задавал, не обладали особой мудростью.

— Да, он умен,— сказал наконец Третий Джед,— он легко ответил на все вопросы. Я настаиваю на том, чтобы он стал моим охранником.

— Мы все хотим взять его на службу,— сказал Первый Джед.

— Ничего подобного,— воскликнул Третий Джед.— Он принадлежит мне. Я послал за ним. Никто из вас даже не слышал о нем.

— Будем голосовать,— заявил Четвертый Джед.

Пятый Джед, который отверг меня, молчал. Он сидел и презрительно улыбался. Видимо, ему было неприятно, что теперь другие джеды борются за обладание мною.

— Хорошо,— сказал Седьмой Джед.— Будем голосовать, чтобы решить: будет ли он принадлежать Третьему Джеду, либо станет служить всем нам.

— Не теряйте времени,— сказал Третий Джед.— Я никому его не отдам. Это большой человек, больше и сильнее остальных.

— Ты всегда сеешь смуту,— прорычал Первый Джед.

— Это вы все сеете смуту, пытаетесь забрать то, что принадлежит мне по праву.

— Третий Джед прав,— сказал Второй Джед.— Никто из нас, кроме него, не имеет права на этого хормада. Мы отвергли его, и только после этого Третий Джед заявил свои права на него и доказал, что этот охранник будет полезен.

Они еще спорили, но, наконец, я достался Третьему Джеду. Теперь у меня появился новый хозяин. Он передал меня одному из офицеров, и тот отвел меня в помещение охраны дворца.

В большой комнате, куда мы пришли, было много охранников-хормадов. Тиата-ов был среди них. Он тут же объявил всем, что я его друг и это он устроил меня в охрану. Мне сразу же сообщили, что я должен драться, не щадя жизни, защищая Третьего Джеда. Затем мне повесили на шею жетон, и офицер принялся обучать меня боевому искусству. Мне пришлось притворяться, что я впервые в жизни взял в руки меч, иначе он что-нибудь бы заподозрил. После первого небольшого урока он похвалил меня и сказал, что продолжит обучение после.

Мои новые товарищи оказались довольно глупыми и эгоистичными созданиями. Они все завидовали успехам друг друга, а особенно джедам, которые тоже были хормадами, но смогли занять такое высокое положение. Я заметил, что только страх держал их в повиновении, а ума у них хватало только на то, чтобы завидовать тем, кто лучше их живет и обладает властью. Да, почва для мятежа была явно неподходящая. К тому же, везде среди них были шпионы, так что каждую фразу нужно говорить осторожно.

Меня теперь раздражала любая задержка, которая не позволяла мне начать поиски Джанай. Я не хотел открыто расспрашивать о ней, так как это возбудило бы подозрения. А искать ее во дворце я тоже боялся, так как не знал здешних порядков и жизненного уклада.

На следующий день я с отрядом воинов вышел за стены города, где в хижинах жили обычные хормады. Здесь я увидел тысячи этих несчастных уродов, тупых, угрюмых, единственными удовольствиями которых были только сон и еда, а их разума хватало лишь на то, чтобы сетовать на свою долю. У многих ум вообще отсутствовал: они были довольны всем.

Я видел зависть и ненависть в глазах этих уродов. Они бормотали что-то злобное, когда мы проходили мимо. Это бормотание преследовало нас, как свист ветра в снастях воздушных кораблей. Я начал понимать, что грандиозный план джедов по завоеванию планеты встретит много трудностей. И самой большой помехой будут сами эти существа.

Наконец я изучил дворец, все его закоулки и, когда

освободился после дежурства, пустился на поиски Джанай. Я шел быстрой деловой походкой, как будто был послан с важным поручением.

В конце одного из коридоров мне преградил путь хормада.

— Что тебе здесь нужно? — спросил он. — Разве ты не знаешь, что эта часть дворца отведена женщинам, и сюда никто не может заходить, кроме здешних охранников?

— А ты один из них? — спросил я.

— Да, а ты иди отсюда и не приходи больше.

— Вероятно, это очень ответственный пост, — сказал я.

Он надулся от важности.

— Конечно. Сюда попадают только те, в ком уверены джеды.

— А женщины хороши?

— Очень.

— Завидую тебе. Мне бы тоже хотелось охранять женщин. Наверное, так приятно видеть красивых женщин. Я никогда не видел ни одной. Взглянуть на них одним глазом, верно, и то чудесно.

— Хорошо, я думаю, один твой взгляд не причинит им вреда. Кажется, ты умный парень. Как тебя зовут?

— Тор-дур-бар. Я из охраны Третьего Джеда.

— Ты Тор-дур-бар, сильнейший человек Морбуса?

— Да, это я.

— Я слышал о тебе. Все говорят о том, как ты подкинул хормада до потолка так сильно, что убил его. Я с удовольствием дам тебе взглянуть на женщин, только ты не выдавай меня.

— Конечно, — заверил я его.

Он подошел к двери в конце коридора и открыл ее. Я увидел большую комнату, где было много женщин и несколько бесполох хормадов, видимо, слуг.

— Можешь войти, — сказал он, — они примут тебя за охранника.

Я вошел в комнату и быстро осмотрелся. И тут мое сердце чуть не выскочило из груди: в дальнем конце комнаты я увидел Джанай. Я забыл об охраннике, забыл, что я страшное чудовище. Я забыл обо всем, кроме того, что здесь женщина, которую я люблю. Охранник догнал меня и схватил за плечо.

— Эй! Ты куда?

Я пришел в себя.

— Я хотел поближе посмотреть на них. Очень хочется понять, что джеды находят в женщинах.

— Этого ты не увидишь, пока они одеты. Я сам этого никогда не видел. А сейчас ты должен уйти.

В это время распахнулась дверь, и в комнату вошел Третий Джед. Охранник затрепетал от ужаса.

— Быстро! — шепнул он. — Смешайся со слугами. Притворись, что ты один из них. Может, он не заметит тебя.

Я быстро подошел к Джанай и опустился возле нее на колено.

— Что тебе надо, хормад? — спросила она. — Ты вовсе не из наших слуг.

— У меня послание для тебя, — прошептал я и коснулся ее своей рукой. Я не мог сдержаться. Желание было сильнее меня. Мне казалось, что я умру, если не сожму ее в своих объятиях. Она отшатнулась от меня. Отвращение и гадливость прочел я на ее лице.

— Не прикасайся ко мне, хормад, — сказала она, — а то я позову охранника.

И тогда, вспомнив, какое я чудовище, я отодвинулся от нее.

— Не зови охранника, пока не услышишь, что я скажу, — взмолился я.

— Нет никого, кто послал бы мне сообщение, а я захотела бы получить его.

— Это от Вора Дая. Ты забыла его?

Я ждал, затаив дыхание, ее реакции.

— Вор Дай! — выдохнула она. — Это он послал тебя ко мне?

— Да, он попросил меня найти тебя. Он даже не знает, жива ли ты. Он попросил меня передать тебе, что он будет день и ночь думать, как найти способ спасти тебя.

— Это безнадежно. Но скажи ему, что я не забуду его никогда. Каждый день я думаю о нем, и теперь я буду благословлять его за то, что он думает обо мне и хочет мне помочь.

Я хотел сказать ей больше, сказать, что Вор Дай любит ее, чтобы увидеть, как она отнесется к этим словам, но вдруг услышал громкий голос:

— Что ты здесь делаешь?

Я повернулся и увидел, что в комнату вошел Первый

Джед и остановился перед Третьим Джедом, всем видом своим выражая недовольство.

— Я пришел сюда к своей рабыне, — ответил Третий Джед, — а что здесь делаешь ты?

— Эти женщины еще не распределены Советом. У тебя нет прав ни на одну из них. Если тебе нужны рабы, закажи дополнительных хормадов. А сейчас — прочь отсюда!

Вместо ответа Третий Джед пересек комнату и схватил Джанай за руку.

— Идем со мной, женщина, — приказал он и поволок ее к двери.

Тогда Первый Джед выхватил меч и преградил ему путь. Меч Третьего Джеда, сверкнув как молния, выскок из ножен, и джеды стали сражаться. Третий Джед вынужден был отпустить Джанай.

Это была дуэль двух плохо обученных бойцов, но они так стремительно бегали по комнате и так яростно размахивали мечами, что все, кто находился там, были вынуждены постоянно уклоняться от ударов. Я все время старался заслонить собой Джанай и, в конце концов, оказался рядом с дверью. Девушка была возле меня. Внимание охранника и всех остальных было приковано к двум сражающимся джедам, а дверь была совсем близко. Нигде Джанай не будет хуже, чем здесь. Может, мне никогда больше не предоставится возможность украсть ее из этого дворца. Не знаю, куда я смогу спрятать ее, но даже вытащить ее отсюда — большой шаг к нашему побегу. Только бы доставить ее в лабораторию Раса Таваса, а уж он найдет возможность спрятать ее. Склонив свое хрупкое лицо к ее прекрасному, я прошептал:

— Идем со мной, — но она отшатнулась. — Пожалуйста, не бойся меня. Я друг Вора Дая и действую по его просьбе. Я хочу помочь тебе.

— Хорошо, — сказала она без дальнейших колебаний.

Я быстро оглядел комнату. Никто не обращал на нас внимания. Все смотрели только на джедов. Я взял Джанай за руку, и мы выскользнули в коридор.

ВОЙНА СЕМИ ДЖЕДОВ

Мы выбрались из комнаты, где много дней томилась Джанай. Я не имел ни малейшего понятия, куда мне девать ее. Любой, кто встретился бы нам, сразу бы заподозрил неладное. Я спросил Джанай, не знает ли она местечка, где ей можно укрыться, пока я не найду способа вывести ее из дворца. Но, к сожалению, ей была известна только та самая комната, где она ждала своей участи.

И я повел ее по коридору, по которому сам пришел сюда. Возле лестницы, ведущей на нижний этаж, я увидел двух поднимающихся по ней офицеров. Слева от нас была дверь, я открыл ее, и мы вошли в комнату, которая, по счастью, оказалась пустой. Видимо, это была кладовая, так как здесь вдоль стен стояли ящики и мешки. В дальнем конце комнаты было окно, а по левой стене — дверь.

Я подождал, пока не стихли шаги офицеров, а затем приоткрыл дверь и осторожно заглянул в следующую комнату. Она все была завалена мехами и шелками для постелей. Все было покрыто толстым слоем пыли, что явно указывало на то, что комнатой не пользовались очень давно. За портьерой я обнаружил ванну, а по стенам были развешены одежда и оружие воина. Видимо, тот, кто здесь жил, куда-то уехал, но собирался вернуться.

— Пожалуй, мы нашли прекрасное место, где ты можешь на время спрятаться. Держи дверь запертой. Вот засов. Как только смогу, я принесу тебе еду, а при первой возможности переправлю в более безопасное место.

— Может, Вор Дай придет повидаться со мной? Скажи ему, где я нахожусь.

— Он пришел бы, если бы мог. Однако он работает в здании лаборатории и не может выходить оттуда. А ты очень хочешь видеть его?

— Очень, — ответила она.

— Он будет рад узнать это, но пока он сам не сможет сюда зайти, я буду помогать тебе.

— Почему ты так добр ко мне? Ты совсем не похож на хормадов, которых я до сих пор видела.

— Я друг Вора Дая и сделаю все, что смогу для тебя и для него. Ты больше не боишься меня?

— Нет. Я боялась только сначала. Теперь нет.

— Вот и правильно. Я все сделаю для тебя, даже отдам жизнь, если понадобится.

— Благодарю тебя, хотя и не понимаю, чем заслужила такую преданность.

— Когда-нибудь поймешь, но не сейчас. Теперь я должен идти. Будь смелой и не теряй надежды.

— До свидания... О, я даже не знаю твоего имени.

— Тор-дур-бар.

— Теперь я вспоминаю тебя. Тебе отрубили голову, когда брали в плен Вора Дая и Дотора Соджета. Я помню, ты обещал дружбу Вору Даю. Правда, у тебя новое тело.

— Хотелось бы мне, чтобы у меня было и новое лицо,— сказал я, изображая улыбку своим жутким ртом.

— Достаточно того, что у тебя очень доброе сердце.

— Да, для меня этого достаточно, если ты думаешь так, Джанай. А теперь прощай.

Проходя через первую комнату, я заглянул в мешки и обнаружил, что там большие припасы пищи. Обрадовав Джанай новым открытием, я попрощался с ней.

Мои товарищи-охранники были крайне неинтересными типами. Как большинство тупых людей, они говорили только о себе и были ужасными хвастунами. Еда тоже занимала важное место в их беседах, и они проводили целые часы, рассказывая друг другу, кто и что съел, и в каких количествах. Когда рядом не было офицеров, они всячески поносили джедов, но делали это осторожно, ведь никто не мог поручиться, что рядом нет шпионов. Одного обещания лакомого куска было достаточно, чтобы купить любого из них или сделать осведомителем.

Как только я вошел в комнату для охраны, появился офицер и приказал всем с оружием следовать за ним. Он провел нас в очень большую комнату в покоях Третьего Джеда. Здесь уже собрались вооруженные хормады, принадлежащие Третьему Джеду. Все перешептывались и строили самые невероятные предположения о том, что нас ждет. Офицеры были необычайно серьезными, да и вся атмосфера была накалена нервным ожиданием чего-то.

Наконец в комнату вошел Третий Джед в сопровождении четырех своих дваров. Он был весь забинтован, сквозь повязки сочилась кровь. Я знал, где он получил эти раны, и мне было интересно, в каком состоянии

находится Первый Джед. Третий Джед обратился к нам.

— Вы пойдете со мной на Совет Семи Джедов,— сказал он.— Ваш долг — защищать меня. Повинуйтесь вашим офицерам. Если вы проявите преданность, то получите много еды и привилегий.

Мы отправились в зал, где собирался Совет, который уже был до отказа заполнен вооруженными воинами и личными охранниками джедов. Казалось, в воздухе летают электрические разряды, настолько все было напряжено. Шестеро джедов сидели на возвышении. Первый Джед был весь обмотан бинтами, красными от проступившей крови. Кресло Третьего Джеда пустовало. Он остановился перед подиумом, глядя на шестерых джедов, и зазвеневшим голосом обратился к ним.

— Вы послали воинов арестовать меня,— сказал он.— Они мертвы. Нет в Морбусе никого, кто посмел бы арестовать меня. Для этого надо иметь власть и силу. Среди вас есть те, кто хотел бы стать джеддаком и править всеми нами. Первый Джед, к примеру. Теперь пришло время определить, кто из нас более достоин стать джеддаком. Я вполне согласен с вами, что править всем вместе невозможно.

— Ты арестован! — сказал Первый Джед.

Третий Джед рассмеялся ему в лицо.

— Это доказательство того, что не тебе быть джеддаком. Ты можешь только отдавать приказы, не обеспечивая их исполнения.

Первый Джед посмотрел на своих сторонников и приказал двару:

— Хватайте его! Возьмите предателя живым или мертвым!

Воины Первого Джеда двинулись на нас, прокладывая путь сквозь толпу. Я стоял в первой шеренге и смотрел на приближающихся хормадов. Первым, кто пробился к нам, был огромный воин. Он сделал выпад мечом, стараясь нанести мне удар. Однако он был медлителен и неуклюж. Я без труда уклонился от его удара, но он вложил в свой удар столько силы, что, промахнувшись, потерял равновесие и упал прямо мне в руки. Это было прекрасно! Я поднял его в воздух и швырнул обратно к товарищам, сбив с ног многих из них.

— Прекрасная работа, Тор-дур-бар! — крикнул мне Третий Джед.— Ты получишь столько еды, сколько захочешь!

Второй воин пробился ко мне, и я так же швырнул его через весь зал. Только сейчас я до конца стал понимать, какой огромной силой обладаю: она была поистине чудовищной. После моего второго броска поднялся страшный шум. Прошло довольно много времени, прежде чем Третий Джед смог заставить слушать себя:

— Я, Третий Джед,— крикнул он,— объявляю себя джеддаком Морбуса. Пусть джеды, которые готовы повиноваться мне, встанут.

Никто не встал. Это уже было опасно, так как весь зал был полон воинами всех семи джедов. Я ждал, что же предпримет мой хозяин. Он повернулся и что-то скомандовал своим дварам. И тут же двары приказали нам пробиваться обратно к дверям. Началась битва, так как остальные джеды отдали приказ своим воинам задерживать нас.

Третий Джед выкрикнул мое имя.

— Расчисти путь к выходу, Тор-дур-бар! — воскликнул он.

Видимо, он делал слишком большую ставку на мою силу. Но я был рожден для схваток, а тут мне представилась великолепная возможность насладиться боем.

Я бросился в передние ряды нашего отступающего отряда. Оказалось, что мое уродство дает мне большое преимущество в бою. Моя непомерно длинная рука с мечом, нечеловеческая сила, мои бойцовские навыки — все это делало меня опаснейшим противником, перед которым никто не мог устоять. Путь перед нами открылся, как по мановению волшебной палочки, и те, кого я не мог достать мечом, обратились в бегство.

Весь пол передо мной был завален отрубленными руками, ногами, по полу катались отрубленные головы, изрыгавшие проклятия; их безголовые тела, как обезумевшие, размахивали мечами, поражая своих и чужих. В большом зале Совета Семи Джедов царил хаос. Хормады были слишком глупы, чтобы осознать чувство страха, но при виде своих офицеров, убегавших от меня, присоединились к ним.

Мы пробились к выходу из дворца, и наши офицеры отвели нас по улице к городским воротам. Часовые возле ворот не знали о событиях во дворце и открыли нам ворота по приказу Третьего Джеда. В любом случае они не смогли бы остановить нас, так как нас было гораздо больше.

Я размышлял, куда же мы идем, но вскоре догадался. Когда мы вошли в первую же деревню, Третий Джед собрал всех и объявил, что он джеддак Морбуса и все должны ему подчиняться. Он заставил всех офицеров и воинов поклясться в преданности новому джедаку, то есть ему, посулив за это много еды и лучшие условия жизни. Затем он оставил одного двара в этой деревне в качестве наместника, а сам отправился покорять новые деревни.

Он нигде не встретил сопротивления и в три дня захватил весь остров, за исключением самого города. Двары, которых он оставил в деревнях, готовили местных воинов оказать сопротивление любым силам, которые могли быть посланы шестью джедами из города. Однако в эти три дня из города не вышел ни один отряд, чтобы обуздать новоявленного джедака.

На пятый день мы вернулись в большую деревню на побережье близ города. И здесь Эймад, джеддак Морбуса, основал свою столицу. Имя свое он придумал сам, что в переводе на английский означает человек Номер Один, или Первый Человек. Да, он доказал, что из всех семи джедов он самый достойный, чтобы называться джедаком. И физически, и по уму он вполне соответствовал своей новой роли. Он был, пожалуй, самым умным из всех хормадов, которых я знал.

Однако все, что случилось, не оставляло мне почти никаких надежд. Джанай находилась в городе, и я был не в силах помочь ей. К тому же, рядом со мной не было ни Владыки Марса, ни Раса Таваса. Теперь я был просто бедный хормад, без поддержки и положения. Все сторонники враждебных нам шести джедов прекрасно знали мое страшное лицо, и у меня не было ни малейшей надежды пробраться в город никем не узнанным.

Когда мы обосновались в новой столице, я со своими товарищами-хормадами разлегся на земле в ожидании похлебки с искусственной плотью, награды за все наши подвиги. Такая оплата вполне удовлетворяла моих ограниченных собратьев, но только не меня. Я был намного более развит и умен, чем любой из них. Я был гораздо умнее, чем сам джеддак, но, тем не менее, оставался в самом низу общественной лестницы как самый тупой хормад. Я полулежал и занимался самобичеванием, когда офицер выкрикнул мое имя.

— Я Тор-дур-бар,— ответил я, поднимаясь.

— Идем со мной,— сказал офицер.— Джеддак послал за тобой.

Я направился за офицером к дому джеддака, а по дороге все думал, какие задачи возложит на меня Эймад, чтобы проверить мою сверхъестественную силу. Я был уверен, что он вряд ли вызывает меня для чего-нибудь иного. Да, я понял, что унаследовал комплекс неполноценности типичного хормада.

Для нового джеддака был выстроен помост. Он сидел на своем троне в окружении офицеров и выглядел как обычный джеддак любого государства Барсума.

— Подойди сюда, Тор-дур-бар,— приказал он.

Я вышел вперед и встал перед троном.

— На колени! — приказал он.

Я повиновался, ведь я был только бедный хормад.

— Самую большую победу из всех мы одержали в зале Совета в Морбусе. И этой победой мы обязаны тебе,— сказал джеддак.— У тебя есть не только чудовищная сила, но и ум. Поэтому я назначаю тебя дваром и, когда мы с победой войдем в Морбус, я разрешаю тебе выбрать для себя любого красного человека. Я прикажу Расу Тавасу перенести твой мозг в выбранное тобою тело.

Итак, я стал дваром. Я поблагодарил Эймада и встал в строй других дваров, стоявших тут же. Все они имели тела красных людей. Сколько из них имели мозги хормадов, я не представлял. Я был единственным дваром с телом хормада. И, насколько я знал, я был единственным, у кого в голове были мозги человека.

ГЛАВА XII

ПЛАНЫ ВОИНА

Защищенный стенами, Морбус был практически неприступен для армии, вооруженной только мечами. Семь дней Эймад пытался взять город, но его воины ничего не могли сделать: они тщетно пытались овладеть деревянными воротами, в то время как защитники города сбрасывали на их головы тяжелые камни.

Ночью мы отступили, и воины, защищавшие ворота, отправились спать, уверенные в своей безопасности. На восьмой день Эймад созвал своих дваров на совет.

— Мы топчемся на месте,— сказал джедак.— Мы можем биться в эти ворота хоть тысячу лет и не достигнем ничего. Только обломаем зубы. Как нам взять Морбус? Если мы хотим завоевать мир, то сначала должны захватить Морбус и Раса Таваса.

— Мир завоевать тебе не удастся,— сказал я,— но Морбус взять ты можешь.

— Почему мы не можем завоевать мир?

— Он слишком велик и населен многими цивилизованными народами.

— Что ты знаешь об этом? — удивленно спросил он.— Ты ведь только хормад, который нигде не бывал, кроме Морбуса.

— Потом ты убедишься, что я был прав, но Морбус взять очень просто.

— Как?

Я рассказал ему в нескольких словах, что надо делать. Он долго смотрел на меня, обдумывая сказанное, затем произнес:

— Это очень просто,— он обратился к дварам.— Почему никто из вас не мог додуматься до этого? Тор-дур-бар — единственный человек с мозгами среди вас.

Всю ночь тысячи хормадов делали лестницы. Всю ночь и весь следующий день. И во вторую ночь, когда обе луны склонились к горизонту, сотни тысяч хормадов бросились на штурм. По сигналу лестницы легли на стены города, и сотни хормадов оказались на улицах Морбуса.

Остальное было просто. Мы взяли спящий город, потеряв только несколько воинов. Эймад со своими дварами вступил в зал Совета. Первое, что он сделал,— вышвырнул оттуда все троны, оставив только один для себя. Затем он уселся на трон, и к помосту приволокли шестерых джедов, перепуганных до смерти.

— Вы хотите умереть? — спросил Эймад.— Или вы хотите, чтобы ваши мозги были перенесены обратно в тела хормадов?

— Теперь это невозможно,— сказал Пятый Джед,— но если ты все-таки собираешься это сделать, то я лучше пойду в резервуары. Я не хочу снова становиться хормадом.

— Почему это невозможно? — спросил Эймад.— Рас Тавас проделывал это сотни раз, он может повторить и с вами.

— Раса Таваса нет,— сказал Пятый Джед,— он исчез.

Можете представить, что я почувствовал, когда услышал это. Если это правда, то я обречен на всю жизнь остаться хормадом. Спасения не было, так как единственный, кто мог выручить меня, Вад Варо, находился в Дахоре. А в сложившихся обстоятельствах это было равнозначно тому, что он где-то на Земле. К тому же новый джеддак Морбуса рвется завоевать весь мир, значит, каждый человек станет для меня врагом. Откуда же мне ждать помощи?

А что с Джанай? Она испытывает ко мне отвращение, и я никогда не смогу сказать ей правду. Пусть лучше она думает, что я мертв, чем узнает, что мой мозг заключен в эту жуткую нечеловеческую плоть. Как может существо с такой внешностью говорить о любви? Любовь не для хормадов.

Как в тумане слушал я вопросы Эймада о Расе Тавасе и ответы на них Пятого Джеда.

— Никто ничего не знает, он просто исчез. Так как сбежать из города он не мог, мы считаем, что кто-то из хормадов просто бросил его в резервуар с культурой. Это месть.

Эймад был в ярости. Ведь без Расы Тавасы его мечты о завоевании мира не могли осуществиться.

— Это все дело ваших рук! Кто-то из вас уничтожил Расу Таваса или спрятал его. Уведите их! Каждого поместить в отдельную камеру подземной тюрьмы. Тот, кто сознается первым, получит жизнь и свободу. Остальные умрут. Я даю вам на размышление один день.

После этого шестерых джедов уволокли к тюрьму, и Эймад объявил амнистию тем офицерам, которые поклянутся в верности джеддаку. От этого предложения никто не отказался, так как отказ означал смерть. После того, как эта формальность была завершена, Эймад публично объявил, что заслуга взятия Морбуса принадлежит мне, и сказал, что он предоставит мне все, о чем я попрошу. Потом он назначил меня одваром (чин, равный генералу в армии землян).

— А теперь,— сказал Эймад,— проси, чего хочешь.

— То, что я хочу попросить,— сказал я,— не интересно никому, кроме нас двоих.

— Хорошо, я приму тебя сразу после окончания этого совета.

Я с нетерпением ждал, когда же закончится совет, и, когда Эймад поднялся и дал мне знак следовать за собой, вздохнул с облегчением. Он провел меня в небольшую приемную и уселся там за стол.

— Ну,— сказал он,— чего же ты хочешь?

— У меня две просьбы,— сказал я.— Во-первых, я хочу получить в свое ведение здание лаборатории.

— Не вижу причины для отказа,— прервал он меня,— но к чему тебе это?

— Там есть тело красного человека, которое я хочу получить, если найдется Рас Тавас,— объяснил я.— Если лаборатория будет в моих руках, я смогу сделать так, чтобы это тело было в полном порядке, а Рас Тавас смог бы сделать операцию.

— Хорошо. Твоя просьба удовлетворена. А какая вторая?

— Я хочу, чтобы ты отдал мне девушку по имени Джанай.

Лицо его омрачилось.

— Зачем она тебе? — спросил он.— Ты же только хормад.

— Когда-нибудь я стану красным человеком.

— Но почему Джанай? Что ты знаешь о ней? Разве ты видел ее когда-нибудь?

— Я был в отряде, когда ее брали в плен. Она единственная женщина, которую я хочу.

— Я не смог бы отдать ее тебе, даже если бы хотел,— сказал он.— Она тоже исчезла. Пока я сражался с Первым Джедом, она сбежала из комнаты, а мы дрались в комнате, где содержатся женщины, и с тех пор ее никто не видел.

— Ты отдашь ее мне, если я найду ее?

— Я сам хочу ее.

— Но у тебя же много других. Я видел во дворце чудесных женщин. И среди них наверняка найдется такая, кто станет тебе прекрасной женой, настоящей супругой джеддака.

— Она скорее умрет, чем будет принадлежать такому чудовищу, как ты.

— Если она найдется, пусть решит сама. Хорошо? Он рассмеялся.

— Охотно соглашаюсь. Неужели ты думаешь, что она предпочтет хормада джеддаку? Чудовище, вроде тебя, предпочтет человеку?

— Мне говорили, что поведение женщин непредсказуемо. Я хочу иметь шанс. Не лишай меня его.

— Хорошо, я согласен,— сказал он. Причем, сказал в полной уверенности, что шансов у меня практически нет.— Однако ты просишь слишком мало за свою службу. Я был уверен, что ты попросишь дворец для себя и своих слуг.

— Я попросил только то, чего желаю. И я доволен.

— Ну что же, ты можешь получить дворец, как только пожелаешь, но девушка, даже если найдется, никогда не согласится стать твоею.

Когда он отпустил меня, я поспешил в комнату, где оставил Джанай. Мое сердце чуть не выскочило из груди — так я боялся, что не найду ее там. Я старался, чтобы никто не заметил меня.

К счастью, коридор был пуст, и я проскользнул к комнате незамеченным. На стук ответа не последовало.

— Джанай! — позвал я.— Это Тор-дур-бар! Ты здесь?

Загремел засов, и дверь открылась. На пороге стояла она! Мое сердце замерло. Она была так прекрасна! С каждым разом она становилась все прекраснее!

— Ты вернулся. Я уже начала бояться, что ты никогда не придешь. Ты принес весточку от Вора Дая?

Значит, она думала о Воре Дае! Я был вне себя от радости и любви. Я вошел в комнату, закрыл дверь.

— Вор Дай шлет тебе весточку и просит передать, что ни о чем не может думать, кроме как о тебе и твоей безопасности.

— Но сам он придет?

— Нет. Он пленник в лаборатории, но он попросил меня присматривать за тобой. Теперь мне будет легче делать это, так как в Морбусе произошли большие перемены. Теперь я одвар и пользуюсь заметным влиянием на нового джеддака.

— Я слышала, что в городе шел бой. Расскажи, что же случилось.

Я коротко рассказал ей обо всем, а также о новом джеддаке, которым провозгласил себя Третий Джед.

— Тогда я пропала. Он самый могущественный из всех, кто жаждал получить меня.

— Может, в этом твое спасение. За все мои заслуги джеддак дал мне звание одвара и обещал сделать все, что я попрошу.

— И что ты попросил?

— Тебя.

Я почти физически ощутил дрожь, которая пробежала по телу прекрасной Джанай, когда она взглянула на мое уродливое тело и ужасное лицо.

— Пожалуйста,— взмолилась она,— ты ведь говорил, что ты мне друг и друг Вору Даю. Я уверена, что он не захотел бы отдать меня тебе.

— Он просил меня защитить тебя. Он надеется, что я смогу сделать это. Но разве я не сказал, что Вор Дай просил защитить и сберечь тебя для него?

Я сказал это потому, что хотел узнать, как она прореагирует на эти слова. Подбородок ее слегка задрожал.

— И что ответил Третий Джед на твою просьбу?

— Теперь он джеддак. Он назвал себя Эймадом. Он сказал, что ты не захочешь стать моею. Поэтому я пришел, чтобы объяснить, как обстоят дела. Решай сама. Я думаю, что Вор Дай любит тебя. Ты должна выбрать между ним и Эймадом. Эймад же попросит тебя выбрать между мной и ним. На самом деле, это выбор между ним и Вором Даем. Только Эймад этого не знает. Если ты выберешь меня, Эймад сочтет это за оскорбление и будет в ярости. Но я уверен, что он сдержит свое обещание. Тогда я поселю тебя возле себя и буду охранять до тех пор, пока Вор Дай не сможет устроить побег из Морбуса. Хочу заверить тебя, что Вор Дай хочет только помочь тебе, не настаивая на твоих ответных чувствах.

— Я уверена, что он именно такой, как ты говоришь. И будь уверен, когда придет время делать выбор, я выберу тебя. Тебя, а не Эймада.

— Зная о том, что ты отказываешься от чести стать джеддарой?

— Да! — ответила она твердо.

ГЛАВА XIII

ДЖОН КАРТЕР ИСЧЕЗ

Расставшись с Джанай, я направился в здание лаборатории, чтобы разыскать Джона Картера. Мы с Джанай решили, что ей следует скрываться еще несколько дней, чтобы не вызвать подозрений у Эймада в слишком быстром моем успехе.

Я решил подстроить так, чтобы ее нашел кто-нибудь другой, но я все время должен был оставаться где-нибудь поблизости, чтобы не накликать новую беду.

Первый, кого я увидел в лаборатории, был Тун Ган. Встретив меня, он впал в ярость.

— Я же предупреждал тебя, чтобы ты не попадался мне на глаза,— закричал он.— Ты хочешь угодить в резервуар?

Я указал ему на свои знаки отличия, которые он явно не заметил.

— Ты можешь послать одвара джеддака в резервуар? — ехидно спросил я.

Он был ошарашен.

— Ты одвар?

— А почему нет?

— Но ты же только хормада.

— Но стал одваром и сам могу послать тебя в резервуар, но не собираюсь делать это. У меня твое тело, так что мы должны быть друзьями. Что ты на это скажешь?

— Хорошо,— согласился он. Что он еще мог сказать,— но я никак не пойму, как ты стал одваром с таким жутким, уродливым телом?

— Не забывай, что все это было твоим,— напомнил я ему,— и помни, что кроме тела и лица нужен еще и ум, если хочешь продвинуться дальше.

— И все же я не могу понять, почему тебя, хормада, выбрали на должность одвара, а не меня, у которого такие красивые тело и лицо.

— Ладно,— не в этом дело. Я пришел сюда не за тем, чтобы обсуждать решения джеддака. Я назначен главным в здании лаборатории и хочу поговорить с Джоном Картером. Ты знаешь, где он?

— Нет, и никто не знает. Он исчез в то же время, когда и Рас Тавас.

Новый удар! Джон Картер исчез! Поразмыслив, я пришел к выводу, что у меня появилась надежда. Если они оба исчезли, и никто не знает, где они, вполне возможно, что они нашли способ бежать отсюда. Я был уверен, что Джон Картер не оставит меня. Если он бежал, то вернется. Он не бросит меня в этом чудовищном обликии.

— И что ты думаешь, что с ними случилось?— спросил я.

— Может, их разрубили на куски и бросили в резер-

вуар,— сказал Тун Ган.— Кое-кто из хормадов отбился от рук, и Рас Тавас угрожал отправить их на переработку. Возможно, чтобы спасти себя, они опередили его.

— Я иду в кабинет Раса Таваса,— сказал я.— Идем со мной.

Кабинет был в том же состоянии, что и в последний раз, когда я был там. Никаких следов борьбы, никаких признаков, указывающих на причину их исчезновения, никаких ключей к разгадке тайны. Я ничего не мог понять.

— Когда их видели в последний раз?

— Около трех дней назад. Один из хормадов видел их выходящими из подвала. Не знаю, зачем они туда спускались. Туда никто не ходит с тех пор, как там перестали держать пленников. Для этого используются подвалы других зданий города.

— Подвалы обыскали?

— Да, но там ничего не нашли.

— Подожди здесь,— сказал я. Мне нужно было пройти в лабораторию и увидеть свое тело, убедиться, что оно в безопасности. Но я не хотел, чтобы Тун Ган заподозрил что-то, увидев его. Конечно, он далеко не мудрец, но не надо иметь слишком много ума, чтобы догадаться, куда же делся мозг Вора Дая.

Тун Ган ждал меня в кабинете. Я знал, где Рас Тавас прятал ключ от малой лаборатории. Быстро открыв ее, я вошел. Меня ждал страшный удар — мое тело исчезло!

Ноги мои ослабели и я рухнул на скамью. Долго я сидел, опустив голову на руки. Теперь потеряны все мои надежды завоевать Джанай. Совершенно очевидно, что она откажется быть моей, раз у меня такое уродливое тело и страшное лицо. Ни одна женщина в мире не согласится принадлежать такому уроду, как я.

Наконец я взял себя в руки и подошел к столу, где когда-то лежало мое тело. Казалось, здесь ничего не изменилось, но сосуд с моей кровью тоже исчез. Может быть, Рас Тавас вложил чей-то мозг в мое тело? Нет, он не мог сделать этого без согласия Джона Картера. И если Джон Картер согласился с этим, значит, для этого были самые серьезные причины. К примеру, решившись бежать, они хотели забрать с собой мое тело, а для этого потребовалось пересадить в него чей-то мозг. Но все это были только мои догадки и предположения.

Истины я не знал и не мог объяснить случившееся.

Пока я размышлял, я вспомнил, что Рас Тавас написал что-то на листке бумаги и прикрепил к столу, где лежало мое тело. Я решил посмотреть, что там написано. Но листка я тоже не нашел, он также исчез. На его месте был прикреплен другой, с двумя цифрами «3-17». Что они означали? Мне они ни о чем не говорили.

Я вернулся в кабинет и приказал Туну Гану сопровождать меня на обходе лаборатории.

— Как идут дела с тех пор, как исчез Рас Тавас? — спросил я.

— Что-то там происходит непонятное, — ответил он, — но никто не знает, что делать.

Когда мы пришли к первому резервуару, я понял, что имеет в виду Тун Ган. Все обстояло как нельзя хуже. Весь пол был завален остатками чудовищ, которые должны были быть уничтожены. И эти остатки жили. Ноги пытались идти куда-то, руки хватали все, до чего могли дотянуться, головы катались по полу, что-то выкрикивая. Все это усиливало и без того жуткое впечатление. Я подозвал к себе дежурного офицера.

— Что все это значит? Почему никто не убирает эти остатки?

— Кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы, хормад? — спросил он.

Я показал ему на свой жетон, и он сразу притих.

— Отвечай на мои вопросы, — приказал я.

— Никто, кроме Раса Таваса не знает, как их загружать и в какой резервуар.

— Тогда отправляйте все в резервуар с кормовыми бактериями. А пока Рас Тавас не вернется, сжигайте все бесполезное.

— Что-то неладное творится с четвертым резервуаром, — сказал он. — Может, ты сходишь и посмотришь?

Когда я подошел к четвертому резервуару, перед моими глазами предстало нечто ужасное. Видимо что-то произошло с растительной культурой, и вместо отдельных хормадов выползала сплошная живая плоть. Она переваливалась через край резервуара и выкатывалась на пол. Различные внешние и внутренние органы росли на этой плоти без всякой связи друг с другом. Где-то виднелась нога, где-то рука, то выплывала голова. И все эти головы непрерывно кричали, плевались, изрыгали

проклятия. Картина была ужасающая.

— Мы пытались что-нибудь сделать,— сказал офицер,— но когда подходили к массе, руки хватали нас, а головы кусали. Даже хормады боялись подойти к ней, хотя обычно не боятся ничего! Что же говорить о людях.

Я согласился с ним. Честно говоря, я понятия не имел, что делать. Я не мог подойти к резервуару, чтобы остановить выливающуюся плоть, а без хормадов, которые боялись подойти ближе, уничтожить ее было невозможно.

— Закройте двери и окна,— приказал я.— Со временем плоть сожрет себя или подохнет с голоду.

Но когда я выходил из комнаты, то увидел, как одна из голов откусила кусок плоти, из которой выросла. Да, вряд ли она подохнет с голоду. Все это настолько взбудоражило меня, что я долго не мог отделаться от мыслей, что же происходит там, за закрытыми дверями и окнами.

Несколько дней я провел в бесплодных попытках навести порядок в лабораториях. Кое-что мне все-таки удалось. Правда, лишь благодаря тому, что никто не знал, как готовить питательную смесь для размножающейся культуры. По мере того, как резервуары опустошались, производство хормадов стало падать. Это меня чрезвычайно обрадовало. Скоро они совсем прекратят формироваться. Оставалось только желать, чтобы Рас Тавас не вернулся и не возобновил свою деятельность, если бы не одно обстоятельство. Без Раса Таваса никто не вернет мне тело.

Все это время я не посещал Джанай, опасаясь, чтобы меня не выследили шпионы Эймада. Наконец я решил, что пришло время «отыскать» ее. Я пошел к Эймаду и сказал, что все мои попытки найти Джанай в городе не увенчались успехом. Поэтому я прошу разрешения на тщательный обыск дворца.

— Если ты что-то и найдешь,— сказал он,— то только ее труп. Она не могла покинуть дворца, оставшись незамеченной стражей.

— Но почему ты думаешь, что она мертва?

— Люди не могут жить без воды и пищи. А я уверен, что, если бы кто-то и таскал для нее еду, это было бы замечено. Ищи, Тор-дур-бар. Твоей наградой, если это можно так назвать, станет труп Джанай.

Что-то в выражении его лица, голосе насторожило

меня. Эта полуулыбка, коварная и хитрая... Что это означает? Может, он нашел Джанай и убил ее? Беспокойство охватило меня. В моем воображении возникали самые страшные картины. Мне хотелось тут же броситься в комнату, где пряталась Джанай, чтобы узнать всю правду. Но благоразумие взяло верх. Я организовал поисковые отряды: их командирами я назначил офицеров, которым доверял. Каждый отряд был направлен в определенную часть дворца с приказом обыскать все комнаты и закоулки. Сам я пошел с отрядом, который должен был обыскать ту часть, где находилась комната Джанай. Этим отрядом командовал Ситор, которому я доверял. Здесь же был Тиата-ов, который везде теперь громогласно заявлял о нашей с ним дружбе.

Я не стал направлять отряд прямо в убежище Джанай. Но через некоторое время мы приблизились к ее комнате. Сердце мое стучало, как колокол. Мы вошли в первую комнату.

— Ее здесь нет,— сказал я.

— Но вот еще дверь,— сказал Ситор и подошел к ней.

— Вероятно, еще одна кладовая,— сказал я, выражая крайнее безразличие, хотя внутри у меня все дрожало.

— Она заперта. Заперта с той стороны. Это подозрительно.

Я шагнул вперед и позвал.

— Джанай! — ответа не было. Сердце мое упало.— Джанай! — повторил я.

— Ее там нет,— сказал Ситор.— Однако, чтобы убедиться, нужно взломать дверь.

— Да, ломай!

Хормады принесли инструменты и приступили к работе. Когда затрещали панели, из комнаты послышался голос Джанай:

— Я открою.

Мы услышали звук отодвигающегося засова, и затем дверь распахнулась. Мое сердце дрогнуло от радости, когда я увидел ее на пороге, живую и здоровую.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Я должен доставить тебя к Эймаду, нашему джедаку,— сказал Ситор.

— Я готова.

Она даже не взглянула на меня. Может, она решила,

что быть джеддарой не так уж плохо? Она много дней обдумывала свое положение, а я не приходил к ней. Может, теперь она переменяла свое решение. Если так, то я пойму ее. Ведь искушение слишком велико. А что мог предложить ей Вор Дай?

Пока мы шли в покои Эймада, джеддака Морбуса, сердце мое болело от нестерпимой тоски.

ГЛАВА XIV

ЧУДОВИЩЕ ПРОДОЛЖАЕТ РАСТИ

Противоречивые чувства охватили меня, когда мы с Ситором и Джанай стояли перед тронем Эймада. Ситор, красивый, величественный. Эймад — в облачении джеддака. Джанай, прекрасная, как само совершенство. И я, уродливый и страшный. И как я мог вообразить, что Джанай сможет предпочесть меня нормальным людям? А если мой соперник к тому же джеддак, какие шансы у меня? Я постоянно отождествлял себя с Вором Даем, а это, согласитесь, означало, что я путаю мозг одного с телом другого.

Масленными глазами Эймад буквально пожирал Джанай, и сердце мое ныло. Вдруг Джанай все-таки выберет меня, а Эймад откажется выполнить условия договора? Я поклялся, что тогда убью его. Эймад отпустил Ситора и обратился к Джанай.

— Этот хормад сослужил мне службу, — показал он на меня. — Чтобы наградить его, я обещал выполнить его просьбу. Он попросил тебя. Мы решили предоставить выбор тебе. Если Рас Тавас будет найден, хормад надеется получить новое тело. Если Рас Тавас не найдется, хормад останется в прежнем обличии. Если ты выберешь меня, ты станешь джеддарой Морбуса. Кого ты выбираешь?

Я не могу сказать, что Эймад изложил дело достаточно подробно, но он знал, что все преимущества на его стороне, так зачем говорить лишнее? У него не было сомнений в ответе Джанай. Эймад предложил ей высокое положение. Вор Дай ничего не мог предложить. А так как она не знала ни того, ни другого претендента, то ее выбор был очевиден.

Эймад проявил нетерпение.

— Ну? Каков твой ответ?

— Я пойду с Тор-дур-баром,— сказала она.

Эймад прикусил губу, но сдержался.

— Отлично,— сказал он,— но я думаю, что ты делаешь ошибку. Если ты изменишь свое решение, дай мне знать.

Затем он отпустил нас.

На обратном пути в лабораторию я буквально летел по воздуху. Джанай сделала выбор! Теперь она постоянно будет со мной, под моей защитой. Она тоже казалась счастливой.

— Значит, я теперь увижу Вора Дая?

— Боюсь, что нет.

— Почему? — она даже остановилась от неожиданности.

— Через некоторое время,— объяснил я,— а пока я буду охранять тебя.

— Но я думала, мы идем к Вору Даю. Ты обманул меня, хормад?

— Если ты так думаешь, тебе лучше идти к Эймаду! — рявкнул я, испытывая, вероятно, самое странное чувство, какое когда-либо охватывало человеческое существо,— ревность к самому себе.

Джанай сразу притихла.

— Прости,— сказала она,— но я ужасно устала. Пожалуйста, прости меня. Я ведь столько пережила, что любой мог бы сойти с ума.

Я уже выбрал жилье для Джанай в здании лаборатории. Комнаты были рядом с моими и на некотором расстоянии от помещений с резервуарами. Для охраны и прислуги я отобрал самых умных хормадов, и она была довольна всем. Закончив ее устройство на новом месте, я сказал:

— Если я понадобится тебе или ты захочешь видеть меня, сразу пошли за мной, и я приду.

Я оставил ее и пошел в кабинет Раса Таваса. Теперь я сделал все, что мог, с помощью тела хормада. И можно было подумать о побеге из Морбуса. Но куда мне бежать в таком виде? Только в Морбусе я мог надеяться жить в безопасности!

Чтобы как отвлечься от мрачных мыслей, я принялся за просмотр бумаг и заметок Раса Таваса. Большинство из них были для меня совершенно непонятны. И все же я продолжал копаться в них, хотя мысли мои были

заняты Джанай. Я думал о том, что случилось с Расом Тавасом и Джоном Картером, а также о своем собственном теле. Будущее представлялось мне весьма мрачным. Вскоре я нашел нечто, напоминающее план здания. Рассмотрев его повнимательнее, я понял, что это и в самом деле план здания лаборатории. Я легко узнал две двери, которые мне были хорошо знакомы. На одном из листов оказался план подвалов под лабораторией. Подвал состоял из коридоров и камер. Там было три длинных коридора и пять поперечных. Все они были пронумерованы от 1 до 8. Камеры в каждом коридоре тоже были пронумерованы. Четные номера стояли на одной, нечетные — на другой. Все это было мне интересно, поэтому я отложил эти планы, чтобы при удобном случае изучить их. В это время охранник у двери объявил, что пришел Тун Ган и хочет видеть меня. Он был крайне возбужден, когда вошел в кабинет.

— В чем дело? — спросил я, так как по его виду догадался, что произошло нечто неприятное.

— Идем,— ответил он,— я покажу.

Он повел меня в главный коридор, затем в небольшую комнату, окна которой выходили во двор. В него же выходили окна и вентиляционные отверстия из помещений, где были расположены резервуары. Среди них было окно в помещение с резервуаром № 4. Когда я выглянул в окно, то ужаснулся. Масса живой плоти, растущей на культуре бактерий, развивалась так быстро, что заполонила всю комнату и уже выдавила окно. Теперь эта жуткая, шевелящаяся, кричащая масса вываливалась во двор.

— Вот,— сказал Тун Ган.— Что ты будешь делать с этим?

— Я ничего не могу с ней сделать. И никто ничего не сделает. Сомневаюсь, что и Рас Тавас справился бы с этим. Он создал силу, которая вышла из-под контроля.

— И чем все это кончится?

— Если она не перестанет расти, то вытеснит все живое из Морбуса. Она растет и растет, поедая самое себя. Она может захватить весь мир. Что или кто в силах остановить ее?

Тун Ган покачал головой. Он не знал, что сказать.

— Возможно, Эймад сумеет что-то сделать? — предположил он.— Он ведь джеддак.

— Пошли за ним,— сказал я.— Сообщи ему, что

здесь произошло, и передай, что я хочу, чтобы он сам посмотрел на массу.

Впервые в жизни мне хотелось переложить на чьи-то плечи ответственность, потому что я был беспомощен перед лицом надвигающейся опасности. Вряд ли кто из людей попадал в такую ситуацию. Вскоре пришел Эймад. Он посмотрел во двор, выслушал мои объяснения, но всю ответственность переложил на мои плечи.

— Ты хотел всей власти в лаборатории,— сказал он,— и я дал тебе эту власть. Так что это — твоя проблема, а не моя.

С этими словами он повернулся и ушел обратно во дворец. К этому времени вся земля во дворе была покрыта шевелящейся массой. А из окна все вылезала и вылезала новая плоть.

«Ну что же,— подумал я,— пока она заполнит весь внутренний двор, пройдет много времени. А пока я могу подумать над тем, что же делать». Я вернулся в свои покои и сел у окна, глядя через стены города на простирающиеся вдаль Великие Тунолианские Топи. Бескрайние болота за городом напоминали мне шевелящуюся массу, вышедшую из-под контроля. Чтобы отогнать от себя это видение, я закрыл глаза.

Потом я вдруг снова вспомнил о плане здания, найденном мною в кабинете Раса Таваса. Мне вспомнилось наше путешествие из Гелиума с Джоном Картером. И тогда я снова вспомнил о своем теле, потому что мысленно представил себя рядом с Джоном Картером. Где же мое тело? Последний раз я видел его на столе в лаборатории. Стол сейчас пуст, а на ножке стола я нашел бумажку с загадочными цифрами 3-17. 3—17! Что же они могут означать?

И внезапно меня осенило. Эти цифры имеют важный смысл. Я вскочил и побежал в кабинет Раса Таваса. Здесь я снова вытащил план, расстелил его на столе, и мои пальцы легли на линии коридора под номером 3 и нашли там цифру 17. Может, это и есть ответ? Снова я впился глазами в план. Возле цифры 17 был поставлен маленький кружок. На других камерах таких кружков не было. Что это за кружок? Почему он поставлен? Что он означает? У меня был только один способ ответить на все вопросы. Я встал из-за стола, вышел в коридор. Пройдя мимо охраны, я направился к лестнице, ведущей в подвалы. Карта подвалов стояла передо мной. Я мог бы найти 3-17 с закрытыми глазами.

Все коридоры и камеры были пронумерованы, и вскоре я уже стоял перед камерой 17 в коридоре 3. Я толкнул дверь. Заперта! Я обозвал себя идиотом. Можно было бы догадаться, что если в камере то, что я надеюсь найти, значит, она должна быть заперта. Я знал, где Рас Тавас хранил ключи от всех помещений лаборатории, и быстро пошел обратно. Когда, взяв ключи, я проходил мимо офицеров, они проводили меня взглядами. Вероятно, им показалось подозрительным мое поведение. Наверное, это шпионы Эймада. Мне нужно быть поосторожнее.

Сделав вид, что собираюсь осмотреть резервуары, я прошелся по коридору, отослал одного из офицеров, которого давно подозревал, с каким-то поручением, а сам стал внимательно наблюдать из окна за выливающейся массой. Скорость ее поступления не замедлилась. Наконец, когда я решил, что усыпил бдительность всех, я снова направился к лестнице, спустился в подвал и через некоторое время снова стоял перед камерой 17 в коридоре 3.

Я вставил ключ, повернул его. Дверь открылась. Камера была освещена радиевой лампой, которые широко используются на Барсуме.

Прямо передо мной на столе лежало мое тело. Я вошел в камеру, закрыл за собой дверь. Да, это мое тело. И здесь же сосуд с кровью. Мы снова вместе: мое тело, моя кровь, мой мозг. Вместе, но порознь. Только Рас Тавас мог соединить нас в одно целое. Но Раса Таваса не было. Он куда-то исчез.

ГЛАВА XV

Я НАХОЖУ СВОЕГО ХОЗЯИНА

Я долго стоял, глядя на свое тело. Я никогда не страдал нарциссизмом, но сейчас, когда я сравнивал свое тело с уродливой оболочкой, в которой находился мой мозг, мне казалось, что мое тело — самое красивое в мире. Я подумал о Джанай, которая находилась наверху в своих комнатах, и обругал себя идиотом за то, что стал таким уродом, которого Джанай никогда не сможет полюбить.

Но что теперь сожалеть об этом! Я заставил себя думать о другом. Мне вспомнился маленький кружок на плане. Все-таки эта камера должна отличаться от других

в этом подвале. Я стал тщательно осматривать пол и обнаружил еле заметную окружность диаметром около двух футов. Я опустился возле нее на колени. В одном месте я увидел маленькую метку. Видимо, этот люк, а метка указывает, в какую сторону он открывается. Вставив в щель конец кинжала, я нажал. Крышка легко поднялась. Теперь можно было просунуть туда пальцы.

Через мгновение я уже заглядывал вниз, в открывшуюся черную пропасть. Что там внизу? Зачем этот люк? Поколебавшись немного, я протиснулся в люк и повис на руках. Отверстие было небольшим, так что мой громадный торс с трудом пролез в него. Кончиками пальцев на ногах я нащупал что-то твердое. От всей души надеясь, что это дно, я отпустил руки.

Я действительно стоял на твердом полу. Сверху проникал слабый свет, и я увидел узкий коридор, ведущий в крошечную тьму. Я зашел уже так далеко, что мне не оставалось ничего другого, как исследовать, куда же ведет коридор. Однако, может, мне стоит закрыть за собой крышку люка? Вдруг кто-нибудь забредет в камеру и увидит открытый люк. Но как же я тогда выберусь? С открытой крышкой просто, а с закрытой?

Нет, тут что-то не так. Нужно что-то придумать. Я огляделся и обнаружил в коридоре бревно, которым подпер крышку люка так, что она в опущенном положении была почти закрыта. Обезопасив себя, я пошел по коридору. Прежде чем сделать следующий шаг, я осторожно ощупывал пол перед собой ногой, а стены — руками, чтобы не пропустить боковой коридор, если он встретится мне. Ведь если я заблужусь здесь, мне уже никогда не вернуться назад. Да и вернусь ли я? А что тогда станет с Джанай? Может, мне не стоит пускаться в эту авантюру? Нет, в конце концов, я забрался сюда в ее же интересах. Может быть, именно здесь мне удастся найти путь к свободе?

Только вперед! И я пошел. Пол коридора был ровный. Никаких ответвлений я не встретил. Коридор немного поворачивал, но не под углом. Я шел и думал, что же ждет меня в конце пути. Стены стали сырыми, на полу появилась липкая грязь. Внезапно пол пошел под уклон, и я даже заколебался — идти ли мне дальше. Подумав, я все же двинулся вперед. Вскоре пол опять выровнялся. Я прикинул, и решил, что нахожусь примерно на тридцать-сорок футов ниже первоначального

уровня пола. С потолка и стен сочилась вода. Пол стал совсем скользким. Я шел вперед по этому нескончаемому туннелю. Я думал, что он никогда не кончится. Какое новое испытание ждет меня впереди? Иногда мне хотелось повернуть назад, но всякий раз меня останавливала мысль о Джанай.

«Хормад!» — звучал в ушах у меня ее голос, и я чувствовал, сколько в нем презрения, которого она никогда не могла скрыть. А как она говорила о Воре Дае! Как менялся ее голос, дыхание. Снова волна ревности к себе захлестнула меня, но чувство юмора возобладало, и я рассмеялся. Этот смех жутковато прозвучал в черном, сыром подземелье. Больше я не стал смеяться, слишком страшно.

Снова пол коридора стал подниматься. Он уходил все время вверх, пока я не почувствовал, что снова нахожусь на прежнем уровне. Впереди внезапно появился свет. Вернее, не свет, а менее густая тьма. Через некоторое время я вышел из туннеля. Была ночь, безлунная ночь. Где же я? Я понял, что прошел под землей несколько миль. Должно быть, я нахожусь вне стен города, но где?

Впереди меня появился силуэт, и в слабом свете я понял, что это хормад.

— Кто ты? — спросил он. — Что ты здесь делаешь? И, не дожидаясь ответа, выхватил меч.

Такой язык я понимал и знал, как отвечать. Я выхватил свой меч и вступил с ним в бой. Этот воин был искуснее тех, с кем мне приходилось встречаться до сих пор. Он знал некоторые приемы, которые были известны только ученикам Джона Картера. Когда он понял, что я знаю защитные приемы, он что-то крикнул, и из тьмы вынырнули три человека. Один из них, высокий красный человек, бросился на меня. И тут я узнал его.

— Джон Картер! — крикнул я. — Это я, Вор Дай! Он тут же опустил меч и отступил назад.

— Вор Дай! Как ты попал сюда?

Позади него стоял Рас Тавас и второй хормад. Я коротко рассказал им, как нашел камеру 17 и вход в подземелье.

— А теперь расскажите мне, что вы здесь делаете? — сказал я.

— Пусть расскажет Рас Тавас.

— Морбус очень древний город, — начал великий мыслитель. — Он построен в давние времена народом,

ныне исчезнувшим. После поражения Тунола, я обнаружил этот город, поселился в нем и полностью перестроил, хотя основой послужил древний город, прекрасно сохранившийся. Многого в этом городе я не знал. У меня были планы всех зданий, в том числе и здания лаборатории. Как и ты, я заметил кружок на плане на схеме камеры 17. Я решил, что он что-то означает, но тогда у меня не было ни времени, ни желания исследовать это. Когда мы решили спрятать твоё тело туда, где ему не смогут причинить вреда, я выбрал камеру 17, и тогда-то мы обнаружили туннель, ведущий на этот остров. Остров находится в двух милях от Морбуса.

Дур-дан и Ил-дур-ен перенесли твоё тело в камеру 17, и мы взяли их с собой. Это два моих лучших хормада, умных и преданных. Выбравшись из Морбуса, мы решили попытаться пробраться на запад Тунолианской Топи, найти воздушный корабль Джона Картера и лететь в Гелиум. Мы надеялись, что я прибуду вовремя, чтобы спасти от смерти Дею Торис.

Сейчас мы строим лодку для путешествия по болотам, и она уже почти готова. Мы очень беспокоились о тебе. Конечно, мы не хотели бросать тебя, но корабль может взять только двоих, значит, тебя все равно пришлось бы оставить. И ты был бы в Морбусе в большей безопасности, чем на холмах близ Фандала.

— Вы вообще не должны были думать обо мне, — сказал я. — Наша единственная цель, когда мы пробирались сюда с Джоном Картером — это найти тебя и как можно скорее вернуться с тобой в Гелиум. Я знал, что мне все равно пришлось бы остаться. Однако это малая жертва для спасения принцессы. Джон Картер потом послал бы за мной корабль.

— Естественно, — сказал Джон Картер, — и все же мне очень не хотелось оставлять тебя здесь, но выбора не было. Мы планировали послать Ил-дур-ена в Морбус с письмом к тебе, где бы все объяснили. Дур-дан должен был сопровождать нас до воздушного корабля. И если бы нам удалось улететь, он постарался бы вернуться обратно в город.

— Когда вы хотите начать путь?

— Лодка будет готова завтра, и мы отправимся, как стемнеет. Мы думаем передвигаться по ночам, а днем прятаться и отдыхать. Рас Тавас убедил меня, что днем нам не пройти. По болотам раскидано мно-

жество островов, где живут дикари, последние остатки народа, населявшего эту обширную территорию.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Нет, ты и так принес достаточно жертв.

— Тогда я возвращусь в город, пока не заметили мое отсутствие. Ведь я теперь довольно в трудном положении.

— Что ты имеешь в виду?

— Джанай!

— Что с нею? Ты нашел ее?

Я рассказал им все.

— Значит, под твое начало передана лаборатория? — спросил Рас Тавас. — Как там идут дела в мое отсутствие?

— Ужасно! Единственное, что меня радует, это постепенное прекращение производства хормадов. Но теперь случилось такое, что мне кажется гораздо хуже миллиона хормадов, — и я рассказал им о неуправляемой плоти, выбившейся из резервуара.

Он был глубоко озабочен.

— Это как раз то, чего я всегда боялся и всячески старался избежать. Во всяком случае, готовься бежать из Морбуса, если тебе не удастся остановить процесс в этом резервуаре. Со временем масса захватит весь остров. Теоретически она может занять всю поверхность Барсума, вытеснив все остальные формы жизни. Ведь это первоначальная форма жизни, которая не может умереть. Однако я прихожу к выводу, что человек не может контролировать развитие жизни. Я попытался вмешаться в законы природы, и это, видимо, наказание мне.

— Но как я мог бы остановить рост массы? — спросил я.

Он покачал головой.

— Есть один способ предотвратить ее распространение, но боюсь, что дело зашло слишком далеко.

— И что это за способ?

— Огонь.

— Ясно, — сказал я, — но, вероятно, уже поздно.

— Во всяком случае, бегите с Джанай из Морбуса, а потом ждите нашего возвращения.

— Я вернусь сюда с воинами, чтобы захватить Морбус и освободить тебя, — сказал Владыка Марса.

— Хорошо, мой принц, но обязательно привези известие, что принцесса Гелиума выздоровела.

ДЖЕДДАК ГОВОРИТ

Пребывая в подавленном настроении, я пробирался по туннелю обратно. Мне казалось маловероятным, что Джон Картер и Рас Тавас выживут в путешествии по диким болотам и доберутся до их западной границы. Мой принц погибнет, а моя обожаемая принцесса обречена на смерть. Тогда для чего жить мне? Я навечно останусь в этом жутком обличьи, и Джанай будет для меня безвозвратно потеряна. Да, единственное существо, ради которого мне стоило жить, — это Джанай. Я могу посвятить жизнь ей. Может быть, когда-нибудь мне удастся устроить ее побег из Морбуса. Теперь, когда я знаю этот туннель, эта затея не выглядит такой уж безнадежной.

Наконец я добрался до камеры 17. Я не мог удержаться, чтобы на некоторое время не задержаться и не посмотреть на свое тело. Оживит ли его когда-нибудь мой мозг? Вряд ли я мог ответить на этот вопрос, поэтому я вышел из камеры и поднялся наверх. Возле кабинета я встретил Туна Гана.

— Я рад, что ты вернулся, — сказал он с облегчением.

— Почему? Что-нибудь случилось?

— Не знаю, просто я не знал, где ты был и что делал. Следили ли за тобой? Видел ли кто-нибудь тебя?

— Никто не видел меня, но если и видели, что тут особенного? Я просто обследовал подвалы. Почему ты спрашиваешь?

— Шпионы Эймада активизировались. Некоторых я знаю, а других подозреваю. Думаю, что Эймад послал еще нескольких, чтобы следить за тобой. Говорят, он был в ярости, когда женщина предпочла тебя, вместо того, чтобы остаться с ним и стать джеддарой.

— Ты хочешь сказать, что меня искали?

— Да, повсюду. Они даже заходили в женские покои.

— Как она? Они не увели ее?

— Неизвестно.

— Значит, ты не знаешь, здесь ли она?

— Нет.

Сердце мое упало. Я поспешил к Джанай. Тун Ган следовал за мной. Этот хормад, кажется, способен на дружеские чувства. Может, он достоин моего доверия?

Хорошо бы. Сейчас мне как никогда нужны верные союзники. Особенно, если Эймад захочет забрать у меня Джанай.

Охранник возле двери узнал меня и отступил в сторону. Войдя в комнату, я не заметил сразу ее. Джанай сидела ко мне спиной, глядя в окно. Я окликнул ее, тогда она встала и повернулась ко мне. Казалось, она рада видеть меня, но когда ее взгляд упал на Туна Гана, глаза ее расширились от ужаса, и она отшатнулась назад.

— Что делает здесь этот человек? — закричала она.

— Он один из моих офицеров. Что он сделал? Он причинил тебе вред, пока меня не было?

— Разве ты не знаешь, кто он? — спросила Джанай.

— Это Тун Ган. Он хороший офицер.

— Это Гантун Гор, убийца из Амхора. Он убил моего отца.

Я сразу понял, почему она так говорит.

— Это только тело Гантуна Гора. Его мозг сожжен. Теперь в теле врага — мозг друга.

— О,— облегченно вздохнула она.— Это работа Раса Таваса. Прости меня, Тун Ган, я не знала.

— Расскажи мне о человеке, чьим телом я теперь обладаю,— попросил Тун Ган.

— Это был наемный убийца, услугами которого частенько пользовался принц Джал Хад. Принц хотел взять меня в жены, но мой отец не позволил ему. Он знал, что я скорее умру, чем стану женой принца. Поэтому Джал Хад нанял Гантуна Гора, и тот убил моего отца, а меня похитил. Я решила бежать в Птарту, где были друзья моего отца. Гантун Гор преследовал меня. С ним были его компаньоны, члены Гильдии Убийц. Они догнали нас и напали на небольшой отряд, сопровождавший меня. Это случилось ночью. Я бежала и больше никогда не видела своих друзей. А через два дня попала в плен к хормадам. Думаю, что и Гантун Гор тоже был схвачен ими.

— Тебе можно больше не бояться его,— сказал я.

— Да, но странно видеть врага и знать, что это уже не враг.

— В Морбусе происходит много странного,— сказал я,— и совсем необязательно, что у всех, кого ты здесь видишь, свои мозги или свои тела.

Да, это действительно странно. Здесь стоял Тун Ган

с телом Гантуна Гора и с мозгами Тор-дур-бара. И я — с телом Тор-дур-бара и мозгами Вора Дая. Интересно, какова была бы реакция Джанай, узнай она правду? Если бы она любила Вора Дая, то было бы правильным все объяснить ей теперь. Но если она не любит его, то открыться сейчас — значит навсегда утратить надежду на то, что она полюбит меня, когда я получу свое нормальное тело. Мой нынешний ужасающий вид навсегда отвратит ее от меня. Поэтому я решил пока ничего не говорить.

Я объяснил ей, почему мы с Туном Ганом пришли к ней. Она должна быть крайне осторожной в любом своем слове или поступке, так как вокруг — шпионы Эймада.

Она вопросительно посмотрела на меня, а затем сказала:

— Ты очень добр ко мне. Ты единственный мой друг. Мне бы хотелось, чтобы ты приходил почаще. Тебе совершенно не нужно придумывать повод для того, чтобы приходиться сюда. Ты принес весточку от Вора Дая?

При первых ее словах я воспрянул духом, но последняя фраза снова убила меня, снова ревность охватила все мое существо. Может, тело Тор-дур-бара, имеющее мозг Вора Дая, стало преобладать в получившемся новом существе, может, я ощущал себя именно Тор-дур-баром? Мог ли я, будучи хормадом, влюбиться в Джанай? И если да, то какой для меня выход? Может, я дойду до такой ненависти, что уничтожу тело Вора Дая, потому что Джанай любит его больше, чем любит меня с телом Тор-дур-бара? Идея была весьма фантастической, впрочем, как и все остальные, сопутствующие ей.

— Я не принес тебе весточки от Вора Дая, — сказал я, — потому что он исчез. Возможно, если бы мы знали, что случилось с Расом Тавасом и Дотором Содже-том, мы бы знали все и о Воре Дая.

— Значит, ты не знаешь, где Вор Дай? Тор-дур-бар, все это очень странно. Я хочу верить тебе, но с нашей первой встречи ты очень уклончиво говоришь о Воре Дая. У меня сложилось впечатление, что ты не хочешь, чтобы я увидела его. Почему?

— Ты ошибаешься. Ты должна верить мне, Джанай. Как только я смогу, я сделаю все, чтобы вы встретились. Больше ничего не могу тебе сказать. Но почему ты так хочешь увидеть его?

Мне казалось, что я могу застать ее врасплох и проследить, испытывает ли она какие-либо чувства к Вору Даю. Не знаю, ждал ли я их проявления или боялся увидеть признаки ее привязанности к Вору Даю. Слишком уж сложны были мои ощущения. Однако мои ожидания были тщетны. Ее ответ ничего не прояснил.

— Он обещал помочь мне бежать, — ответила она.

И это все. Ее интерес к Вору Даю был чисто практическим. Однако это лучше, чем никакого интереса. Она хотела свободы, я мечтал о ней. Но я был готов рисковать всем, даже жизнью, ради ее свободы. А зачем? Ведь если она получит свободу, я потеряю ее навсегда. И все же я был готов на жертву.

Я заметил, что два хормада все время следят за нами, стараясь подобраться ближе, чтобы подслушать наш разговор. Вероятно, это были шпионы Эймада, но их грубые приемы выдали их. Я шепотом предупредил Джанай, чтобы она была осторожнее, а затем сказал громко, чтобы слышали все любопытные:

— Нет, это бесполезно. Я не могу позволить тебе выходить отсюда. Здесь ты находишься в безопасности. Ты принадлежишь мне, и я убью каждого, кто решится причинить тебе вред.

Затем мы с Туном Ганом попрощались с ней и вернулись в кабинет. Я решил, что должен окружить себя и Джанай верными людьми, но для этого нужно было найти их. Я вызвал на разговор Туна Гана, и тот сказал, что он всем обязан Вору Даю и Расу Тавасу. А так как они оба были моими друзьями, он будет служить мне так же верно, как им. К тому же, он очень не любит джедов.

В течение двух следующих дней я переговаривал с Ситором, Пандаром, Ганом Хадом и Тиата-овом. В результате я решил, что вполне могу положиться на них. Я сделал все, что было нужно, чтобы перевести Тиата-ова на работу в здание лаборатории. Мне требовались офицеры, чтобы начать работу по остановке зловещей плоти, вытекающей из резервуара. Ситор командовал отрядом хормадов, который захватил нас в плен. Мне он очень нравился, и после разговора с ним, я убедился, что это нормальный красный человек с мозгами нормального человека. Он много знал о событиях во внешнем мире, о котором хормады не имели никакого представления. Он сам был из Дахора, мечтал выбраться из Морбуса и вернуться на родину.

Пандар был из Фандала, а Ган Хад — из Тунола. С ними я познакомился, когда мы сидели в одной камере. Они оба заверили меня, что, если я действительно служу Вору Даю и Дотору Соджету, они охотно будут работать со мной.

Все эти люди, разумеется, считали меня хормадом, но они хорошо знали мое высокое положение при джеддаке и считали меня важной персоной. Я объяснил им, что мне обещано тело красного человека, если найдется Рас Тавас, и тогда я тоже постараюсь бежать из Морбуса.

Плоть из резервуара уже почти заполнила двор. Я тщательно забаррикадировал все окна и двери, чтобы эта гадость не проникла в здания, но если дело пойдет так и дальше, то скоро она захлестнет крышу и выйдет на улицы города. Производство новых хормадов практически прекратилось, и я приказал опустошить все резервуары, чтобы не произошло того, что случилось с этим злосчастным четвертым резервуаром. Вернувшись к себе, я получил вызов от Эймада.

Когда я вошел во дворец, навстречу мне попался Тиата-ов.

— Будь осторожен, — сказал он. — Что-то неладно. Я не знаю, в чем дело, но один из слуг Эймада сказал мне, что джеддак постоянно говорит о тебе и о женщине. Теперь, когда он потерял ее, она стала для него еще желаннее. Если ты не хочешь неприятностей, отдай женщину ему. Ведь он может приказать убить тебя, и тогда все равно заберет ее. Ни одна женщина не стоит этого.

Я поблагодарил его и прошел в комнату для приемов, где вокруг трона уже собрались главные офицеры. Джеддак приветствовал меня глумливой усмешкой, когда я занял место среди офицеров — единственный, у кого было тело хормада, а не красного человека.

Кто из них имел мозги хормада, я не знал, но, судя по всему, таких было большинство. Знали бы они, что в страшную голову хормада вложены мозги благородного красного человека из Гелиума.

Эймад ткнул в мою сторону пальцем.

— Я доверился тебе и сделал ответственным за лабораторию. А что сделал ты? Производство хормадов прекратилось.

— Я не Рас Тавас, — напомнил я.

— Ты допустил катастрофу в четвертом резервуаре,

и скоро масса появится на улицах города.

— Позволь мне снова напомнить, что я не Великий Мыслитель Барсума.

Он не обратил внимания на мои слова.

— Все это угрожает нашим планам завоевания мира и побуждает к немедленной попытке начать военные действия. Ты провалил дела в лаборатории, но я освобождаю тебя от всех обязанностей там и даю тебе новый шанс восстановить свое доброе имя. Я хочу завоевать Фандал и захватить его корабли, чтобы сразу же направить воинов на Тунол. Это даст нам дополнительные корабли и позволит продолжить завоевание других городов. Я назначаю тебя командиром экспедиции в Фандал. Для того, чтобы взять город, большие силы не потребуются. У нас есть пятьсот малагоров. Они могут делать два перелета туда и обратно в день. Это значит, что ты переправишь к Фандалу сразу тысячу воинов или даже две тысячи, если малагоры смогут нести двоих, за день. Когда возьмешь город, то на кораблях переправишь туда резервуары с культурой, чтобы была еда для воинов. К этому времени туда придут уже двадцать тысяч воинов. Я буду посылать тебе по две тысячи воинов в день для замены погибших. Ты немедленно освободишь свои покои в лаборатории и переберешься со своими слугами во дворец. Я уже отвел для тебя комнаты.

Я сразу понял его планы. Сначала он поселит Джанай во дворце, а потом отошлет меня на войну с Фандалом.

— Сейчас же переселяйся во дворец и начинай переброску войск. Таков мой приказ!

ГЛАВА XVII

ПОБЕГ

Снова передо мной встала проблема, которая, казалось, не имела решения. Если бы у меня было мое тело, я бежал бы вместе с Джанай через туннель на остров, где прятались Рас Тавас и Джон Картер. Но я не мог покинуть тело и выйти в мир хормадом. Кроме того, у меня был долг красного человека, долг перед всей планетой — разрушить планы Эймада и не дать ему завоевать мир. Я шел в покои Джанай, чтобы рассказать ей о

приказе джеддака, в совершенно подавленном состоянии духа.

В коридоре я столкнулся с Туном Ганом, который выглядел весьма встревоженным.

— Масса из четвертого резервуара уже переклестнула в одном месте крышу и выливается на улицу,— сказал он.— Скорость ее поступления увеличилась, и, если ее не остановить, она скоро затопит весь город.

— И весь остров. Но я не могу ничего сделать. Эймад освободил меня от этой должности. Теперь вся полнота власти у моего преемника.

— Но как нам спастись? Мы все погибнем, если не остановим ее. Она уже проглотила нескольких воинов, которые пытались это сделать. Из массы вылезли руки и схватили их, а головы перегрызли им горло. Скоро эта плоть съест всех нас.

Да, но в чем же спасение? До этого я думал только о спасении Джанай, себя самого и своего тела, но теперь мне нужно позаботиться и об остальных — о Пандаре, Гане Хаде, Ситоре, Туне Гане. Эти люди были для меня самыми близкими друзьями тут, в Морбусе. Да, и несчастный Тиата-ов. Он ведь тоже мой друг. Я должен спасти их всех.

— Тун Ган,— сказал я,— ты хочешь бежать?

— Конечно!

— Клянешься ли ты сохранить мне верность, если я помогу тебе выбраться из Морбуса, клянешься ли ты забыть, что ты хормад?

— Теперь я не хормад, я красный человек. И я буду верно служить тебе, если ты спасешь меня от этого ужаса, который обрушился на город.

— Отлично. Иди к Пандару, Гану Хаду и Ситору. Найди также Тиата-ова. Передай им, чтобы они шли в покои Джанай. Постарайся, чтобы никто не услышал тебя. Предупреди их об осторожности. И поторопись, Тун Ган!

Я прошел к Джанай и передал ей приказ Эймада о переселении во дворец. Я говорил специально громко, чтобы слышали слуги, которых я подозревал в неверности. Затем я приказал им собрать вещи Джанай, что дало мне возможность без помех поговорить с ней. Я объяснил ей замысел Эймада и сказал, что у меня есть план, который дает надежду на спасение.

— Я пойду на любой риск, только бы не оставаться

во дворце Эймада, когда ты уедешь. Ты единственный человек в Морбусе, которому я верю, ты мой единственный друг. Хотя почему ты так относишься ко мне, я не знаю.

— Потому что Вор Дай мой друг и он любит тебя,— ответил я.

Я чувствовал себя трусом, выбравшим не лучший способ объясниться в любви, так как не имел мужества сказать все прямо. Я сказал это и тут же пожалел. Что, если она отвергнет любовь Вора Дая? Его не было здесь, чтобы сказать все самому, и имеет ли право такой урод, как я, делать это за него? Я затаил дыхание, ожидая ее ответ.

Помолчав, она сказала:

— Почему ты думаешь, что он любит меня?

— Я это знаю. Он не заботился бы так о твоей судьбе, если бы не любил тебя.

— Ты, верно, ошибаешься. Вор Дай постарался бы освободить любую красную женщину, попавшую в плен. Когда он успел полюбить меня? Мы едва знаем друг друга и перекинулись всего парой фраз.

Я уже собирался возразить, но тут пришли Пандар, Ган Хад и Ситор. Мы прекратили разговор, и я остался при всех своих сомнениях относительно чувств Джанай к Вору Даю. Тун Ган быстро нашел всех троих, так как они работали в лаборатории. Я отослал их в кабинет Раса Таваса, чтобы нас не подслушали.

Через несколько минут пришли Тун Ган и Тиата-ов. Собрались все, кому я мог доверять. Слуги уже собрали вещи Джанай, и я приказал им отнести их во дворец. Таким образом, я на время избавился от них.

Как только они ушли, мы с Джанай поспешили в кабинет Раса Таваса. Там нас уже ждали. Я объяснил им, каким образом собираюсь бежать из Морбуса и спросил, все ли согласны идти со мной. Каждый заверил, что с радостью покинет Морбус, однако Ситор высказал сомнение, что побег возможен.

— Каков твой план? — спросил я.

— Я обнаружил подземный ход, который ведет за стены Морбуса. Именно там и скрывались Рас Тавас и Доктор Соджет, когда бежали из города. Сейчас они пробираются в Гелиум, и вы можете быть уверены, что Доктор Соджет вернется с флотом военных кораблей и воинами, чтобы освободить меня из Морбуса.

Тиата-ов скептически ухмыльнулся.

— Неужели Дотор Соджет станет освобождать какого-то хормада из Морбуса?

— И как,— продолжил Ситор,— может Дотор Соджет, бедный пантан, убедить джеддака Гелиума послать военный флот в Тунолианскую Топь для освобождения хормада?

— Готов признать, что все это кажется невероятным, но это лишь потому, что вы знаете далеко не все. Пока я не могу вам изложить все факты, но одно могу сказать твердо: Дотор Соджет приведет флот из Гелиума, потому что он в действительности Джон Картер, Владыка Барсума!

Это заявление ошеломило их, но когда я рассказал им, зачем он прибыл в Морбус, они поверили мне. Правда, Тиата-ов все никак не мог понять, зачем могущественному Владыке Барсума беспокоиться о судьбе хормада и даже вести ради него военный флот на Морбус.

Я видел, что сделал ошибку, заговорив об этом, но я всегда чувствовал себя Вором Даем, а не хормадом, поэтому часто забывался. Для других же я был просто Тор-дур-баром, хормадом из Морбуса.

— Возможно,— пошел я на попятную,— я что-то не так понял, когда он сказал, что вернется освободить меня. Конечно, он вернется за Вором Даем. А что касается меня, то мы с ним друзья.

— Почему ты думаешь, что он освободит всех нас? — спросил Пандар из Фандаля.

— Он освободит каждого, о ком попросит Вор Дай, а это значит, о ком попрошу я, так как Вор Дай мой друг.

— Но Вор Дай исчез,— сказал Ган Хад из Тунола.— Никто не знает, что случилось с ним. Возможно, он мертв.

— Ты не говорил мне этого, Тор-дур-бар! — воскликнула Джанай. Она обратилась к Ситору.— Может, это хитрость хормада, чтобы заполучить нас?

— Но я сказал тебе, что он исчез,— сказал я.

— Ты не говорил мне, что все уверены в его смерти. Ты сказал, что не знаешь, где он. И теперь ты с уверенностью говоришь, что Джон Картер вернется за нами. Как же это понимать?

— Если ты хочешь жить, ты должна доверять мне,— рявкнул я.— Через несколько минут ты увидишь Вора Дая и поймешь, почему он не приходил к тебе.

Я совсем потерял терпение. Они высказали все свои подозрения в самый неподходящий момент, когда была дорога каждая минута.

— И вот опять,— сказала Джанай.— Ты уверял, что не знаешь, где Вор Дай, а теперь говоришь, что я увижу его через несколько минут.

— Я нашел его, но не решился сказать тебе всю правду. Вор Дай сейчас в таком положении, что не может помочь тебе. Только я могу. К несчастью, тебе придется узнать, что произошло с Вором Даем, но мы и так потеряли зря много времени. Я иду, и ты следуешь за мной. Я друг Вора Дая и обязан помочь тебе бежать. Остальные вольны поступать, как хотят.

— Я иду с тобой,— сказал Пандар.— Хуже, чем здесь, не будет нигде.

Все они решили идти со мной. Ситор весьма неохотно. Он стоял возле Джанай и что-то шептал ей на ухо.

Вместе с Тиата-овом я отправился в лабораторию за инструментами, необходимыми для пересадки моего мозга в мое тело. Ими я нагрузил Тиата-ова. Затем я соединил мотор и все трубки, чтобы перекачать обратно мою кровь. Наконец, мы были готовы к побегу.

Я был уверен, что мы сможем уйти, не вызвав подозрений. Главное — добраться до камеры 3-17. Однако наш отряд, состоящий из двух хормадов, четырех красных мужчин и женщины, нагруженный весьма странными приборами, привлек внимание моего приемника.

— Куда вы идете? — спросил он.— И что собираетесь делать с этим оборудованием?

— Я хочу перенести его в подвалы. Там оно будет в безопасности,— сказал я.— Когда вернется Рас Тавас, ему все это понадобится.

— Оно в безопасности там, где находилось. Теперь я слежу здесь за всем, и если потребуется, сам распоряжусь обо всем. Верни все инструменты на место.

— С каких это пор двар отдает приказания одвару? — резко спросил я.— Отойди в сторону!

Мы прошли мимо него к лестнице, ведущей в подвалы.

— Стой! — крикнул он.— Ты никуда не пойдешь с этими приборами и этой девушкой без приказа Эймада. Ты должен отвести ее во дворец, а не в подвал. У меня приказ Эймада, проследить, чтобы его указания были выполнены.

Он кликнул охранников. Я знал, что сейчас сюда прибегут воины, и поторопил своих товарищей. Мы бегом стали спускаться по лестнице. Мой преемник последовал за нами, призывая всех на помощь, а вдали уже раздавались голоса воинов, спешащих на его призыв.

ГЛАВА XVIII

КОВАРНЫЙ ОСТРОВ

Мой план, казалось, был обречен на провал, так как если бы нам удалось добраться до камеры 3-17, мы все равно не рискнули бы войти в нее, чтобы не раскрыть свой план побега. Однако мы зашли уже далеко, и пути назад не было. Оставалось только одно: сделать так, чтобы ни один свидетель не вернулся к Эймаду.

Мы уже были в подвале и шли по главному коридору. Мой преемник шел по пятам, но держался на безопасном расстоянии. Позади него, нас догоняли воины, идущие по следу. Я направил Туна Гана, Пандара и Тиата-ова в боковой коридор. Наш преследователь некоторое время колебался, но не пошел за ними, так как его интересовали я и Джанай.

На следующем пересечении коридоров, я свернул в правый боковой коридор и тут же остановился, сбросив свою ношу.

— Мы встретим их здесь, — сказал я. — Запомните одно: если мы хотим выжить и благополучно бежать, то не должны оставлять в живых ни одного нашего преследователя.

Ситор и Ган Хад встали рядом со мной. Джанай стояла позади, в нескольких шагах от нас. Офицер остановился и стал поджидать поддержку. Мы были вооружены только мечами и кинжалами, так как в Морбусе не было огнестрельного оружия.

Нам не пришлось долго ждать появления воинов. Их было девять. Все хормады. Начальник был красный человек с мозгом хормада. Я его хорошо знал: он был хитрый и коварный, но большой трус. Итак, перед нами стояли десять врагов.

— Вам лучше сдаться, — сказал он. — Возвращайтесь обратно. У вас нет выбора. Нас десять, а вас только трое. Если вы добровольно вернетесь назад, я ни о чем не скажу Эймаду.

Было заметно, что он опасается предстоящего боя, но только в битве у нас был шанс на спасение. Я приотворился, что обдумываю его предложение, стараясь выгадать время, и вскоре увидел Туна Гана, Пандара и Тиата-ова, бесшумно приближающихся к воинам сзади.

— Пора! — крикнул я, и мы с двух сторон бросились на врагов. Они превосходили нас числом, но шансов на победу у них не было. Разумеется, неожиданное нападение привело их в смятение, но решающим фактором была моя сверхчеловеческая сила и длинная рука, вооруженная мечом. Вскоре они поняли, что дерутся за свои жизни, и отчаяние придало им силы. Они сражались яростно, как крысы, загнанные в угол.

Я видел, как упал Тиата-ов с расколотым черепом, был ранен Пандар, убивший, однако, своего противника. Тун Ган прикончил двоих, а Ситор, к моему разочарованию, старался держаться сзади и не рисковать собой. Но мы и не нуждались в нем. Мой меч рубил противников одного за другим. Их черепа трескали от ударов как гнилые орехи, и, наконец, остался только один противник — сам начальник, который во время схватки благоразумно держался подальше от мечей. Теперь, вскрикнув, он попытался бежать, но Тун Ган преградил ему путь. Блеск стали, короткий крик, и вот Тун Ган уже выдернул меч из груди поверженного противника и вытер его о волосы моего мертвого преемника.

Коридор был залит кровью, возле стен валялись обезглавленные тела. То, что произошло дальше, я предпочитаю не вспоминать, но это было необходимо сделать — уничтожить их мозги, чтобы обезопасить себя.

Я приказал Тугу Гану взять инструменты, которые нес Тиата-ов, взвалил на себя мотор, и мы пошли в камеру 3-17. Я заметил, что Ситор все время старается идти рядом с Джанай и постоянно что-то говорит ей на ухо. Однако я был занят более важными проблемами, и тогда не придавал этому факту должного внимания. Пока что у нас всешло успешно. Но кто мог предсказать, что ждет нас дальше? Что мы встретим на острове, каким образом проберемся через Великую Тунолианскую Топь, если Джон Картер почему-либо не вернется за мной? Я был твердо уверен, что только смерть помешает ему вернуться, а я не допускал мысли, что мой принц может умереть. Мне, как и многим другим, он казался бессмертным. Предположим, он вернется без Раса Таваса. Эта

мысль наполнила меня ужасом и не оставила мне другой перспективы, кроме самоубийства. Лучше смерть, чем жизнь в таком жутком облике. Лучше умереть, чем навсегда потерять Джанай! С этими мыслями я подошел к двери в камеру 3-17 и распахнул ее, выпустив мой маленький отряд.

Когда Джанай увидела мое тело на столе, она вскрикнула от ужаса и с гневом обратилась ко мне:

— Ты лгал мне, Тор-дур-бар! — сказала она свистящим шепотом. — Ты ведь знал, что Вор Дай мертв. Почему ты так жестоко обошелся со мной?

— Вор Дай не мертв, — возразил я. — Он только ждет возвращения Раса Таваса, чтобы тот вернул его к жизни.

— Но почему ты не сказал мне об этом?

— Только я знал, где спрятано тело Вора Дая. Ни тебе, ни ему не принесло бы пользы, если бы и ты узнала это. Чем меньше людей посвящено в тайну, тем лучше. Даже тебе, кому я бесконечно доверяю, я не мог открыть ее. И сейчас вы узнали ее только потому, что путь из Морбуса к свободе лежит через камеру, где спрятано тело Вора Дая. Я вынужден доверить вам эту тайну, но предупреждаю, что никто из вас не вернется в Морбус, пока я жив и пока тело Вора Дая лежит в этой камере.

Ситор подошел ближе к столу, внимательно осмотрел мое тело. Я видел, как еле заметная улыбка скользнула по его губам, и он бросил на меня мимолетный взгляд.

Я подумал, не заподозрил ли он чего-либо? Но какая разница теперь, я смогу заставить его держать рот на замке. Я совсем не хотел, чтобы Джанай знала, что мозг Вора Дая находится в теле Тор-дур-бара. Конечно, это глупо, но я не мог избавиться от мысли, что она, узнав об этом, никогда не сможет забыть моего уродливого лица и всегда будет мысленно связывать Тор-дур-бара и Вора Дая. Даже тогда, когда я стану снова Вором Даем в своем собственном теле со своим мозгом.

Она задумалась над моими словами, но потом повернулась ко мне и сказала ласково:

— Прости, что я сомневалась в тебе, Тор-дур-бар. Ты правильно поступил, тщательно скрывая тело Вора Дая. Это мудрая предосторожность, доказывающая твою верность и преданность Вору Даю.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

С чувством облегчения я вел отряд по длинному туннелю на остров в двух милях от Морбуса. Как нам выбраться с острова — это проблема будущего. Я, конечно, надеялся на Джона Картера с его военным флотом, но в глубине души у меня затаился страх: вдруг они погибли, не добравшись до Гелиума.

На острове водились птицы, белки, росли фруктовые деревья, орешник. Все это, а также рыба, которую мы ловили, давало нам пищу, так что мы не голодали. Для Джанай я построил небольшую хижину, мы же спали под открытым небом.

Маленький остров был холмистым, и мы устроили свой лагерь во впадине между холмами, чтобы нас не было видно из города. Я начал строительство двух лодок. Одну, маленькую, которая могла бы вместить троих и достаточное количество пищи, и вторую, большую, так как я решил взять тело Вора Дая с собой, если Джон Картер не сможет вернуться, и нам придется самим путешествовать через болота.

Все это время Ситор довольно часто был в обществе Джанай. Привлекательный, умный, разговорчивый, он, несомненно, доставлял удовольствие Джанай, общаясь с ней. И все же муки ревности терзали меня. Ситор был близок с Пандаром из Фандала, так что наш маленький отряд раскололся надвое. Пандар, Ситор и Джанай — с одной стороны; Ган Хад, Тун Ган и я — с другой. Между нами не было столкновений, но такое разделение было не совсем естественным.

Ган Хад был из Тунола, а Тунол и Фандал — вечные враги, так что между Ганом Хадом и Пандаром не было ничего общего. Тун Ган, с телом красного человека и мозгом хормада, и я, с мозгом человека и телом хормада, чувствовали некоторую близость, так как понимали, что остальные в глубине души считают нас чудовищами, лишь немного отличающимся от низших животных.

Несколько недель понадобилось нам для постройки лодок, а затем вынужденное бездействие тяжким бременем легло на нас. И тут же стали возникать недоразумения. Ситор настаивал на том, что мы сейчас же должны пуститься в путешествие, но я хотел еще немного подождать. Пандар присоединился к Ситору, но

Ган Хад был со мной. Он знал, что, добравшись до Фандала, мы наверняка попадем в рабство, став пленниками. После долгих переговоров я переманил на свою сторону и Туна Гана. И, к своему большому удовлетворению,— Джанай.

— Мы не должны уходить,— сказала она,— пока тело Вора Дая находится здесь. А Тор-дур-бар не возьмет его, пока у него есть хоть маленькая надежда на помощь из Гелиума.

— Однако я думаю,— обратилась она ко мне,— что ты совершаешь ошибку. Ты должен прислушаться к мнению Ситора. Ведь он красный человек с мозгами человека.

Ситор присутствовал при этом разговоре, и я видел, как он бросил быстрый взгляд на меня. И снова я подумал, не догадывается ли он, что мозг Вора Дая находится в жутком теле хормада. Я надеялся, что он не поделился подозрениями с Джанай.

— Может, Ситор и мыслит, как красный человек,— сказал я,— но он думает только о своих интересах. Мой мозг пусть менее развит, но зато им владеет одно желание — сделать все, что можно, для Вора Дая и тебя, Джанай. Я не уйду с острова до тех пор, пока не вернется Джон Картер, если, конечно, меня не вынудят обстоятельства. В противном случае я останусь здесь, пока будет хоть малейшая надежда на возвращение Джона Картера и Раса Таваса. И я не позволю уйти тебе, Джанай. Остальные, как хотят. Я обещал Вору Даю, что стану надежной защитой тебе, а как я смогу защитить тебя, отпустив в опасное путешествие по Великой Тунолианской Топи во враждебный Фандал?

— Я сама себе хозяйка,— сердито возразила Джанай,— и я уйду отсюда, если захочу. Никакой хормад не имеет права диктовать мне условия.

— Джанай права,— сказал Ситор.— Ты не имеешь права вмешиваться.

— И тем не менее, я вмешиваюсь. Она останется здесь со мной, даже если для этого мне придется применить силу. А силы у меня, как ты знаешь, хватит, чтобы удержать ее.

Вот какие у нас сложились отношения. Ситор, Пандар и Джанай проводили теперь много времени вместе, о чем-то тихо беседуя, заботясь о том, чтобы их не подслушали.

Я думал, что они сплетничают обо мне. Конечно, мне

было неприятно, что Джанай переметнулась в лагерь моих противников, но от их секретных разговоров я не ждал ничего особенного и был уверен, что мне удастся настоять на своем, ибо это был самый безопасный путь на свободу.

Ситор и Пандар стали обычно устраиваться на ночлег подальше от того места, где спали я, Ган Хад и Тун Ган. Они все время старались подчеркнуть, что не имеют с нами ничего общего. Это меня вполне устраивало, так как я уже стал подозревать их обоих.

Однажды вечером после ловли рыбы ко мне подошел Тун Ган, присел рядом со мной на корточки и сказал:

— Я кое-что подслушал сегодня. Это может заинтересовать тебя. Я спал в кустах на берегу, и в это время пришли Ситор и Джанай. Они уселись рядом с моим кустом. Очевидно, они обсуждали тебя, и Джанай сказала:

— Я уверена, что он предан Вору Даю и мне. Правда, его решение остаться здесь и ждать — ошибка, но что можно ждать от глупого хормада с таким ужасным телом?

— Ты ошибаешься, — сказал Ситор, — у него в голове только одна мысль — обладать тобой. Я давно это знаю, но не хотел говорить тебе, потому что боялся причинить тебе боль. Вор Дай, которого ты знала, никогда не будет живым. Его мозг удален и уничтожен, а Тор-дур-бар спрятал и хранит тело Вора Дая, ожидая возвращения Раса Таваса, который вложит мозг хормада Тор-дур-бара в череп Вора Дая. Тогда он предстанет в новом облике красного человека, надеясь завоевать тебя. Но это будет не Вор Дай, это будет мозг хормада в теле человека.

— Как ужасно! — воскликнула Джанай. — Этого не может быть! Откуда ты все это знаешь?

— Эймад сказал мне. Тело Вора Дая Тор-дур-бар получил в награду за услуги джедаку. И Тор-дур-бар настоял, чтобы мозг Вора Дая был уничтожен.

— И что же ответила Джанай? — спросил я. — Она не поверила, правда?

— Она поверила, — ответил Тун Ган, — потому что сказала, что это объясняет многие несообразности, которые раньше она не могла понять. Теперь-то она понимает, почему ты, хормада, проявляешь такую преданность красному человеку.

Я был в ярости, но понимал, что удар Ситор нанес

мастерски. Его слова логично объясняли мое поведение: и это несколько странное стремление хормада во что бы то ни стало защитить тело красного человека, и попытки непременно удержать при себе прекрасную девушку, ведь в обличье красного человека у него появилась бы надежда завоевать ее благосклонность.

— Ты понимаешь, что за этой крысой надо присматривать,— сказал Тун Ган.

— Я не собираюсь долго терпеть. Завтра я заставлю его проглотить свои слова. Я скажу всем правду, которую Ситор подозревает, но эта правда удивит Джанай.

Я долго не спал в эту ночь, размышляя о том, какова же будет реакция Джанай на мои слова, что она скажет, что подумает, как поступит, когда я скажу, что в страшном черепе хормада скрывается мозг Вора Дая. Наконец, я уснул и спал очень долго. Разбудил меня Ган Хад из Тунола. Он грубо встряхнул меня. Я открыл глаза и увидел, что он крайне возбужден.

— В чем дело, Ган Хад?

— Ситор! — воскликнул он. — Ситор и Пандар взяли лодку и сбежали вместе с Джанай.

Я быстро вскочил и побежал к лодкам. Одна из них исчезла, но это было не все. В днище второй лодки зияла огромная дыра, так что мы не могли пуститься в погоню, по крайней мере, несколько дней.

Вот она, плата за мою преданность, мою любовь и защиту. Это был удар в самое сердце. Теперь я уже не думал о том, вернется ли Джон Картер или нет. Вся моя дальнейшая жизнь для меня стала пустой и бессмысленной. Я отвернулся от лодки. Ган Хад положил руку мне на плечо.

— Не грусти,— сказал он,— если она ушла по собственному желанию, она не стоит того, чтобы о ней думать.

При этих словах во мне вспыхнула слабая надежда. Она немного облегчила муки отчаяния. Если она ушла по собственному желанию! Может, Ситор уволок ее силой? Это дало мне надежду, и я решил выяснить все, пусть это будет даже самая горькая правда. Мы принялись за ремонт лодки. Мы работали до изнеможения, но у нас ушло три дня, прежде чем лодка была готова.

Я предположил, что Пандар поведет их прямо в Фандал, где они могли надеяться на дружеский прием, и решил преследовать их в этом направлении. Я ощущал в себе силу сотни человек и был способен голыми руками

уничтожить целую армию, разрушить стены самого неприступного города.

Наконец все было готово к отъезду. Прежде чем пуститься в путь, я принял меры предосторожности, тщательно замаскировав туннель, ведущий в камеру 3-17, где лежало мое тело.

Ситор взял большую лодку, где три человека могли устроиться достаточно удобно, но наша лодка была гораздо легче, и нас было трое мужчин, способных грести. Поэтому я полагал, что мы сумеем компенсировать потерю времени быстрым передвижением и догоним их раньше, чем они доберутся до Фандала. Разумеется, это были лишь мои предположения, так как мы не знали точно, каким путем они направились.

Тунолианская Топь представляет собой самый сложный лабиринт, состоящий из извилистых речушек и ручьев. Вполне возможно, что мы могли обогнать их и даже не заметить. Никто не занимался исследованием этих болот, так что и они, и мы могли вполне заблудиться в этих необъятных просторах. Я пытался восстановить в памяти картину местности, которую видел с воздуха, когда мы летели сюда на воздушном корабле, а позже — на огромной птице, доставившей нас в Морбус. Я не сомневался, что и Ситор не раз видел болота с воздуха. Однако вряд ли это давало преимущества мне или ему, так как на земле все выглядело совсем иначе. Из-за густой растительности горизонт был почти не виден.

На сердце у меня была тяжесть, когда я пустился в погоню за Ситором. Во-первых, меня мучили сомнения в преданности Джанай, во-вторых, я был вынужден бросить свое тело и отправиться в мир в обличье хормада. Почему я должен догонять Джанай, которая поверила Ситору, а не мне, бросив меня на острове? Я искал и не находил ответов на свои вопросы, а виной всему была любовь.

Мы пустились в путь ночью, чтобы нас не заметили из Морбуса. Только Хлорус, быстрая луна, сопровождала нас. Но ее света было вполне достаточно, а звезды указывали нам путь. Со всей своей сверхчеловеческой силой я налегал на весла. Мои друзья помогали мне. Мы решили передвигаться и днем, и ночью, спать по очереди на дне лодки. Еды у нас было много, а скорость, с которой двигалась лодка, позволяла надеяться, что мы можем избежать нападения враждебных племен, если они нас обнаружат.

В первый же день над нами пролетела стая малагоров, направлявшаяся в сторону Фандала. Мы скрылись под нависшими над водой кустами и совершенно отчетливо видели, что на спине каждой птицы сидит воин-хормад.

— Еще один отряд разбойников,— прокомментировал Тун Ган.

— Скорее, это отряд, посланный на наши поиски,— сказал я.— Вероятно, Эймад уже понял, что мы бежали из Морбуса.

— Но мы бежали уже неделю назад.

— Да,— согласился я,— но я не сомневаюсь, что он посылал отряды во всех направлениях.

Ган Хад кивнул.

— Возможно, ты прав. Будем надеяться, что они нас не заметили, а то нас ждет резервуар.

На второй день мы добрались до большого озера; где нас обнаружили дикари, жившие по его берегам. Они вскочили в свои утлые лодчонки, похожие на каноэ, и поплыли нам наперерез. Мы налегли на весла, лодка буквально летела над поверхностью воды. Это была настоящая гонка. Когда они были совсем близко, я увидел, что их абсолютно голые тела ужасно раскрашены. Волосы торчали в разные стороны, вооружены они были дубинками и примитивными копьями, но гребли чрезвычайно искусно, и их суденышки двигались с поразительной скоростью.

— Быстрее! — кричал я. И с каждым ударом весел наша лодка буквально выпрыгивала из воды.

Дикари кричали, потрясая копьями. Они почуяли добычу. Если бы они свою энергию, потраченную на крики, вложили в греблю, то сумели бы нас догнать. Нам удалось проскочить перед самым их носом, и мы сразу же стали резко уходить от них. Бешенство охватило дикарей. С их лодок в нашем направлении полетели копья, но было ясно, что мы оторвались на безопасное расстояние, и все их копья попадали в воду, не причинив нам вреда. Какое-то время они все еще гнались за нами, потом, поняв тщетность затеи, повернули обратно. Это было очень вовремя, потому что Тун Ган и Ган Хад уже выдохлись и в изнеможении упали на дно лодки. Я не ощущал усталости и продолжал грести с прежней силой к противоположному берегу. Там мы вошли в извилистый канал, по которому плыли около двух часов, пока не услышали над головой хлопанье крыльев.

— Малагоры,— сказал Тун Ган.

— Возвращаются с поисков,— заметил Ган Хад.— Интересно, каковы их успехи.

— Они летят очень низко,— сказал я.— Гребите к берегу поближе к кустам. Нам очень повезет, если они не заметят нас.

На низком плоском острове, который поднимался над водой всего на несколько дюймов, росли кусты. Малагоры пролетели над нами, затем сделали круг и повернули назад.

— Они летят на свет,— сказал Тун Ган.— Хормады не любят летать ночью, так как малагоры плохо видят в темноте, а луна пугает их.

Мы внимательно смотрели на них, когда они пролетали над нами. Я увидел на трех птицах по два седока. Остальные тоже заметили их. Ган Хад сказал, что хормады взяли пленников.

— И мне показалось, что одна из них — женщина,— заметил Тун Ган.

— Может, они схватили Ситора, Пандара и Джанай?

— Смотрите, они садятся на этом острове,— сказал Ган Хад,— если мы дождемся темноты, то сможем спокойно проплыть мимо них.

— Сначала я разужнаю, нет ли среди пленников Джанай,— ответил я.

— Но если нас обнаружат, нам всем смерть,— сказал Тун Ган.— У нас есть возможность бежать, а чем мы поможем Джанай, если сами попадем в плен?

— Я должен знать, поэтому пристанем к берегу. Если я не вернусь сразу после наступления темноты, вы можете плыть дальше вдвоем, и да поможет вам бог.

— А если ты узнаешь, что она здесь? — спросил Ган Хад.

— Тогда я вернусь к вам, и мы поплывем в Морбус. Окажись Джанай снова в плену, я опять вернусь за ней.

— Но что ты сможешь сделать? Ты принесешь в жертву свою и наши жизни, но жертва будет бессмысленной. Ты не имеешь права рисковать нами, когда у тебя нет ни малейшей надежды на успех. Если бы у тебя был хоть один шанс, я, не колеблясь, последовал бы за тобой, а так я отказываюсь. Я не желаю отдавать свою жизнь так глупо.

— Если Джанай здесь,— сказал я,— я вернусь, даже если мне придется идти одному. Вы можете последовать за мной, можете остаться на острове. Решайте сами.

Они были угрюмы и не сказали ни слова. Я нырнул в густые заросли и тут же забыл о них. Все мои мысли были поглощены одним: здесь ли Джанай? Густые кусты давали мне отличное укрытие, и я пополз на голоса. Когда я приблизился к тому месту, откуда можно было разглядеть хормадов, стало уже темно. Отряд состоял из двух офицеров и десяти хормадов. Поджавшись поближе, я разглядел трех лежащих человек. Один из них был Ситор, связанный по рукам и ногам. Мне стало ясно, что Джанай тоже здесь. Я сдвинулся немного в сторону и увидел Джанай.

Не могу описать чувств, нахлынувших на меня, когда я увидел любимую женщину. Она лежала на земле, связанная, беспомощная, обреченная на вечные страдания с этим чудовищем Эймадом. Она была совсем близко от меня, но я не мог окликнуть ее. Я должен найти способ спасти ее, хотя она и покинула меня. Я долго лежал, глядя на нее; стало совсем темно, и я пополз обратно. Когда я преодолел уже значительное расстояние от лагеря, я встал и быстро направился к тому месту, где оставил товарищей. Теперь все мои мысли были заняты только тем, чтобы поскорее вернуться в Морбус, правда, это займет не меньше двух дней. А что может произойти за два дня с Джанай? Я содрогнулся, представив ее судьбу... Ну что же, по крайней мере, я отомщу за нее.

Мне не хотелось заставлять Туна Гана и Гана Хада возвращаться со мной, но у меня не было выхода. Мне нужна была их сила, чтобы грести. Теперь я не мог оставить их на острове. С такими мыслями я подошел к месту, где оставил своих товарищей с лодкой. Она исчезла. Ган Хад и Тун Ган бросили меня, лишив единственной возможности вернуться в Морбус.

Некоторое время я был просто оглушен, не хотелось верить в их вероломство. Теперь я ничем не мог помочь Джанай. Я перебрал десятки безумных планов и, наконец, остановился на одном. Я решил вернуться в лагерь хормадов и открыться им. По крайней мере, тогда я буду рядом с Джанай. Может быть, судьба даст мне еще шанс на спасение, хотя здравый смысл говорил мне, что кроме смерти мне ждать нечего.

Я встал и пошел в лагерь, не скрываясь. По дороге мне в голову пришел другой план. Если я вернусь в Морбус, связанный по рукам и ногам, совершенно беспомощный, Эймад сразу же уничтожит меня, но если я сумею добраться до Морбуса незаметным, да еще и

раньше, чем туда доставят Джанай, мои шансы спасти ее существенно увеличатся. Поэтому я осторожно обошел лагерь хормадов и подкрался к малагорам. Почти все птицы спали, засунув головы под крылья, другие бесцельно бродили. Они не были привязаны, так как хормады знали, что малагоры после наступления темноты сами не улетят.

Я подошел к малагорам, и они не подняли шума, так как я был хормад. Выбрав птицу, я взял ее за шею и повел подальше от лагеря. Я много слышал от других офицеров, как управлять птицами, поэтому смело вскочил ей на спину. Сначала малагор отказывался лететь и старался клонуть меня в ногу. Шум, поднятый нашей возней, привлек внимание, и вскоре я услышал крик:

— Что там происходит? — и в свете луны увидел приближающихся хормадов.

Отчаянно лягая птицу в бока, я пытался заставить ее взлететь. Хормады бежали ко мне, а птица, возбужденная моими ударами, страшным шумом, побежала от них, затем раскинула крылья и мы оторвались от земли.

По звездам я определил, в каком направлении Морбус, и заставил малагора повернуть туда. Теперь можно было не беспокоиться. Она сама прилетит к дому. Птица летела быстро и уверенно. Она немного испугалась, когда на небе появилась Турия, и полетела поближе к земле, стараясь держаться подальше от быстрого светящегося шара.

Расстояние, которое мы преодолевали два дня и две ночи, я пролетел за несколько часов. С трудом я заставил птицу опуститься на остров, откуда мы начали свое путешествие. Малагор хотел сесть непременно перед воротами города — на свое привычное место. Мне удалось подчинить его, и я вздохнул с облегчением, слезая с его спины.

Теперь малагор заупрямился, не желая улетать, и я потратил много сил, прогоняя его. Птицу нельзя было оставлять здесь, так как хормады сразу догадаются, где я прячусь. К тому же, пленники расскажут все, и Эймад пришлет на поиски своих воинов.

Прогнав малагора, я пошел к туннелю, ведущему в здание лаборатории. Разбросав ветки, которыми укрывал вход, я влез в щель и постарался закрыть ее, чтобы ход не был виден снаружи. Затем я быстро пошел по туннелю в камеру 3-17.

Наконец я снова увидел свое тело в целостности и сохранности. Некоторое время я стоял и смотрел на него. Я подумал, что после Джанай, это, пожалуй, единственное, чем мне хотелось бы обладать. Но пока Рас Тавас не вернется, мне суждено находиться в этой жуткой личине, и может быть, всю жизнь.

Рас Тавас! Джон Картер! Где они? Может, убиты в Фандале, может, погибли в водах Великой Тунолианской Топи? Может, они стали жертвами катастрофы по пути в Гелиум, если сумели добраться до воздушного корабля Джона Картера?

Я практически уже потерял надежду на то, что они вернутся за мной. Ведь прошло уже столько времени. И все же надежда еще не умерла во мне окончательно.

ГЛАВА XX

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ДЖЕД ГУЛИ

Я понял, что отныне мои планы будут зависеть только от того, в каких условиях я окажусь. Я надеялся, что мне удастся пробраться во дворец Эймада незамеченным, спрятаться в тронном зале до тех пор, пока туда не приведут Джанай, а затем я должен убить Эймада — я был уверен, что мне удастся это сделать — и пробиться с Джанай на свободу. Вторая часть плана почти наверняка закончится неудачей, но я, во всяком случае, убью злейшего врага Джанай. Среди хормадов я, возможно, найду воинов, недовольных своим правителем, и они перейдут на мою сторону. Тогда вполне возможно, что нам удастся выбраться из города. Таковы были мои планы, но я даже не мог предположить, что творится в городе, совсем позабыв о четвертом резервуаре.

Когда я подошел к двери, ведущей в коридор, мне показалось, что я слышу за ней шум, поэтому я открыл ее с крайней осторожностью. Шум сразу стал оглушительным, странный, накатывающийся звук, не похожий ни на что. У меня возникло такое чувство, что целая тысяча человек кричит что-то неразборчивое.

Еще до того, как я выглянул, я понял, что это. Выйдя в коридор и посмотрев направо, я увидел недалеко от двери шевелящуюся массу человеческой плоти, которая накатывалась на меня. Из нее тут и там выскакивали различные части человеческих тел: руки, ноги, носы, уши,

головы, внутренности. Все головы яростно кричали и смотрели на меня, руки пытались схватить, но я был недосыгаем. Если бы я пришел на час позже и открыл дверь, то угодил бы в самую гущу этой хищной плоти. Тогда тело Вора Дая исчезло бы навсегда, а вместе с ним и его мозг.

По коридору налево была лестница, по ней можно подняться на верхние этажи. Пока что лестница была пуста, но нетрудно было представить, что пройдет совсем немного времени, и эта масса тоже ринется вверх.

Что же потом? Теоретически эта масса будет непрерывно разрастаться, если ее не уничтожить. Она заполнит весь город Морбус, перельется на Великую Тунолианскую Топь, а затем будет глотать город за городом, уничтожая все живое на планете, разрастаясь до бесконечности. Страшно представить такой конец, но сам Рас Тавас не исключал такой возможности.

Я поспешил к лестнице и стал подниматься вверх. Я не думал встретить здесь кого-нибудь в этот час, так как знал, что хормады — недисциплинированные воины, и все часовые наверняка спят. Однако, к моему удивлению и разочарованию, оказалось, что наверху кипит работа. Там было полно офицеров и воинов. Царила страшная паника. На меня даже никто не обратил внимания. Офицеры пытались навести порядок, но у них ничего не получалось. Страх, овладевший хормадами, был сильнее чувства повиновения.

Из обрывков разговоров я понял, что масса из четвертого резервуара уже проникла во дворец, и Эймад со своим двором бежал в деревню за стенами города. Я узнал также, что она разливается уже по всем улицам, и воины-хормады боятся, что она отрежет им путь к бегству. Эймад приказал им остаться и попытаться остановить массу. Офицеры старались выполнить приказ, но большинство из них уже думало только о бегстве.

Внезапно кто-то из воинов громко крикнул:

— Почему мы должны остаться здесь и умереть, если сам Эймад со своими друзьями сбежал? Бежим отсюда, пока еще остались свободные улицы!

Этого было достаточно. Как огромная волна, толпа уродов смысла офицеров со своего пути, затоптав некоторых ногами, и ринулась к выходу. Огромный засов отлетел в сторону, и двери распахнулись. Ничто не могло удержать хормадов, и эта толпа неудержимо понесла и меня.

Что же, пусть будет так. Раз Эймад сбежал из города, значит, и Джанай не приведут сюда.

Выкатившись на улицу, толпа хормадов двинулась к воротам. Однако, выйдя из города, хормады не остановились. Им хотелось как можно подальше убраться от этого проклятого города. Так что я оказался один на открытой площадке перед воротами, куда обычно садятся малагоры. Именно сюда должны были доставить Джанай, и здесь я должен оставаться и ждать удобного случая, благодаря которому смогу спасти Джанай из этого ужасного города.

Впервые в жизни я с таким нетерпением дожидался рассвета. Мне казалось, что время остановилось. Я находился один на равнине, простирающейся от городских ворот до берега озера. Лишь возле ворот остались несколько офицеров и воинов, которые должны были сообщать джеддаку о продвижении массы. Я думал, что они не замечают меня, но вскоре ко мне подошел один из офицеров.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Меня послал сюда Эймад.

— Твое лицо мне знакомо. Уверен, что я уже видел тебя. Ты кажешься мне подозрительным.

Я пожал плечами.

— Мне все равно, что ты думаешь. Я посланец Эймада. У меня приказ для командира поискового отряда, который должен скоро вернуться.

— Возможно, но все же мне кажется, что я тебя знаю.

— Сомневаюсь. С момента моего создания я живу в маленькой деревне на берегу.

— Возможно, — снова протянул он. — Так какой же приказ для командира отряда?

— У меня приказ и для офицера охраны ворот.

— Это я.

— Хорошо. Я должен взять женщину, если ее привезут, и на малагоре немедленно лететь с ней к Эймаду. Офицер охраны обязан оказать мне содействие в том, чтобы приказ был выполнен. Мне жаль тебя, если ты откажешься подчиниться.

— Не понимаю, почему с моей стороны потребуется содействие. Разве командир отряда откажется подчиниться приказу Эймада?

— Твое содействие может понадобиться, — заверил я его. — Какой-то шпион сообщил Эймаду, что командир

поискового отряда хочет забрать эту женщину себе. Ты же понимаешь, что после того, как на город обрушилось несчастье, дисциплина упала, и джеддак уже не уверен в себе и своем могуществе. Поэтому он и хочет, чтобы командир не воспользовался царящим беспорядком и не оставил девушку у себя.

— Да, — сказал офицер, — я понимаю.

— Будет лучше, — сказал я, — если командир отряда не будет знать, что ему приготовлена ловушка. Я спрячусь за воротами, чтобы он не видел меня, а ты приведешь ко мне девушку, а потом и малагора. Затем ты отвлечешь внимание командира разговорами. Когда я увезу девушку, ты можешь сказать ему все.

— Неплохая идея, — сказал он. — Ты не такой дурак, как кажешься.

— Уверен, что ты не ошибаешься в своей оценке моего ума, — сказал я, потупившись.

— Смотри! — показал он вверх. — Они летят!

И действительно, в небе показалось несколько точек, которые быстро приближались, увеличивались, и вот я уже четко увидел малагоров и сидящих на них воинов и пленников.

Когда стая стала садиться, я шагнул за ворота, где меня никто не мог видеть. Офицер шагнул вперед и приветствовал командира отряда. Они поговорили, затем я увидел, как Джанай идет к воротам, а за нею воин, ведущий малагора. Я внимательно посмотрел на воина, но не узнал его. Значит, он тоже не знает меня. В это время Джанай вошла в ворота и оказалась передо мной.

— Тор-дур-бар! — воскликнула она.

— Тихо, — прошептал я. — Ты в большой опасности, я хочу спасти тебя, если ты будешь верить мне, а не поступишь, как совсем недавно.

— Я не знаю, кому верить, но тебе я верю больше, чем другим.

К воротам уже подошел воин с малагором. Я забросил Джанай на спину птицы, вспрыгнул сам, и мы взмыли в воздух. Я направил малагора к восточной окраине острова, чтобы офицер убедился, что мы летим к Эймаду. Когда холмы скрыли нас, я повернул на юг и полетел к Фандалу.

Когда мы полетели прочь от острова, малагор взбунтовался. Он не хотел лететь и все норовил вернуться к своим товарищам. Мне пришлось потрудиться, чтобы заставить его лететь в нужном направлении. В конце кон-

цов он подчинился и, мерно взмахивая крыльями, полетел на юг. Только теперь мы с Джанай получили возможность поговорить.

— Как ты оказался возле ворот, когда мы прилетели? — спросила она. — Офицер сказал, что ты посланец Эймада и тебе приказано доставить меня к нему.

— Эймад ничего не знает об этом, — ответил я. — Это все мои выдумки, чтобы обмануть офицера из охраны ворот и командира отряда.

— Но откуда ты узнал, что я снова попала в плен и должна сегодня вернуться в Морбус? Все это очень загадочно. Я не могу понять этого.

— Ты слышала, что сегодня ночью украли малагора? — спросил я.

— Тор-дур-бар! — воскликнула она. — Это был ты? Но что ты делал на том острове?

— Я отправился разыскивать тебя и оказался как раз там, где отряд приземлился на ночлег.

— Понимаю. Какой ты умный и смелый.

— Если бы ты доверяла мне, мы бы не бежали из Морбуса. Я думаю, что я не такой идиот, как Ситор, и не попал бы снова в плен.

— Я верю тебе, как никому другому.

— Тогда почему ты убежала с Ситором?

— Я не убегала. Он старался убедить меня, рассказывал всякие истории о тебе, в которые я не хотела верить. Наконец, я решительно заявила ему, что не побегу с ним, и тогда ночью они с Пандаром втащили меня в лодку силой.

— Я рад, что ты исчезла не по своей воле, — сказал я.

Действительно, я был очень рад тому, что не обманулся в ней. Моя любовь вспыхнула с новой силой.

— А что с Вором Даем? — спросила она.

— Мы оставили тело там же до возвращения Раса Таваса. Другого выхода у нас не было.

— Но если Рас Тавас никогда не вернется? — голос ее задрожал.

— Тогда Вор Дай будет вечно лежать там, — ответил я.

— Как ужасно, — вздохнула она. — Он такой красивый, такой добрый.

— Ты думаешь о нем так хорошо? — спросил я, и тут мне стало стыдно, что я, пользуясь своим положением, пытаюсь выяснить ее чувства ко мне.

— Я к нему отношусь очень хорошо,— сказала она спокойно и ровно. Ее ответ не вселил в меня особых надежд.

Примерно к полудню стало ясно, что малагор выбился из сил. Он стал опускаться все ниже и ниже и вскоре сел на один из островов. Это был большой и красивый остров с холмами, долинами, лесами. Когда малагор сел на землю, то упал на бок, сбросив нас с себя. Я решил, что птица умирает. Она лежала, дергаясь и задыхаясь.

— Бедняга,— сказала Джанай,— за три дня он пролетел громадное расстояние и практически ничего не ел.

— Ну что же, по крайней мере, он унес нас из Морбуса, и если придет в себя, мы полетим дальше, в Гелиум.

— Почему в Гелиум?

— Потому что это единственный город, где ты будешь в безопасности.

— Почему ты думаешь, что именно там я буду в безопасности? — спросила она.

— Потому что Вор Дай и Джон Картер твои друзья. Владыка Барсума сделает все, чтобы ты чувствовала себя там, как дома.

— А ты? — спросила она.

Вероятно, я содрогнулся, представив, как появлюсь в Гелиуме в моем теперешнем виде, потому что она поспешно сказала:

— Я уверена, что тебя там тоже хорошо примут, так как ты заслуживаешь этого больше, чем я,— задумалась, а затем спросила,— ты знаешь, что стало с мозгом Вора Дая? Ситор утверждал, что он уничтожен.

Мне очень хотелось сказать ей правду, но я не мог заставить себя это сделать.

— Нет. Мозг не уничтожен. Рас Тавас знает, где он. Если я найду Раса Таваса, мозг Вора Дая будет возвращен в его тело.

— Все же маловероятно, что мы сможем найти Раса Таваса,— печально сказала она.

Мне тоже так казалось, но я не терял надежды. Джон Картер должен остаться живым. Рас Тавас не должен погибнуть. И когда я найду их где-нибудь...

Но что будет с моим телом, лежащим в подвале здания лаборатории? Может, масса уже проникла туда, нашла путь в камеру 3-17? Мне стало плохо при этой мысли. Это ведь вполне возможно. Сила массы такова, что она способна выдавить самую мощную дверь, и тогда эти кошмарные головы вопьются в меня зубами... Ну,

а если масса не проникнет в камеру, но заполнит весь остров? Все равно. Ведь тогда не будет доступа к моему телу, и оно будет лежать там вечно... Мои печальные мысли прервал крик Джанай:

— Смотри!

Я обернулся и посмотрел в том направлении, куда она указала. Несколько странных существ длинными прыжками приближались к нам. Эти человекообразные существа не были похожи ни на одно живое существо Барсума. У них были длинные мощные ноги, колени, постоянно согнутые, которые они расправляли только в момент прыжка. Кроме того, у них были толстые длинные хвосты. В остальном они напоминали людей. На них не было никакой одежды, за исключением ремня, на котором висели ножны с мечом и кинжалом. Все они были вооружены копьями. Они быстро окружили нас, оставаясь на безопасном расстоянии. Затем они присели на свои длинные хвосты.

— Кто вы и что вы здесь делаете? — спросил один из них, чрезвычайно удивив меня тем, что такие существа умеют говорить.

— Мы летели над вашим островом, — ответил я, — но наш малагор выбился из сил и опустился здесь. Как только сможем, мы продолжим наш путь.

Существо покачало головой.

— Вы никогда не покинете Гули, — сказал он. Затем он внимательно осмотрел меня с ног до головы и спросил: — Кто ты?

— Я человек, — ответил я.

Он покачал головой.

— А что это? — он указал на Джанай.

— Это тоже человек. Женщина.

Он снова покачал головой.

— Она только наполовину женщина, — заявил он. — У нее нет возможности вынашивать малышей и согревать их. Если у нее будут дети, то они наверняка погибнут.

Это был вопрос, в обсуждение которого я не хотел вступать. Поэтому я промолчал. Джанай была слегка удивлена, потому что уж она-то была с головы до ног женщиной. По крайней мере, я так считал.

— Что вы хотите делать с нами? — спросил я.

— Отведем к джеду, и он решит. Может, он оставит вам жизнь и заставит работать, может, убьет вас. Ты очень безобразен, но, по-видимому, силен. Ты будешь хо-

рошо работать. Женщина кажется бесполезной, если ее можно назвать женщиной.

Я задумался. Нас окружили пятьдесят воинов. Пусть я смогу убить многих, но, в конце концов, погибну сам. Их слишком много даже для такого сильного и искусного воина, как я. Пожалуй, будет лучше идти с ними к джеду и надеяться на случай.

— Хорошо,— сказал я.— Мы идем с вами.

— Конечно, идете,— сказал он.— Куда вам деваться?

— Я смог бы сражаться,— ответил я.

— Хо-хо,— рассмеялся он.— Ты любишь сражаться? Тогда, пожалуй, джед оставит тебе жизнь. Идем!

Они повели нас вдоль ручья в лесу, на опушке которого показался деревня, состоящая из приземистых хижин.

— Это,— сказал предводитель,— Гули. Величайший город мира. Здесь, в большом дворце живет Анаток, джед Гули и всего острова Омпт.

Когда мы подошли к деревне, навстречу нам высыпали люди, человек двести — мужчины, женщины, дети. Когда я рассмотрел их, то понял, почему предводитель отряда не пожелал признать в Джанай женщину.

Женщины с острова Омпт откладывали яйца в сумку, которая была расположена в нижней части живота. В сумке из яиц появлялись детеныши и жили в ней до тех пор, пока не могли сами позаботиться о себе. Было забавно наблюдать, как маленькие головенки высовываются из материнских сумок, с любопытством рассматривая нас. Я впервые встретил на Барсуме существ, довольно близких к людям, вынашивающих детенышей в сумке.

Они очень грубо обращались с нами, ругали, толкали, щипали. Я был выше их всех, поэтому ко мне они относились осторожно, но Джанай чуть не сбили с ног. Мне пришлось вмешаться и оттолкнуть особо любопытных, причем я не рассчитал своей силы, и нахалы покатились по земле. Они тут же вскочили, схватились за мечи и накинулись на меня. Однако их остановил тот, кто взял нас в плен. Жители деревни все еще продолжали на некотором расстоянии от нас выражать свое недовольство нашим появлением.

Вскоре мы вошли в деревню, и нас привели к хижине, которая была больше остальных. Видимо, это и был великолепный дворец Анатока. Из хижины вышел сам джед-

дак в сопровождении нескольких мужчин, женщин и оравы ребятишек. Женщины были его женами и наложницами, мужчины — советниками.

Анаток очень заинтересовался нами и подробно расспросил, как нас взяли в плен. Затем он обратился к нам и спросил, откуда мы.

— Мы из Морбуса и направляемся в Гелиум,— ответил я.

— Морбус... Гелиум...— повторил он,— никогда не слышал о них. Вероятно, это большие деревни, где живут дикари. Какие все-таки мы счастливые, что живем в прекрасном городе Гули.

— Ты согласен со мной? — спросил он меня.

— Я думаю, что вы в Гули живете гораздо более счастливо, чем люди в Морбусе, и жить здесь гораздо легче, чем в Гелиуме,— ответил я, не покрывив душой.

— Наши страны никогда,— продолжал я,— не причиняли вам вреда. Мы не воюем с вами. Следовательно, вы должны отпустить нас с миром.

На это он рассмеялся.

— До чего же простые люди живут в деревнях,— воскликнул он.— Вы мои рабы. Как только вы станете мне не нужны, я убью вас. Не могу же я отпустить вас, чтобы вы показали врагам путь в наш великолепный город. Враги уничтожат его и украдут наши богатства.

— Наши народы никогда не побеспокоят вас,— убеждал я его.— Наши страны слишком далеко отсюда. Если кто-либо из ваших людей придет к нам, он будет принят с лаской. Мы воюем только с врагами.

— Да, я вспомнил,— сказал предводитель отряда, взявший нас в плен,— по его словам, он очень любит сражаться.

— Что? — воскликнул Анаток.— Мы выполним его желание. Ничего я не люблю больше, чем хороший бой. Какое оружие ты предпочитаешь?

— Я буду биться тем оружием, которое выберет мой противник,— ответил я.

ГЛАВА XXI

ДУЭЛЬ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Казалось, что дуэль в Гули является самым важным государственным делом. Джеддак и его советники несколько часов советовались, какого же противника мне

назначить. Обсуждались качества многих воинов, даже их предков до пятого и шестого колена. Они обсуждали все это так, как будто дуэль решала судьбу государства. Мужчины из племени вмешивались в ход совета, внося свои предложения. Наконец они выбрали мне противника — здорового молодого парня, который возгордился важностью миссии, возложенной на него, и разразился длинной витиеватой речью, в которой перечислил все свои доблести, доблести своих многочисленных предков, не забывая при этом осыпать меня насмешками и оскорблениями. Он заверил всех присутствующих, что бой со мной займет у него немного времени. Заключил он свою речь тем, что для поединка со мной он выбрал меч. Тогда Анаток спросил меня, не хочу ли я что-либо сказать. Мне стало ясно, что такое словоблудие является неотъемлемой частью церемонии, предшествующей дуэли.

— У меня только один вопрос,— сказал я.

— Что за вопрос?

— Какая награда ждет меня, если я побью вашего воина?

Анаток опешил:

— Это не приходило мне в голову. Да это и не важно. Ты ведь все равно не выиграешь бой.

— И все-таки,— настаивал я,— если вдруг такое случится, что я получу в награду? Обещаешь ли ты вернуть свободу мне и женщине?

Анаток рассмеялся.

— Конечно! Я могу пообещать тебе без всякого риска все, что хочешь. Все равно ты погибнешь!

— Отлично, но только не забудь своего обещания.

— Это все, что ты хотел сказать? — спросил Анаток. — Разве ты не хочешь рассказать нам, какой ты сильный, смелый, скольких людей ты убил, какой ты искусный воин? Или ты ~~никудашный~~ воин?

— За меня все скажет мой меч. Мой противник произнес много хвастливых слов. Пусть продолжает, если ему так хочется. Он не испугал меня, так как я уже слышал многих хвастунов. Обычно те, кто много хвастает перед боем, ничем не могут похвастаться после него.

— Значит, ты не знаешь воинов Гули,— заявил Анаток. — Мы самые смелые и самые сильные воины в мире. Никто не может сравниться с нами. И доказательством тому — наш великодушный город, стоящий непоколебимо уже в течение многих столетий. Никогда нога

врага не ступала здесь. И мы всегда будем владеть этим городом и хранить наши огромные богатства.

Я посмотрел на маленькую деревню с нищими хижинами. Интересно, где они прячут свои богатства? И что это за богатства? Драгоценные камни? Редкие металлы?

— Я не вижу ничего, что говорило бы о вашем богатстве, — заметил я. — Может, ты снова только хвастаешь?

При этих словах Анаток впал в ярость.

— Ты осмеливаешься сомневаться, уродливый дикарь? — закричал он. — Что ты знаешь о богатстве и сокровищах? Еще никогда твои глаза не видели того, что может сравниться с богатствами Гули!

— Покажи ему наши богатства, прежде чем он умрет, — закричал воин, — пусть он поймет, что нам приходится быть воинственными и сильными, чтобы охранять и защищать сокровища!

— Неплохая идея, — сказал Анаток. — Пусть он убедится сам, что мы, народ Гули, не хвастуны и действительно обладаем сокровищами. А потом, во время боя, он убедится в наших воинских доблестях. Идем, мы покажем тебе сокровища.

Он пошел во дворец, и я последовал за ним, окруженный толпой воинов. Внутри хижины было пусто, только вдоль стен лежали кучи сухой травы и листья, которые служили им постелями. Здесь же было немного оружия, нехитрая кухонная утварь и огромный шкаф, стоявший по центру хижины. К этому-то шкафу и подвел меня Анаток. Он торжественно открыл дверцу и показал мне содержимое шкафа.

— Больше тебе не на что смотреть во всем мире. Ты увидел все. Это сокровища Гули.

Шкаф на три четверти был наполнен морскими раковинами. Анаток и все остальные смотрели на меня, ожидая реакции.

— Где же сокровища? — спросил я. — Здесь нет ничего, кроме раковин.

Анаток задрожал от гнева.

— Ты ничтожный и невежественный дикарь! Я должен был бы знать, что ты не сможешь оценить истинную красоту сокровищ Гули. Идем, ты задержал дуэль. Чем быстрее ты умрешь, тем будет лучше для всего мира. Мы, жители Гули, не можем терпеть невежество и глупость. Мы самые умные люди в мире!

— Идем,— согласился я,— чем быстрее мы приступим к дуэли, тем лучше.

Вся подготовка к дуэли была проведена с необычайной помпой. Сначала двинулась процессия с Анатоком и его ближайшими советниками, затем прошел мой противник, которого сопровождала почетная охрана из десяти воинов, а за ними шел я вместе с Джанай. Они не стали возражать. За нами шли все остальные, включая женщин и детей. Это было странное шествие, так как участвовали в нем все, зрителей не было. Мы обошли вокруг дворца, затем прошли по главной улице и вышли из деревни. Здесь жители образовали круг, в центре которого оказались я, мой противник и его почетная охрана. По знаку Анатока я выхватил меч. Затем мы пошли навстречу друг другу.

Я повернулся к Анатоку.

— Что делают эти воины в кругу для дуэли?

— Это помощники Дзуки,— объяснил он.

— И я должен драться со всеми сразу?

— О, нет! Ты будешь драться с Дзуки, а помощники понадобятся, если он попадет в трудное положение.

— Значит, мне придется сразиться сразу с одиннадцатью воинами!

— Дерись, трус! — закричал Анаток.— Мы хотим увидеть хороший бой!

Я снова повернулся к Дзуки и его помощникам. Они медленно приближались ко мне и корчили гримасы, как бы желая запугать меня. Вся ситуация была настолько смешной, что я не мог удержаться от хохота. И, тем не менее, это было серьезно. Я это понимал. Все-таки против меня одиннадцать человек, а это много, даже если они плохие воины.

Мое лицо само по себе было страшным, но я к тому же скорчил жуткую гримасу и с криком бросился вперед. Их реакция была для меня неожиданной. Дзуки одним из первых развернулся и бросился бежать, расталкивая своих помощников. Те тоже повернулись и побежали прочь. Я не стал преследовать их, и, когда они увидели, что я остановился, они тоже остановились и повернулись ко мне.

— Это и есть знаменитое боевое мастерство Гули? — спросил я у Анатока.

— Это блестящий образец тонкой стратегии, который тебе не понять, так как ты слишком туп.

Они снова очень медленно пошли на меня. Теперь они

издавали воинственные звуки и снова корчили гримасы.

Я уже приготовился снова броситься на них, как вдруг одна из женщин пронзительно закричала и показала рукой вдаль. Я обернулся и увидел с полдюжины дикарей, таких, от которых мы на лодке сумели убежать. Тут начался бой, и все жители деревни, за исключением нескольких воинов, бросились бежать прочь. Я не мог понять, почему остались эти воины. То ли страх парализовал их ноги, то ли посетил неожиданный прилив мужества. Дзуки, моего противника, не было среди них. Он и Анаток бежали к лесу впереди всех.

— Кто это? — спросил я одного из воинов.

— Людоеды, — ответил он. — Теперь мы должны стать их жертвами.

— Что значит «жертва»?

— Просто жертва, — ответил он. — Если мы добровольно не отдадим им пятерых воинов, когда они придут, они нападут на деревню, сожгут ее, заберут наши сокровища, угонят женщин, убьют всех мужчин, которых смогут найти. Так проще для народа. Однако выбора у нас нет. Ведь если мы не подчинимся, племя замучают до смерти.

— Но почему мы должны покориться им? Их всего шестеро. Давайте драться с ними. У нас столько же шансов победить, сколько и у них.

Воины удивленно посмотрели на меня.

— Но мы никогда так не дрались. Для боя необходимо, чтобы нас было в десять раз больше. Иначе это плохая стратегия.

— К черту вашу стратегию, — приказал я, — становитесь рядом со мной.

— Ты думаешь, мы сумеем? — спросил один другого.

— Все равно умирать.

— Чепуха! — воскликнул я. — Если вы поможете мне хоть немного, мы убьем их.

— Дай мне меч, — сказала Джанай, — я тоже помогу вам.

— Ну, что ж, попробуем, — сказал один из воинов.

Дикари были уже совсем близко от нас. Они хохотали, бросая презрительные взгляды на жителей деревни.

— Идемте, — заявил один из дикарей, — бросайте оружие и следуйте за нами.

Вместо ответа я прыгнул вперед и рассек череп одному из дикарей пополам одним ударом. Пять моих помощников медленно двинулись вперед. У них не хватало

мужества для борьбы, но мой успех вдохновил их. А дикари, опешив, попятились назад. Я не стал останавливаться и снова бросился вперед. Теперь я встретил сопротивление, но моя длинная рука, мое искусство и моя сила дали мне преимущество, и вскоре уже три дикаря валялись в пыли, а остальные убегали со скоростью, которую только смогли развить.

При виде убегающих врагов — а им редко доводилось видеть такое — жители деревни Гули превратились в демонов и бросились вдогонку. Они мчались вперед огромными прыжками и без труда догнали бы врагов, но почему-то решили дать им убежать. Когда они вернулись обратно, на лицах их светилась гордость за самих себя.

Очевидно, за нами наблюдали те, кто прятался в зарослях, потому что теперь все племя высыпало к нам. Анаток был немного смущен, но первыми его словами были:

— Теперь ты понял мудрость нашей стратегии. Мы убежали, чтобы заманить врагов, а затем уничтожить их.

— Ты не можешь обмануть ни себя, ни меня, — сказал я. — Вы все трусы и хвастуны. Я спас пятерых воинов, которых вы безропотно обрекли на смерть, даже не пытаясь защитить их. Вы убежали от шести дикарей, все ваши воины попрятались, как трусы. Я могу один перебить вас всех, вы это знаете. Так что я требую в награду за то, что спас твоих воинов, радушный прием в твоём городе. Я буду жить столько, сколько захочу, сколько понадобится, чтобы мы смогли продолжить потом свое путешествие. Если ты откажешь мне, ты первый падешь от моего меча.

— Не нужно угрожать мне, — сказал, задрожав, Анаток. — Я и сам хотел дать вам свободу за то, что ты сделал. Ты можешь оставаться, можешь уходить, если захочешь. Ты можешь остаться насовсем, если будешь сражаться с нашими врагами, когда они придут.

ГЛАВА XXII

В ФАНДАЛ

На следующий день мы с Джанай пошли посмотреть, не оправился ли наш малагор, однако мы не нашли даже его следа. Я решил, что он либо улетел, либо укра-

ден дикарями, которые, по словам Анатока, приплывали с другого острова.

Я сразу же стал строить лодку. Жители Гули немного помогали мне, хотя были необычайно ленивы и быстро уставали. Это была самая бестолковая раса, какую я только встречал.

Всю свою энергию они тратили на болтовню и безудержное хвастовство. Несколько часов после столкновения с дикарями они только и кричали о своей большой победе, приписывая ее только себе. Анаток объявил, что это был настоящий триумф его мудрой стратегии. Нет, пожалуй, на всем Барсуме не найти людей, подобных жителям Гули.

Я немного подружился с Дзуки, пока мы строили лодку. Я обнаружил, что он довольно неглупый парень и не лишен чувства юмора, чего нельзя было сказать об остальных его сородичах. Однажды я спросил его, почему они считают раковины таким ценным сокровищем.

— Анаток очень хочет обладать сокровищем, — ответил он. — Это дает ему ощущение превосходства. То же самое можно сказать и о его предшественниках. Да и о всех нас тоже. Нам кажется чрезвычайно важным обладать ими. Но мы осторожный народ, поэтому мы выбрали такое сокровище, которое никому не нужно. Никто не станет посягать на него. Иногда мне кажется, что это глупо, но я не осмелюсь сказать это ни Анатоку, ни кому-либо другому. Всю свою жизнь мы слышим об огромной ценности сокровищ Гули. И если все верят в это и не спрашивают почему, значит, они не хотят спрашивать.

— Значит, они так же думают о своей непревзойденной отваге и чудесной стратегии Анатока? — спросил я.

— О, здесь другое. Это все по-настоящему. Мы действительно самый храбрый народ в мире. А Анаток — величайший стратег.

Свое чувство юмора он исчерпал в рассказе о сокровищах и споткнулся на мужестве и мудрости Анатока.

Джанай все время работала со мной, и мы много времени проводили вместе. Правда, меня преследовало ощущение, что я внушаю ей отвращение. Она никогда не прикасалась ко мне, если у нее была возможность избежать этого, никогда не смотрела мне прямо в лицо. И я не мог осуждать ее за это. О, если бы я знал, что

она любит меня, как любят уродливую преданную собаку, которую изредка гладят и ласкают. Но я был так уродлив, что, несмотря на ее благодарность мне, я все время ощущал, что вызываю у нее отвращение.

Эти мысли заставили меня вспомнить о моем бедном теле. Лежит ли оно еще в камере 3-17? А может, ужасная масса уже ворвалась туда и затопила камеру? Увижу ли я когда-нибудь его снова? Все это казалось мне почти невероятным. С потерей малагора, наше путешествие становилось все более опасным и долгим.

Наконец лодка была готова, и жители Гули помогли мне спустить ее на воду. Они снабдили нас провизией, дали лишний меч и кинжал для Джанай. И все время они не переставали хвастаться лодкой, которую построили для меня, и кинжалом, который дали Джанай...

Мы оставили их на берегу, где они продолжали без удержу хвастаться, и пустились на запад, в опасное путешествие через Великую Тунолианскую Топь.

ГЛАВА XXIII

ПЛЕННИКИ АМХОРА

Обширные пространства топей были необитаемы. Мы целыми неделями плыли по диким местам, где не жили даже дикари. Однако нас подстерегали другие опасности — громадные рептилии и гигантские насекомые. Некоторые из них достигали колоссальных размеров: размах крыльев составлял тридцать футов. Они могли легко уничтожить нас своими мощными челюстями и огромными жалами, но, к счастью, ни разу не напали. Их жертвами были небольшие рептилии барсумских болот, и мы нередко были свидетелями схваток, где насекомые всегда одерживали победу.

Через неделю после того, как мы оставили Гули и плыли по одному из бесчисленных озер, впереди себя над горизонтом мы увидели большой военный корабль, который медленно летел в нашем направлении. Сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди от радости.

— Джон Картер! — закричал я. — Он прилетел! Джанай, мы спасены!

— И Рас Тавас тоже с ним, — сказала она. — Мы вернемся в Морбус и возвратим жизнь телу Вора Дая.

— Да, он снова будет жить, двигаться и любить, —

перспектива получить свое тело обратно вознесла меня до небес.

— Но вдруг это не Джон Картер? — спросила она.

— Это наверняка он, Джанай. Какой другой цивилизованный человек полетит в эту глушь?

Мы прекратили грести и смотрели на приближающийся корабль. Он летел очень низко, не выше ста футов над землей, и очень медленно. Когда он подлетел ближе, я поднялся во весь рост в лодке и принялся размахивать руками, чтобы привлечь внимание, хотя я был уверен, что они и так должны заметить нас, так как летели прямо на нас.

На корабле не было никаких эмблем и гербов, по которым можно было бы определить государство, флоту которого он принадлежит. Это обычное явление на Барсуме, особенно, когда одинокий корабль разгуливает над враждебной территорией. Очертания корабля были незнакомыми, но я видел, что корабль старой конструкции. Такие сейчас в Гелиуме используются только на границах. Я не мог понять, почему Владыка Бармуа выбрал этот корабль, а не взял более совершенный, но не мне обсуждать его действия.

Корабль приблизился и опустился еще ниже. Я понял, что нас заметили. Корабль завис над нами. С корабля спустили корзину, я посадил туда Джанай, во вторую корзину забрался сам, и нас подняли на корабль.

Как только я очутился на борту и увидел воинов, окруживших меня, я понял, что это корабль не из Гелиума, так как везде были гербы другой страны.

Джанай испуганно смотрела на меня.

— Здесь нет ни Джона Картера, ни Раса Таваса,— прошептала она.— Это корабль не из Гелиума, он принадлежит Джалу Хаду, принцу Амхора. Если он узнает меня, то мне лучше вернуться в Морбус.

— Только не выдай себя,— сказал я.— Запомни, ты из Гелиума.

Она кивнула.

Офицеры и воины, окружившие нас, заинтересовались более мной, чем Джанай. Они оживленно обсуждали мою наружность.

Они провели нас на верхнюю палубу, и мы предстали перед командиром. Он взглянул на меня с плохо скрываемым отвращением.

— Кто вы? — спросил он.— И куда направляетесь?

— Я хормад из Морбуса, а эта девушка из Гелиума.

Она друг Джона Картера, Владыки Барсума.

Он долго смотрел на Джанай, а потом ехидная улыбка скользнула по его губам.

— Когда ты успела поселиться в Гелиуме, Джанай? Зачем тебе скрывать свое имя, я знаю тебя. Я узнал бы тебя среди миллионов. Ведь твой портрет висит у меня в каюте, как, впрочем, во всех каютах кораблей Амхора. Великая награда ждет того, кто приведет тебя в Амхор, к принцу Джалу Хаду.

— Она находится под защитой Владыки Барсума, — сказал я. — Какую бы награду не предложил бы принц Амхора, Джон Картер даст вдвое больше, если девушку доставят в Гелиум.

— Что это за урод? — спросил командир у Джанай, кивнув головой в мою сторону. — Ты его пленница?

— Нет, он мой друг. Он много раз рисковал жизнью, спасая меня. Он хотел доставить меня в Гелиум, когда вы выбрали нас. Пожалуйста, не отвозите меня обратно в Амхор. Я уверена, что Тор-дур-бар прав: Джон Картер хорошо заплатит, если ваш корабль доставит нас в Гелиум.

— А когда я вернусь в Амхор, принц Джал Хад замучает меня до смерти? — спросил командир. — Нет! Ты полетишь в Амхор, и, возможно, принц добавит мне кое-что за это чучело. Это будет хороший экземпляр для его коллекции. Такое страшилище сможет неплохо развлечь граждан Амхора. Если ты будешь послушна, Джанай, Джал Хад хорошо примет тебя. Не будь такой глупышкой, как была раньше. Пойми, совсем неплохо стать принцессой Амхора.

— Лучше бы я стала джеддарой в Морбусе. Нет, принц не получит меня. Я скорее умру.

Командир пожал плечами.

— Это твое дело. У тебя будет время поразмыслить, пока мы летим в Амхор. Советую тебе взвесить все и поступить разумно, — затем он дал указания своей команде хорошенько охранять нас.

Пока нас вели в каюту, я увидел, как какой-то человек подбежал к борту и прыгнул вниз. Он так стремительно выпрыгнул, что никто не успел помешать ему. Однако командир, все видевший, оставался абсолютно спокоен, не пытаясь даже спасти беднягу. Я спросил офицера, сопровождавшего нас, что это за человек и почему он бросился за борт.

— Это пленник, который, по-видимому, предпочел

смерть рабству в Амхоре,— ответил тот.

Мы были еще довольно низко над озером, и один из команды крикнул, что человек остался жив и плывет к брошенной нами лодке.

— Он долго не протянет в Тунолианской Топи,— заметил офицер, когда мы спускались вниз.

Джанай предоставили лучшую каюту на корабле. Они ведь думали, что девушка станет принцессой Амхора, и заранее хотели заручиться ее расположением. Мне стало немного легче, так как я понял, что до возвращения в Амхор с Джанай будут очень хорошо обходиться.

Меня поместили в маленькую каюту, рассчитанную на двоих. Здесь уже был один человек. Когда я вошел, он сидел ко мне спиной и смотрел в иллюминатор. Офицер закрыл за мной дверь и удалился. Я остался один с моим новым соседом. Услышав скрип двери, человек обернулся и посмотрел на меня. Мы оба вскрикнули от удивления. Это был Тун Ган. Он даже немного испугался, узнав меня, видимо, совесть мучила его.

— Так это ты! — сказал я.

— Да! Я думаю, что ты хочешь убить меня но не суди меня слишком строго. Мы с Ганом Хадом долго колебались, ведь мы оба знали, что погибнем, если вернемся в Морбус, а если уплывем, у нас будет шанс выжить.

— Я не осуждаю тебя. Может, в подобной ситуации я поступил бы так же. Во всяком случае, то, что произошло, даже к лучшему. По крайней мере, я смог добраться до Морбуса за несколько часов и освободить Джанай. Но как получилось, что ты оказался тут?

— Нас с Ганом Хадом захватили неделю назад. Может, это хорошо, так как за нами гналась орда дикарей. Если бы не корабль, нас бы схватили и убили. Я был рад, что нас взяли в плен, но Ган Хад был вне себя. Он не желал попадать в рабство. Он очень хотел вернуться в Фандал.

— А где же сейчас Ган Хад?

— Он только что прыгнул за борт. Я видел, как он добрался до лодки, брошенной вами, и теперь уже в полную гребет по направлению к Фандалу.

— Надеюсь, что ему удастся добраться туда,— сказал я.

— Он не доберется,— сказал Тун Ган.— Я не верю, что хоть один человек может выжить в этих жутких бескрайних болотах.

— Но вы же проделали длинный путь,— напомнил я ему.

— Да, но кто знает, что ждет впереди?

— И ты не против попасть в Амхор?

— А почему я должен быть против? Они считают меня Гантуном Гором, убийцей из Амхора, и относятся ко мне с большим почтением.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Я забыл, что у тебя тело Гантуна Гора. Ты думаешь, что сможешь жить там, обманывая их все время?

— Думаю, что смогу. Мозг мой работает неплохо. Я рассказал им, что получил травму головы и многое из того, что было раньше, забыл. Поэтому они не сомневаются, что я Гантун Гор.

— Им ничего другого не остается,— сказал я. — Ведь они даже представить не могут, что можно пересадить мозг другого человека в череп Гантуна Гора.

— Тогда они никогда этого не узнают, если ты им не скажешь. Чему ты смеешься?

— Ситуация смешная. Никто из нас двоих не является самим собой. У меня твоё тело, а у тебя тело другого человека.

— Но кто ты? Чей мозг в моем теле? — спросил он. — Я часто задумываюсь над этим.

— Продолжай думать. Может, тебе и не суждено никогда узнать это.

Он испытующе смотрел на меня долгое время. Внезапно лицо его просветлело.

— Я знаю,— воскликнул он. — Какой я идиот, что не догадался раньше.

— Ты ничего не знаешь! — прикрикнул я на него. — И если бы я был на твоём месте, я забыл бы это навсегда.

Он кивнул.

— Хорошо, Тор-дур-бар. Все будет так, как ты хочешь.

Чтобы сменить тему разговора, я заметил:

— Интересно, почему амхорский корабль летает в этой глуши?

— У Джала Хада, принца Амхора, есть хобби. Он коллекционирует диких животных. Говорят, что их у него уже довольно много. Этот корабль летает здесь в поисках новых экземпляров.

— Значит, они искали не Джанай?

— Нет. Так это была Джанай? Я мельком видел

фигуры двух человек, которых поднимали на борт.

— Да, Джанай на борту. Теперь я должен спасти ее отсюда, прежде чем корабль достигнет Амхора.

— Может, это тебе удастся, — сказал он. — Они часто приземляются, чтобы поохотиться на зверей, а дисциплина на борту крайне низкая. Мне кажется, что нас совсем не охраняют. Вот почему Гану Хаду удалось бежать.

Но увы, корабль летел теперь без остановок прямо в Амхор, и возможности для побега не предвиделось. Видимо, командир корабля жаждал получить обещанную за Джанай награду.

Амхор находился в семистах земных милях к северу от места нашего пленения. Это расстояние корабль преодолел за семь с половиной часов. Все это время я ни разу не видел Джанай. Она постоянно находилась в своей каюте.

Мы прибыли в Амхор посреди ночи и зависли над городом до утра, в окружении патрульных кораблей. Все уже знали, какой ценный груз у нас на борту. Джал Хад спал, когда мы прилетели, и никто не осмелился потревожить его сон. Принц, как мне показалось, пользовался зловещей репутацией, и все поголовно боялись его.

Утром к нашему борту ошвартовался корабль принца и забрал Джанай. Я ничего не мог поделать, так как меня заперли в каюте. Как только мы прилетели в город, меня разлучили с Гантуном Гором и поместили в другую каюту. Я был в полном отчаянии, потому что понимал, что навсегда расстался со своим телом и никогда больше не увижу Джанай. Мне все стало безразлично, и я уповал лишь на смерть.

ГЛАВА XXIV

В КЛЕТКЕ

После того, как Джанай забрали с корабля, он опустился на посадочную площадку, и двери моей каюты открылись. На выходе из корабля меня ждал отряд солдат под командой офицера. Руки мне сковали тяжелыми цепями. Я не сопротивлялся. Мне было все равно.

Потом меня спустили на лифте на землю. Воины, которые вели меня, впервые видели такое страшилище. Они с опаской поглядывали на меня. На улице я привлек

всеобщее внимание. Вскоре меня сунули в небольшой воздушный корабль, чтобы доставить во дворец.

Дворец, который был целью нашего путешествия, занимал огромную площадь. Весь дворцовый ансамбль включал и улицы, прилегающие ко дворцу, где в богатых кварталах жили знатные люди Амхора, здесь же находились лучшие гостиницы и магазины. Амхор был маленьким городом, но городом назывался по праву. Основным занятием в этом государстве было разведение тотов и зитидаров. Если раньше их использовали как средство передвижения, то теперь их выращивали для еды. Амхор поставлял мясные продукты в Дахор, Фандал и Тунол.

Амхор был настоящей Меккой для торговцев всего Барсума, которые любили не только зарабатывать деньги, но и весело тратить их. А тратить было где. Да, это был довольно интересный город, но разве можно было насладиться им из клетки в зверинце, куда меня посадили через несколько минут после прибытия к задним воротам дворца.

В зверинце по обеим сторонам улицы стояли клетки и загоны, где содержали животных со всего Барсума. Это было веселое развлечение для жителей и гостей города, ходивших по улице, доступ в которую в дневные часы был свободным.

Особенностью зверинца принца Джала Хада являлось то, что он поместил туда не только зверей но и представителей человеческих рас. В клетке слева от меня находился огромный зеленый человек с большими клыками и четырьмя руками. Справа — красный человек из Парты.

Здесь же были тоты, зитидары, большие белые обезьяны Барсума, свирепые волосатые чудовища, очень похожие на человека и, может быть, самые страшные из всех барсумских зверей. Здесь же были и два апта, арктические чудовища из далекого Окара. У них была замечательная белая шерсть и шесть ног. Четыре — короткие и сильные — служили собственно ногами, а две другие, безволосые, росли от мощной короткой шеи и были снабжены пальцами. Как рассказывал мне Джон Картер, их головы и рты были похожи на головы бегемотов, за исключением двух острых рогов, загнутых вперед и сидящих на нижней челюсти. В других клетках я увидел бенсов, калотов, дарсинов, орлуков, ситов, сораков, ульсио и многих других животных, насекомых и людей,

включая даже калдана, одного из самых странных паукообразных людей Барсума. Но когда меня посадили в клетку, я стал самым ценным экспонатом зверинца. Должен признать, что я был самым уродливым среди самых страшных созданий в этом зверинце. Возможно, со временем я стал бы гордиться своей исключительной внешностью, но сейчас меня раздражало всеобщее внимание.

Ревущая толпа стояла перед моей клеткой, тыкала в меня палками, бросала камни, кусочки еды. Пришел смотритель с дощечкой, на которой я смог прочесть кое-что о себе:

«Хормад из Морбуса, человекоподобное чудовище, захваченное в Великой Тунолианской Топи».

Я просидел в клетке уже часа два, как вдруг на улице появился отряд дворцовой охраны и стал разгонять зрителей. Через несколько минут послышались звуки трубы, и в конце улицы я увидел приближающуюся процессию.

— Что теперь? — спросил я красного человека.

Тот удивленно посмотрел на меня. Он не ожидал, что я умею говорить.

— Это Джал Хал идет посмотреть на тебя, — сказал он. — Он очень гордится тобой, так как такого нет во всем мире.

— Со временем он узнает, что таких, как я, миллионы, и их предводители рвутся захватить весь мир.

Красный человек посмеялся над моими словами, но ведь он не знал всей ужасной правды.

Процессия принца Амхора приближалась. Джал Хад шел впереди, а в нескольких шагах от него — свита. Это был человек с жестоким ртом и бегающими глазами. Он подошел и остановился перед моей клеткой. Остальные столпились чуть позади. Я увидел в его свите Джанай. Она смотрела на меня, и в ее глазах я увидел слезы.

— Великолепно, — сказал принц, внимательно осматривая меня. — Клянусь, что второго такого нет во всем мире.

Он повернулся к остальным.

— Что вы думаете об этом? — спросил он.

— Чудесно, — ответили все, почти в унисон. Все, кроме Джанай. Она молчала.

Тогда Джал Хад посмотрел на нее.

— А что думаешь ты, моя любовь?

— Тор-дур-бар мой друг. Жестоко сажать его в клетку.

— Ты хотела бы, чтобы по улицам города разгуливали дикие звери?

— Тор-дур-бар не дикий зверь. Он смелый и преданный друг. Если бы не он, я давно бы погибла, Правда, лучше бы так и случилось. Но я никогда не забуду, каким опасностям он подвергался из-за меня.

— За это он получит награду,— презрительно сказал Джал Хад,— обеды со стола принца Амхора.

Это уже было кое-что. Я, член знатной семьи Гелиума, получу обеды с его стола! Со стола Джала Хада, принца Амхора. Однако меня успокоила мысль, что эти обеды могут быть все же лучше, чем та пища, которую здесь предлагали. Поэтому я могу спокойно проглотить гордость вместе с обедами.

Конечно, у меня не было возможности поговорить с Джанай и узнать, что с ней произошло и какое будущее ее ждет, если ей самой это известно.

— Расскажи мне о себе,— сказал Джал Хад.— Ты просто выродок, или есть другие, похожие на тебя? Похожи ли на тебя твои родители?

— У меня нет родителей. И таких, как я, миллионы.

— Нет родителей? — переспросил он.— Но ведь кто-то же отложил яйцо, из которого ты вылупился?

— Я появился не из яйца.

— Ясно. Ты не только уродливейший выродок, каких я только видел, но и самый великий лжец. Может, хорошая порка научит тебя не лгать великому принцу.

— Он не лжет,— сказала Джанай.— Он сказал правду.

— И ты тоже? — повернулся он к ней.— Ты тоже считаешь меня идиотом? Я могу наказывать моих женщин так же, как и моих зверей, если они не будут вести себя подобающим образом.

— Ты сам своим поведением доказываешь, что ты идиот,— заметил я.— Двое говорят тебе правду, а ты не веришь!

— Молчать! — закричал офицер.— Мой принц, позволь, я убью это наглое животное?

— Нет, он слишком ценен,— ответил принц.— Может, позже я прикажу высечь его.

Я подумал: «Интересно, кто осмелится войти ко мне в клетку, чтобы высечь меня. Ведь я же могу разорвать на части».

Джал Хад повернулся и ушел со своей свитой. Затем снова появилась публика, и до самой темноты мне пришлось выносить взгляды и оскорбления толпы. Теперь я понял, какую ненависть должны питать к людям животные, помещенные в клетки для всеобщего обозрения.

Когда толпа покинула зверинец, всех накормили, ибо Джал Хад знал, что звери в клетках едят лучше, когда никто на них не смотрит. Поэтому им было позволено есть в покое и одиночестве. Меня не кормили вместе с остальными. Вскоре из дворца Джала Хада пришел мальчик-раб с подносом, полным объедков со стола.

У мальчика были совершенно круглые глаза. Он смотрел на меня с удивлением и трепетом. В клетке была маленькая дверца, через которую давали еду, но мальчик боялся открыть ее. Он боялся, что я схвачу его.

— Не бойся,— сказал я,— я не причиню тебе вреда. Я не зверь.

Он подошел и осторожно открыл дверцу.

— Я не боюсь,— сказал он, но я видел, как он боится.

— Ты откуда? — спросил я.

— Из Дахора.

— Друг моего друга живет там.

— Как его зовут?

— Вад Варо.

— А, Вад Варо, я часто видел его. Я служил в охране, когда заканчивал обучение. Он женился на нашей принцессе Валле Дайе. Он великий воин. А кто ваш общий с ним друг?

— Джон Картер, Владыка Барсума, принц Гелиума. Глаза его чуть не выкатились из орбит.

— Джон Картер! Ты знаешь его? Кто же не слышал о величайшем воине всех времен? Но как мог такой, как ты, стать другом Джона Картера?

— Может, это кажется странным,— признал я,— но Джон Картер действительно мой друг.

— Но что ты знаешь о Джоне Картере? — вмешался мой сосед, красный человек.— Я из Гелиума, и там нет ни одного такого, как ты. Я думаю, что ты большой лжец. Ты лгал принцу, лгал мне, теперь лжешь этому юному рабу. Чего ты хочешь добиться своей ложью? Ты никогда не слышал, что барсумиане выше всего ценят честность?

— Я не лгу.

— Ты даже не знаешь, как выглядит Джон Картер.

— У него черные волосы, серые глаза, кожа светлее,

чем у тебя. Он пришел сюда с Джасума. Он женат на Дее Торис, принцессе Гелиума. Когда он попал на Барсум, его захватили зеленые люди Тарка. Он сражался в Окаре, стране желтых людей, а также в Долине Дор, он сражался во всех государствах Барсума. Когда я в последний раз видел его, мы были в Морбусе.

Красный человек удивился.

— Клянусь предками! — воскликнул он. — Ты многое знаешь о Джоне Картере. Может, ты и не лжешь.

Юный раб смотрел на меня восхищенно. Я видел, что произвел на него большое впечатление. Ну что, может, мне удастся завоевать его доверие, и тогда во дворце Джала Хада у меня будет друг и союзник.

— Значит, ты видел Джона Картера! Ты говорил с ним, касался его! Какой ты счастливчик!

— Когда-нибудь он придет в Амхор, — сказал я, — и тогда скажи ему, что ты знал Тор-дур-бара и был добр к нему. Тогда Джон Картер будет твоим другом.

— Я буду добр к тебе, насколько смогу, — заверил меня мальчик, — и если я могу что-либо сделать для тебя, я с радостью сделаю.

— Кое-что ты можешь.

— Что?

Он подошел ближе к клетке, повинувшись моему жесту.

— Что? — переспросил он.

Я встал на колени и прошептал ему на ухо:

— Я хочу знать все, что происходит с девушкой Джанай. То есть, как она живет сейчас, какова ее судьба в будущем.

— Я расскажу тебе все, что узнаю — пообещал он и убежал с пустым подносом.

ГЛАВА XXV

ПРИНЦ В ЗВЕРИНЦЕ

Дни проходили очень однообразно и монотонно. Их оживляли только беседы с красным человеком и визиты юного раба из Дахора по имени Орм-О, который приходил два раза в день.

Между мною и красным человеком завязалась дружба. Его звали Ур-Радж, и когда он мне называл свое имя, я вспоминал, что встречался с ним несколько лет назад. Он был из Хастора, города на границе нашего государ-

ства, служил падваром на одном из военных кораблей. Я спросил, не помнит ли он офицера по имени Вор Лай. Он ответил, что помнит прекрасно.

— Ты его знаешь? — спросил он.

— Очень близко. Я знаю его лучше всех на свете.

— Но как ты с ним познакомился?

— Он был в Морбусе вместе с Джоном Картером.

— Он блестящий офицер. Помню, я долго беседовал с ним, когда принц Гелиума прибыл в Хастор.

— Вы с Вором Даем обсуждали тогда твоё изобретение, позволяющее обнаруживать вражеские корабли на большом расстоянии по звуку его мотора. Ты доказал, что не существует двух моторов с одинаковой частотой вибрации. Ты разработал прибор, регистрирующий эту вибрацию. Ты также представил Вору Даю прекрасную молодую женщину, которую надеялся назвать своей женой.

Глаза Ур-Раджа расширились от удивления.

— Но как ты узнал обо всем этом? Должно быть, ты очень близок с ним, раз он рассказал тебе все, о чем мы говорили несколько лет назад.

— Он никому не рассказал о твоём изобретении, поскольку обещал хранить тайну, пока ты не закончил работу до конца и сам не предложил прибор военному флоту Гелиума.

— Но если он тебе ничего не рассказывал, откуда же ты все узнал?

— Это моя тайна, но могу поклясться, что Вор Дай не обманул твоего доверия.

Ур-Радж после нашего разговора решил, что я обладаю какой-то сверхъестественной силой. Он теперь постоянно наблюдал за мной, сидя в своей клетке и пытаясь разгадать мою тайну.

Мальчик-раб часто приходил ко мне и рассказывал о Джанай. Правда, новостей у него было немного. Я понял, что сейчас ей угрожает опасность, так как старая жена Джала Хада взяла её под свою защиту. У Джала Хада было несколько жен, и эту, первую, он боялся больше всего на свете. Она долго противилась тому, что ей придется делить внимание Джала Хада с другими женами, а теперь появилась новая соперница, молодая и очень красивая.

— Ходят слухи, что при первой же возможности она уберет Джанай. Сейчас она боится Джала Хада, который в гневе может убить её. Поэтому она ищет способ

убрать Джанай, не вызывая подозрений. Она уже несколько раз вызывала Гантуна Гора, убийцу, который недавно вернулся в город из плена. Да, не хотел бы я оказаться на месте Джанай, если Гантун Гор примет предложение Ванумы.

Я очень беспокоился о Джанай. Конечно, Гантун Гор не станет убивать ее, но что помешает Вануме найти иной способ разделаться с молодой соперницей. Я попросил Орм-О предупредить Джанай, и он обещал мне все ей передать.

Опасность, угрожающая Джанай, жгла мое сердце, а моя беспомощность приводила меня в бешенство. Судьба Джанай казалась мне совершенно безнадежной.

Иногда в зверинце бывало очень скучно, но, как правило, собиралось много народу поглазеть на меня. Как-то раз среди множества лиц, мелькавших целыми днями, я увидел в толпе Гантуна Гора. Грубо ругаясь и всех расталкивая, он пробился к моей клетке. Никто не пожелал ссориться с грубияном, так как все знали о его дурной славе.

— Каор, Тор-дур-бар,— сказал он.

— Каор, Гантун Гор. Приятно видеть тебя снова. Мне бы хотелось поговорить с тобой.

— Я вернусь, когда публика разойдется. Видишь ли, я теперь важная персона здесь, в Амхоре и даже во дворце. Никто не хочет ссориться со мной, в том числе и Джал Хад.

Я думал, что день никогда не кончится и люди не разойдутся. Время тянулось бесконечно долго. Наконец охранники вывели публику, на тележках развезли еду, пришел Орм-О со своим подносом, но Гантуна Гора все еще не было. Я подумал, что он опять бросил меня, а так нужно было переговорить с ним. Я спросил Орм-О о Джанай, но он только покачал головой, сказав, что не видел ее во дворце вот уже несколько дней.

— Может, Ванума убила ее? — спросил я, содрогаясь от собственных слов.

— Может. Последнее, что я слышал, были слухи о том, что Ванума стала хуже обращаться с ней, кое-кто говорит, что она сечет Джанай каждую ночь.

Я не мог представить себе, чтобы Ванума или кто другой могли выпороть Джанай, а она бы это стерпела. Не такой у нее характер. Когда уже совсем стемнело и я потерял всякую надежду дождаться Гантуна Гора, он появился.

— Каор, Тор-дур-бар,— сказал он.— Меня задержали, и никто иной, как сам Джал Хад. Он пришел поговорить со мной.

— Кого он на этот раз собирается убить?

— Он хотел выяснить, не планирую ли я его убийства,— ответил Гантун Гор.— Ты знаешь, я предпочитаю быть тем, кто я есть — главой Гильдии Убийц, но не принцем Амхора. Мое могущество неограниченно. Меня все знают и боятся, даже те, кто мог бы сплести заговор против меня.

— Да, ты проделал большой путь от здания лаборатории, Гантун Гор,— сказал я.— Скажи, жива ли еще Джанай? Здорова ли она?

— Она жива и здорова, но ей угрожает опасность. И так будет до тех пор, пока она живет в Амхоре, или, по крайней мере, пока жива Ванума. Разумеется, мне не стоит и говорить тебе, что ни я, ни члены моей Гильдии не посягнут на ее жизнь, но Ванума может найти кого-нибудь другого или сама пойдет на убийство. Поэтому я пришел к выводу, что лучше всего убить саму Вануму.

— Нет, нет,— запротестовал я.— С момента, когда погибнет Ванума, некому будет защитить Джанай от посягательств Джала Хада.

— Это верно,— почесал голову Гантун Гор.— Об этом я не подумал, но это будет не так уж плохо для Джанай. Она станет принцессой Амхора и, судя по всему, будет обладать неограниченной властью, поскольку другие жены Джала Хада ужасно глупые и забитые женщины.

— Но она не хочет принадлежать Джалу Хад. Вор Дай любит ее. Мы должны спасти Джанай для него.

— Вор Дай лежит без признаков жизни в подвале лаборатории в Морбусе. Может быть, он уже погребен под массой плоти, вытекающей из резервуара. Нет, Тор-дур-бар, я восхищаюсь твоей преданностью Вору Даю, но думаю, что он давно погиб. Ни ты, ни я, ни Джанай — никто не увидит его больше.

— И, тем не менее, мы должны сделать все, чтобы спасти Джанай для него. Лично я надеюсь, что наступит день, когда Вор Дай будет спасен.

— У тебя есть план?

— Да.

— Расскажи.

— Если имеешь возможность встретиться с Ванумой, скажи ей, что Джал Хад узнал о ее намерениях убить

Джанай, и поклялся немедленно уничтожить Вануму, независимо от обстоятельств, при которых погибнет Джанай.

— Неплохая идея,— сказал Гантун Гор.— Я передам все это через одну из ее рабынь. У меня завелась там одна подружка,— и он подмигнул мне.

— Я вздохну спокойно, когда узнаю, что ты сделал это.

И действительно, в эту ночь я спал хорошо, впервые за долгое время. Я знал, что теперь, хотя бы временно, Джанай в безопасности. Я был спокоен и не ведал еще, что принесет мне следующее утро.

ГЛАВА XXVI

УКУС АДДЕРА

Моя клетка была разделена продольной перегородкой. Передняя часть клетки была открыта для обозрения, а задняя имела одно маленькое окно и тяжелую дверь. Это была моя спальня. Постелью служила охапка рыжего мха, который в изобилии растет на дне мертвого моря Барсума. Перегородка поднималась и опускалась при помощи веревки, которой пользовался служитель. Таким образом, он вообще не оставался в клетке наедине со мной. Должен сказать, что Джал Хад содержал наши клетки в чистоте. Но это отнюдь не означало его гуманность.

На следующее утро после визита Гантуна Гора меня разбудил гром барабанов и вой духовых инструментов. Сон мой прервали; я вышел в открытую часть клетки и увидел Ур-Раджа, стоящего у решетки.

— Почему музыка? — спросил я.— Они что-то празднуют?

— Возможно,— ответил он с улыбкой,— но именно такая музыка оповещает о смерти кого-то из правящей семьи.

— Будем надеяться, что это Джал Хад.

— Вряд ли.

Служители нашего зверница стали разносить корм, и Ур-Радж спросил у них, кто умер. Ему ответили, что это не его дело, и ушли. Впрочем, иного ответа и нечего было ждать — зачем животным знать, что происходит у их хозяев.

Зеленый человек в клетке никогда не проявлял особого дружелюбия. Я думаю, что он завидовал тому, что я привлекаю к себе всеобщее внимание. Он никогда не говорил со мной, на все вопросы отвечал неохотно и односложно, а иногда и вовсе молчал в ответ. И тут, совершенно неожиданно, он заговорил со мной.

— Если Джал Хад умер,— сказал он,— в городе наступят смятение и беспорядок. Я уже давно здесь и знаю их обычаи. Найдется несколько человек, которые хотели бы занять его место. И если он действительно умер, в городе начнется война за власть. Так что лучшего времени для побега нам не найти.

— Если бы у меня был хоть один шанс бежать,— сказал я,— я не стал бы дожидаться смерти Джала Хада.

— Пока какое-нибудь чрезвычайное событие не швырнет город в пучину беспорядков и дисциплина не полетит к черту,— ответил он,— любая попытка побега обречена на провал. Но в нынешней ситуации у меня есть план, который может удалиться.

— Что за план?

— Подойди ближе, я скажу шепотом. Не хочу, чтобы нас подслушали. Один человек не сможет сделать этого, но я уверен, что тебе и твоему соседу могу довериться. Я наблюдал за вами и понял, что ты отважный, сильный, умный, и что вы поможете мне осуществить этот план.

Затем он прошептал мне на ухо свой план, который показался мне не лишенным шансов на успех. По просьбе зеленого человека я передал все Ур-Раджу, который согласился с предложением зеленого человека.

— Не знаю, удастся ли нам бежать или нет,— сказал он,— но, по крайней мере, это лучше, чем сидеть в этой клетке всю жизнь.

— Абсолютно согласен с тобой. И если бы на карту ставилась только моя жизнь, я попытался бы бежать в любое время, но я должен ждать возможности освободить Джанай.

— Но какой тебе интерес в красной девушке? Она даже не посмотрит на такое страшилище, как ты.

— Я обещал Вору Даю, что буду защищать ее, и я не могу уйти без Джанай.

— Понимаю,— сказал Ур-Радж.— План побега сам по себе сумасшедший, и он усложнится лишь немного, если мы попытаемся освободить Джанай. Что ж, теперь нам остается только ждать, и ничто не может помешать нам видеть сны. Счастливые сны. Пусть мне приснит-

ся, что наш план осуществился, мы убили Джала Хада, и я стал принцем Амхора. Я назначу тебя, Тор-дур-бар, одним из моих дваров.

Он рассмеялся своей шутке, и я присоединился к нему.

— Но я одвар в Морбусе.

— Отлично. Назначаю тебя своим одваром. Приступай к исполнению обязанностей.

Зеленый человек не нашел ничего смешного в нашем разговоре и отвернулся. Зеленые люди вообще не имеют чувства юмора. Они смеются лишь тогда, когда им удается наблюдать жестокие мучения их жертв.

Наш разговор был прерван появлением Орм-О, который принес на большом подносе мой завтрак.

— Что случилось, Орм-О? — спросил я. — Почему музыка?

— Разве ты не слышал? Ванума мертва. Один из ее рабов говорит, что она отравлена, и подозревают Джала Хада.

Ванума мертва! Что же будет с Джанай? На нас, обитателей зверинца, никак не отразились события, происходящие во дворце, но до похорон, которые должны были состояться через пять дней, доступ публике был закрыт. Так что целых пять дней мы могли прожить в мире и покое. Однако скоро без привычной толпы зевак стало скучно, так как они все-таки были для меня таким же развлечением, как я для них.

От Орм-О я узнал хорошие новости относительно Джанай. Он сказал, что дворцовый этикет требует выдерживать траур в течение двадцати семи дней. На все это время правящая семья должна отказаться от всяких развлечений. Мальчик-раб сказал также, что по истечении этого срока Джал Хад намерен немедленно взять Джанай в жены.

И еще я узнал от него, что семья Ванумы уверена, что она отравлена по приказу Джала Хада. Это одна из могущественных семей в Амхоре, и среди них есть Дур-Аймад, который хочет стать принцем Амхора. Он более популярен, чем Джал Хад, и пользуется большой поддержкой в армии.

Благодаря Орм-О мы были прекрасно информированы обо всех событиях, происходящих во дворце. Шли дни, и я видел, как меняется настроение людей, посещающих зверинец. Они стали нервными, и многие из них злобно поглядывали в сторону дворца. Некоторые

подолгу задерживались в зверинце, но я понимал, что они здесь не ради нас, а ждут каких-то событий.

И вот однажды, к самому концу траура, рано утром я услышал выстрелы. Послышались звуки боевых труб, приказы. Охранники закрыли ворота, через которые заходили обычно посетители, и все ринулись ко дворцу, за исключением нескольких человек, оставшихся у ворот.

Я был очень обеспокоен за судьбу Джанай, которая находилась во дворце, а в голове у меня в который раз прокручивался план нашего побега. Поэтому, когда последний из служителей зверинца пробежал мимо клетки, я бросился на пол и стал извиваться, призывая его на помощь. Он очень не хотел отстать от других, но опасаясь, что с таким ценным экспонатом, как я, может что-нибудь случиться, остановился.

Служитель в растерянности посмотрел на меня. Он дернулся по направлению ко дворцу, затем все же вернулся к моей клетке.

— Что с тобой, животное? — крикнул он.

— В моей клетке странная змея. Она укусила меня, и теперь я умираю.

— Куда она укусила тебя?

— В руку. Посмотри.

Он подошел ближе, и я просунул руку через решетку, успев схватить его за горло. Я проделал это так быстро, что он даже не успел крикнуть. Зеленый человек и Ур-Радж наблюдали, как умирает в моих руках охранник.

Я подтащил его тело к себе, достал ключи, которые висели у него на поясе. Через мгновение я открыл замок и был на свободе. Затем я освободил зеленого человека и Ур-Раджа. Мы быстро обсудили план действий. Он, конечно, был рискованным, но в этой сумятице у нас были неплохие шансы на успех.

— Да, — сказал Ур-Радж, — чем больше у них шума, тем проще нам попасть во дворец и найти твою Джанай.

Я и сам знал, что наш план был почти безнадежным.

— Отлично, — сказал я, — идем.

Позади клеток мы нашли дубинки и копья, которыми служители усмиряли зверей. Вооружившись ими, мы пошли к самой удаленной от дворца клетке. Я, конечно, не забыл прихватить с собой меч и кинжал убитого мною служителя зверинца.

Мы по очереди открыли клетки со зверями, выгнали

их оттуда и погнали ко дворцу. Я боялся, что нам не удастся совладать с животными, и они набросятся на нас. Но скоро я убедился, что они неплохо знакомы с дубинками и копьями. Нам легко удалось направить их в нужную сторону. Даже огромные апты и белые обезьяны послушались нас.

Поднялась жуткая какофония: рассерженное фыркание травоядных животных, рев зитидаров, крик обезумевших тотов, утробный рык аптов, бенсов и многих других животных, которые бежали перед нами ко дворцу.

Ворота в ограде, отделявшей дворцовый сад от зверинца, обычно запирались. Однако сегодня они оказались открытыми, и никто их не охранял. Мы беспрепятственно загнали зверей в дворцовый сад.

Звери, почуяв свободу и голоса своих мучителей, ринулись на слуг и служителей зверинца и в мгновение ока растерзали их. Почуяв вкус крови и жажду мести, они двинулись на воинов, охранявших ворота дворца, которым угрожали воины, верные Дур-Аймаду.

Именно на это мы и рассчитывали, потому что завязавшаяся схватка позволила мне, Ур-Раджу и зеленому человеку проскользнуть в ворота дворца незамеченными.

Наконец-то я попал во дворец, где томилась Джанай. Однако наш план был так же далек от успешного завершения, как и вначале. Я был во дворце, но не знал, где искать Джанай.

ГЛАВА XXVII

ПОЛЕТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Комнаты и коридоры той части дворца, куда мы попали, были пусты. Их обитатели либо попрятались, либо сражались у ворот.

— Ну, вот, мы здесь,— сказал Баб Таб, зеленый человек.— Что будем делать? Где красная женщина?

— Да, это большой дворец,— заметил Ур-Радж.— Даже если мы никого не встретим, поиски займут много времени, но наверняка мы натолкнемся на воинов.

— Кто-то идет по коридору, я слышу шаги,— сказал Баб Таб.

Вскоре из-за поворота вышел мальчик, которого я сразу узнал. Это был Орм-О. Он бросился ко мне.

— Я увидел из верхнего окна, как вы входили во дворец, и кинулся, чтобы встретить.

— Где Джанай?

— Я покажу, но если обнаружат, что меня нет, то убьют. Может, вы уже опоздали. Джал Хад направился в ее апартаменты, хотя траур еще не кончился.

— Быстрее! — крикнул я, и мальчик побежал по коридору. За ним Ур-Радж, Баб Таб и я. Он привел нас к винтовой лестнице и сказал, что нужно подняться на третий этаж, затем повернуть направо и идти по коридору до конца. Там находится дверь, ведущая в апартаменты Джанай.

— Если Джал Хад у нее, — сказал мальчик, — тогда коридор будут охранять. Вам придется сражаться, но не бойтесь. Джал Хад, опасаясь покушений, запретил воинам носить во дворце огнестрельное оружие. Пистолет есть только у него самого.

Поблагодарив Орм-О, мы проделали путь, указанный им, и в конце коридора возле двери я увидел двух воинов. Они охраняли дверь, за которой были Джал Хад и Джанай.

Воины, увидев нас, шагнули вперед и обнажили мечи.

— Что вам здесь нужно? — спросил один из них.

— Я хочу видеть Джал Хада, — ответил я.

— Нельзя. Убирайся обратно в свою клетку!

Вместо ответа Баб Таб нанес ему удар по голове копьем, которое он прихватил где-то по дороге, а я, не мешкая, вступил в бой с другим воином. Это был неплохой боец, но он не мог сравниться с учеником Джона Картера, у которого к тому же были огромная сила и очень длинная рука.

Я быстро прикончил его, так как очень торопился. Баб Таб при виде умирающих воинов засмеялся.

— У тебя неплохая рука, — сказал он. Это наивысшая похвала у зеленых людей.

Перешагнув через поверженного противника, я открыл дверь. Маленькая комната, по-видимому, прихожая, была пуста. Дальше была еще одна дверь, из-за которой слышались голоса и крики.

Я поспешно пересек комнату, открыл дверь и увидел, что Джал Хад обеими руками крепко обхватил Джанай. Девушка пыталась вырваться, царапалась, кусалась. Лицо Джала Хада покраснело от гнева. Он уже замахнулся, чтобы ударить Джанай.

— Стой! — крикнул я, и Джал Хад повернулся ко мне.

— Тор-дур-бар! — воскликнула Джанай, и в ее голосе я услышал радостное облегчение.

Джал Хад отшвырнул от себя Джанай и выхватил пистолет. Я прыгнул на него, но не успел схватить его. Возле моего плеча просвистело копьё и пронзило сердце принца Амхора до того, как он успел прицелиться. Зато Баб Таб успел точно метнуть копьё, и я обязан ему жизнью.

Я думаю, что мы все были поражены таким внезапным поворотом событий, потому что долго стояли молча и смотрели на тело принца.

— Ну вот, — сказал Ур-Радж. — Он мертв. Что теперь будем делать?

— Дворец забит воинами принца, — сказала Джанай. — Если они узнают о его смерти, нас убьют.

— Мы сумеем принять бой, который они запомнят надолго, — сказал Баб Таб.

— Может, мы найдем, где спрятаться до темноты? — спросил Ур-Радж. — Я уверен, что мы сможем выйти из дворца и выбраться из города.

— Ты знаешь, где мы можем спрятаться? — спросил я у Джанай.

— Нет. Они обыщут все.

— А что на верхнем этаже над нами?

— Ангар принца. Там стоят его воздушные корабли. Невольно у меня вырвался крик радости.

— Прекрасно, — сказал я. — Что может быть лучше для бегства, чем личный воздушный корабль Джала Хада?

— Но ангар хорошо охраняется, — сказала Джанай. — Мимо моей двери всегда ходят воины во время смены караула. Их там не меньше десяти.

— Сегодня там не может быть столько, — заметил Ур-Радж. — Я думаю, принц собрал все силы, чтобы удержать дворец.

— Даже если их двадцать, тем лучше, — сказал Баб Таб. — Тем почетнее победа. Будем надеяться, что их там не очень мало.

Я дал Ур-Раджу пистолет Джала Хада, и мы вчетвером стали подниматься по лестнице, ведущей в ангар. Я послал вперед Ур-Раджа, потому что он был самым маленьким из нас и ему легче было остаться незамеченным. Кроме того, он был красным человеком и не

вызывал таких подозрений, как я или Баб Таб. Мы все теперь шли за ним. Внезапно он сделал знак остановиться. Затем повернулся.

— Их всего двое,— сказал он,— так что все будет просто.

— Бросимся на них,— предложил я.— Возьмем их неожиданно. Может, и не потребуете убивать их.

Хотя я и закаленный воин, но до сих пор не мог привыкнуть к виду умирающих людей. Однако все произошло иначе. Воины, охранявшие ангар, заметили нас и первыми вступили в бой. Я обещал оставить их в живых, если они сдадутся, но, как видно, они не дорожили жизнью.

Еще до схватки один из них что-то сказал другому. Тот повернулся и побежал по крыше. Его товарищ вступил в бой, но я успел заметить, что второй нырнул в люк. Видимо, он побежал за подмогой. Нельзя было терять ни минуты. Я набросился на смельчака и убил его, хотя считал эту жертву совершенно напрасной. Мне стыдно было лишать его жизни, но иного выбора у меня не оставалось.

Мы поспешили в ангар, где я выбрал достаточно быстрый корабль, который мог поднять нас всех.

Я знал, что Ур-Радж умеет управлять кораблем, поэтому я поставил его к рулям управления, и через минуту мы уже выкатили корабль на крышу. Я посмотрел вниз, откуда доносились крики воинов, выстрелы и рев зверей. Люди Дур-Аймада сломили сопротивление сторонников Джала Хада, и дворцовые ворота пали.

Как только мы поднялись в воздух, к нам сразу же направился патрульный корабль. Я приказал Бабу Табу и Джанай спуститься вниз, дал указания Ур-Раджу и тоже присоединился к Джанай и зеленому человеку. Все-таки Ур-Радж был красным человеком, и, вполне возможно, что ему удастся отговориться.

Патрульный корабль подлетел совсем близко, и оттуда спросили, кто на борту и куда мы летим. Следуя моим указаниям, Ур-Радж заявил, что Джал Хад в каюте, и что он приказал никому не сообщать места назначения. Может, у командира патрульного корабля и возникли сомнения, но он побоялся прогневать принца. Поэтому он беспрепятственно пропустил нас.

Мы еще не успели вылететь за пределы города, когда я, оглянувшись, заметил, что за нами направляются с полдюжины кораблей. Видимо, охранник ангара поднял

тревогу, а может, обнаружили тело Джала Хада. И так, нас преследовали корабли, набравшие полную скорость.

ГЛАВА XXVIII

ВЕЛИКИЙ ФЛОТ

Корабль, на котором мы летели, имел такую же скорость, что и большие корабли противника. Но патрульный корабль, увязавшийся за нами, был быстрее и постепенно догонял нас.

Осмотрев корабль, я обнаружил на его борту всего две пушки — на носу и на корме. Все они стреляли обычными зарядами, уже давно использовавшимися на Барсуме. Любое попадание в жизненно важную часть корабля может стать для него роковым. А я был уверен, что, как только патруль приблизится на расстояние выстрела, он откроет огонь. Я вышел на палубу, осознав, что наш обман не удался, и встал возле Ур-Раджа. Я приказал ему включить максимальную скорость.

— Она и так на пределе, — ответил Ур-Радж, — однако они догоняют нас. Но я думаю, что нам не нужно особо беспокоиться, так как корпус корабля надежно защищен броней. Ведь это личный корабль принца. Так что корабль может вывести из строя только прямое попадание в пульт управления. В противном случае им придется подойти вплотную и взять нас на абордаж, но мы сможем отстреляться пушками.

Джанай и Баб Таб тоже поднялись на палубу и смотрели на догоняющий нас патрульный корабль.

— Они начали стрелять, — сказала Джанай.

— Пока что мы недосыгаемы для их снарядов, — заметил Баб Таб.

— Скоро они подойдут близко, — сказал я и приказал Джанай и Бабу Табу спуститься вниз, чтобы зря не рисковать.

— Когда мы будем от них на расстоянии выстрела, я позову тебя, Баб Таб.

Я подошел к пушке и тщательно прицелился. Их снаряд разорвался совсем рядом с нами. Тогда я тоже выстрелил.

— Прекрасно! — крикнула Джанай. — Ты попал с первого выстрела!

Я оглянулся и увидел Джанай и Баба Таба рядом с собой. Они не смогли усидеть внизу, когда здесь шел бой.

Мой выстрел, к сожалению, не причинил особого вреда кораблю. Он даже не замедлил скорость. Теперь патруль стал обходить нас справа с очевидным намерением пойти на абордаж.

Мы беспрерывно вели огонь. Снаряды рвались то тут, то там. Я предупредил Ур-Раджа, чтобы он все время держал корабль кормой к противнику и не подставил случайно борт, сделав нас удобной мишенью для противника.

Напряженная гонка продолжалась, хотя Амхор остался далеко позади. Под нами простирались долины, бывшие когда-то дном моря. В этих пустынях теперь жили только дикие племена зеленых кочевников. Патрульный корабль шел одним с нами курсом, и большие корабли тоже понемногу подтягивались. Значит, их скорость все же выше, чем у нас. Патруль прекратил стрельбу и просигналил, чтобы мы сдавались. Вместо ответа Баб Таб и я повернули носовую и кормовую пушки к ним. Они снова открыли огонь, стреляя из всех орудий. Я затащил Джанай за оружейный щит, но Бабу Табу не повезло. Он внезапно выпрямился во весь рост и рухнул за борт корабля.

Мне было жаль его не только потому, что наши силы существенно сократились, но потому, что он был верный товарищ и хороший боец. Он погиб так, как и хотел — в честном открытом бою, и тело его теперь лежит там, где он хотел бы лежать — на мягкой перине из желтого мха, на дне высохшего моря Барсума.

Снаряды ударились о броню бортов, об оружейные щиты, не нанося нам вреда. Рубка управления тоже была надежно защищена. Пока броня защищала нас, но долго ли она выдержит?

Я крикнул Ур-Раджу, чтобы тот поднялся немного выше. Стреляя сверху, мы могли бы вывести патрульный корабль из строя.

Наш корабль стал набирать высоту, и вдруг Ур-Радж показал куда-то вперед. Я посмотрел, и у меня захватило дыхание. Высоко в небе к нам приближался большой флот военных кораблей. В пылу боя я даже не заметил их. По количеству и размерам кораблей я понял, что это корабли не из Амхора. Мы находились значительно ниже их, поэтому я не мог разглядеть эмблемы и гербы, чтобы определить, чьи это корабли. Но в чьи бы руки мы

ни попали, хуже, чем в Амхоре, нам не будет. Поэтому я приказал Ур-Раджу держать курс прямо навстречу этим кораблям. Вряд ли наши преследователи решатся продолжать стрельбу. Ведь они могут задеть какой-нибудь военный корабль, и тогда их немедленно расстреляют. Так и произошло, когда мы подошли ближе к летящему навстречу нам флоту, патрульный корабль сразу прекратил стрельбу.

Мы же очень быстро приближались к передовому кораблю. Я уже видел воинов, которые в бинокли разглядывали нас. Когда мы подошли совсем близко, Ур-Радж радостно закричал:

— Это флот Гелиума!

И тогда я тоже увидел эмблемы на корабле, который был теперь совсем рядом. Сердце мое забилося от радости: Джанай теперь спасена! Нас уже окликнули с корабля, спросив, кто мы.

— Ур-Радж из Хастора, — ответил я. — Подвар флота Гелиума, а с ним его два друга, бежавшие из плена в Амхоре.

Они приказали нам сесть на борт корабля, и Ур-Радж мастерски выполнил этот маневр. Через несколько минут наш воздушный корабль стоял на палубе большого корабля. Все офицеры и члены экипажа удивленно разглядывали нас, когда я спрыгнул на палубу и помог сойти Джанай. Затем к нам присоединился и Ур-Радж.

Тем временем патрульный корабль из Амхора, разглядев эмблемы флота, быстро развернулся и помчался обратно. Скоро и остальные корабли-преследователи убрались восвояси.

Командир корабля, узнавший Ур-Раджа, спросил его:

— А кто эти двое?

— Я друг Вора Дая, — ответил я, — а эта девушка Джанай. Я преданно служил Джона Картеру, и он будет рад узнать, что я жив и здоров.

— Ты Тор-дур-бар?

— Да, — ответил я. — А разве ты знаешь меня?

— Да! Мы летим в Амхор, чтобы отыскать тебя и Джанай.

— Но почему вы решили, что мы именно в Амхоре?

— Это просто. Джон Картер вел флот в Морбус, но пролетая над Тунолианской Топью, мы увидели красного человека, которого преследовали дикари. Мы успели поднять его на борт. Он сообщил, что его зовут Ган Хад, что он бежал из Морбуса. И когда Джон Картер стал

расспрашивать его о вас, Ган Хад рассказал, что вас подобрал воздушный корабль из Амхора. Тогда Владыка Барсума приказал немедленно лететь в Амхор, чтобы освободить вас.

— Да, вы прибыли вовремя,— сказал я.— Так Джон Картер и Рас Тавас оба живы?

— Да, они на борту «Рузаара».

Я всегда гордился тем, что могу сдерживать свои эмоции, но услышав, что Джон Картер и Рас Тавас живы, я чуть не разрыдался от счастья.

Такое со мной случилось впервые в жизни. Кончились долгие месяцы сомнений, тяжких раздумий... Но я взял себя в руки и гордо поднял свою безобразную голову. Джон Картер и Рас Тавас живы, но существует ли тело Вора Дая? Сумеет ли великий ученый вдохнуть в него жизнь? Мою жизни!

ГЛАВА XXIX

И СНОВА В МОРБУС

Вскоре нас переправили на «Рузаар», где я попал в горячие объятия Джона Картера и Раса Таваса.

Когда я рассказал им о своих похождениях, а Ур-Радж заверил их, что в Амхоре нет больше пленников из Гелиума, Джон Картер отдал приказ, и вся армада повернула на Морбус. Рас Тавас был крайне озабочен тем, что произошло с четвертым резервуаром.

— Это плохо,— сказал он,— очень плохо. Может, нам не удастся остановить процесс. Будем надеяться, что тело Вора Дая осталось в неприкосновенности.

— О, не говорите так! — вскрикнула Джанай.— Вор Дай должен быть спасен!

— Мы летим туда именно для этого,— сказал Джон Картер,— и могу тебя заверить, что мы не вернемся без него, если, конечно, тело еще существует.

С тайным страхом я спросил Джона Картера о здоровье несравненной Деи Торис.

— Благодаря Расу Тавасу она совершенно поправилась. Все врачи Гелиума лечили ее, но только великий хирург Рас Тавас сумел полностью восстановить ее здоровье.

— Как вам удалось добраться до Гелиума?

— От Морбуса до Фандала нам пришлось вести

постоянную войну с насекомыми, змеями и дикарями. Как мы выжили и победили — до сих пор остается для меня загадкой. Дур-дан и Рас Тавас прекрасно поработали мечом и кинжалом. И только в последней битве — у самого корабля — погиб Дур-дан. Путь от Фандала до Гелиума занял у нас немного времени, но в Гелиуме, как ты понимаешь, нам пришлось задержаться, пока Рас Тавас лечил Дею Торис. Я был уверен, что ты выдержишься. Ты умен, силен, отважен. Однако теперь, когда я узнал о катастрофе с резервуаром, я думаю, что зря не поторопился.

— Да, это ужасная катастрофа,— согласился я с ним,— последствия которой угрожают всему миру. Эта масса вселяет ужас в тех, кто видел ее своими глазами. С ней невозможно бороться. Если даже разрезать ее на куски, она продолжает расти и растекаться дальше.

Вечером, прогуливаясь по палубе, я увидел Джанай. Она была одна. Зная, какое отвращение я внушаю ей, я бы никогда не осмелился предложить ей свое общество, но она сама остановила меня.

— Тор-дур-бар, я не могу ничем отблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня.

— Не нужно благодарности. Мне достаточно того, что я честно служил Вору Даю и тебе.

Она пристально посмотрела на меня.

— Что будет значить для тебя не оживленное тело Вора Дая?

— Я тогда потеряю друга.

— И ты будешь жить в Гелиуме?

— Не знаю, где я осмелюсь жить.

— Почему?

— Потому что в мире нет места для такого уродя, как я.

— Не говори так, Тор-дур-бар,— ласково сказала она.— Ты вовсе не урод, потому что у тебя доброе и благородное сердце. Сначала я тоже думала, что ты безобразен, но теперь я вижу в тебе гораздо большее — душевную красоту и благородство.

Это было приятно слышать, и я сказал ей об этом. Но жестокое выражение застыло на моем лице: я знал, что никакие доводы не могут изменить моего решения. Я не хотел пугать своим видом женщин и детей Гелиума.

— Я думаю, ты ошибаешься,— сказала она.— В Гелиуме у тебя много друзей, но что будет со мной, если Вор Дай не вернется к жизни?

— Тебе нечего бояться. Джон Картер тебе поможет.

— Но Джон Картер совсем не знает меня.

— И, тем не менее, он позаботится о тебе.

— А ты будешь приходить повидаться со мной, Тор-дур-бар?

— Если ты захочешь этого,— сказал я, хотя знал, что никогда не осмелюсь поселиться в Гелиуме.

Она долго молча смотрела на меня, а затем сказала:

— Я знаю, о чем ты думаешь, Тор-дур-бар. Таким в Гелиум ты никогда не вернешься. Но ведь теперь вернулся Рас Тавас. Почему бы тебе не попросить у него новое тело? Ведь он делал эти операции для многих ничтожных хормадов.

— Попросить можно,— сказал я,— но где взять тело?

— Есть тело Вора Дая,— шепотом сказала она.

— Значит, ты хочешь, чтобы мой мозг пересадили в тело Вора Дая?

— А почему нет? Ведь твой мозг — это мой лучший и преданный друг. Ситор сказал мне, что мозг Вора Дая уничтожен. Может, так оно и есть, но если это правда, то Ситор лгал, когда говорил, что ты был причиной его уничтожения, потому что я теперь знаю тебя. Знаю, что ты не способен предать друга. И если мозг Вора Дая уничтожен, то было бы лучше, если бы мозг моего лучшего друга вселился и оживил тело, которым я восхищаюсь.

— Но разве ты не считала все это время, что сейчас в моем ужасном теле мозг хормада, зловещего существа, выращенного в резервуаре?

— Нет, Тор-дур-бар! Мне трудно поверить, что твой благородный мозг является порождением отвратительной слизи.

— Если Рас Тавас сможет подобрать мне тело,— пошутил я,— у Вора Дая появится соперник.

Она бросила на меня испытующий взгляд.

— Не думаю,— сказала она.

Интересно, что она имела в виду? И почему она так на меня посмотрела? Вряд ли она заподозрила правду, ибо какой нормальный человек согласится пересадить свой мозг в тело отвратительного хормада. Может, она хотела сказать, что соперничать с Вором Даем бессмысленно?

Была уже ночь, когда мы подлетели к Великой Тунолианской Тони. Огромный флот величественно проплыл над Фандалом. Огни города светились внизу, но ни

один патрульный корабль не вылетел, чтобы поинтересоваться, откуда мы прибыли. Наши корабли были освещены и хорошо видны с земли. В Фандале был слабый флот, и джеддак Фандала наверняка вздохнул с облегчением, когда мы исчезли в ночи.

ГЛАВА XXX

КОНЕЦ ДВУХ МИРОВ

Обширные пространства Тунолианской Топи, над которой мы пролетали, своей странной, мрачно-зловещей красотой увеличивали таинственность ночи. В воде отражались звезды, пролетающие луны сверкали лучами по глади озер.

Иногда внизу встречались костры дикарей, доносились их странные гортанные песни, стук барабанов, приглушенный расстоянием. И все это сопровождалось рычанием и воем диких зверей.

— Остатки великого океана,— сказал Джон Картер, присоединившись ко мне.— Планета умирает, и вскоре ничто уже не расскажет о величии народов, живших здесь.

— Все это очень горько для меня,— сказал я.

— И для меня тоже.

— Но ты можешь вернуться на Землю.

Он засмеялся.

— Полагаю, что ни тебе, ни мне не доведется стать свидетелем конца Барсума. Он грядет через несколько миллионов лет.

Я тоже рассмеялся.

— Но когда ты заговорил о конце, у меня создалось впечатление, что это произойдет буквально через несколько дней.

— Ладно, не стоит об этом беспокоиться. Сейчас перед нами более важные дела, чем гибель планеты. Судьба друга важнее, чем гибель планеты. Что ты будешь делать, если твое тело не удастся оживить?

— С таким телом я никогда не вернусь в Гелиум.

— Ну что же, я не смею уговаривать тебя. Мы подыщем тебе другое тело.

— Нет,— сказал я.— Я долго думал и решил, что, если моего тела уже нет, я уничтожу это тело хормада и с ним — мой мозг. Конечно, есть много тел, прекрасных,

сильных, молодых, но я смогу жить только в своем теле.

— Не принимай слишком поспешных решений, Вор Дай!

— Тор-дур-бар, мой принц,— поправил я.

— Зачем тебе этот маскарад?

— Потому что она еще не знает.

Он кивнул.

— Ты полагаешь, что это для нее имеет значение?

— Боюсь, что она никогда не сможет забыть это ужасное лицо и тело. И думаю, что она всегда будет сомневаться, не мозг ли отвратительного хормада в черепе Вора Дая. Только ты и Рас Тавас знаете, какова правда, и умоляю — не выдавайте ее Джанай.

— Как хочешь, но я уверен, что ты делаешь ошибку. Если она любит тебя, то для нее это не имеет значения, если же не любит, то это не имеет значения для тебя.

— Нет,— сказал я.— Я сам хочу забыть Тор-дур-бара и хочу, чтобы и она забыла его.

— Она не забудет его никогда. Она сама сказала мне, что очень хорошо относится к Тор-дур-бару. Он самый опасный соперник Вора Дая.

— Нет, нет. Мне отвратительна эта мысль.

— Человека делает характер,— заявил Джон Картер,— а не та оболочка, которую он носит.

— Нет, мой принц, никакая философия не сможет сделать Тор-дур-бара желанным для красной женщины, особенно такой, как Джанай.

— Может, ты прав, но после всего, что ты сделал для нее, ты заслуживаешь лучшей участи и награды, чем самоубийство.

— Что ж, возможно, завтра все и решится для меня. Рассвет уже забрезжил.

Он задумался и затем сказал:

— По-моему, добраться до камеры 3-17 будет наименее трудной задачей. Меня больше беспокоит то, что все здание лаборатории заполнено массой, и у нас не будет возможности добраться до кабинета Раса Таваса, где находятся его инструменты и все необходимые приборы. Ведь операция по пересадке мозга очень тонкая и сложная. Ее не сделаешь на простом столе без инструментов.

— Я предвидел это,— сказал я,— и поэтому перенес все необходимое для операции в камеру 3-17.

— Прекрасно! — воскликнул он.— Ты немного успо-

коил меня. Мы с Расом Тавасом очень беспокоились об этом. Он считает, что придется уничтожить Морбуса, чтобы проверить, что происходит в четвертом резервуаре.

К Морбусу мы подлетели уже днем. Корабли разлетелись вокруг острова, чтобы выяснить, насколько далеко продвинулась масса.

«Рузаар» опустился на высоту в несколько ярдов, приблизился к островку, куда выходил туннель, из подвалов лаборатории. И тут ужасное зрелище предстало нашим глазам. Извивающаяся, шевелящаяся масса уже вышла за пределы главного острова и захлестнула этот островок. Жуткие головы смотрели на нас, выкрикивая что-то угрожающее, руки со скрюченными пальцами тянулись к нам в тщетной надежде схватить.

Я искал глазами вход в туннель и не находил его. Все было покрыто гнусной плотью. Сердце мое упало: мне стало ясно, что масса, вероятно, вошла в туннель и попала в камеру. Выдавить дверь ей не составляло труда. Однако во мне теплилась надежда, что я достаточно хорошо завалил вход в туннель, и, может быть, масса не проникла туда. Но даже если это так, как же нам попасть в камеру сквозь это непреступное кольцо?

Джон Картер стоял возле поручней вместе с членами команды.

Он с заметным ужасом смотрел на это кошмарное создание Раса Таваса. Затем он отдал приказ и стал ждать его исполнения, все еще не отрывая глаз от этого живого моря голов, рук, ног тел...

Джанай стояла рядом со мной и от страха стиснула мою руку. Впервые она коснулась меня.

— Как ужасно,— прошептала она.— Мне кажется, тела Вора Дая больше не существует. Эта масса заполнила весь город, проникла всюду!

Я покачал головой. Мне нечего было сказать. Она еще крепче сжала мою руку.

— Тор-дур-бар! Обещай, что ты ничего не сделаешь с собой, если тело Вора Дая погибло!

— Давай не думать об этом.

— Но я не могу не думать. Обещай же мне.

Я покачал головой.

— Ты просишь слишком многого. Для меня не может быть счастья, пока я остаюсь в теле хормада.

После этого я ушел, а она даже не заметила моих слов, так как все еще смотрела на жуткую массу, шевелящуюся внизу.

«Рузаар» начал подниматься. На высоте около пяти-сот футов он остановился и завис прямо над местом, где должен был находиться вход в туннель. После этого вниз посыпались горящие снаряды. Масса корчилась, пронзительно кричала, разбрасывая горящие куски.

Я не мог вынести этого, а снаряды все падали и падали до тех пор, пока не образовался выжженный дымящийся круг диаметром в двести футов. Тогда «Рузаар» опустился. Я, Рас Тавас и двести воинов с мечами и факелами высадились на остров. Воины атаковали массу, которая попыталась захватить утраченные позиции.

Сердце мое бешено стучало. Я начал раскидывать камни и бревна, которыми завалил вход в туннель. Теперь я уже видел, что масса не проникла в туннель. И вот передо мной открылся вход. Я не смог сдержать крика радости.

Не могу описать чувств, охвативших меня, когда я бежал по туннелю в камеру. Там ли мое тело? Цело ли оно? Я бежал по туннелю, стремясь побыстрее узнать правду — ведь это была моя судьба. Наконец я дрожащими руками открыл люк, ведущий в камеру... через мгновение я уже стоял там.

Рас Тавас вбежал за мной, и я услышал вздох облегчения, вырвавшийся у него. Он увидел, что мое тело и его инструменты целы и невредимы.

Не дожидаясь приказаний Раса Таваса, я улегся на стол рядом со своим телом. Рас Тавас склонился надо мной, я почувствовал легкий укол... боль... а затем сознание покинуло меня.

ГЛАВА XXXI

КОНЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Я открыл глаза. Рас Тавас стоял рядом со столом, склонившись над моим лицом. Возле меня лежало тело хормада Тор-дур-бара. Слезы застилали мне глаза, слезы облегчения, счастья, слезы радости. Никогда еще не испытывал я такого счастья. И это было осознание счастья, что я теперь могу упасть к ногам Джанай.

— Вставай, сын мой,— сказал Рас Тавас.— Мы здесь довольно долго. Масса уже заполняет коридоры. Нужно торопиться, чтобы она не отрезала нам выход.

— Хорошо,— сказал я.— Давай возвращаться.

Я сошел со стола и встал на ноги. Я ощутил какую-то скованность. Рас Тавас заметил это.

— Ничего, это пройдет,— он улыбнулся.— Ты слишком долго пролежал без движения.

Я некоторое время смотрел на неподвижное тело Тор-дур-бара.

— Оно хорошо послужило тебе,— сказал Рас Тавас.

— Да,— признал я,— но лучшую награду, которую я могу предложить ему, это вечное забвение. Мы оставим его здесь, навсегда погребенным в подвале под зданием, где зародилась его жизнь. Я оставлю его здесь, Рас Тавас, без всяких сожалений.

— Но он же обладал огромной силой и был прекрасным воином,— заметил великий ученый.

— Полагаю, что смогу обойтись своими силами.

— Бог мой! — воскликнул Рас Тавас.— Ты, воин, и меняешь огромную силу и несравненное искусство бойца на красивое лицо.

Я видел, что он подшучивает надо мной, но ведь он вернул мне мое тело. Пусть надо мной смеется хоть весь мир!

Мы поспешили назад через туннель, и когда вышли на волю, то увидели воинов, которые все еще продолжали отбиваться факелами от наседающей массы. Воины сменялись уже четыре раза с тех пор, как мы спустились с «Рузаара». Мы прибыли сюда утром, а сейчас уже солнце приготовилось скрыться за горизонтом. Но мне показалось, что я сошел с «Рузаара» несколько минут назад.

Мы поднялись на борт корабля, где нас горячо встретил Джон Картер. Он положил мне руку на плечо и сказал:

— Я так бы не заботился о судьбе собственного сына, как беспокоился о твоей судьбе.

Это было все, что он сказал, но для меня эти слова были дороже самых длинных речей. Он заметил, что я ишу глазами кого-то и улыбка промелькнула на его лице.

— Где она? — спросил я.

— Она не могла выдержать этого долгого ожидания и направилась в свою каюту прилечь. Иди и скажи ей сам.

— Спасибо, мой принц,— и мгновение спустя я уже стучался в каюту Джанай.

— Кто там?

— Вор Дай,— ответил я и, не дожидаясь приглашения, вошел к ней.

Она встала и пошла мне навстречу. Глаза ее были

широко раскрыты. В них светился вопрос.

— Это действительно ты? — спросила она наконец.

— Я, — ответил я и подошел к ней. Я хотел обнять ее и сказать о своей любви, но она, казалось, хотела узнать еще что-то и жестом остановила меня.

— Подожди, — сказала она. — Ты же знаешь, что я совсем мало знакома с Вором Даем.

Я не подумал об этом, но это было так. Она знала Тор-дур-бара гораздо лучше.

— Ответь мне на один вопрос.

— Какой?

— Как умер Тиата-ов?

Станный вопрос. Какое отношение он имеет к Джанай или ко мне?

— Он погиб в коридоре, который ведет к камере 3-17. Его убил один из хормадов, когда мы убегали из здания лаборатории.

Ее великолепные белые зубки обнажились в улыбке.

— А теперь, что ты хотел мне сказать?

— Я хотел сказать, что очень люблю тебя. И спросить, есть ли у меня надежда на ответную любовь?

— Я едва знаю Вора Дая, — снова повторила она. — Тор-дур-бар научил меня любить. Но я теперь знаю, что мои предположения подтвердились, и я принимаю жертву, которую ты готов принести ради меня.

Она подошла, положила руки на мои плечи, и впервые в жизни я почувствовал губы женщины, которую любил, на своих губах.

* * *

Десять дней великий флот Гелиума дрейфовал над Морбусом, сбрасывая горящие снаряды на город, на остров, чтобы остановить продвижение массы, грозящей поглотить весь мир. Джон Картер не желал улетать, пока не станет ясно, что угроза миновала окончательно. Наконец корабли повернули к Гелиуму. По пути мы сделали единственную остановку, чтобы высадить Гана Хада в Туноле.

Когда башни-близнецы Большого Гелиума показались на горизонте, я и Джанай стояли на палубе.

— Скажи мне, — спросил я, — почему ты спросила, как погиб Тиата-ов? Ты же сама прекрасно знала это.

— Глупыш! — рассмеялась она. — Тор-дур-бар, Ган Хад и я — единственные, кто остался в живых в том бою

и вернулись с флотом в Морбус. И из этих троих ты мог увидаться только с Тор-дур-баром до того, как встретился со мной. И раз ты ответил мне верно, значит, мозг Тор-дур-бара пересажен в твой череп. Это все, что я хотела узнать. Ведь я знаю, какой благородный человек был Тор-дур-бар, и мне все равно, чей мозг в твоей голове, Вор Дай. Если ты не хочешь говорить, я никогда сама не спрошу, но я подозревала, что в голове Тор-дур-бара был твой мозг. И сделал ты это для того, чтобы защитить меня от гнусного джеддака Эймада.

— Да, это был мой мозг.

— Был,— рассмеялась она.— Теперь он мой.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Эдгар Райс Берроуз (1875—1950) является одним из самых популярных авторов в мире.

Прежде чем стать писателем, Э. Р. Берроуз перепробовал множество разных профессий. Он был ковбоем и золотоискателем, полицейским и коммивояжером. Первые литературные опыты не принесли ему известности, но упорство и настойчивость, проявленные начинающим автором, дали свои результаты. Роман «Принцесса Марса», написанный и проданный в 1912 году, открыл Э. Р. Берроузу путь в литературу, но признание принесла ему знаменитая серия книг о Тарзане. Начиная с первого романа «Тарзан — приемный обезьян» (1914), автор на протяжении многих лет описывает приключения Повелителя джунглей. Реальность так тесно переплетается с вымыслом, что возникает особый берроузовский мир, живущий по своим законам. В этом мире добро всегда побеждает зло, за преступлением неизбежно следует наказание, а герой всегда выходит победителем.

Неравноценные по своему художественному уровню романы о Тарзане тем не менее нашли дорогу к сердцам миллионов читателей. Фантастическое у Берроуза ближе всего к сказочному вымыслу, и не случайно со временем романы, создававшиеся в расчете на взрослую аудиторию, вошли в золотой фонд детской литературы.

Вплоть до своей смерти на протяжении тридцати восьми лет Э. Р. Берроуз написал девяносто одну книгу и множество рассказов и статей. Его беспокойное воображение практически не знало границ. Плодовитое перо сочинителя Тарзана описывало как американский Запад, так и примитивную Африку, а также романтические приключения на Луне («Лунная девушка», «Лунные люди»), на Марсе (серия из 11 романов), на Венере (серия из 5 книг) и даже в недрах нашей планеты («Пеллусидар» в 7 книгах).

В. Анисимов

Акционерное общество «Принтэст» издает наиболее известные и популярные книги Э. Р. Берроуза. Уже вышла полная серия романов о Тарзане (26 романов и повестей в 11 книгах), 8 романов марсианского цикла (до конца 1993 года публикация цикла будет завершена), опубликован роман «Боксер Билли». В планах издательства напечатать в течение года венерианскую серию, лунную серию, цикл из семи романов «Пеллусидар», а также такие популярные произведения Э. Р. Берроуза как «Люди-монстры», «Вечный дикарь», «Пещерная девушка», «Потерянный континент», «За самой далекой звездой» и др.

Всего предполагается выпустить сорок произведений Э. Р. Берроуза.

По вопросам оптовой реализации обращаться

195197, Санкт-Петербург, ул. Васенко, 3. Фирма «Континентал».
тел. (812) 540-50-47; факс. 540-19-54.

ЕЕ0090, Эстония, Таллинн, Пярнуское шоссе, 10. А/О «Принтэст».

(0142) 44-57-21; факс. 44-88-21.

СОДЕРЖАНИЕ

Мечи Марса

3

Искусственные люди Марса

177

Коротко об авторе

319

Литературно-художественное издание

БЕРРОУЗ Эдгар Райс

ВЛАДЫКА МАРСА

Мечи Марса

Искусственные люди Марса

ПОВЕСТИ

Перевод с английского

В. Ю. Каротам

Редактор Г. Л. Соркина

Сдано в набор 22.04.93. Подписано в печать 27.05.93. Формат 84 × 108/32. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Печ. л. 10,0. Тираж 100 000. Зак. 206.

Акционерное общество «Принтэст». Эстония, Таллинн, Пярнуское шоссе, 10.

Издание подготовлено при участии АО «ВАЛЕВ». Лицензия ЛВ № 216. 220048, Минск, пр. Машерова, 23, к. 415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005 Минск, ул. Красная, 23.

П Р И Н Т Э С Т